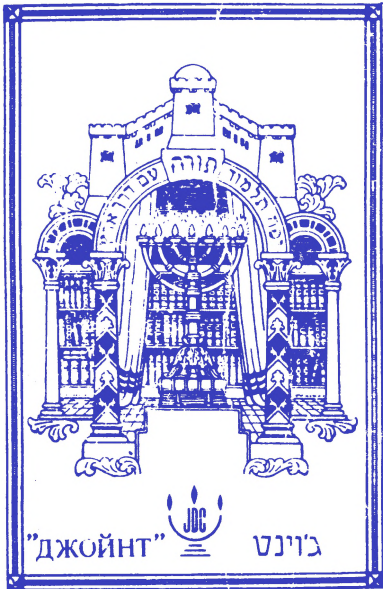

М. Даймонт

**ЕВРЕИ, БОГ
И ИСТОРИЯ**

М. Даймонт • ЕВРЕИ, БОГ И ИСТОРИЯ

64

”ДЖОЙНТ”

ג'וֹיִנְט

М. Даймонт
ЕВРЕИ, БОГ И ИСТОРИЯ

העמותה לקליטת עליה בחיפה
רח' י. ל. פרץ 20 חיפה 33041
ספריה
מס' 1075

МАКС ДАЙМОНТ

М. Даймонт

**ЕВРЕИ, БОГ
И ИСТОРИЯ**

БИБЛИОТЕКА-АЛИЯ

Иерусалим

1994

Библиотечный фонд.

Продаже не подлежит

מ. דיימונט
יהודים, אלוהים
והיסטוריה

Max I. Dimont
JEWS, GOD AND HISTORY

Перевел с английского *P. Нудельман*
Редактор *В. Буяновская*
Художник *Л. Ларский*

Издание 4-е

העמותה לקליטת עליה בחיפה

רח'י. ל. פרץ 20 חיפה 33041

ספריה

1075

..... מס'

ISBN 965-320-544-7

©

All rights reserved

כל הזכויות שמורות

לספרית-עליה

ת.ד. 4140 ירושלים

יצא לאור בסיוע:

האגודה לחקר תפוצות ישראל, ירושלים

וקרן זכרון למען תרבות יהודית, ניו-יורק

Printed in Israel

OCR Давид Титиевский, сентябрь 2020 г., Хайфа

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Макс Даймонт родился в Хельсинки, в Финляндии. В 1930 году эмигрировал в Соединенные Штаты. Во время Второй мировой войны был зачислен в отдел разведки Военно-воздушных сил и нес службу в Англии, Франции, Бельгии и Германии.

Первая же книга Макса Даймонта «Евреи, Бог и история» стала бестселлером и была переведена на множество языков, в том числе на французский, испанский, иврит, хинди, японский и шведский. За пятнадцать лет, истекшие со дня ее выхода в свет, распространено полтора миллиона экземпляров. Как заметил один комментатор, в любом еврейском доме в Америке вы непременно увидите две вещи: мезузу и книгу Даймонта «Евреи, Бог и история».

Не меньшей популярностью пользуются и другие книги этого автора — «Неистребимый еврей» и «Евреи в Америке». «Евреи в Америке» — это неортодоксальное исследование истории американского еврейства, его происхождения и судеб.

Макс Даймонт постоянно разъезжает с лекциями не только по Америке, но и другим странам — Канаде, Бразилии, Южной Африке. Он читал лекции и в Израиле — в Еврейском университете в Иерусалиме, в Хайфском университете, в Институте Вейцмана в Реховоте. По приглашению Израильского правительства он провел три месяца в «Мишкенот Шаананим» в Иерусалиме, работая над новой книгой, посвященной чудесному возрождению Государства Израиль.

С уважением посвящаю эту книгу моему покойному отцу, Хайману Даймонту, гуманисту в полном смысле этого слова, который старался с ранних лет воспитывать меня в духе Соломоновых наставлений, «чтобы узнать мудрость и учение, чтобы понять изречения благоразумия, чтобы принять наставления разума, правды, правосудия и честности».

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к русскому изданию	7
Введение	13
Это произошло один-единственный раз в истории!	17
I Портативный Бог	31
1. Великое видение	35
2. Несговорчивый пророк	43
3. Судьи, цари и узурпаторы	60
4. Религия в упаковке	79
II Эпоха «Апикорсим»	97
5. Очаровательная и соблазнительная культура	101
6. Борьба, закончившаяся поражением	114
7. Рим, цезаризм и восстание	120
8. Заколотый гроб	132
9. Победоносное слово	144
10. «Новый курс» для диаспоры	156
III Моисей, Иисус и Цезарь	167
11. Мессия и его апостол	170
12. Церковь-победительница	191
IV Незримый мир Талмуда	207
13. Аристократические иешивы	213
14. Талмудический библиосклероз	227

V	Мухаммед, Аллах и Яхве	239
	15. История совершает паломничество в Мекку	242
	16. Еврейский ренессанс под знаком полумесяца	252
	17. Возникновение и закат еврейского протестантизма	261
VI	Государь и желтая звезда	269
	18. Крестовые походы, возрождение, реформация	273
	19. Симфония насилия	301
	20. Желтый знак доблести	317
	21. Капиталист из гетто	330
	22. Каббала и кинанхора	345
VII	По волнам новейших «измов»	365
	23. «Анатомия» эмансипации	369
	24. Репетиция расизма	399
	25. Новое просвещение	420
	26. Восточная Европа: новый гуманизм	438
	27. Соединенные штаты: Новый Вавилон	454
	28. Убийцы в коричневых рубашках	477
	29. Воля к победе: от возникновения сионизма до создания государства Израиль	494
VIII	Эпилог: культурная мозаика	521
	30. Изгнанные на свободу	522

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Книг по еврейской истории, доступных людям, читающим только по-русски, крайне мало. Если не считать почтенных, но явно устаревших произведений Греца, Ренана, Дубнова и нескольких других (которые даже в Израиле можно увидеть лишь в университетских библиотеках и антикварных магазинах), список такой литературы фактически исчерпывается двухтомной «Историей еврейского народа» под редакцией профессора Иерусалимского университета Ш. Эттингера, и популярными «Историей евреев» С. Рота и «Повестью тысячелетий» Ю. Марголина. Две последние книги представляют собой популяризацию в чистом виде, то есть сокращенное и слегка беллетризованное изложение основных фактов еврейской истории; книга же профессора Эттингера — скорее, монографический труд, совершенно необходимый всякому, кто хотел бы систематизировать свои отрывочные познания и получить глубокое научное представление о истории еврейского народа, однако массовым чтением ее не назовешь.

В наше время, когда в массах русского еврейства началось пробуждение национального сознания и в связи с этим — возрождение интереса к национальной истории, особенно возрастает потребность в соответствующей литературе на русском языке. Трудно даже перечислить все те провалы в исторической памяти русского еврейства, которые предстоит срочно заполнить. В таком перечне, если бы он был составлен, две задачи представляются особенно

важными: создание (или перевод) учебников и монографий по еврейской истории для разных (в образовательном, возрастном, этническом плане) групп русского еврейства и создание (или перевод) популярных книг, рассчитанных на массового (особенно молодежного) читателя.

Предлагаемая русскому читателю книга американского раввина Макса Даймонта «Евреи, Бог и история» является попыткой хотя бы частично ответить на вторую из упомянутых задач.

Книга Даймонта (известного многими работами на данную тему — «Неистребимый еврей» и другие) счастливо сочетает в себе популярный рассказ о еврейской истории с ее первых веков до провозглашения независимости Еврейского государства с темпераментным, ярким, увлекательным и воодушевляющим изложением. Последнее обстоятельство необходимо подчеркнуть особо. При выборе из огромного списка соответствующей англоязычной литературы книги для перевода приходится руководствоваться довольно жесткими критериями, не последнее место среди которых занимает именно характер изложения, способный увлечь русского читателя и внушить ему национальную гордость и исторический оптимизм. На мой взгляд, эти достоинства присущи книге М. Даймонта более, чем многим другим, и выгодно выделяют ее на фоне упомянутой англоязычной литературы.

Но это не единственные достоинства книги. Не меньшее значение имеет, мне кажется, умение автора рассказать о еврейской истории в форме, приемлемой для нерелигиозного читателя (а русский читатель преимущественно является таковым) и в то же время ни на йоту не поступиться высоким религиозным смыслом, пронизывающим каждую страницу этой истории и неразрывно с нею связанным. Думается, это удалось автору благодаря избранному им особому подходу к своему предмету. Подход этот я бы назвал метаисторическим. Даймонт рассказывает об отдельных фактах, событиях, идеях и исторических личностях, ни на миг не упуская из вида всю еврейскую историю в целом, как общий фон, на котором разворачивается повествование. Он позволяет читателю не только ощутить трагизм и величие отдаленных событий, но и осознать смысл этих событий в их целостной исторической связи. В итоге перед

читателем вырисовывается величественная картина четырехтысячелетних «приключений еврейского духа». Я бы не колеблясь назвал книгу М. Даймонта романом. Не романом из еврейской истории (как «Реубени, князь иудейский» М. Брода, «Последний из праведников» А. Шварцбарта или знаменитая трилогия Фейхтвангера), а романом о еврейской истории. Как и в романе, здесь есть захватывающий воображение драматизм, трагические и полные юмора страницы, необычайные приключения, приводящие героя на край пропасти, и невероятные события, его спасающие. Я не оговорился, сказав — «героя». Как и во всяком романе, здесь есть свой герой — трагический, смешной, великий, жалкий, страдающий, борющийся, любящий, ненавидящий, преданный, изменчивый, простодушный, мудрый и неизменно привлекательный герой, за судьбой которого читатель будет следить с неотрывным напряжением и неослабевающим интересом. Герой этот — поразительная в своей глубине и загадочности история еврейского народа.

Да, быть может, именно романтический дух загадочной глубины, пронизывающий рассказ М. Даймонта о еврейской истории, делает его таким привлекательным и воодушевляющим. По мере чтения книги у читателя непрерывно нарастает уверенное ощущение, что эти загадочные (возможно — самые загадочные в мировой истории) глубины непременно должны породить все новые и новые духовные громады — новые грандиозные идеи и свершения, обеспечивающие еврейскому народу его уникальную выживаемость и чудесную силу вечного обновления.

Автор не скрывает своей зачарованности этой основной загадкой еврейского существования; более того — он делает эту загадку центральным предметом своего исследования. Уже в предисловии, бегло характеризуя основные трактовки исторического процесса, принятые в современной исторической науке, он отмечает, что ни одна из них, в сущности, не может объяснить уникального бессмертия еврейского народа. Он выдвигает гипотезу о том, что этим бессмертием еврейство обязано своему исключительному духовному богатству — своей постоянной связи с источником все новых духовных превращений, которые позволяют евреям выжить и подняться к вершинам каждой пос-

ледующей цивилизации. Эту связь Даймонт видит в постоянном «диалоге с Богом» — диалоге, который, по его словам, и составляет суть еврейской истории и к которому, как зачарованные, прислушиваются другие народы.

Свою идею духовной истории еврейства как диалога с Богом Даймонт заимствовал, как он сам отмечает, у великого еврейского философа — религиозного экзистенциалиста Мартина Бубера. Влияние Бубера (например, его подхода к истории хасидизма) ощутимо и в самом изложении. Каждая очередная глава книги Даймонта — это как бы рассказ о новом неожиданном и удивительном преображении и возрождении еврейского народа перед лицом требований новой эпохи.

В целом этот необычный подход создает у читателя, когда он закрывает прочитанную книгу, ощущение целостной и грандиозной картины величественной, до конца еще не разгаданной и не исчерпанной духовной эпопеи великого народа.

Сказанное не означает, разумеется, что книга Даймонта лишена недостатков. Недостатки эти очевидны, и о них следует тоже сказать. Я бы отметил, прежде всего, что на книге Даймонта лежит слишком заметный отпечаток американского происхождения автора и его реформистских убеждений. Первое проявляется, например, в непрерывных сопоставлениях: Десяти заповедей — с американской конституцией, правил кашрута — с американскими кулинарными обычаями, субботних ограничений — с нормами американской жизни и т.п. Некоторые из этих сопоставлений интересны сами по себе, другие утомительны и мельчат тему. Вторая личная особенность автора находит выражение в его трактовке собственно религиозного элемента еврейской истории (откровение Авраама, история Моисея и т.д.) и в подчеркнутом стремлении сделать книгу привлекательной и приемлемой для нееврейского и несионистского читателя. Последнее особенно существенно для концепции книги. Завершающий книгу эпилог, в котором Даймонт высказывает свое предположение об обязательности диаспоры (галута) для дальнейшего существования еврейского народа, звучит откровенным «социальным заказом», рассчитанным на далекое от идеи алии американское еврейство. Здесь Даймонт, по существу, повто-

ряет распространенные доводы защитников диаспоры, утверждающих, что только рассеяние помогло евреям внести величайший вклад в мировую культуру, создать универсальные ценности, входящие в сокровищницу человеческого духа, выработать идеи социальной справедливости, этического идеализма и мирового братства, воодушевляющие человечество.

Спору нет, еврейский народ может гордиться Спинозой и Марксом, Фрейдом и Эйнштейном, как свидетельствами величайшей одаренности национального интеллекта; но как справедливо отметил Г. Галкин в своих «Письмах американскому другу-еврею»: «От прочтения Маркса или Фрейда количество евреев в мире не увеличивается».

Этот «пафос диаспоры» сквозит у Даймонта уже начиная с тех глав книги, где впервые появляется рассеянное по свету еврейство, и нарастает к ее концу, все время борясь с пафосом еврейского единства, которое одно (Даймонт это сознает) обеспечивает еврейству величие и бессмертие, составляющие сквозную тему его истории. Двойственность, внутреннее борение с властно притягивающей идеей еврейского собирания, независимости и государственности, попытки опереться в этой борьбе на шаткие логические аргументы, подобные вышеприведенным, — все это чрезвычайно характерно для многих современных еврейских интеллектуалов Запада. Их можно понять, и, может быть, еврейский читатель из России поймет их лучше другого, потому что он тоже испытал подобные мучительные сомнения и слышал подобные логические аргументы, когда решался на свою алию. Тех же советских евреев, которые эмигрировали на Запад, эта книга с ее противоречивой концовкой, возможно, даже укрепит в ощущении правильности их решения. Что ж, пусть она по крайней мере вооружит их знанием своей национальной истории и способностью перестать стыдиться своего еврейства, — ведь именно эти незнания и стыд и определили их выбор. Со временем и им придется признать справедливость слов А. Кестлера, заявившего, что после воссоздания Государства Израиль остаются только два пути для евреев диаспоры: быть евреями в Израиле — или перестать быть евреями вообще. Этим словам недостает только вопросительного знака: а можно ли в современном

мире, в котором господствующими чувствами стали именно национальные, «перестать» быть евреем? Попытки эти не новы, и трагический исход их — даже не в столь чреватое национализмом время — общеизвестен.

Остается сделать еще одно, последнее замечание — о беглости и поверхностности последних глав книги, рассказывающих о судьбах еврейства в наши дни. Эта беглость имеет вполне понятные причины, — трудно и почти невозможно с достаточной глубиной рассказать в популярной книге небольшого объема о жизни десятков современных еврейских общин во всей ее сложности и специфичности. Поэтому следует рекомендовать читателю дополнить соответствующие главы книги Даймонта другими произведениями — и прежде всего уже упоминавшейся «Историей еврейского народа».

Р. Нудельман

ВВЕДЕНИЕ

Труды по еврейской истории пишутся, как правило, евреями для евреев — или учеными для ученых. Но еврейская история слишком увлекательна, слишком интересна, слишком необыкновенна, чтобы оставаться достоянием одних лишь евреев и ученых. Настоящая книга представляет собой популярную историю этого удивительного народа, написанную без преклонения перед традицией или потворства модному антиинтеллектуализму. Я готов изложить читателю соображения, данные, факты, но пусть и он будет готов вложить в чтение частицу своего интеллекта. Я не стремлюсь убедить кого бы то ни было или изменить чьи бы то ни было убеждения. Назначение этой книги — заинтересовать, проинформировать, побудить к размышлению.

Подлинная история евреев еще не написана. После краха греческой цивилизации Европе понадобилось 16 столетий, чтобы осознать, что ее литература, наука и архитектура уходят корнями в греческую почву. Быть может, понадобятся еще несколько столетий, чтобы осознать, что духовные, морально-этические и идеологические истоки западной цивилизации коренятся в иудаизме. То же самое можно выразить иначе: вся утварь западного мира — греческого изготовления, но сам дом, в котором обитает западный человек, — это еврейский дом. Это та

точка зрения, которая постепенно начинает пробивать себе дорогу в сочинениях и религиозных, и светских мыслителей.

Еврейская история не может быть рассказана только как история одних лишь евреев, ибо они почти на всем протяжении своего исторического пути жили во взаимодействии с другими цивилизациями. Судьба евреев была сходной с судьбой этих цивилизаций, за одним весьма важным исключением. Евреи каким-то образом сумели избежать той культурной смерти, которая, как оказалось, была уготована всем цивилизациям, их окружавшим, и продолжали свое культурное развитие в рамках новых цивилизаций, возникавших к этому времени.

Как им это удалось?

Чтобы рассказать о четырехтысячелетней истории этой борьбы за существование, протекавшей на четырех континентах и в пределах шести крупнейших культур, мы вынуждены прибегнуть к совершенно новому способу рассмотрения еврейской истории. Мы будем излагать, в самых общих чертах, историю каждой из этих культур, анализировать события еврейской истории в соответствии с этими культурами, а затем исследовать те специфические, только евреям принадлежащие идеи, которые позволили им выжить как национальной группе и обеспечили жизненные силы, необходимые для сохранения их культурно-созидательного потенциала. Таким образом, еврейская история становится в нашем изложении частью мировой истории.

Я хотел бы представить широкую картину еврейской истории, величие и иронию еврейской «человеческой комедии», взглянув на нее глазами современного западного человека, а не талмудиста из гетто 16 века.

Многие даты еврейской истории спорны. Но в той мере, в какой ее логика от этого не страдает, мы позволяем себе произвольно выбирать одну из существ-

вующих датировок, не отвлекаясь всякий раз на обсуждение преимуществ и недостатков других. Так, например, мы начинаем еврейскую историю с 2000 г. до н.э., когда Авраам, как предполагается, покинул город Ур, — хотя некоторые ученые относят это событие на несколько веков позже. Мы датируем начало еврейского плена и рабство в Египте 1600—1200 гг. до н.э., начало расселения в Ханаане — после 1200 г. до н.э. и так далее, полностью отдавая себе отчет в том, что ряд историков ставят эти даты под сомнение. Как правило, мы следуем датам в *Standard Jewish Encyclopaedia*.

ЭТО ПРОИЗОШЛО ОДИН-ЕДИНСТВЕННЫЙ РАЗ В ИСТОРИИ!

Исчерпывающий обзор четырехтысячелетнего исторического периода и шести цивилизаций, через которые прошел еврейский народ; разбор некоторых факторов одного из наиболее нелогичных выживаний в истории — выживания нации, которая себя объявила избранным Богом народом и почти убедила в этом мир.

ЭТО ПРОИЗОШЛО ОДИН-ЕДИНСТВЕННЫЙ РАЗ В ИСТОРИИ!

На нашей планете насчитывается свыше трех миллиардов человек, из них лишь 12 миллионов — меньше половины процента — составляют евреи. Статистически они как будто бы так же мало могут претендовать на заметную роль в мировых событиях, как, скажем, какое-нибудь племя айну, затерянное в глубинах восточной Азии, на обочине истории. В действительности, однако, роль евреев совершенно не пропорциональна их малой численности. Не менее 12 процентов всех Нобелевских премий по физике, химии и медицине принадлежат евреям. Вклад евреев в величайшие достижения человечества в области религии, науки, литературы, музыки, экономики и философии поражает своими масштабами.

Период расцвета античной Греции продолжался пять столетий. Затем греки превратились в народ пастухов. Они никогда не достигли вновь своего былого величия. Совершенно иначе обстоит дело с евреями. Они сохраняют творческую активность на всем протяжении своей четырехтысячелетней истории. Они внесли свой вклад в развитие Востока и Запада, хотя и Восток и Запад не всегда осознают значение этого вклада и, даже сознавая, не всегда готовы признать себя в долгу перед евреями.

Из еврейского народа вышел Иисус, которого 850 миллионов христиан, крупнейшая религиозная община современности, считает Сыном Божьим. Из еврейского народа вышел Павел, создатель христи-

анской церкви. Еврейская религия оказала существенное влияние на мусульманство — вторую крупную религию современного мира, насчитывающую свыше 400 миллионов приверженцев, которые считают себя потомками Авраама и Исаиила. Мормоны заявляют, что они являются потомками колен Израилевых.

Другого еврея почитает свыше миллиарда человек. Это — Карл Маркс, книга которого «Капитал» представляет собой светское евангелие мирового коммунизма. Еврейский математик Альберт Эйнштейн своими исследованиями в теоретической физике возвестил наступление атомного века и открыл человечеству путь к Луне. Еврейский психиатр Зигмунд Фрейд приподнял завесу над тайнами человеческого разума. Открытие психоанализа революционизировало все представления человека о самом себе и об отношении духа к материи. За три столетия до Фрейда еврейский философ Барух Спиноза провозгласил освобождение философии от мистики, открыв тем самым путь к рационализму и современной науке.

В ходе столетий евреи выработали такие понятия, как молитва, церковь, спасение души, всеобщее образование, благотворительность. Они ввели их в свой обиход за много веков до того, как все прочее человечество оказалось способным их воспринять. И тем не менее вплоть до 1948 г., в течение почти двух тысяч лет, евреи не имели даже собственной страны. Они обитали среди вавилонян, жили в окружении эллинистического мира, присутствовали у смертного одра Римской империи, преуспевали в исламской цивилизации, вновь вышли на сцену из двенадцативекового мрака, именуемого средними веками, и достигли интеллектуальных вершин в новое время.

Великие языческие народы, возникшие одновременно с евреями, успели с тех пор исчезнуть из истории. Вавилоняне, персы, финикийцы, хетты, фили-

стимляне — все эти народы, некогда достигшие славы и могущества, исчезли с лица земли. Китайцы, индусы и египтяне — единственные три народа, возраст которых сравним с возрастом евреев. Но каждый из этих народов имел всего лишь один период культурного расцвета. Их влияние на последующее развитие цивилизации не было столь велико. В отличие от евреев они не были изгнаны из своих земель и не были поставлены перед проблемой выживания в чужих странах. Греки и римляне — единственные, кто повлиял на историю западного мира, вероятно, столь же существенно, как и евреи. Однако жители нынешней Италии и Греции — не те эллины и римляне, которые населяли некогда Элладу и Рим.

В истории еврейского народа мы видим три элемента, которые отличают ее от истории всех других народов. Евреи насчитывают за собой 4 тысячи лет непрерывной живой истории, их непрекращающаяся духовная и интеллектуальная активность продолжается свыше трех тысячелетий. Евреи прожили 2000 лет без собственного государства и тем не менее сохранили свою этническую идентичность, не смешавшись с другими народами. Евреи выразили свои идеи не только на собственном языке, но и, в сущности, на всех основных языках человечества.

Как правило, о масштабах этого самовыражения нам известно мало. Причину этого нетрудно понять. Чтобы познакомиться с французской, немецкой или английской литературой, достаточно знать французский, немецкий или английский язык. Чтобы познакомиться с еврейской литературой, необходимо знать не только иврит и идиш, но также арамейский, арабский, латинский, греческий и чуть ли не все современные европейские языки.

Все известные нам цивилизации оставили материальные памятники своей истории. Мы знаем об этих цивилизациях по их письменам или археологическим раскопкам. О древних евреях мы знаем в основном

благодаря их идеям и тому влиянию, которое эти идеи оказали на другие народы и другие цивилизации. Сохранилось очень мало надписей на древнем иврите, рассказывающих о прошлом, и очень мало памятников, говорящих о былой славе. Но парадокс состоит в том, что народы, оставившие материальные памятники своего существования, исчезли с лица земли. Между тем евреи, оставившие нам идеи, сохранились.

Шесть раз на протяжении истории существование евреев оказывалось под угрозой. И всякий раз евреи преодолевали ее и сохранялись как народ, идя навстречу следующей напасти.

Первой такой угрозой был языческий мир. Евреи представляли собой тогда маленькое кочевое племя. Они были своего рода статистами на мировой сцене, затерянными среди таких действующих лиц, как Вавилония, Ассирия, Финикия, Египет, Персия. Каким образом они сумели выжить и сохранить свою культуру в течение семнадцати столетий, среди непрерывных схваток и взаимного уничтожения всех этих великих держав? За это время они не раз оказывались на грани исчезновения. И спасло их не что иное, как те идеи, которые они выдвигали в ответ на каждую очередную угрозу своему существованию.

Пережив семнадцать веков блужданий, рабства, массовых уничтожений и изгнания, евреи снова вернулись на свою родину, — лишь затем, чтобы немедленно вступить в греко-римский период своей истории. И снова оказаться перед угрозой уничтожения. На этот раз они уцелели просто чудом. Все, к чему прикасалась Эллада в эти годы своего сказочного величия, тотчас эллинизировалось, не исключая и самих покорителей Эллады — римлян. Греческая религия, литература, искусство; римские легионы, законодательство и система правления — все это наложило неизгладимую печать на весь цивилизованный мир. Но стоило римским легионам потерпеть пора-

жение, и эта великая культура стала рушиться и погибла. Народы, покоренные сначала греками, а потом римлянами, исчезли. Новые нации силой оружия завоевали свое место под солнцем. Одни лишь евреи выжили — и не силой своего оружия, а благодаря силе связующих их идей.

Третью угрозу еврейству представляло собой явление единственное и не имевшее себе равных в истории. Евреи оказались перед фактом возникновения двух течений иудаизма. Один из них сложился в Палестине, а другой зародился в диаспоре (от греческого слова, переводимого как «рассеяние» и означающего ту часть еврейства, которая была рассеяна в нееврейском мире за пределами Палестины). Со времени изгнания евреев из Иерусалима вавилонянами в 6 в. до н.э. и вплоть до их освобождения из гетто в 19 в. н.э. еврейская история — это непрерывный процесс дробления народа на все более мелкие группы, рассеянные по громадным пространствам среди совершенно различных культур. Что сохранило евреев от ассимиляции и исчезновения в море чужих народов, их окружавших?

На это испытание евреи ответили созданием религиозного кодекса — Талмуда, который стал объединяющей силой и вдохновляющей идеей нации. То был «талмудический период» еврейской истории. Почти пятнадцать веков Талмуд незримо управлял всем течением еврейской жизни.

В седьмом столетии нашей эры иудаизм дал начало новой религии — исламу, созданному Магомедом, — и это был четвертый вызов, брошенный еврейству. В течение каких-нибудь ста лет мусульманская империя превратилась в серьезного соперника западной цивилизации. Но и в рамках этой религии, приверженцы которой ненавидели христиан с никогда не ослабевавшей силой, евреи ухитрились не только выжить, но и подняться к вершинам величайших литературных, научных и интеллектуальных до-

стижений. В этот период появились евреи — государственные деятели, философы, врачи, ученые, торговцы и бизнесмены-космополиты. Арабский язык стал языком их повседневного обихода. В ту эпоху возник и тип еврея — бонвивана и волокиты, который сочинял не только научные и философские труды, но и любовные элегии. Но прошло семь столетий, и маятник качнулся в противоположном направлении. Мусульманский мир рухнул, и еврейская культура в исламской цивилизации рушилась вместе с ней.

Пятой угрозой были средние века. То было мрачное время не только для евреев, но и для христиан. Двенадцать веков евреи сопротивлялись угрозе полного истребления. Все нехристианские народы, покоренные во имя Креста, преклонили перед ним свои колени — кроме евреев. И вот на исходе двенадцати мрачных столетий евреи появились вновь, сохранив свою духовную и культурную жизненную силу. Идеи, завещанные им их великими мыслителями, прошли проверку временем и доказали свою жизнеспособность. Когда пали стены гетто, евреям понадобилось не более одного поколения, чтобы превратиться в неотъемлемую составную часть западной цивилизации. Всего лишь за одно поколение, еще не успев забыть тесные улочки гетто, евреи стали премьер-министрами, промышленными магнатами, военными деятелями и лидерами того интеллектуального авангарда, которому суждено было преобразовать духовную жизнь Европы.

Шестой угрозой послужило само новое время. Возникновение национализма, капитализма, коммунизма и фашизма в 19-20 веках в дополнение к новой заразной болезни западного сознания — антисемитизму представляло собой особую угрозу для евреев. Перед лицом этих новых испытаний возникла необходимость выработать новые средства самосохранения. Окажутся ли эти средства достаточными? На этот вопрос может ответить только будущее.

Итак, еврейская история разворачивалась на фоне не одной, а по меньшей мере шести цивилизаций. Этот факт противоречит утверждениям многих исторических школ, которые считают, что любая цивилизация, подобно всякому живому существу, живет только один раз и срок ее существования — пятьсот, от силы тысяча лет. Однако евреи, как мы видим, живут уже четыре тысячи лет. У них была не одна, а шесть разных культур в рамках шести различных цивилизаций и скорее всего будет и седьмая. Как согласовать этот факт с теорией?

Существует восемь основных способов изучения истории, каждый из которых исходит из иных принципов. Как правило, историк выбирает тот аспект истории, который отвечает его представлениям, и проводит ту точку зрения, которая кажется ему наиболее правильной. Мы будем пользоваться всеми этими способами, за исключением первого — «антиисторического», или «фордовского». Генри Форд однажды заявил, что вся история — это «ненужная дребедень». Если хочешь получить какую-нибудь справку, то всегда можно нанять для этой цели профессора, который мигом даст ответ. В «фордовской концепции» история рассматривается как нагромождение не связанных друг с другом событий, куча имен, дат и сражений. Она не содержит ни уроков, ни откровений.

Второй способ рассмотрения истории может быть назван «политическим». В этом случае история рассматривается как последовательность династий, законодателей, войн. Правители сильны или слабы, выигрывают или проигрывают войны, законы хороши или плохи, все события выстраиваются в безукоризненном порядке от А до Я, от двухтысячного года до н.э. вплоть до двухтысячного года н.э. Именно в таком виде историю, как правило, преподают в школах.

Третий подход — географический. Эта школа

учит, что климат и почва определяют формирование национального характера. Идея эта впервые возникла у греков. Даже и сегодня многие считают, что единственный подлинно научный путь объяснения социальных черт человечества состоит в изучении физической среды — топографии, почвы, климата. Еврейскую историю было бы весьма затруднительно объяснить на основе этой теории. Евреи обитали чуть ли не во всех климатических зонах. Тем не менее они ухитрились сохранить общую этническую идентичность и культуру. Это особенно очевидно в нынешнем Израиле, где еврейские изгнанники, собравшиеся со всего мира — из Азии, Африки, Европы, Америки, — в течение одного поколения сливаются в единый народ. Тем не менее нельзя отрицать, что географические факторы изменили или модифицировали многие черты и особенности поведения евреев.

Четвертый способ интерпретации истории — экономический. Это Марксова школа. Она утверждает, что ход истории определяется способом производства товаров. Представим себе, говорит марксист, что экономика феодального общества преобразуется в капиталистическую. Новый, капиталистический способ производства, утверждает марксист, повлечет за собой изменение социальных институтов страны — ее религии, этики, морали, системы ценностей, поскольку возникнет необходимость оправдать и освятить новые принципы экономики. Аналогично, если капиталистическая страна становится коммунистической, в ней тоже начнутся — автоматически — изменения культурных и социальных институтов, имеющие целью утвердить новый способ производства. Эти изменения будут продолжаться до тех пор, пока новый образ жизни не станет повседневностью.

Пятый способ интерпретации истории очень отличен от экономического. Он основан в начале 20

века проф. Зигмундом Фрейдом. Эта школа утверждает, что социальные институты и вообще вся человеческая история являются результатом подавления подсознательных антипатий. Цивилизованность, говорит историк психоаналитической школы, может быть достигнута только ценой отказа от таящихся в нашем подсознании безграничной похоти, жажды убийства, тяги к кровосмешению, садизму, насилию. Только подчинив свои подсознательные импульсы, человек может обратить свою энергию в творческое, цивилизованное русло. Формы человеческой культуры и искусства, говорит психоаналитик, зависят от того, какие именно импульсы человек подавляет, насколько надежно он их подавляет и какие методы использует для подавления.

Шестой подход — философский. Тремя его главными выразителями являются немецкий философ Георг Вильгельм Фридрих Гегель, прусский философ и историк Освальд Шпенглер и английский историк Арнолд Тойнби. Хотя их конкретная интерпретация истории различна, есть у них и нечто общее. Каждая цивилизация, утверждают они, следует более или менее предсказуемой схеме. Они рассматривают каждую цивилизацию как нечто живое. Подобно живому существу, она имеет свое младенчество, детство, юность, зрелость, старость и, наконец, неизбежный конец. Длительность жизни данной цивилизации, по их мнению, зависит от тех идей и идеалов, на которых она основана. Философская интерпретация истории стремится вскрыть внутренние источники развития всех без исключения цивилизаций с целью обнаружить присущие им общие черты.

По мнению Шпенглера, цивилизации заранее обречены на смерть. Они проходят через Весну своего возникновения, созревают в Лето своих величайших физических достижений, вступают в Осень своих интеллектуальных вершин, клонятся к упадку в свою Зиму и, наконец, умирают. В 1918 г., когда

Англия была в зените своего могущества, а Россия и Китай являлись третьеразрядными державами, Шпенглер в своей книге «Закат Европы» утверждал, что западная цивилизация вступила в зимний период своего цикла и должна погибнуть к 23 веку. Ее сменят славянская (Россия) или синская (Китай) цивилизации, которые сейчас переживают весну своего развития. Такой взгляд на историю называется «циклическим», поскольку согласно этой трактовке каждая цивилизация имеет начало, середину и конец.

Наряду с «циклическим» подходом существует «линейная» концепция Тойнби. Она изложена в его «Исследовании истории». Тойнби утверждает, что отдельно взятая цивилизация не представляет собой независимого замкнутого целого. Она составляет этап эволюции от нижних форм к высшим. Так, например, исламская цивилизация возникла из иранской и арабской культур, которые, в свою очередь, были порождены так называемым сирийским обществом. Следовательно, утверждает Тойнби, исламская цивилизация вовсе не была обречена на исчезновение. Она развилась бы в еще более высокую культуру, если бы могла справиться с трудностями, возникшими перед ней в 13—14 веках. По мнению Тойнби, развитие цивилизации может продолжаться бесконечно при условии, если найден путь решения проблем, поставленных перед ней историей.

Поскольку история евреев не укладывается ни в одну из этих схем, Шпенглер вообще игнорирует их, а Тойнби посвящает им случайное замечание, в котором характеризует евреев как историческую окаменелость. Не будь Шпенглер и Тойнби в таком плену у предвзятых и ложных концепций в отношении еврейской истории, им стало бы ясно, что она вполне поддается описанию при использовании их метода анализа. В этой книге мы попытаемся с помощью их теории пролить свет на кажущееся «невозможным» выживание евреев.

«Культ личности» — это седьмой вид интерпретации истории. Странники этой школы утверждают, что ход событий определяется волей великих людей. Если бы не Вашингтон, говорят они, не было бы американской революции; если бы не Робеспьер, не было бы французской революции; если бы не Ленин, не было бы русской революции. Люди создают события, утверждают историки этой школы в полном контрасте с историками экономической школы, согласно которым, напротив, события создают людей.

Восьмая трактовка истории, религиозная, — одновременно и самая древняя, и самая молодая. Лучшим примером подобной трактовки является Библия. При таком подходе история рассматривается как борьба между добром и злом, между моралью и аморальностью. Вплоть до недавнего прошлого еврейская история чаще всего рассматривалась именно с этих позиций.

В современную эпоху толкование истории с позиций религии было в значительной мере скомпрометировано. Но авторы нового направления, — теологического экзистенциализма, — католик Жак Маритен, православный Николай Бердяев, протестант Пауль Тиллих и еврей Мартин Бубер смогли восстановить авторитет этого подхода к описанию истории. Они утверждают, что хотя Бог непосредственно и не вмешивается в ход истории, но тем не менее все происходящее определяется той взаимосвязью, которая, как убеждены люди, существует между ними и Богом. Сегодня все мы одержимы верой в силу так называемых «научных фактов». Поэтому мы склонны забывать, что историю в значительно большей степени формируют обычные люди с их «ненаучными», недоказуемыми идеями, а не рациональные обстоятельства.

Это особенно справедливо в отношении евреев. Мартин Бубер считает, что сквозной темой всей еврейской истории являются отношения между

евреем и его Богом — Яхве. С точки зрения еврейской религиозной трактовки истории еврейские экзистенциалисты считают, что поскольку Бог наделил человека свободой воли, человек может по своему выбору обратиться к Богу или отвернуться от него. Он может действовать во славу Божию или против Него. То, что происходит между человеком и Богом, — это и есть история. По еврейским представлениям, не всякая удача обязательно обусловлена Божьим благословением. Человек может достичь власти просто потому, что не считается ни с какими законами морали, а вовсе не потому, что ему помогает Бог. Это оставляет Богу свободу возлагать на человека ответственность за его поступки — как за достижения, так и за неудачи.

Именно эта концепция отношений человека и Бога создала ту пропасть в образах мышления, которая отделила евреев от остального языческого мира еще четыре тысячи лет назад. Языческая идея бога подчиняла человека богам. Еврейское представление об отношении человека к Богу делало евреев свободными в их действиях. Строго говоря, Запад пришел к этой идее религиозной свободы только в век Реформации, когда Мартин Лютер отверг власть пап и изменил отношения между человеком и Богом, приблизив их к еврейскому пониманию. Вслед за этим Лютер призвал евреев принять протестантство. Он считал, что отныне ничто не разделяет иудаизм и христианство. Во всей этой последовательности событий не было ни одного рационального факта — одни лишь люди, выдвигавшие «ненаучные идеи»; тем не менее нельзя не видеть, сколь решающими оказались эти недоказуемые идеи для судеб мировой истории.

Итак, круг замкнулся. Начав с представления о Боге как Творце истории, человек последовательно изобретал все новые толкования: анархическое, рассматривающее историю как последовательность случайных событий; философское, видящее в истории

причинно-следственную связь; экономическое, объявляющее методы производства движущей силой истории; психологическое, отдающее приоритет подсознательным факторам; личностное, выдвигающее человека на роль творца своей собственной исторической судьбы, — и, наконец, снова вернулся к Богу, признавая его власть.

В этой книге мы рассмотрим еврейскую историю со всех возможных точек зрения, не входя в обсуждение достоинств и недостатков каждой из них. Люди всегда верили в «ненаучные концепции» независимо от того, были эти концепции верны или нет. Эта вера зачастую и представляла собой те реальные обстоятельства, которые формировали человеческую судьбу. Вслед за психоаналитиками, философами и экзистенциалистами я убежден, что именно идеи определяют поступки людей и что именно идеи — то, что творит историю. Общество без идей лишено истории. Оно всего лишь влачит существование.

I

ПОРТАТИВНЫЙ БОГ

Обзор языческого периода. Появляется кочевое племя неких евреев, которые прокладывают себе путь на историческую сцену, «изобретая» Единого Бога, создавая царство. Они терпят поражение, но переживают своих завоевателей. И вот снова «столкновение» — на сей раз с греками.

ВОТ КОГДА ЭТО ПРОИЗОШЛО

ЯЗЫЧЕСКИЙ ПЕРИОД

2000 г. до н.э. — 300 г. до н.э.

Языческая история

Еврейская история

Цивилизация Суз и Киша. Додинастический период в Египте 4500 до н.э.

Цивилизация Шумера 3600

Первая династия в Египте 3500

Саргон объединяет Шумер и Аккад 2800

Среднее Царство в Египте 2400

Период странствий

2000 г. до н.э.—1200 г. до н.э.

Хаммурапи создает Вавилонскую империю (Халдею). Расширение Египетской империи. Подъем Ассирии. Вторжение гиксосов в Египет 2000 до 1200

Авраам и Сара покидают Ур в Халдее (Вавилония). Эпоха Патриархов. Странствия в Ханаане. Иосиф уводит евреев в Египет. Египетское рабство

Египетскому могуществу брошен вызов. Восстания и гражданские войны в Египте	1200 до 1100	Моисей выводит евреев из Египта. Странствия в Синайской пустыне. Евреи побеждают хананеян в Палестине
		<i>Период независимости</i> 1200 г. до н.э. — 800 г. до н.э.
Тиглатпаласар I расширяет границы Ассирийской империи	1100 до 1000	Эпоха Судей
Сирия и Финикия становятся великими державами	1000 до 900	Саул — первый царь евреев. Правление царя Давида
Перевороты в Египте. Правление чужеземных династий	900 до 800	Правление царя Соломона. Раскол Палестины на два царства — Иудею и Израиль
		<i>Ассиро-вавилонская гегемония</i> 800 г. до н.э. — 500 г. до н.э.
Тиглатпаласар III на ассирийском троне. Он завоевывает Дамаск и Самарию, столицу Израиля	800 до 700	Израиль покорен Ассирией, его население пленено и рассеяно. Конец Израильского царства
Распад Ассирийской империи. Ее покорение возродившейся Вавилонией	700 до 600	Иошияху, царь иудейский. Восстановление Закона Моисеева
Навуходоносор, царь вавилонский, вторгается в Иудею	600 до 500	Падение Иудеи. Увод евреев в вавилонский плен. Разрушение Иерусалима

Шестое столетие до н.э. знаменует конец семитских империй и культур. Начинается эпоха индоевропейских цивилизаций.

Персидское владычество

500 г. до н.э. — 300 г. до н.э.

Кир, царь Персии, побеждает вавилонян и устанавливает персидское владычество	500 до 400	Первое возвращение евреев из Вавилонии в Палестину. Восстановление Храма
Камбиз, царь Персии, покоряет Египет	400 до 334	Второе возвращение евреев из Вавилона под руководством Эзры
Александр Македонский разбивает персов при Гранике и становится владыкой Ближнего Востока. Он захватывает Палестину	334 до 332	Евреи попадают под греческое влияние. Первый контакт с Западом. Начинается греко-римский период

Свой путь в историю евреи прокладывали не-приметно и с большим опозданием. У них не было ни каменного, ни бронзового века. У них не было и века железного. В течение первых восьми столетий своего существования они кочевали внутри и вовне больших цивилизаций, окружавших их. У них не было ни зданий, ни городов, ни армии. В сущности говоря, у них не было даже оружия. Все их богатство составляли те идеи, которые со временем покорили мир, хотя и не сделали евреев его хозяевами.

Еврейская история начинается в тот удаленный от нас на четыре тысячелетия день, когда человек по имени Авраам встретился с Богом, который открылся ему под именем Эль Шаддай. В тот день начался диалог между евреем и Богом. Этот продолжающийся диалог и составляет содержание еврейской истории, в которой весь остальной мир играет роль с любопытством прислушивающихся зрителей.

Однако, прежде чем углубиться в историю евреев языческого периода — периода, в течение которого они, подобно монетам, переходили из египетских рук в вавилонские, затем в ассирийские, затем в персидские, затем в греческие, затем в римские, — рассмотрим бегло события, предшествующие появлению евреев на исторической сцене.

Первые ростки цивилизации со всеми ее классическими приметами — городами, архитектурой, календарем, усовершенствованным оружием, армиями и налогами — зародились где-то около 4500 г. до

н.э. Две цивилизации родились одновременно: шумеро-семитская — к северо-востоку от Палестины, семито-хамитская — к юго-западу от нее. Прошло около 2500 лет, прежде чем эти цивилизации узнали о существовании друг друга. Вслед за тем между ними начались войны, и Палестине пришлось тяжело поплатиться за свое положение буферного государства.

Цивилизация в Месопотамии (ныне часть современного Ирака) началась с городов-государств. Самыми древними и известными среди них были Сузы, Киш и Ур. Именно вокруг этих городов и возникли первые империи. Их местоположение легче представить, если мысленно провести через центр Месопотамии горизонтальную линию с востока на запад. То, что расположено севернее этой линии, стало Ассирией, то, что южнее, — Вавилонией. Теперь мысленно разделим пополам Вавилонию. Верхняя часть — это царство Аккад, нижняя — царство Шумер: две первые Месопотамские империи.

В третьем тысячелетии до н.э. на трон Аккада взошел великий семитский царь по имени Саргон I. Он покорил шумеров и создал Шумеро-Аккадское царство. Это было государство с высоким жизненным уровнем и развитой культурой. Оно также располагало средством, которое превратило страну азиатской цивилизации из сельскохозяйственной в торгово-промышленную. Этим средством был новый вид письма — клинопись (от латинского *кунеус*, что означает «клин» и характеризует форму письменных знаков этого письма). Появление клинописи представляло собой значительный шаг вперед по сравнению с египетскими иероглифами.

На долю царя и законодателя по имени Хаммурапи выпала задача объединить (около 2100 г. до н.э.) все города-государства этого района в одну огромную Вавилонскую империю. Хаммурапи был вавилонским Моисеем. Он преподнес своему народу

кодекс законов как дар небес, точно так же, как спустя тысячу лет Моисей даровал израильтянам свой кодекс законов у подножия горы Синай.

Все эти две с половиной тысячи лет, пока жители Вавилонии строили города, обогащались за счет грабежей, предавались любви, создавали законы, пили вино и мечтали о мировом господстве, евреи попросту не существовали. Но вот где-то около 2000 г., как раз в то время, когда молодое и беспокойное семитское племя ассирийцев начало хищно и жадно поглядывать на плодородные и богатые земли вавилонян, некий человек по имени Терах (Фарра) взял своего сына Авраама, его жену Сару и племянника Авраама Лота и покинул космополитический город Ур в Вавилонии.

Кем они были — Терах, Авраам, Сара, Лот? История не отвечает на этот вопрос. Библия ограничивается тем, что проследивает генеалогию Тераха до потомков Шема (Сима), первого сына Ноя. Был ли Терах вавилонянином? На каком языке он говорил? Чем занимался? Ведь вряд ли этот житель одного из городов самой утонченной культуры своего времени был простым пастухом.

Все эти вопросы Библия оставляет без ответа. Но благодаря самому факту перехода через реку Евфрат Терах и его семья стали первыми людьми, которых Библия называет словом *иврим* («евреи»). Оно означает «перешедшие реку» или «люди с другого берега». Странствуя от города к городу, Терах и его близкие пришли, наконец, в страну Харан, что была в шестистах милях к северо-западу от Ура, в южной части нынешней Турции. Здесь Терах, покинувший Ур без чьего-либо внушения, закончил свои дни. Здесь же с Авраамом впервые произошло странное событие. Он увидел своего бога Яхве* и говорил с ним. Эту встре-

* В Библии Бог именуется тройко: Элохим — «Бог»; Яхве — «Господь» и Яхве Элохим — «Господь Бог». Ортодоксальный

чу можно было бы сравнить со знаменитым видением Христа Павлу по дороге в Дамаск. Для евреев она была так же знаменательна, как видение Павла — для христиан.

Во время этой встречи Бог предложил Аврааму, тогда уже семидесятипятилетнему старцу, заключить с ним союз. Если Авраам будет следовать заповедям Бога, тогда Бог, в свою очередь, сделает потомков Авраама Своим Избранным Народом и возьмет их под Свое покровительство. Здесь следует отметить, что Бог при этом не сказал, будто евреи будут лучше других. Он всего лишь сказал, что они сохранятся как отдельный и особый народ и будут Его народом. Как именно это произойдет, Бог не открыл Аврааму. В ту встречу Бог предписал всего лишь одну заповедь и дал всего лишь одно обещание. Заповедь состояла в том, что все мужчины Избранного Народа должны совершать обряд обрезания на восьмой день после рождения (или после обращения, если они обращены взрослыми). Обещана Избранному Народу была земля Ханаан.

Произошло ли это в действительности? Мнения по этому поводу разнятся — от принятия буквального смысла каждого слова до отрицания каждого же. Мы полагаем, что это действительно произошло, хотя несколько иначе, чем описано. Знаменательная встреча делается понятной современнику, если взглянуть на нее сквозь призму психоанализа. С психоаналитической точки зрения вполне возможно, что

еврей никогда не произносит имя Яхве, хотя оно встречается в Библии более 7000 раз. Встречая это слово, он произносит его Адонай, что означает «Господь мой». Отсюда перевод Яхве — «Господь». Никто не знает, как это имя произносилось первоначально, поскольку его произношение было запрещено уже во 2-м в. до н.э., тогда как диакритические знаки для обозначения гласных были введены в употребление только несколькими столетиями позже. Пуристы даже не пытаются реконструировать первоначальное произношение и попросту пишут Яхве.

Авраам сам себе внушил идею союза со Всемогущим Отцом (в образе Яхве) и спроектировал на эту отцовскую фигуру естественное желание защитить своих потомков.

С исторической точки зрения не имеет значения, Авраам ли спроектировал свои желания на воображаемую фигуру Яхве или реальный Яхве предложил союз Аврааму. Существенно, что и поныне, спустя четыре тысячи лет, идея союза между евреями и Яхве продолжает существовать. Он ежедневно упоминается в молитвах евреев всего мира. За это время многие аспекты еврейства и иудаизма претерпели изменения, но идея союза с Богом осталась неизменной. Она, в свою очередь, породила *стремление оставаться евреями*. Это стремление стало движущей силой иудаизма. Без него не было бы ни иудаизма, ни евреев. Стоит этому стремлению исчезнуть, как исчезают все препятствия перед полной ассимиляцией евреев. В ходе истории изменялись методы, которыми это стремление поддерживалось, но цель оставалась неизменной. Еврейская история представляет собой последовательную смену идей, призванных обеспечить достижение этой цели.

«Как хороши твои шатры, о Иаков, и твои жилища, о Израиль!» — восклицает языческий жрец в Книге Чисел. Это, разумеется, поэтическое преувеличение. Кочевая жизнь не способствует развитию искусств и культуры. В течение четырех столетий Авраам и его потомки странствовали в земле Ханаан, как бездомные кочевники. У них не было ни своей собственной страны, ни своих собственных правителей. Они практиковали свой обряд обрезания, и хотя соседи часто относились к ним с уважением, столь же часто смотрели на них как на странный народец, — может быть, даже слегка свихнувшийся народец, вздумавший поклоняться Богу, которого нельзя увидеть.

Десять заповедей Моисея возникли не раньше, чем

четыре столетия спустя. Книга Бытия пестрит упоминаниями об идолах, которые составляли неотъемлемую часть домашней утвари в шатрах еврейских патриархов. Три положения, однако, сохранили евреев в эти первые столетия их существования: идея единственности Бога, провозглашенная Авраамом (или, если угодно, провозглашенная Аврааму), обряд обрезания и отказ от человеческих жертвоприношений (столь трогательно изложенный в истории с жертвоприношением Исаака). Едва лишь евреи восприняли идею монотеизма (т.е. единственности Бога), они начали, сами о том не подозревая, вести себя особым образом. Эти изменения в родовом и индивидуальном поведении были вначале почти незаметны. Постепенно, однако, они становились все более и более ощутимы и все больше и больше отдаляли евреев от всех других.

Невидимого Бога приходится почитать иначе, чем видимого. Поэтому евреи вынуждены были разработать ритуал, который резко отличался от повсеместно распространенных в язычестве. Поскольку Яхве бессмертен, Он никогда не умирает. Следовательно, Он никогда не воскресает. Вследствие этого евреи отбросили языческие ритуалы умирающего и воскресающего бога. Так как существует только один Бог, не может быть мифологических войн между богами. В результате евреи отбросили всю языческую иерархию богов и мифологию их конфликтов. Если Яхве — это чистая духовность, у него не может быть сексуальной жизни. Поэтому евреи отбросили и все языческие ритуалы плодородия.

Пример Яхве, полностью свободного от сексуальности, привел к тому, что евреи стали обуздывать импульсы плоти более в силу внутренней самодисциплины, нежели из-за страха перед законами. Интересно сравнить ту роль, которую занимает секс в еврейской жизни, с его ролью в греческой цивилизации. Греческие боги сами дают пример необузданной

похоти и извращений. Их пример в конечном счете расшатывает мораль тех, кто им поклоняется. Между тем евреи, даже вступив впоследствии в контакт с греческой цивилизацией, никогда не знали присущих ей сексуальных излишеств. С другой стороны, евреи не встали и на путь полного сексуального воздержания, проповедуемого ранней христианской церковью. Они избрали срединный путь — между сексуальной распушенностью и воздержанием, буквально последовали заповеди своего Бога о многодетности. Вполне извинительно, что, стремясь точно исполнить эту заповедь, они позволили себе некоторую свободу. В шатрах сластолюбивых патриархов было много языческих наложниц, формально считавшихся «служанками». Почтенные старцы в обилии плодили потомков в том возрасте, когда человек нашего времени уже начинает жить за счет пенсионных отчислений.

Видимо, кочевая жизнь шла на пользу патриархам. Все они, согласно Библии, жили свыше ста лет. За то время, что Авраам родил Исаака, и Исаак родил Иакова, и Иаков родил двенадцать сыновей, включая Иосифа, незаметно пронеслось четыре столетия еврейской истории. Затем засуха, а за нею голод обрушились на земли, расположенные к северо-востоку от Египта. Изголодавшиеся племена из разных мест, включая евреев, хлынули в плодородную дельту Нила в поисках пропитания. История свидетельствует, что египтяне встретили их доброжелательно.

Изнуренные голодом евреи переселились из Ханаана в Египет. Книга Бытия рассказывает очаровательную историю о том, как Иосиф был продан своими братьями в рабство в Египет. Здесь он стал любимцем фараона, возвысился до канцлера и, с разрешения фараона, пригласил своих братьев и соотечественников поселиться в Египте. Здесь они мирно пасли свои стада до тех пор, пока не наступило пра-

вление нового фараона. Он не был так расположен к евреям, как его предшественник, и обратил их в рабство. Никакие источники, кроме Библии, не упоминают об этом пребывании евреев в Египте и их порабощении. Однако лопаты трудолюбивых археологов добыли убедительные доказательства того, что эти события имели место.

С момента прихода евреев в Египет при Иосифе в 16 столетии до н.э. вплоть до их ухода с Моисеем в 12 столетии — этот четырехвековой период история обходит полным молчанием. Библия излагает историю этого периода в нескольких фразах. Такое молчание порождает множество недоуменных вопросов. Какую часть времени евреи были свободными и какую — в рабстве? Какую религию они исповедывали? На каком языке говорили? Были ли смешанные браки? Как они смогли сохранить свою веру, будучи рабами? Кто руководил ими до Моисея? Этого никто не знает.

Не все евреи ушли из Ханаана в Египет. Многие остались в Ханаане, пережили голод и сохранили свой союз с Яхве. Эта часть еврейства продолжала оставаться свободной, тогда как их братья в Египте стали рабами. Было ли египетское рабство осуществлением пророчества Яхве, сделанного четырьмя столетиями раньше? Ведь в Книге Бытия сказано: «Знай, что потомки твои будут пришельцами в стране не своей, и поработят их, и будут угнетать их четыреста лет. Но Я произведу суд над народом, у которого будут они в порабощении; после чего они выйдут с большим имуществом» (15:13—14). А может быть, это пророчество является вставкой более позднего автора, который писал, уже зная о том великом смешении народов, которое произошло в Ханаане, когда Моисей привел туда израильтян (так они теперь назывались), чтобы воссоединить их с остатками евреев, не уходившими оттуда?

Однако эти события еще впереди. Пока что евреи (или израильтяне) продолжали пребывать в рабстве в Египте. А как же знаменитое видение Авраама, сулившее его потомкам землю? Было ли оно всего лишь иллюзией? Или же пророчеством, которому суждено было перейти к другим избранникам Бога и реализоваться в более поздние времена?

2

НЕСГОВОРЧИВЫЙ ПРОРОК

Кем были те египтяне, которые столь дружелюбно встретили Иосифа и его соплеменников? К счастью, археологи добыли для нас множество сведений об этом замечательном народе и его рано возникшей цивилизации. Историки делят раннюю историю Египта на тридцать династий. Эти династии, в свою очередь, группируют по периодам: додинастический (4500 до 3500), Древнее царство (3500 до 2400), Среднее царство (2400 до 1600) и период Империи (1600 до 1100).

В течение первого периода произошло объединение Верхнего и Нижнего Египта, были изобретены иероглифы, введен календарь и положено начало производству материала для письма (папирус). В эпоху Древнего царства возникло и достигло расцвета графическое искусство и началось строительство первых пирамид. Это было также время морских путешествий, когда Египет стал морской державой. Период Среднего царства был классическим веком древнеегипетской литературы. Тогда же возникли новые формы архитектуры и искусства. Во времена Империи наступил расцвет государства.

Египет раздвинул свои границы за пределы Палестины и начал борьбу за господство с Ассирией и Вавилонией. Этот период имел также огромное значение для евреев. В самом начале этого периода они пришли в Египет по приглашению Иосифа, тогдашнего канцлера Египта. В конце этой эпохи они покинули египетские земли под предводительством Моисея, «египтизированного принца».

Почему египтяне отнеслись к евреям так дружелюбно в 16 столетии до н.э. и обратили их в рабство в следующем столетии? Ответить на эту загадку опять помогает нам археология. В 16 в. до н.э. азиатские племена, не установленного (скорее всего — семитского) происхождения, известные под именем гиксосов, вторглись в Египет. Они покорили страну, основали новую династию и построили новую столицу — Аварис, расположенную вблизи границы Филистеи. Полтора столетия спустя течение истории изменило направление. Египтяне свергли гиксосских правителей и обратили их в рабов. Заодно они поработили и чужеземные племена, которых гиксосы призывали в страну. Новый фараон, Рамсес II, действительно начал, как о том повествует Библия, перестраивать Аварис. Перестроив столицу, он назвал ее, «с должной скромностью», своим именем. Строительство выполнялось многочисленными отрядами рабов из гиксосов и других неегипетских племен. Нет оснований сомневаться в том, что в числе последних были и евреи. Все, что до сих пор раскопали археологи, подтверждает библейский рассказ о ходе событий, хотя историки не пришли еще к согласию в отношении точной их хронологии. Трудно сказать, сколько лет евреи находились в египетском рабстве. Нам ничего не известно о каких-либо попытках их борьбы за освобождение. Неизвестно и о появлении среди них каких-либо вождей-освободителей — вплоть до Моисея, этой величайшей и в то же время самой противоречивой фигуры еврейской истории.

Моисей для иудаизма то же, что Христос для христианства. Однако события его жизни, в отличие от событий жизни Иисуса не стали праздниками. В то время как евангелия основаны на высказываниях Иисуса, ни одно повеление Бога, переданное Моисеем народу, не сказано от имени Моисея. Хотя он был освободителем, который вывел евреев из египетского плена, имя его упоминается всего один раз в Хаггаде,* которую евреи читают каждую Пасху в память о своем исходе. Десять заповедей Моисея — это столпы, на которых покоится все здание иудаизма. Однако наиболее запоминающееся изображение Моисея создано не евреем, а христианином эпохи Возрождения, скульптором Микеланджело. Эта статуя Моисея с рогами** запечатлевается в сознании как величественный образ человека, дела которого подтверждают это, но которого евреи не хотят увековечить. Моисей — самая амбивалентная фигура в еврейской истории: почитаемый, но не поименный.

Жизнь Моисея, как и жизнь всех других героев древности, окутана легендами. Книга Исхода сообщает, что «фараон, который не знал Иосифа», приказал убивать всех еврейских младенцев мужского пола. Он хотел воспрепятствовать чрезмерно быстрому размножению еврейского племени (с его стороны логичнее было бы приветствовать такую плодовитость, ведь она обеспечивала его дешевой рабочей

* Хаггада (ивр.) — букв. сказание, легенда.

** Многие историки искусства объясняют появление рогов у «Моисея» Микеланджело неправильным толкованием нескольких стихов Библии. В Книге Исхода (34:29, 30, 35) говорится, что когда Моисей спустился с горы Синай со скрижалями, его лицо «сияло». В этом месте в Библии употреблено слово *каран*, происходящее от корня *кpn*. Но из того же корня образуется слово *керен*, обозначающее и «луч света» и «рог».

силой). Как бы то ни было, в те тревожные дни некий человек из колена Левитов взял себе жену из того же колена, у них родился сын Моисей, которого они в течение трех месяцев прятали от египтян. Когда дальнейшее укрывательство стало слишком опасным, родители поместили ребенка в водонепроницаемую корзинку и пустили ее плыть по Нилу. Дочь фараона, пришедшая к реке купаться, нашла Моисея, пожалела и решила усыновить. Она взяла его во дворец, где он был воспитан как египетский принц.

Как и обо всех прочих легендарных героях, мы ничего не знаем о детстве и юности Моисея. Мы знаем лишь, что однажды, когда ему было уже около тридцати, он увидел, как египетский надсмотрщик избивает раба-еврея. Сердце Моисея воспыало обидой за соплеменников-евреев, и он убил египтянина. Затем, спасаясь от гнева фараона, Моисей бежал в страну Мидиан. Здесь он встретил девушку Циппору, дочь мидианитского жреца Итро (Иофора), и женился на ней. В один прекрасный день, пася овец своего тестя вблизи горы Хорев, Моисей встретил Яхве, который открылся ему как Бог Авраама. Он приказал Моисею вернуться в Египет и освободить евреев. Моисей оказался на редкость несговорчивым. Богу пришлось долго льстить и угрожать ему попеременно, прежде чем Моисей согласился выполнить это приказание.

Приняв на себя руководство, этот несговорчивый пророк вывел евреев из Египта через Красное море в Синайскую пустыню. Странствия евреев по Синайскому полуострову растянулись на сорок лет. За это время старое поколение вымерло и новое заняло его место. Именно здесь, в Синайской пустыне, Моисей дал своему народу Десять заповедей и другие законы. Они стали основой всей еврейской демократии и самого существования нации. Исполнив свою миссию, Моисей умер, так и не ступив на Землю обето-

ванную. Обстоятельства его смерти загадочны. Место его захоронения неизвестно.

Библейская версия жизни Моисея порождает множество недоуменных вопросов. Моисей был воспитан как египетский принц. Каким образом он выучил иврит? Почему отождествлял себя с рабами-евреями, а не с египетской верхушкой? Он не испытывал никаких затруднений, общаясь с мидианитами. На каком языке он с ними общался? Его встреча с Яхве, напоминающая аналогичную встречу Авраама, порождает новые вопросы. Яхве заключил с Моисеем тот же союз, какой некогда заключил с Авраамом. Он приказал Моисею повести евреев в землю Хананскую — в то самое место, куда Он некогда привел Авраама. Он обязал Моисея и людей, выведенных им из Египта, выполнять обряд обрезания. Означает ли это, что за время пребывания в Египте евреи отошли от этого обряда? Сын Моисея, как мы увидим в дальнейшем, не был обрезан. Почему его родители не совершили обряд обрезания на восьмой день после рождения в соответствии с заветом Авраама?

Зададим гипотетический вопрос: а были ли «евреи», покинувшие Ур с Авраамом в 2000 г. до н.э., а также «евреи», пришедшие в Египет с Иосифом в 1600 г. до н.э., тем же самым народом, что и израильтяне, выведенные Моисеем из Египта в 1200 г. до н.э.? И были ли израильтяне, вышедшие из Египта, потомками Авраама, Исаака и Иакова? Или же то был совершенно иной народ? В книге Бытия, рассказывающей о событиях до прихода в Египет, евреи повсюду — за одним исключением — именуются евреями, а не «израильтянами». После Исхода и во всех остальных книгах Пятикнижия они именуется обычно «израильтянами» и очень редко «евреями»*.

* Два места в Библии могут на первый взгляд показаться исключением, но в действительности ими не являются. В первом случае Бог изменяет имя Иакова на «Израэль», что означает «бо-

Непонятная и настойчиво требующая разъяснений двойственность проходит сквозь все Пятикнижие. Мы видим здесь не только два народа — евреев и израильтян, но и двух Моисеев — левита и мидианита. Нам говорят о двух Богах. Одного называют Яхве (и переводят как «Господь»), а другого — Элохим (и переводят как «Бог»). Позднее мы читаем в Библии о двух царствах, слившихся в одно, а затем опять распавшихся на два. Возникают два соперничающих храма — один в царстве Иудея, в Иерусалиме, другой — в царстве Израиль, в Бет-Эле. Внимательный читатель Библии наверняка заметит, что очень многие события в ней излагаются не в одной, а в двух версиях. Что же это перед нами: две версии одной и той же истории или две различные истории, слившиеся в одну?

В течение многих веков ученые вели нескончаемые споры об истинном происхождении Моисея. Некоторые вообще отрицали его существование. Однако большинство признает, что именно Моисей или кто-то другой, выступавший под этим именем, вывел евреев из египетского рабства. Это, однако, не снимает тех настойчивых вопросов, которые ставятся исследователями Библии.

Отбросим на время теологическую трактовку, согласно которой Бог избрал евреев своим народом. Отбросим также предположение, что это Бог избрал сначала Авраама, а затем Моисея орудиями исполнения Своей воли. Задумаемся над следующим: не могло ли быть так, что Авраам был тем, кто впервые выдвинул идеи монотеизма и избранности, а Моисей

гоборец» (от слов *саро им Элохим*). С этого момента Иаков, и только он, именуется Израилем — за одним исключением (Быт. 47:27). В другом случае, в предпоследней главе Бытия, Иаков употребляет слово Израиль, но только по отношению к самому себе: «...послушайте, сыны Иакова, внимайте Израилю, отцу вашему».

— тем, кто возродил эти идеи? А возможно, обе идеи были выдвинуты Моисеем? И только позже составители Библии приписали их задним числом Аврааму, чтобы тем самым утвердить непрерывность истории израильтян? Может быть, Моисей, как утверждают некоторые ученые, вообще был неевреем? Может быть, это он *избрал* евреев в качестве народа, среди которого стал проповедывать свои религиозные идеи? В таком случае выражение «избранный народ» получило бы нерелигиозное объяснение. Не произошло ли в Ханаане слияние израильтян, выведенных Моисеем из Египта, с евреями, не ушедшими в Египет с Иосифом? И если это так, то было ли то слияние двух различных народов, чуждых друг другу, веривших в различных богов? Или же то были две ветви одного и того же народа, развивавшиеся порознь в течение 400-летнего египетского плена?

Зигмунд Фрейд в книге «Моисей и монотеизм» предлагает следующую любопытную гипотезу. Он считает, что Моисей был неевреем, объединившим израильтян Египта и евреев Ханаана в один народ. Главная посылка Фрейда состоит в том, что Моисей был египетским принцем или жрецом, который создал новую монотеистическую религию*. Тщетно пытался, говорит Фрейд, этот египетский Моисей проповедывать свою новую религию египтянам. Египтяне отказывались поверить в такую странную и еретическую фигуру, как невидимый Бог. В те дни все отлично знали, что Земля плоская, что Солнце вращается вокруг Земли и что все боги зримы. Как всякий

* Я никак не могу понять возмущения, вызываемого предположением, что Моисей был египетским принцем, коль скоро евреи вполне спокойно принимают тот факт, что Авраам, праотец еврейского народа, был вавилонянином и стал евреем только на 75 году своей жизни. Величие еврейской истории состоит в идеях, которые ее пронизывают, и если у евреев хватило ума последовать за Моисеем, будь он египтянином, мидианитом или евреем, то тем больше их заслуга.

убежденный фанатик, Моисей сознательно выбрал израильтян, находившихся в египетском рабстве. Он пообещал им освободить их, если они согласятся принять его монотеистическую религию. Существуют ли исторические доводы в пользу такой гипотезы?

Примерно во времена еврейской неволи в Египте там правил Фараон по имени Аменхотеп IV. Этот реформатор предпринял попытку заменить политеистическую религию египтян, т.е. веру во многих богов, новой, монотеистической верой. Он провозгласил одного из египетских богов солнца — Атона верховным божеством. Но народ испугался этого невидимого, всемогущего Бога. Жрецы также выступили против нового божества, которое грозило лишить их всякого значения. Произошел дворцовый переворот. Аменхотеп был свергнут и убит во время волнений, которые охватили весь Египет и продолжались около столетия. В конце концов старый порядок был восстановлен.

«В хаосе и смятении этой революции, — говорит Фрейд, — мог произойти один малозаметный инцидент. Вполне возможно, что некий жрец или принц по имени Моисей вдохновился идеями погибающей религии Атона (точно так же, как много позже апостол Павел вдохновился стремлением утвердить христианство). Возможно, что когда египтяне отказались принять религию Атона, Моисей решил проповедывать ее евреям. Это не такая уж невероятная гипотеза. Здесь снова напрашивается аналогия с Павлом. Когда евреи отказались принять учение Христа, Павел понес свою благую весть язычникам. Так был иронический оборот истории».

Согласно Фрейду, Моисей решил, что евреи — самый подходящий народ для проповеди новой религии. Они жили в Египте, были рабами и мечтали о свободе. Моисей и евреи пришли к соглашению. В обмен за освобождение евреи обязались признать Моисея своим вождем, а его религию — своей рели-

гией (стоит напомнить, что на заре своего существования христианство тоже было принято в основном рабами).

Можно ли найти в Библии доказательства, подтверждающие гипотезы Фрейда о египетском, а не еврейском происхождении Моисея? Согласно Библии, имя Моше, или Мос, было дано ему дочерью фараона. Мосес — греческая форма этого имени. Свой выбор дочь фараона объяснила тем, что «из воды извлекла его». Такое объяснение предполагает, что дочь фараона была сведуща в тончайших нюансах иврита. Лингвисты, однако, указывают на более простое объяснение: имя Моше вообще не ивритское, а египетское и обозначает «дитя». Его можно найти в таких известных египетских именах, как Рамсес (Ра — мос, или «дитя Ра») или Тутмос (Тот — мос, «дитя Тота»). Эти имена образованы почти по тому же принципу, как некоторые современные фамилии, вроде Джонсона («сына Джона»).

Ученые продолжают спорить, почему сын Моисея не был обрезан при рождении. Создается впечатление, будто Бог с запозданием понял, что поручил вывести евреев из Египта человеку, который не соблюдал еврейского обряда обрезания. Отошел ли Моисей от иудаизма или он с самого начала был необрезанным язычником? Не кто иной, как Циппора, жена Моисея, быстренько проделала операцию обрезания, чтобы смягчить гнев Господень. Та же Циппора, когда она впервые встретила Моисея, приняла его за египтянина. Точно так же вел себя ее отец, мидианитский жрец. Библия утверждает, что Моисей плохо говорил — он заикался и этим оправдывал свое нежелание принять на себя поручение Бога. Для любого читателя Библии это объяснение звучит полнейшей неожиданностью, потому что до этого нигде не упоминалось, что Моисей был заикой. В ответ Бог сообщает Моисею, что у него есть брат Аарон, который будет говорить от его имени. Это еще одна не-

ожиданность, ибо прежде Библия не упоминала об этом брате. Быть может, Моисей действительно нуждался в переводчике, но по совсем иной причине? Фрейд предполагает, что этой причиной было отнюдь не заикание, а тот факт, что Моисей не знал иврита.

Это, разумеется, еще не решающие соображения. Они, однако, дают основания для некоторых гипотез. Попытаемся теперь использовать библейскую экзегезу (критику библейских первоисточников), чтобы объяснить загадку двойственности, которая так характерна для ранней еврейской истории.

Исследователи Библии пришли к выводу, что Пятикнижие представляет собой сборник повествований и документов, заимствованных из четырех основных источников, которые они обозначили «Я», «Э», «ЯЭ» и «Ж». Рассказчик «Я», или Яхвист, назван так потому, что он всегда именует Бога — Яхве. Это самая древняя часть Пятикнижия, написанная примерно в 9 в. до н.э. в южном царстве — Иудее. Рассказчик «Э», или Элохист, всегда называет Бога Элохим. Это повествование написано лет через сто в северном царстве — Израиле. Исследователи предполагают, что источник «Ж», или «Жреческий», составлен через двести с лишним лет после части «Э», т.е. около 600 г. до н.э. Наконец, в пятом столетии до н.э. еврейские жрецы объединили источники «Я» и «Э», добавив к ним небольшие собственные вставки (весьма благочестивые подделки). Этот текст и называется «ЯЭ», потому что Бог в нем именуется Яхве Элохим (что переводится как «Господь Бог»).

Окончательное слияние пяти книг Моисеевых, известных под названием Пятикнижия, произошло примерно в 450 г. до н.э., это было почти через 8—16 столетий после некоторых событий, описанных в нем. Разве не разумно предположить, что за это время в рассказах и легендах, передававшихся изустно из поколения в поколение, могли произойти

многочисленные изменения? И все это время, как мы видели, жрецы, пророки и политики трудились не покладая рук над редактированием сводного текста.

Вернемся к предположению, что именно Моисей был автором идеи союза Бога с «избранным народом». Возможно ли, что упомянутая выше двойственность объясняется тем, что мы действительно имеем дело с двумя разными народами? Возможно ли, что евреи Авраама и израильтяне Моисея имели каждый своего Бога — Яхве у евреев и Элохим у израильтян? Возможно ли, что оба эти народа были позднее впервые объединены Моисеем? Вспомним, что не все евреи ушли в Египет с Иосифом. Многие остались в земле Ханаан, где продолжали исповедывать культ Яхве, как завещали им предки Авраам, Исаак и Иаков. Когда Моисей привел израильтян в землю Ханаанскую, задачей судей, царей и пророков, как мы увидим, стало слияние двух народов в один и двух культов в единую религию. Встав на эту точку зрения, можно рассматривать встречу Авраама с Яхве как более позднюю вставку в текст, добавленную редакторами Пятикнижия. Ее можно рассматривать как попытку объединить два кровно близких, но религиозно различных народа, приписав им одного и того же Бога. Для этого оказалось достаточно простой уловки — утверждения, что и Авраам, и Моисей имели одинаковые откровения от Яхве и Элохим, ныне именуемого Яхве Элохим — Господь Бог.

Мы уделили много внимания гипотезам о личности Моисея и происхождении евреев и израильтян. Мы не ставили своей задачей ни подтвердить, ни опровергнуть эти гипотезы. Мы лишь хотели указать, что с нашей точки зрения не имеет существенного значения, был ли Моисей евреем или нет. Не существенно, были ли евреи и израильтяне одним и тем же народом и кому именно Бог впервые даровал Свое откровение. Сам факт принятия евреями идеи союза с Богом — вот что сделало еврейскую исто-

рию такой, какой она стала, вне зависимости от того, как и кто им эту идею даровал. Существенно, что Моисей, будь он еврей или египтянин, изменил форму и суть прежнего иудаизма. Он был первым из тех боговдохновенных людей, именуемых пророками, которые сделали еврейского Бога универсальным.

Центральным событием истории Моисея, изложенной в книгах Исхода, Левитов, Чисел и Второзакония, является дарование Закона. Все предшествующее было только предисловием. Все последующее — заключением. Дарование Закона было, в сущности, актом сотворения нового народа. Действительно, грандиозная схема Книги Исхода явно задумана как описание обряда посвящения, принятого примитивным племенем, но переведенного в более возвышенный, этический, символический план. Во всяком первобытном племени юноши, прежде чем вступить в общество взрослых мужчин, должны пройти обряд посвящения. Этот обряд всегда содержит пять элементов, общих для самых разных племен: символическая смерть, символическое возрождение, символическое увечье, объединяющее в кровное братство, получение нового имени каждым, прошедшим посвящение, и, наконец, ознакомление с тайными доселе законами племени. Сорокалетнее блуждание евреев под предводительством Моисея в Синайской пустыне, за время которого вымерло старое и выросло новое поколение, воплощает собой символическую смерть и возрождение в обряде посвящения, связанного с Исходом. Затем все мужчины были обрезаны. Евреям было дано новое имя — народ Израиля. Наконец, им был открыт новый закон — Тора.

Тора была дерзким прыжком в будущее. Она гигантски опередила все, что существовало в то время. Ее концепция равенства всех перед законом, основанная на писаном кодексе, является, по-видимому, семитским изобретением. Шумеры, писанный кодекс

законов которых датируется 2500 годом до н.э., были, вероятно, первым в истории народом, имевшим писанные законы. Однако их своду законов недоставало того пламенного стремления к справедливости, которое отличает свод законов Моисея. Спустя пять веков шумерский свод был переработан и включен вавилонянами в так называемый Кодекс Хаммурапи. Но и этот кодекс не имел того демократического духа, который пронизывает Тору. Египтяне не имели писаного юридического кодекса, применимого ко всем без исключения подданным, вплоть до 300 года до н.э.

Таким образом, кодекс Моисея действительно является первым подлинно юридическим, писанным сводом законов, который далеко превосходит все предшествующие законы своим всеобъемлющим гуманизмом, жадой справедливости, стремлением к демократизму. Одновременно этот кодекс способствовал формированию нового еврейского национального характера. Он направил еврейское мышление в новое русло. Двигаясь по нему, евреи стали все больше отдаляться от своих соседей.

Идеологическое содержание Моисеевых законов представляет значительный интерес. Здесь мы впервые встречаемся с еврейской концепцией государства и философией права. Законы Моисея распадаются на три основных категории: те, которые регулируют отношения человека с человеком, те, которые регулируют отношения человека с государством, и те, которые регулируют отношения человека с Богом.

Законы Моисея предвосхищают ту форму государственности, которую Бог обещал израильтянам. Хотя на этом этапе своей истории евреи все еще были кочевниками, кодекс Моисея предназначен не для кочевого народа. Эти законы рассчитаны на охранение государственной, а не только родовой целостности. Однако интересы индивидуума в них никогда не подчиняются интересам государства.

Весьма свободные рамки этих законов обеспечили возможность возникновения демократической формы правления. Она оказалась достаточно жизнеспособной, чтобы просуществовать в течение восьмисот лет, пока пророки, в свою очередь, не революционизировали Тору. Заметим, что американская конституция насчитывает пока не более двухсот лет.

Кодекс Моисея заложил первые основы для отделения церкви от государства. Эта концепция впервые возникла вновь в мировой истории лишь 3000 лет спустя — в эпоху европейского просвещения, в 18 в. Согласно кодексу Моисея гражданские власти независимы от духовных. Хотя священнослужители имели право решать вопросы, не оговоренные в Моисеевом законе (Второзаконие 17:8—12), они не стояли над гражданским правительством. На священнослужителей была возложена ответственность за то, чтобы правительство держалось в рамках Моисеева закона. Точно так же Верховный суд Соединенных Штатов, не будучи выше федерального правительства, несет ответственность за то, чтобы это правительство действовало в рамках Конституции. Моисей заложил также основы для другого объединения, которое стало с тех пор неотъемлемой частью всякой демократии. Он основал независимый класс судей.

Можно заметить интересное сходство между философскими принципами американской конституции и философскими принципами кодекса Моисея. Федеральное правительство США располагает лишь теми правами, которые конкретно оговорены для него конституцией. Отдельные штаты могут делать все, что им конкретно не запрещено. Моисеев закон, в сущности, также устанавливает принцип, по которому евреи могут делать все, что им конкретно не запрещено. Вместо того, чтобы говорить: делай то-то и то-то, законы Моисея обычно говорят: не делай того-то и того-то. Даже там, где в них встречается позитивное утверждение, оно обычно является дополнением к негативной заповеди (запрету) или сопрово-

ждается негативным заключением. В конечном итоге все сводится к форме: делая то-то и то-то, не делай того-то и того-то. Десять заповедей, например, содержат всего три позитивных повеления, но зато семь запретов. Три позитивных утверждения — это: «Я Господь Бог твой»; соблюдай субботу; чти родителей. Семь запретов оставляют весьма мало сомнений на счет того, что не положено делать. Определив лишь границы запретного, Моисей тем самым оставил открытое поле для позитивной деятельности. Благодаря этому евреи получили большую свободу действий. До тех пор, пока эти действия не входили в противоречие со специально оговоренными запретами, они могли, подобно американским штатам, делать все что угодно.

Подобный тип мышления привел к тому, что еврейские философы, как правило, выражают свои принципы в негативной форме. Интересный пример глубокого различия в типах мышления представляет собой высказывание, которое христиане приписывают Иисусу, а евреи — Хиллелу, одному из величайших учителей иудаизма. Согласно христианской версии, Иисус сказал: «*Делай* другим то, чего желаешь для себя». Согласно евреям, Хиллел, живший за сто лет до Иисуса, сказал: «*Не делай* другим то, чего не желаешь себе». Целая философская пропасть разделяет эти два высказывания. Я приглашаю читателя поразмыслить над ними и решить, какое из них он предпочел бы увидеть примененным к самому себе.

Эти законы, сформулированные почти три тысячи лет назад, и поныне поражают своей гуманностью. Невольно задумываешься: не стал ли бы нынешний мир намного лучше, будь эти законы приняты повсеместно? К рабам относятся более гуманно и снисходительно, чем в Америке в 1850 году. На рабов распространяются все законы, принятые для свободных людей. Каждые семь лет их надлежало отпускать на свободу. Закон о разводе во времена Моисея был бо-

лее либерален, чем в современной Англии, и к женщинам относились с почтением.

Небезынтересно отметить особое отношение евреев к сексу за 1200 лет до н.э. Пуританская идея секса, как греха, никогда не имела распространения в иудаизме. Сексуальные желания рассматривались как нормальное явление. В то же время считалось, что желания эти должны находить удовлетворение только в рамках института брака. Поэтому поощрялись ранние браки. Сожительство мужчины и женщины должно было быть радостным, а также добровольным. Считалось преступлением, если один из супругов — муж или жена — намеренно избегали сексуальных отношений. Такое положение, если оно продолжалось, служило достаточным основанием для развода. На холостяков смотрели неодобрительно. Все мужчины усиленно поощрялись к женитьбе, тогда как женщины располагали в этом вопросе большей свободой, хотя и от них ожидали раннего замужества.

Создатель кодекса отдавал себе отчет в неизбежности нарушений закона. Поэтому он позаботился о благополучии детей, рожденных вне брака. Только дети родителей, которым по религиозному закону запрещено вступить друг с другом в брак, считались незаконнорожденными. Все другие внебрачные дети считались законными и не могли быть лишены наследства. Добродетель среди незамужних почиталась весьма высоко. Проституция рассматривалась как низменное занятие. На религиозную проституцию, столь распространенную в языческом мире, смотрели с отвращением. Гомосексуальные отношения между мужчинами считались серьезным преступлением. Но такие же отношения между женщинами считались хоть и скандальными, но не преступными.

Вторая заповедь, запрещавшая изготовление кумиров и изображений живых существ, оказала глубокое влияние на еврейский характер. В этом отношении наиболее интересное замечание сделал Фрейд:

«Коль скоро принимается подобный запрет, он должен оказать глубочайшее влияние. Он означает подчинение чувственных восприятий абстрактной идее. Он означает триумф чистой духовности над чувственностью».

Избрав себе Бога духовного, а не материального, евреи пошли по пути обогащения духовного содержания религии, оставив в стороне физический облик божества. Такое отношение последовательно выработалось у пророков, вождей народа и раввинов. Вера в духовного Бога, а не в идолов из камня дала евреям чувство культурного превосходства над язычниками. В результате Моисей вселил в свой народ чувства национальной гордости, а не только чисто внешнее ощущение особенности. Интеллектуализм, эта характерная национальная черта евреев, тоже был прямым следствием абстрактности их Бога. Другим таким следствием был отказ от жестокости и садизма. В наши дни нравственные качества евреев могут быть подвергнуты статистической проверке. В настоящее время евреи составляют около 3% населения США. Однако количество евреев, осужденных за насилие, составляет всего лишь 0,1% всех осужденных за подобные преступления в американских тюрьмах. За какие бы проступки евреев ни отправляли в тюрьму, это, как правило, не садистские акты — убийство, насилие, побои, истязания, — хотя, разумеется, случаются и исключения. Эта громадная статистическая диспропорция не перестает удивлять современных социологов.

Вторая заповедь имела и отрицательный эффект. Она способствовала подавлению в евреях художественного начала. Так как евреям было запрещено изображать «то, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли», они отказались от живописи, скульптуры и архитектуры (хотя, как увидим позже, здесь были некоторые весьма заметные исключения). Лишь в 19 в., когда евреи перестали следовать второй заповеди, вслед за

христианами, поступавшими так уже в течение двух тысяч лет, они выдвинули из своей среды художников, скульпторов и архитекторов. Однако к этому времени еврейский характер сформировался, и позднее «вторжение» евреев в область ваятельного искусства уже не смогло значительно изменить их национального характера.

Явление Бога Моисею, ознаменовавшееся дарованием божественного закона еврейскому народу, завершилось. Миссия Моисея была закончена. Теперь ему надлежало сойти со сцены. Более молодые готовы были взять в свои руки судьбу народа, которому он дал конституцию. Знаменитое видение Авраама не было иллюзией. Моисей, этот несговорчивый пророк, сделал его реальностью.

3

СУДЬИ, ЦАРИ И УЗУРПАТОРЫ

Когда, наконец, в 12 в. до н.э. евреи поселились на Земле обетованной и могли назвать ее своей, это оказалось наихудшим из решений. Они заселили полосу земли, которая служила коридором для воюющих армий. То и дело им приходилось расплачиваться за эту ошибку гибелью в сражениях, потерей свободы, выселением из страны. Но каждый раз они упрямо возвращались на прежние места, вновь заселяя узкую полосу своей территории, которая попеременно называлась Ханааном, Палестиной, Израилем, Иудеей, провинцией Иудея и снова Израилем.

Исход евреев из Египта был возглавлен Моисеем. Их возвращение в Ханаан, Землю обетованную, возглавлял назначенный Моисеем его преемник — Иехошуа (Иисус Навин). Ханаанеяне, хоть и располагали боевыми колесницами и мощными крепостями, не представляли собой единого народа. Это была

скорее непрочная федерация городов-государств. Каждое из них управлялось своим маленьким царьком. Тщетно пытались они сплотиться против вторгшихся в страну евреев. Еврейские армии под предводительством Иехошуа нанесли удар прежде, чем противник успел объединиться. Иехошуа переправился через реку Иордан и, устремившись на юг, против иевуситов, разгромил союзные армии, возглавлявшиеся иевуситским царем. Затем, повернув на север, он разгромил ханаанские племена под руководством царя Хацора. Читателю, не знакомому с историей и нравами древности, рассказ Библии о последовавшем за этим разрушением Ханаанской цивилизации может показаться чудовищным. В действительности оно было значительно менее варварским, чем разрушение критской культуры греческими ордами, вторгшимися на Крит в 6 веке до н.э., или этрусской культуры — римлянами, вторгшимися в Этрурию в том же столетии. Ханаанская цивилизация распалась, а евреи стали бороться с отвратительными религиозными обычаями, на которых она держалась, — человеческими жертвоприношениями божеству по имени Молох, похотливым культом местного ханаанитского божка по имени Ваал, разгульными оргиями и культовой проституцией во имя женского божества Ашеры. Постепенно, с прекращением ханаанского сопротивления начали вырисовываться первые, еще нечеткие очертания границ будущей Эрец-Исраэль.

В этой исторической драме Ханаан был великолепным фоном для спектакля «Возвращение на родину». Израильтяне, ушедшие из Египта, возвращались в Ханаан после четырехсотлетнего отсутствия. Им предстояло воссоединиться со своими братьями-евреями, теми из потомков Авраама, Исаака и Иакова, которые четыре столетия тому назад не откликнулись на приглашение Иосифа переселиться в Египет. Это воссоединение египетских израильтян и ханаанских евреев заняло около 200 лет. Но и после этого получившаяся смесь осталась несовершенной. Это

была холодная пайка, которая развалилась при первых же признаках внешнего давления.

С заселением Ханаана евреи перестали быть кочевым народом. Осев на землю, они создали своеобразный политический институт, не имевший себе подобных в истории. Это был институт *шофтим*, или Судей, — боговдохновенных людей, ответственных только перед Господом. За 400 лет до греков евреи создали первую в мире демократию. Грубо говоря, эпоха Судей в еврейской истории соответствует джефферсоновской эпохе в истории американской — эпохе слабого центрального правительства и широких «прав колен», которым в американской истории соответствуют широкие права отдельных штатов.

Новая нация состояла из двенадцати колен, упоминаемых в Библии. Старейшины вершили правосудие в каждом колене — точно так же, как в штатах ее вершат местные суды. Выше авторитета старейшины был верховный авторитет судьи (как федеральная конституция стоит выше авторитета местных властей). Судья был главнокомандующим во время войны и правителем в мирные дни. Его власть была ограничена Законом, но он мог по своему усмотрению назначать должностных лиц так же, как президент США назначает министров. Судьи могли созывать «Сенат» и «Народную ассамблею» для обсуждения различных вопросов. Функции членов Сената ничем не отличались от сегодняшних в Америке. Подобно Палате лордов в Англии, Сенат был не только законодательным, но и юридическим органом власти. Во время греко-римского владычества в Палестине Сенат, называвшийся у евреев *Санхедрин* (Синедрион), утратил большую часть своих законодательных прав и превратился в основном в институцию судебного производства.

Народная ассамблея отдаленно напоминала американскую Палату представителей. В Пятикнижии Моисеевом задолго до первого упоминания об институте Судей то и дело встречаются выражения: «Вся

община Израиля» или «весь Израиль». В то время, когда Моисей у горы Синай передавал народу Тору, евреи уже насчитывали более 600 тысяч человек*, трудно представить себе, чтобы Моисей мог обратиться ко всем одновременно. Скорее всего он выступал перед избранными представителями каждого колена.

Американская демократия отнюдь не случайно так разительно напоминает государственный строй древнего Израиля. Отцы-основатели Соединенных Штатов были воспитаны на Библии. Многие из них достаточно хорошо владели ивритом, чтобы прочесть Ветхий Завет в оригинале. Некоторые ученые придерживаются мнения, что американская конституция скопирована не с греческой демократии, а с еврейского государства эпохи Судей.

В это же время, где-то между 1300 и 800 г. до н.э., то ли финикийцы, то ли евреи изобрели важнейшее орудие человеческой культуры — алфавит. Еще недавно все ученые единогласно отдавали честь этого изобретения финикийцам. Однако археологические открытия последних лет дают все большие основания предполагать, что алфавит был еврейским изобретением.

Институт Судей просуществовал в течение двухсот лет. Он, однако, страдал одним роковым изъяном. Он не обеспечивал основы для сильного централизованного руководства. Каждый судья избирался своим собственным коленом. Все двенадцать колен были уверены, что в критический момент Бог позаботится о том, чтобы объединить их и ниспослать им вдохновенного вождя, который, подобно Жанне

* Многие ученые считают, что подлинная цифра составляет 600 или 6 тысяч семей. Трудно представить, что пустыни Синая и Негева могли прокормить 600 тысяч взрослых мужчин, их семьи и слуг — в общей сложности около трех миллионов человек — в течение сорока лет.

д'Арк, спасет евреев от грозящего им несчастья. И у евреев действительно была своя Жанна — в лице Деворы, единственного судьи-женщины. Вера евреев в своевременное вмешательство Господа была так сильна, что они не заботились о преемственности власти. Они полагали, что всякий кризис сам собой породит очередного Спасителя. В этом убеждении можно видеть зародыш грядущих мессианских концепций.

Отсутствие постоянного главы государства препятствовало развитию устойчивой центральной власти. Хотя институт боговдохновенных Судей способствовал распространению в народе религиозного духа, он не был способен обеспечить гражданский мир в стране. То была эпоха раздоров. Исследователь экономической истории назвал бы ее эпохой перехода от экономики кочевой к экономике оседлой, сельскохозяйственной. Изменившиеся социальные и экономические условия, несомненно, требовали более централизованной системы управления. Новый образ жизни — в домах и городах, а не на спинах мулов и в шатрах — в конце концов привел к изменению системы власти.

Следуя требованию времени, евреи установили конституционную монархию. Так родилась первая династия еврейских царей. Конституционная монархия, созданная двенадцатью коленами Израиля примерно в 1000 г. до н.э., была первым в истории экспериментом такого рода. Позднее такую форму правления в течение короткого времени практиковали греки и римляне. Затем она исчезла, чтобы вновь возродиться с подписанием Великой хартии вольностей. После этого ее почитали — больше на словах, чем на деле, — в течение еще нескольких столетий.

Еврейская идея монархии существенно отличалась от языческой. Она была обусловлена свободным и непосредственным контактом человека с Богом, присутствующим еврейскому монотеизму. Язычники приписывали своему монарху божественное происхождение.

Он олицетворял в себе и государство и религию. Он был центральной фигурой их религиозного культа. Евреи никогда не считали, что их цари ведут свое происхождение от Бога. Еврейский царь нес такую же ответственность перед законом, как и обычные граждане. Для него не существовало ни особых законов, ни особых исключений.

Первым царем Страны Израиля — впрочем, только номинально — был Саул. Первым настоящим царем был Давид. Вторым — его сын Соломон. Давид был воинственным монархом, но его слава в памяти евреев зиждется на трех деяниях, не имеющих ничего общего с войной. Давид превратил Иерусалим в символ, идеал и святыню тем, что, во-первых, сделал его политической столицей страны, во-вторых, предназначил его местом сооружения Храма и, в-третьих, поместил там ковчег Завета. Однако, поскольку Давид был воинственным монархом, а Храм был посвящен идеалу мира, Бог не благословил Давида на сооружение Храма. Эта роль была доверена его сыну Соломону. Во времена правления Давида Ковчег хранился в специальном шатре. Соломон перенес его в Храм. Однако замыслы Давида привели к непредвиденному результату: Иерусалим стал символом не только иудаизма, но и еще двух религий — христианства и ислама.

Умирая, Давид оставил своим наследникам царство, которое — по крайней мере евреям — казалось целой империей. Но на это наследство зарилось много врагов. «Империя» Давида простиралась от реки Евфрат до залива Акаба и была впятеро больше современного Израиля (до 1967 г.). Однако ее границы были раздвинуты за счет других народов. Иевуситы, которые дали Иерусалиму его имя, были изгнаны, но не покорены. Филистимляне, именем которых была названа Палестина, были покорены, но не сокрушены. Не успели евреи оплакать Давида, как иевуситы и филистимляне объединились с другими побежденными племенами и восстали против евреев,

чтобы вернуть свои утраченные земли. Иевуситы и филистимляне так и не сумели отвоевать Иерусалим или Палестину. Но их восстание позволило другим покоренным евреями племенам освободиться из-под еврейского господства. Царь Соломон даже не пытался вернуть их в подчинение. Добившись дипломатическим путем установления мира на границах, он направил свои усилия на внутреннее развитие страны.

Переход земледельческой страны к городскому образу жизни был не менее трудной задачей, чем, скажем, превращение феодального общества в капиталистическое. Для ее решения Соломону потребовалось сломить политическую независимость отдельных племен. Его побудили к этому весьма прозаические причины.

Известный немецкий социолог Макс Вебер в своем эссе «Политика как профессия» указывает, что сильное федеральное правительство можно создать только тогда, когда оно сосредоточивает в своих руках все важнейшие административные функции и исключительное право ведения войны. Когда отдельные составные части государства уже не располагают достаточными средствами для содержания собственных армий и зависят в этом отношении от денег федерального правительства, тогда они утрачивают свою фактическую суверенность, хотя могут еще сохранять номинальную. Аналогия с ситуацией в США очевидна.

Перед Соломоном стояла задача утвердить федеральную власть вместо власти племен. Ему предстояло сломить их политическую независимость. Эта независимость покоилась на их способности содержать собственные армии и собирать достаточные налоги, чтобы быть финансово независимыми. Для достижения своих целей Соломон разделил страну на двенадцать налоговых округов, при этом он намеренно разрушил прежние границы колен. Введя огромные налоги и принудительный труд, он создал

большую армию обезземеленных, вынуждая их переселяться в города: таким образом, в городах возникла дешевая рабочая сила, которая позволяла создавать новые торговые и ремесленные предприятия. Во времена Судей (сельскохозяйственная экономика) основной экономической ячейкой был род. При Соломоне (торгово-ремесленная экономика) такой ячейкой стал индивидуум. Родовые узы и авторитет старейшин были подорваны.

Соломон, однако, поторопился. Разрушение старых устоев породило череду событий, которые вышли из-под его контроля. В стране возникали новые города, где развивалась торговля, процветало ремесло. Но эти города не успевали поглотить огромные массы обезземеленных, которые устремлялись в них из деревни в поисках работы. По прошествии некоторого времени все язвы чересчур поспешного развития выступили наружу. К моменту смерти Соломона страна была во власти тех социальных и экономических конфликтов, которые столь характерны для современных государств, — обезземеление, принудительный труд, безработица, арендаторство, эксплуатация большинства меньшинством. Чрезмерная концентрация богатств порождала пороки и коррупцию. Они, в свою очередь, порождали злоупотребления и извращали суд.

Соломон посеял также семена будущего религиозного раздора. Через его опочивальню в Страну Израиля проникло идолопоклонство. В то время смешанные браки и многоженство еще не были запрещены. Независимо от того, к какой религии принадлежали многочисленные жены и любовницы Соломона, он разрешал им исповедывать ее открыто. Отношение Соломона к религии можно описать словами историка Гиббона, который говорил о римлянах: «Всевозможные культы, процветавшие в Римской империи, рассматривались простыми людьми как одинаково истинные, философами — как одинаково ложные, а властями — как одинаково полезные. Подобная тер-

пимость приводила не только к всепрощению, но и к религиозному согласию». Не так смотрели на это евреи. Терпимость царя Соломона не привела ни к взаимной снисходительности, ни к всеобщему согласию. Она породила гражданскую войну.

Даже во времена царя Давида Страна Израиля никогда не представляла собой единого централизованного государства. Это было непрочное объединение двух царств — Израиля на севере и Иудеи на юге. Царь Иудеи не мог править в Израиле без согласия израильтян. Это согласие было дано Давиду перед его помазанием на царство. Не так было с Соломоном. Чтобы обеспечить признание Израилем Соломона царем после своей смерти, Давид дважды возил его в Израиль для помазания в его присутствии (I Хрон 29:22—23). Лишь тогда израильтяне признали его и своим царем.

Соломон умер в 931 г. до н.э. Его сын Рехавам наследовал ему только на троне Иудеи. Подобно отцу, он также отправился в Шхем, чтобы быть коронованным и там. Здесь он был встречен старейшинами Израиля, которые изложили ему свои политические и религиозные претензии. Библия (I Царей 12:1—15) в драматических красках изображает эту встречу. Свободолюбивые сыновья Израиля выдвинули принцип: «владыка — слуга народа», а Рехавам этот принцип отверг. Подобно многим другим тщеславным и самонадеянным правителям, Рехавам не внял голосу миротворцев и умеренных советников. Вместо этого он отправил против израильтян свою армию. Она, однако, потерпела решительное поражение. Через год после смерти Соломона Страна Израиля перестала существовать как единое государство. Она была разорвана по тем самым швам, по которым Иехошуа, Давид и Соломон пытались ее скрепить. Полководец Иоровам стал царем Израиля, в состав которого вошли десять из двенадцати колен народа. Рехавам остался владыкой Иудеи, состоявшей из двух оставшихся колен. Гражданская война между Израи-

лем и Иудеей, начатая Рехавамом, продолжалась в течение целого столетия.

Постепенно не только еврейская история, но и сами евреи изменили свой облик. В течение первого тысячелетия своей истории евреи были кочевниками и землепашцами. Они жили своим трудом, любили мир и брались за оружие только тогда, когда обстоятельства их к этому понуждали. Во втором тысячелетии этот облик решительно изменился. Евреи стали воинствующим народом, бесстрашным на поле битвы, непревзойденным в боевой доблести. Подобно грекам, они знавали свои марафоны — величественные победы, одержанные вопреки самым неблагоприятным обстоятельствам. Но в отличие от греков, которые смиренно покорились римлянам после своего поражения, евреи не переставали воевать со своими поработителями, пытаясь вернуть себе политическую независимость и религиозную свободу. Лишь через столетия, уже во времена западной цивилизации, в сознании народов утвердился новый, ныне стереотипный образ еврея — мирного и даже кроткого существа.

Из длинного перечня имен еврейских царей широкой публике известны лишь имена Давида и Соломона. Обычный читатель проявляет мало интереса к монархам, которые правили Израилем и Иудеей после разъединения этих государств. Между тем еврейская история при этих правителях намного более интересна и драматична, чем любой из эпизодов времен Давида и Соломона. С мужеством, которое граничило с дерзостью, евреи отваживались вести войны с такими могучими державами, как Сирия, Финикия, Египет. В то время, как другие народы трепетали при приближении ассирийских или вавилонских полчищ, Израиль и Иудея взывали к доблести и мужеству своих соседей и сколачивали из них коалиции для борьбы с врагом. Еврейские цари ничем не напоминали осторожных и расчетливых политиков. Они походили скорее на людей эпохи Возро-

ждения с их склонностью к ярким драматическим эффектам.

История разделенного государства вообще во многом напоминает историю Италии при Медичи с ее калейдоскопической вереницей интриг, измен, политических убийств, регентств и узурпаций. То было мрачное и жестокое время в еврейской истории. Тем не менее в его событиях угадываются контуры величественного и осмысленного плана. Три вариации на одну и ту же тему образуют общий лейтмотив этих трех столетий: стремление предотвратить поглощение еврейского монотеизма языческими культурами, борьба за сохранение морали и справедливости в качестве высших социальных ценностей, твердое намерение сберечь еврейский народ как этническое целое. Так как Израилю суждено было пасть первым, проследим сначала вкратце историю этого царства. Затем мы сможем вернуться к истории Иудеи.

Трон Израиля был ненадежным приобретением. Оно гарантировало его обладателю в среднем не более одиннадцати лет спокойствия. За 212 лет существования независимого Израильского царства на этом троне сменилось девять династий. Одна из них просуществовала всего лишь семь дней! Немногие из девятнадцати израильских царей умерли естественной смертью.

Иороваам начал свое правление с дальнейшего углубления раскола между двумя царствами. К политической вражде он добавил религиозный раскол, воздвигнув в Бет-Эле храм, который призван был стать соперником иерусалимскому. Именно в это время в Иудее были написаны первые части Яхвистского источника Пятикнижия. Несколько десятилетий спустя в Израиле появились материалы Элохистской версии, видимо, в пику составителям Яхвистского документа, с целью уравнивать в значении конкурирующие храмы Бет-Эля и Иерусалима.

Череди бесталанных правителей привела израильское царство на край пропасти. Только сильная рука

Омри (866 г. до н.э.), одного из самых ярких и блестящих израильских царей, спасла государство от окончательной гибели. Омри был Наполеоном своего времени. Перед ним стояли аналогичные наполеоновские проблемы, и он прибег к тем же мерам для их решения. Прежде всего он покончил с гражданскими междоусобицами, которые бушевали внутри самого Израиля. Затем он буквально разметал вторгшиеся в страну армии полдюжины враждебных государств. Вслед за этим он перенес столицу из Шхема в Шомрон (Самарию), провел реформу законов и стал поощрять развитие торговли и ремесел. Завершив внутригосударственные преобразования, Омри вознамерился раздвинуть границы своего государства и преуспел в этом сверх всяких ожиданий. Слава об этом царе-завоевателе разошлась по всему древнему миру. Его имя произносилось с почтительным страхом в Ассирии и Моаве. На одной из ассирийских стелл, обнаруженных археологами, упоминается Израиль как «страна Омри». Знаменитый Моавитский камень, ныне хранящийся в Лувре, рассказывает историю покорения моавитян при Омри и их последующего освобождения.

И все же Омри, сам того не желая, оказался причиной катастрофы, постигшей Израиль. Он настоял на браке своего сына Ахав с принцессой из Тира, архираспутной Изевель (Иезавелью). Ее отец был сидонским жрецом. Он организовал убийство царя Сидона, захватил его трон и обучил свою дочь искусству политических интриг и убийств во имя достижения личных целей. Став супругой царя Израиля, Изевель разожгла политические страсти. Она отменила те гражданские свободы, во имя которых израильтяне столь решительно и долго сражались. Затем она разожгла пламя религиозных страстей, введя культ Ваала.

Хотя во внутренних делах Ахав полностью подчинялся своей супруге, во внешних он руководство-

вался собственным разумением. Ему удалось разгромить армии Финикии, Дамаска, Сидона, Тира. Вместо того, чтобы поступить с побежденными царями, как с ненавистными врагами, он отнесся к ним по-братски. Ахав нуждался в мире на западных границах своего царства. Он чувствовал опасность, притягившуюся на востоке, где поднималась Ассирия.

Ассирийцы — народ, внешне поразительно напоминавший нацистские карикатуры на польских евреях, — начали расправлять свои мышцы примерно в то же время, когда Авраам покинул Вавилонию. Вскоре, однако, они столкнулись с серьезными трудностями. Их имперские аппетиты нашли удовлетворение лишь тысячу лет спустя, в одиннадцатом веке до н.э. В десятом веке ассирийцы покорили Вавилонию и прилегающие страны. В девятом они уже были готовы к движению на запад. Их конечной целью был Египет. Путь к нему лежал через земли Израиля.

К тому моменту, когда Ассирия приготовилась к нападению, Ахав был уже в полном оружии. В 854 г. до н.э. произошла историческая битва при Каркаре. Ассирийская мощная армия столкнулась с объединенными силами двенадцати сирийских государств, организованных Ахавом. В авангарде войск этой коалиции шли еврейские полки. Свыше 20 000 воинов пали в этом сражении. Когда оно закончилось, стало очевидным, что ассирийцы потерпели сокрушительное поражение. Битва при Каркаре на целых сто лет приостановила ассирийскую экспансию.

Смерть царя Ахава послужила сигналом для взрыва накопившейся ненависти к Изевели. Заговорщики, руководимые пророком Элишей, поручили полководцу по имени Иеху возглавить поход против «сидонской блудницы». Элиша помазал своего избранника Иеху. Выбор действительно оказался удачным. Иеху не только прикончил Изевель, он вырезал заодно всех членов дома Ахава и захватил пустующий израильский трон. Это был неутомимый вождь и способный правитель. Культ Ваала подвергся при

нем беспощадному искоренению. Торговля и ремесла ревностно поощрялись.

Последовали пять десятилетий мира и процветания. Израиль снова вступил на путь империалистической экспансии и даже добился определенных успехов на этом пути. Его соседи, в страхе перед мощной армией этой крохотной империи, остерегались ссориться с нею.

Затем на безмятежном горизонте израильской истории появилась первая тучка. В Ниневи, ассирийской столице, взошел на трон Тиглатпаласар III. Это был Бисмарк древнего мира. Его окружал кровавый и грозный ореол. Именно ему суждено было создать ту ассирийскую империю, о которой правители Ассирии мечтали на протяжении тысячи лет.

Завоевательная политика ассирийцев напоминает методы нацистской Германии. Ассирийцы подчиняли себе малые народы, пользуясь приемами шантажа и запугивания. Тиглатпаласар угрожал двинуть свои армии против Израиля, если израильтяне не согласятся платить ему огромную дань. Его требование разделило весь народ на фракции — про- и анти-ассирийские. Первая выступала за уплату требуемой дани. Вторая агитировала людей пожертвовать «миллионы на оборону страны, но ни одного гроша в уплату дани».

Платить или не платить — до какой степени это был вопрос жизни и смерти, можно судить хотя бы по тому, с какой быстротой «проассирийские» и «антиассирийские» цари сменяли друг друга на израильском престоле. Каждого ставленника проассирийской партии подстерегала смерть от рук антиассирийцев. Когда, наконец, в результате очередного покушения был убит третий по счету проассирийский царь и выплата дани в третий раз приостановилась, Тиглатпаласар решил, что больше ждать нечего. Во главе огромной армии он двинулся на Израиль. Все ожидали, что израильтяне покорятся и смирятся с

неизбежностью. Однако этого они не сделали. Они предпочли защищаться и чуть было не победили.

Историки обычно посвящают ассиро-израильской войне всего несколько строк. Ее представляют как еще одну из столь многочисленных в истории и несущественных военных стычек. Попробуем, однако, подойти к этой войне объективно и сравнить ее с другими войнами древнего мира. Тогда окажется, что война эта была не только значительной, но и на первый взгляд просто невероятной. В конце концов русско-финская кампания 1939 года тоже была несущественным эпизодом Второй мировой войны. Тем не менее мужественное шестимесячное сопротивление Финляндии русскому великану было заслуженно названо героическим подвигом. Ассирия же была для Израиля куда более могущественным и грозным противником, чем Россия для Финляндии. Однако ассирийцам потребовалось более десяти лет, за время которых сменилось три царя, прежде чем им удалось подчинить себе Израиль.

Израильтяне нанесли Тиглатпаласару несколько сокрушительных поражений. Этот прозванный «яростным» царь сумел захватить лишь несколько второстепенных областей страны. Его преемник, Салманасар V, оказался не более удачлив. Лишь Саргону II, который наследовал Салманасару, удалось захватить столицу Израиля — Шомрон. Это произошло в 722 г. до н.э. Историки могут рассматривать эту победу как второстепенную. Саргон смотрел на нее иначе. Не желая больше иметь дело со столь грозным противником, Саргон приказал изгнать из страны все ее население. Так закончилось самостоятельное существование Израильского царства.

История Иудеи очень напоминает историю Израиля. Род Давида ухитрился удержаться на троне Иудеи с момента ее отделения от Израиля (933 г. до н.э.) вплоть до ее краха 347 годами позднее. Однако иудейский престол оказался таким же ненадежным, как и израильский. Двадцать царей сменилось на нем

за это время. Каждый из них правил в среднем не более 17 лет. Различие состояло лишь в том, что все эти цари принадлежали к одной и той же династии.

Начало иудейской истории было безрадостным. В страну вторглись египетские войска. Не успела страна сбросить с себя египетское иго, как почти тотчас же сама вступила на путь экспансии. Были усмирены финикийцы, арабы, филистимляне, моавитяне, сирийцы. Значительные районы их территории были включены в пределы Иудеи. Завоевательные войны длились целые столетия. В ходе этих войн отдельные поражения сменялись значительно более частыми победами. Затем, однако, восстание Иеху в Израиле сильнейшим образом ослабило Иудею. Она оказалась не в состоянии удерживать завоеванные ею территории. Один за другим покоренные народы освобождались из-под ее власти. В конце концов размеры Иудеи сократились до тех же границ, которые она имела столетиями раньше.

Поскольку в Израиле была Изевель, Иудее, естественно, надлежало иметь нечто подобное. Сама Изевель услужливо предоставила Иудее исполнительницу этой роли в лице собственной дочери Аталии. Она выдала ее за Иорама, царя Иудеи. Иорам умер от странной болезни, вызвавшей у него выпадение внутренностей. Как сообщает Библия со сдержанностью, достойной похвалы (II Хроники 21:20), Иорам «отошел неоплаканный». Сын Иорама, Ахазия, был провозглашен царем Иудейским. Это произошло в том году, когда Иеху затеял свой кровавый кутеж в Израиле. В своем кровавом усердии Иеху был настолько ревностен, что зарезал также и молодого царя. Аталия сразу же учла открывшиеся перед ней благоприятные возможности. Как сказал однажды Оскар Уайльд: «Каждая дочь становится похожей на свою мать; в этом ее трагедия». Аталия не составила исключения. Она захватила трон Иудеи и приказала убить всех потомков дома Давидова. Уцелел один лишь ребенок — Иехоаш, спрятанный своей теткой.

Заговор против Аталии положил конец ее шестилетнему правлению. С коронацией семилетнего Иехоаша в Иудее произошла реставрация династии Давида. Иехоашу удалось процарствовать сорок лет. То было доброе время. После почти столетнего кровопролития гражданская война между Иудеей и Израилем пришла к концу.

Когда при Тиглатпаласаре Ассирия вернулась на историческую сцену, Иудея по совету пророка Исаяи решила держаться в стороне от конфликта. Политическая философия Исаяи совпадает с политикой Джорджа Вашингтона: никаких обременительных союзов. Иудейские цари прислушались к совету Исаяи. Иудея исправно платила ассирийцам требуемую от них дань, и — онемев от ужаса, наблюдала за разорившимся Израилем, отказавшимся от ее уплаты. Но вскоре тот же конфликт, который разделил надвое израильтян, стал раздирать и Иудею. В стране образовались две партии. Одна из них требовала продолжать платить ассирийцам их дань, другая агитировала за союз с Египтом и Сирией против Ассирии.

Проегипетская партия в конце концов взяла верх. Была сформирована ось «юг—север», Иудея оказалась точкой опоры для этого рычага. Сирия должна была восстать на севере, Египет обещал ударить с юга, а Иудее предназначалось поддерживать напряженность в центре. Ассирийцы действовали стремительно, и ось дала трещину. При приближении огромных ассирийских армий Египет и Сирия запросили пощады. Иудея осталась один на один с разъяренными ассирийцами. И тут произошло чудо. В одно прекрасное утро евреи в осажденном Иерусалиме с изумлением увидели, что ассирийцы торопливо сворачивают свои шатры и снимают осаду. Для евреев это событие было знаком благоволения свыше. Греческий историк Геродот дал ему другое объяснение. По его мнению, в лагере ассирийцев вспыхнула эпидемия тифа. Я предоставляю чита-

телю выбрать, какое из этих объяснений ему больше нравится. Независимо от выбора фактом остается, что Иудея была спасена.

Понимая, что постоянно рассчитывать на вмешательство свыше невозможно, цари Иудеи благоразумно решили возобновить выплату дани. Кто знает, рассуждали они, может быть, произойдет еще одно чудо и кто-нибудь другой разгромит ассирийцев. Именно так оно и случилось.

Ассирийцы были незадачливыми жертвами истории. Они, видимо, родились под той же несчастной звездой, что фельдмаршал Монтгомери, о котором Черчилль как-то сказал, что он ухитряется «вырвать поражение из самой пасти победы». Ценой невероятных усилий им удалось раздвинуть свои границы от Персидского залива до Ливийской пустыни, но им не удалось насладиться этим триумфом. Вавилоняне, первый из покоренных ассирийцами народов, восстали против своих поработителей. Они захватили ассирийскую столицу Ниневию. В 605 г. до н.э. в исторической битве под Каркмишем (Кархемишем) ассирийцы были окончательно разгромлены.

В руках вавилонян оказалась теперь вся бывшая ассирийская империя. Вместе с ней они получили Иудею. Однако покорность была столь же несвойственна характеру иудеев, как и израильтян. На третьем году правления вавилонян наступил черед восстать Иудее (600 г. до н.э.). Вавилонский царь Навуходоносор направил свою армию для усмирения восставших. К его изумлению, иудеи позволили себе обойтись с ней весьма непочтительно. Следующий поход он решил возглавить лично. В результате он убедился в том, что уже до него открыли ассирийцы: евреи — совершенно неукротимый народ. Великому Навуходоносору понадобилось более четырех лет, чтобы сломить их сопротивление. И добился он этого не в открытом бою, а длительной осадой Иерусалима. Оказавшись перед угрозой голодной смерти, город вынужден был сдаться. Захватив столицу Иу-

деи (597 г. до н.э.), Навуходоносор увел оттуда в вавилонский плен свыше 18 тысяч евреев, принадлежавших к социальным верхам страны. Он лишил страну всех тех, кто мог поднять новое восстание. На сей раз он не разрушил Иерусалим и не опустошил страну. Вместо этого он назначил Цидкияху, последнего представителя дома Давидова, марионеточным правителем Иудеи.

Не успел Навуходоносор вывести свои армии из Иудеи, как в стране начал складываться новый анти-вавилонский заговор. Цидкияху заключил союз с Египтом, чтобы отвоевать независимость. Взбешенный Навуходоносор предпринял новый поход. Египтяне покорились через несколько недель. Евреи держались полтора года. Наконец в роковом 586 г. до н.э. вавилоняне ворвались в осажденный Иерусалим. Цидкияху был захвачен в плен. На его глазах вавилоняне убили его сыновей. Затем они ослепили самого царя. Храм был разрушен. Город разграблен и превращен в развалины. Все уцелевшие, кроме нищих, больных и увечных, были уведены в вавилонский плен.

Тем из вавилонских воинов, которые пережили два первых похода в Иудею, предстояло до конца изучить дорогу на Иерусалим. Им пришлось пройти по ней в третий раз. Навуходоносор недооценил «нищих, больных и увечных» евреев. Они зарезали назначенного Навуходоносором наместника и снова подняли вооруженное восстание. На этот раз они восстали больше из духа непокорности, чем в надежде на победу. После трех войн и трех поражений Иудейское царство перестало существовать. Это произошло через 136 лет после падения царства Израильского.

То, что мы говорили о трех ассиро-израильских войнах, справедливо и в отношении трех иудео-вавилонских войн. Это были войны крохотного народа, стойко защищавшегося в самых неблагоприятных условиях, с громадной империей, простирав-

шейся от Персидского залива до Средиземного моря. Удивительно в этом не то, что империя в конце концов вышла победительницей. Самое поразительное — что евреи чуть было не победили империю.

4

РЕЛИГИЯ В УПАКОВКЕ

Если верить Шпенглеру, то с разрушением Израиля и Иудеи цивилизации в Стране Израиля должен был наступить конец. Моисей, Иехошуа и Судьи возвестили ее Весну, Давид и Соломон ознаменовали собой наступление ее летнего периода. Затем гражданская война расколола государство надвое. Обе его части параллельно продолжали развиваться по осенней фазе. После этого они вступили в Зиму милитаризма и окончательного краха. В историческом смысле Страна Израиля прожила полный исторический цикл. Но действительно ли еврейское государство, основанное в 1200 г. до н.э. у горы Синай, умерло?

На первый взгляд может показаться, что еврейская история не является исключением из шпенглеровского правила. Десять из двенадцати колен Израиля после их разгрома ассирийцами никогда больше не появлялись на страницах истории. Когда вавилоняне увели в плен евреев Иудеи, казалось, что наступил их конец. Но история судила иначе. В промежутке между разгромом Израильского царства в 722 г. до н.э. и поражением царства Иудейского в 586 г. до н.э. произошло важное событие, позволившее евреям Иудеи пережить свое поражение и открыть новую страницу еврейской истории.

В те языческие времена пленники, уходившие в изгнание, обычно уходили в небытие. Это было не фи-

зическое, а этническое вымирание, поскольку они исчезали как этническая группа. В сущности, один набор языческих идолов ничем не отличался от другого. Поэтому побежденные народы, как правило, перенимали религию и мировоззрение победителей. Это было началом процесса ассимиляции, который затем ускорялся дозволенностью браков между побежденными и победителями.

Побежденные не особенно заботились о том, чтобы выжить именно как финикийцы, хетты, сирийцы или иевуситы. Им важнее было вообще выжить. Ради этого язычник готов был отказаться и от своей религии, и от своей этнической принадлежности. В этом состояло его коренное отличие от еврея из Иудеи.

Почему евреям Иудеи удалось выжить, тогда как евреи Израиля этого не сумели? Историки политической и экономической школы отвечают на этот вопрос следующим образом. Ассирийская политика по отношению к побежденным племенам состояла в рассеянии их по всем уголкам огромной империи с целью подорвать их национальное и этническое единство. Вавилоняне же, как правило, этого не делали. Но как объяснить тогда тот факт, что многие племена, несмотря на рассеяние, выжили под ассирийским владычеством и исчезли как этническое целое лишь позднее, при последующих завоеваниях? И, напротив, многие племена, покоренные вавилонянами, растворились среди них, несмотря на то, что не были рассеяны по просторам Вавилонской империи?

Видимо, выживание в изгнании требует чего-то большего, чем просто благоприятной возможности. Видимо, оно требует непрерывных и осознанных усилий изгнанников, направленных на поддержание своей идентичности — как национальной, так и религиозной. Видимо, израильтяне не обнаружили такой сознательной воли остаться евреями, тогда как пленники, выведенные из Иудеи, такую волю проявили. Но что обусловило их волю сохранить свое

еврейство вопреки всем препятствиям и опасностям? Где-то на полпути между разгромом Израиля и разгромом Иудеи совершилось духовное пробуждение иудейского еврейства. Произошло становление нового еврейского характера и нового понимания самого иудаизма.

После падения Израиля Иудея распалась на соперничающие политические группировки. В добавление к внешним угрозам ее раздирали еще внутренние распри. Снова стал набирать силу культ поклонения идолам. Богатые все сильнее угнетали бедняков. Смешанные браки разжижали струю еврейской крови. Налицо были те три угрозы, что вечно подстерегают еврейство: распад религии, упадок морали и утрата этнической цельности. Прежнее единство народа распалось. На исторической сцене все было подготовлено для последнего акта гибели Иудеи.

Это был классический пример того, что Тойнби называет вызовом, брошенным цивилизации. Иудея не нашла ответа, который позволил бы ей сохранить государственную независимость. Тойнби, как до него Шпенглер, полагает, что в этот момент еврейской цивилизации пришел конец. Упрямые евреи, однако, не пожелали подчиниться его схеме. В следующий исторический период они снова вынырнули на поверхность. Возмущенный Шпенглер больше о них вообще не упоминает. Педантичный Тойнби изгоняет их со страниц своего повествования в подвалы примечаний. Там он характеризует их как историческую окаменелость. Невольно вспоминается известный апокрифический рассказ о шведском ботанике Линнее. Этот великий ученый провел классификацию всех растений и уже принялся за классификацию животных. Всю свою жизнь он твердо верил в теорию божественного сотворения всех существ и слышать не хотел ни о какой эволюции. Однажды, гуляя по саду, он увидел некое насекомое. Его наметанный глаз немедленно узрел в новом насекомом опровержение теории «сотворения» и решающее

подтверждение теории эволюции. Тогда Линней наступил на насекомое и растоптал его. В этот момент он упустил возможность стать Дарвином.

Вопреки теории Тойнби Иудея дала ответ на брошенный ей вызов. Она ответила на него двумя идеями. Эти идеи не только спасли ее от национального исчезновения, но по сию пору продолжают оказывать влияние на западный мир. Первая идея состояла в канонизации части Священного Писания, придав ему значение Слова Божьего, что привело к появлению сначала Ветхого, а затем через много времени Нового Заветов. Вторая идея заключалась в «упаковке» еврейской религии на экспорт. Эта идея и дала миру вначале христианство, а затем — ислам.

В этот критический момент правителем Иудеи, к счастью, стал Иошияху (Иосия, 638 г. до н.э.) — человек изобретательного ума и достаточно гибких принципов, направленных на доброе дело. Его отец, проассирийский царь Иудеи, был убит заговорщиками из проегипетской партии. Заговорщики, в свою очередь, были казнены проассирийцами, которые и возвели Иошияху на престол. Иошияху отдавал себе отчет в социальных несправедливостях, которые разъедали страну. В то же время он был достаточно проникновенен, чтобы понять, что никакое социальное оздоровление немыслимо без религиозной реформы, поскольку и справедливость и мораль неразрывно связаны с Моисеевым законом. Поэтому он поставил себе целью не только более справедливое распределение благ, но и искоренение идолопоклонства и восстановление монотеизма.

Иошияху шел на большой риск. Он задумал грандиозный план, одновременно простой и дерзкий. Ему нужно было выбрать то, что журналисты на своем жаргоне называют «подход» и «момент». «Подход» — это такой способ представления событий, который делает их захватывающе интересными. «Момент» — это удачно найденное время преподнесения событий. «Подход» Иошияху состоял в том, чтобы приписать

Богу те реформы, которые он сам хотел ввести. Его «момент» был рассчитан на максимальную драматичность преподнесения нововведений. Иошияху посвятил в свои планы высших священнослужителей Храма, которые выступали за те же реформы. План Иошияху состоял в отборе определенных частей из «яхвистских» и «элохистских» материалов и сведении их воедино в Священное Писание. Подготовленный священнослужителями свиток был спрятан в тщательно охраняемой части Храма. Затем с большой помпезностью было провозглашено, что в Храме найден текст, записанный Моисеем под диктовку самого Господа Бога, и он будет зачитан народу. Эта книга получила ныне название Второзакония, или источника «В».

Другая версия этих событий гласит, что свиток действительно хранился в Храме со времен Соломона и был случайно найден при ремонте. Как бы то ни было, известие о находке вызвало почтительное благоговение и намного больший резонанс, чем Иошияху мог ожидать (если режиссура событий принадлежала ему). Со всех концов Иудеи евреи потянулись в Иерусалим, чтобы услышать слова Моисея. Волна патриотизма и религиозного пробуждения охватила весь народ. На волне этого эмоционального воодушевления Иошияху без труда разделался с идолопоклонством, запретил культы Ваала и Астарты и провел ряд социальных реформ.

Освящение Второзакония имело еще один результат, который социологи называют «возникновением харизматической власти». Социология различает два вида авторитета. Один из них — авторитет учреждения или социального института, который располагает достаточной властью, чтобы навязать свою волю. Другой покоится не на физической власти данного социального института, а на его святости. Такой авторитет в отличие от политического или военного называется «харизматическим». Харизматическая власть возможна, когда люди добровольно под-

чиняются такой власти. Так, президент США обладает политической властью, потому что за ним стоит военная сила. В то же время папа Римский обладает харизматической властью. Он представляет собой социальный институт, которому добровольно, независимо от того, кто его возглавляет, подчиняются миллионы людей. При этом Папа уже давно не имеет возможности силой навязать свою волю. Сталин, желая подчеркнуть отсутствие власти Папы, однажды спросил: «А сколько за ним дивизий?». Тем самым он показал полное непонимание природы папской власти.

Во времена Иошияху евреи знали одну лишь политическую власть. Прежде они страшились Бога, который грозил им, что в случае несоблюдения Его заповедей кара постигнет не только их самих, но и несколько поколений их потомков. Отныне евреи сами, добровольно, по внутреннему побуждению возложили на себя обязанность и готовность подчиняться авторитету Книги.

Это подчинение себя внутренней дисциплине, это покорное следование голосу души, это преклонение перед высшим идеалом вопреки грозящей жизни физической опасности было заложено в евреях Иошияху. Оно было углублено и завершено пророками.

Прежде чем ответить на вопрос, кто эти пророки, следует спросить: что такое пророк? Прорицатели были у многих народов. Но в еврейской истории слово «пророк» означает нечто особенное и уникальное. Пророк выше и ясновидца, и священника. Евреи были убеждены в том, что пророк послан самим Богом, дабы указать людям путь к праведности. В еврейской истории пророк исполняет роль хранителя чистоты веры. Он, наблюдая моральную испорченность человека, приходит к выводу, что евреи, как народ, избранный Богом, должны служить примером остальному человечеству. Проповедуя эту идею, пророки привели в действие силы, которые преобразо-

вали не только облик еврейства и его религию, но и их концепцию Бога.

Первым из «письменных пророков» был Амос (769 г. до н.э.). Он был уроженцем Иудеи, но проповедывал в Израиле, пока не был выслан как нежелательный чужестранец. Его примеру последовал Хошеа (Осия). Все прочие пророки, сказания которых были со временем зафиксированы в отдельные, носящие их имена книги, проповедывали в Иудее, начиная с Исаяи и кончая Малахи, последним из пророков.

Первые проповеди Амоса и Хошеа вызывали смех у простолюдинов, гнев у священнослужителей и замешательство у царей. Вслед за тем ассирийские полки, «сверкая пурпуром и золотом», обрушились на Израиль, сокрушили и поработили народ, который не понял пророков и смеялся над их проповедями. Такое отношение к словам пророков было главной причиной гибели народа Израиля, еще не знавшего истины, известной нам сейчас: для того, чтобы выжить в плену, необходимо иметь «годную для экспорта» религию. Не имея такой религии, которую можно исповедывать и на чужой почве, евреи, изгнанные из Израиля, ассимилировались и растворились среди ассирийцев.

После гибели Израиля слова других пророков, в особенности Исаяи и Иереми, продолжавших проповедывать новую концепцию иудаизма, стали западать в еврейское сознание. К тому времени, когда настал черед Иудеи оказаться побежденной, а ее народу — идти в плен, пророки успели развить и усовершенствовать свою «портативную» религию. Пока поработанные евреи Иудеи плелись по длинной дороге в Вавилон, учение пророков успело пустить корни в их сознании.

Чему, собственно, учили и к чему призывали пророки? Их проповедь, по существу, сводилась к утверждению, что обряды и предписания культа сами по себе не так уж важны для Бога. (Кажется не-

понятным, что их не казнили за подобную ересь! Впрочем, легенда утверждает, что Исая действительно был казнен, хотя этому нет фактических подтверждений). Они настаивали на том, что гуманность, справедливость и нравственность выше любого обряда. Бог, говорили они, не нуждается в ритуале. Он требует от людей высоких моральных идеалов. Бог, настаивали они, ненавидит жертвоприношения. Поэтому нет греха на том, кто не приносит жертв Господу. Подлинный грех, продолжали они, — это безнравственное поведение и извращение справедливости.

В те времена, когда именно жертвоприношения и соблюдения обрядов составляли суть религии, подобные утверждения звучали дерзко и невероятно. Однако постепенно учение пророков стало вытеснять в еврейском народе авторитет священнослужителей. Учение пророков изменило самую роль еврейского священнослужителя. Он превратился из исполнителя культового ритуала в раввина — учителя и толкователя принципов иудаизма (подобно тому, как Лютер преобразовал роль священника в протестантстве).

Пророки учили, что евреи должны служить примером остальному человечеству. Из этого родилась новая система религиозных представлений. Согласно этой системе, ритуальная сторона Заповедей адресована лишь одним евреям, но духовное и нравственное содержание иудаизма предназначено для всего человечества. Так наметилась новая линия развития в еврейской религиозной мысли. Иудаизм, начавший свое существование как исключительная собственность нескольких еврейских родов, был расширен Моисеем до того, что охватил все двенадцать колен Израилевых. Во времена Иошияху он стал религией всего народа, а теперь, при пророках, начал превращаться в универсальную религию, предназначенную для всего человечества.

Идеи пророков позволили евреям в вавилонском плену приступить к пересмотру основных концепций

еврейской религии. Согласно Закону, Храм был неразрывно связан с Иерусалимом, а жертвоприношения надлежало приносить именно там, в строгом соответствии с жестко фиксированными обрядовыми правилами и формулами. Уменьшив значение жертвоприношений, пророки поставили этику выше ритуала. Тем самым они освободили еврейскую религию от ограничений, налагаемых местом и временем.

В вавилонском изгнании евреи выработали два новых понятия, которые стали со временем общим достоянием всего человечества. Вместо храма, который служит местом жертвоприношений, они создали синагогу, где собираются для совместного служения Богу; вместо ритуала богослужения они создали молитву, обращенную к Богу. Синагога стала прототипом христианской церкви и мусульманской мечети. Молитва стала универсальным символом преданности Богу.

Благодаря синагоге и молитве евреи освободились от необходимости выполнения определенного обряда в определенном месте при посредстве священнослужителей. Отныне любой еврей мог в любом уголке земли непосредственно обращаться к Богу, минуя всяких посредников. Еврейская религия, прежде такая «громоздкая» и «закостеневшая», стала «портативной», «удобной для транспортировки», эластичной и свободной от внешних нагромождений. Выживание евреев в пленении и рассеянии было гарантировано.

Многие исторические источники повествуют о тоске и плаче и горе еврейских изгнанников в Вавилонии. К счастью, это не вполне точная картина. В 6 в. до н.э. Вавилонией управляли весьма просвещенные цари. Их отношение к покоренным народам отличалось большой терпимостью. «Плач на реках Вавилонских» был уделом небольшой горстки zelotov. Большинство евреев полюбили новую страну. Они приспособились к ней, стали богатеть, потянулись к вавилонской культуре.

Торговые пути Вавилонской империи открыли перед евреями самые дальние страны тогдашнего мира. Евреи превратились в купцов и коммерсантов международного размаха. В библиотеках Вавилона они обнаружили богатейшую сокровищницу рукописей, сохранных в течение многих веков. Евреи пристрастились к чтению и приохотились к науке. Они приобрели светские манеры, утонченность и изящество. Анонимный поэт, восклицающий в 137-м псалме: «Если я забуду тебя, Иерусалим, забудь меня десница моя; прилипни язык мой к гортани моей, если не буду помнить тебя!»*, возможно, выражал чувства, распространенные в начале изгнания. Пятьдесят лет спустя чувства вавилонских евреев были уже иными. Мелодия и слова еврейских песен изменились. К тому времени, когда корабль еврейской истории сделал полный оборот и повернулся носом к Иерусалиму, на нем оказалось очень мало вавилонских евреев. А произошло это потому, что судьба евреев снова втянулась в круговорот мировой истории. Чтобы понять, как это случилось, необходимо задержаться на истории доминировавших в древнем мире милитаристских государств.

На протяжении четырех тысячелетий Ближний Восток был во власти Египта и семитских цивилизаций. На исходе этого периода он оказался под властью нового народа — персов и новой расы — арийцев, с запозданием перенявших у семитов эстафету культурного развития. В 6 в. до н.э., когда Вавилония была на вершине своего могущества, никаких персов еще не было и в помине. Кто из людей, живших накануне Первой мировой войны, поверил бы, что Британия, тогда беспорная властительница морей, спустя полвека превратится в третьеразрядную державу, между тем, как Россия, третьеразрядная

* Этот псалом традиционно приписывается царю Давиду (ум. в 960 г. до н.э.); выходит, он предвидит события, происшедшие 300 лет спустя.

держава в 1910 году, за те же полвека станет ведущей державой мира? Точно так же в 600 г. до н.э. никто бы не поверил, что спустя полвека Вавилония, эта властительница мира, будет сметена с лица земли народом, который в то время еще даже не существовал! Тем не менее именно этому неизвестному народу история судила стать наследником цивилизованного мира.

Происхождение персов остается неясным. Историки полагают, что это ранние мидяне. Создание Персидской империи было заслугой одного человека — Кира Великого. В 560 г. до н.э. он стал царем крохотного города-государства в одном из центральных районов Ближнего Востока. Десять лет спустя он уже был царем Мидии — небольшого государства к югу от Каспийского моря. В 539 г. он разгромил Вавилонию, а в 530 г. он оставил в наследство своему сыну Камбизу новоявленную Персидскую империю, простиравшуюся от реки Инда до Средиземного моря и от Индийского океана до Кавказа. Камбиз прибавил к своему наследству Египет. Теперь персы находились на вершине могущества, не подозревая, что греки «стоят за углом» и готовятся бросить им вызов. Евреи оказались в орбите персидской политики на протяжении двух насыщенных событиями столетий.

Получив в наследство от вавилонян «еврейскую проблему», Кир разрешил ее ошеломляющим способом. Он разрешил евреям вернуться на родину! Правда, его решение было продиктовано отнюдь не сочувствием или особой любовью к евреям. Кир просто отдавал себе отчет, что иметь народ, платящий регулярно дань, гораздо выгоднее, чем владеть еще одной опустошенной страной. Он понимал, что если ему удастся вернуть евреев в Иерусалим, они отстроят город и страну и превратят пустынный край в источник постоянных доходов для царской казны.

Каковы бы ни были мотивы, руководившие Киrom, его решение нашло евреев совершенно неподго-

товленными, и его благосклонность не была встречена единодушными возгласами благодарности во всех еврейских домах. На деле это постановление было встречено евреями со смешанным чувством. К чему возвращаться в Иерусалим, где тебя ожидает запустение, нищета и тяжкий, беспрестанный труд? Эту ситуацию вполне можно сравнить с сегодняшней. Много ли американских евреев устремилось в Израиль, когда он стал независимым государством? Подобно сегодняшним американским евреям, вавилонские евреи говорили: «Я лояльный вавилонянин. Зачем мне возвращаться в Иерусалим?»

Евреи приобрели в Вавилонии не только богатство и светские манеры, но и численно приумножились. В начале периода вавилонского изгнания во всем мире насчитывалось всего около 125 тысяч евреев, а ко времени Кира в одной Вавилонии их было свыше 150 тысяч. Лишь одна четвертая их часть воспользовалась разрешением Кира вернуться в Иерусалим. На родине они встретили небольшую горстку евреев, которым удалось выжить среди руин и пепелищ трех сокрушительных войн, прокатившихся по Палестине полвека назад.

Какой-то язвительный шутник определил сионизм как затею одного еврея, который посылает в Палестину другого еврея на деньги третьего. С равным успехом эта острота могла родиться в Вавилоне две с половиной тысячи лет назад; именно богатые вавилонские евреи начали субсидировать возвращение в Палестину менее преуспевших в Вавилонии евреев. Таким образом, вслед за первым массовым исходом в Страну Израиля потянулась тоненькая, но непрерывная струйка репатриантов. Иерусалим снова превратился в цветущий город. Население стало расти. Сельское хозяйство и торговля развивались. Все возрастающие доходы, предусмотренные мудрым Киrom, потекли в персидскую казну.

В самой стране, однако, еврейских лидеров снедала тревога. Страна во всех отношениях оставалась

на положении персидской колонии. В любой день на персидский трон мог взойти правитель, лишенный терпимости Кира Великого. Угроза нового изгнания или ограничения религиозной свободы могла возникнуть в любую минуту. Как предотвратить в таких условиях угрозу этнического исчезновения еврейства? Теперь проблема состояла уже не в сохранении еврейства каждым отдельным человеком. Речь шла о сохранении еврейства в целом как отдельного еврейского народа. Можно ли внедрить в еврейскую душу чувство еврейской принадлежности глубже, чем это сделали пророки? Можно ли сделать это чувство подсознательным, чтобы оно стало неотъемлемой частью личности?

Руководители второго массового исхода вавилонских евреев нашли ответы на эти вопросы.

Участники первого исхода вербовались в основном среди zelотов и бедняков. Но во главе их стояли три человека, принадлежавшие к знатной верхушке. Двое из них были выходцами из царского дома, третий был первосвященник *цадокит**. Потомки дома Давида Шешбацар и Зрубавел рассчитывали стать царями восстановленной Иудеи. Первосвященник *цадокит* Иешуа мечтал стать первосвященником в восстановленном Храме. Его мечте суждено было сбыться. Шешбацар, который начал отстраивать Храм, разрушенный вавилонянами, вскоре загадочно исчезает со страниц Библии. Зрубавел, завершивший постройку Храма, исчезает столь же загадочно. Разгадка их исчезновения, возможно, содержится в тех главах книг Эзры и Зхарии, где упоминается попытка евреев провозгласить их царями иудейскими. Вполне возможно, хотя это является лишь догадкой, что персы, не желавшие восстановления царской власти в Иудее, бесцеремонно казнили

* Цадок был первым из первосвященников, назначенных царем Давидом. Потомки Цадока, известные под именем *цадокитов*, пользовались большим уважением и почетом у евреев.

Шешбаццара и Зрубавела по обвинению в государственной измене. С другой стороны, персы не противились восстановлению должности еврейского первосвященника. Не удивительно поэтому, что Библия сообщает (Зхария 6:11), что на голову Иешуа была возложена корона из серебра и золота, когда он был провозглашен первосвященником и правителем Иерусалима.

Коронация Иешуа имела большое значение для евреев, поскольку тем самым им была дарована некая форма самоуправления, приемлемая для персов и не вызывавшая подозрений в стремлении евреев к политической независимости. Палестина управлялась Судьями. После эпохи правления Судей, а затем Царей стране предстояло правление высших первосвященников в течение ближайших пятисот лет (с кратким перерывом).

Тем не менее благодаря равновесию сил в еврейском обществе Страна Израиля не превратилась в теократическое государство*. Власть Синедриона и Народного собрания обеспечивала светский (а не священнический) контроль над правительством.

Вожди первого исхода из Вавилонии заложили политические основы будущего страны, вожди второго заложили духовные основы этого будущего. Найти ответы на вопрос о том, как обеспечить этническое выживание нации, выпало на долю двух знатных евреев — Нехемии и Эзры, весьма влиятельных в персидских придворных кругах. Нехемия (тоже из рода Цадока) был виночерпием персидского царя, Эзра — придворным писцом. Эти люди стали реформаторами иудаизма.

Нехемия был назначен персидским царем правителем провинции Иудеи (Иехуд). Он провел ряд соци-

* Теократия (от греческих слов *тео* — Бог и *кратейн* — управлять) означает правление жрецов, ссылающихся на Божье благословение. Еврейский первосвященник столь же мало мог ссылаться на Божье благословение или происхождение, как и еврейский царь.

альных реформ, поощрял развитие торговли и ремесел, восстановил городские стены Иерусалима. Эзра, еще находясь в Персии, прослышал о моральном упадке среди первых поселенцев в Иудее. Им овладело стремление утвердить в народе основы национального самосознания. Он был убежден, что этого можно достичь, если Моисеев закон снова станет фундаментом жизни народа. Осуществление этой задачи дало ему право войти в историю под именем «Второго Моисея».

В 458 г. до н.э. Эзра с разрешения персидского царя возглавил второй массовый исход из Вавилонии, который насчитывал 1800 человек. В Иерусалиме Эзра совместно с Нехемией предпринял ряд действий, рассчитанных на объединение и возрождение народа. Их первым шагом было провозглашение запрета на смешанные браки между евреями и неевреями — первый запрет такого рода не только в еврейской, но и в мировой истории. Многим неевреям он пришелся не по душе. Их возмущала дерзость крохотного, только что освобожденного из рабства народца, осмеливающегося заявлять, что ни женщины, ни мужчины других народов недостаточно хороши для сыновей и дочерей Израиля! Запрет был не по душе и многим евреям. (Считается, что книга Руфь появилась именно в это время как протест против подобной дискриминации). Следует, однако, подчеркнуть, что запрет, наложенный Эзрой и Нехемией, был продиктован не чувством национального превосходства евреев или пренебрежением к другим народам, а лишь стремлением защитить евреев от возможного религиозного растворения в окружающей среде. «Избранный народ» должен был оставаться избранным. Значение эдикта Эзры и Нехемии для хода еврейской истории состоит в том, что он, с течением времени приобретая все более острый характер религиозного закона, помог евреям выстоять против волн ассимиляции, захлестывавших их в греко-римский, мусульманский и современные периоды истории.

Вторым шагом Эзры и Нехемии в направлении формирования национально-религиозной и духовной жизни евреев было решение не только заново отредактировать Второзаконие, но и добавить к нему остальные четыре книги Моисея. Под их руководством священнослужители и ученые проделали огромную работу по сведению воедино всех важнейших текстов первых пяти книг Библии, в том числе и книги Второзакония, опубликованной в свое время царем Иошияху, в так называемое Пятикнижие. Все эти пять книг были провозглашены боговдохновенными, и всякое добавление, изменение или сокращение текста было отныне запрещено. Запрет этот соблюдается и по сей день.

Как Иошияху почти за 200 лет до этого, так и Эзра и Нехемия выбрали подходящий «момент» для опубликования Пятикнижия. Это произошло в 444 г. до н.э. Во все концы Персидской империи были отправлены гонцы, возвестившие народу, что в день Рош-ха-Шана в Иерусалиме будут зачитаны вслух перед народом Пять книг Моисея, написанные им самим. Новость передавалась из уст в уста. К назначенному дню евреи со всех уголков империи потянулись в Иерусалим. Поскольку к тому времени многие из них уже стали забывать иврит, Эзра и Нехемия позаботились о переводчиках, которые должны были разъяснять наиболее трудные места текста арамейски. Арамейский, этот эсперанто ближневосточного плавильного котла семитских народов, был в ту пору разговорным языком не только евреев, но и доброй дюжины других народов.

Идея использования переводчиков-толкователей оказалась очень удачной, и со временем она превратилась в постоянную особенность еврейской просветительской деятельности. Ввиду того, что ни одна строка Библии не должна была оставаться непонятной, понадобилась — и возникла целая школа таких толкователей-переводчиков. Толкователи Библии (*баалей мидраш*) стали высокоуважаемыми членами

любой еврейской общины. В своем лице они предвосхитили религиозные академии (*иешивы*), которые появились у евреев в начале христианской эры. Чтобы люди не забывали Закон, Эзра и Нехемия повелели также, чтобы отрывки Пятикнижия читались один за другим в синагоге на протяжении всего года, по субботам и дважды на неделе, причем чтение всех пяти книг должно было завершаться к концу года. Сразу же после праздника Рош-ха-Шана чтение должно было возобновляться с первой главы книги Бытия.

Следует заметить, что предложенное выше объяснение происхождения Пятикнижия не является общепринятым. Мы изложили светское объяснение, к которому склоняется ряд исследователей, однако многие евреи полагают, что Пятикнижие действительно является Боговдохновенным и записано одним человеком. Мы не настаиваем на том, что светское объяснение является единственно возможным. Как мы увидим позднее, то же самое произошло с Новым Заветом. Люди, которые его создали, хотели приписать ему боговдохновенность. Самое важное здесь то, что независимо от того, какое объяснение принять, описываемые события имели место, а совершившись, они предопределили собой дальнейший ход истории.

Спустя восемь столетий после смерти Моисея национальный характер евреев был окончательно сформулирован. Это произошло благодаря реформам Иوشияху, учению пророков и нововведениям Эзры и Нехемии.

Вавилонские евреи, вернувшиеся в Страну Израиля, принесли с собой книги и любовь к ним. Они способствовали расцвету интеллектуальной жизни в стране. В течение многих столетий Святой Земле и Вавилонии предстояло соревноваться в учености и интеллектуализме. Лишь три столетия спустя, после разрушения Храма римлянами, Вавилония на целое тысячелетие осталась единственной хранительницей еврейского наследия.

Вавилонские евреи принесли с собой в свою Стра-

ну и понятие синагоги, которая стала существовать наряду с восстановленным Храмом. До разрушения Храма в 70 г. н.э. она не затмевала его значения. Но, несмотря на культ Храма, значение синагоги в жизни евреев (как в Стране Израиля, так и в Вавилонии) продолжало расширяться и углубляться. Приобретенная в изгнании любовь к учености объединяла евреев различных социальных и экономических групп в тесные ячейки-общины. Ставшее всеобщим уважение к знанию и науке изменило функцию синагоги. Она приобрела три самостоятельных поля деятельности. В соответствии с этими функциями синагога получила три имени: *Бет ха-тфила* (Дом молитвы), *Бет ха-мидраш* (Дом учения) и *Бет ха-кнесет* (Дом собрания).

Таким образом, еврейская религиозная жизнь охватывала теперь молитву, учение и самоуправление. На этой основе постепенно возникли новые концепции: всеобщее образование, свобода собраний, самоуправление в изгнании. Появились и стандартные молитвенные книги и канонизированные тексты литургии. Все это было впервые создано евреями и лишь позднее было воспринято другими народами.

Мечты Авраама и Моисея о едином еврейском народе, который по внутреннему побуждению следует заветам Господа Бога, воплотились в реальность. Теперь им предстояло быть испытанными на экспериментальном стенде истории. Центр цивилизации уже смещался с Ближнего Востока в Европу. Александр Македонский двинулся на завоевание империи, неся с собой новый образ жизни, новую культуру и новые испытания для еврейства.

II ЭПОХА «АПИКОРСИМ»

О том, как евреи защищались от апи-корсим (греков-эпикурейцев) и от их статуй нагих мужчин и женщин; и о том, как евреям удалось уцелеть, несмотря на разгром в войне с римлянами, когда был разрушен Иерусалим и евреям было запрещено проживать в значительной части Палестины.

ВОТ КОГДА ЭТО ПРОИЗОШЛО

ГРЕКО-РИМСКИЙ ПЕРИОД

300 г. до н.э. — 300 г. н.э.

Греко-римская история

Еврейская история

Арийские племена вторглись в Грецию	1300 до н.э. до 1200	Евреи под игом Египта
Времена Ахилла. Осада Трои	1200 до 1100	Моисей вывел евреев из египетского плене- ния. Евреи осели в Па- лестине
Эолийские, ионийские и дорические племена проникают в Грецию через Балканы	1100 до 800	Эпоха Судей. Цари Да- вид и Соломон. Разде- ление Палестины на Израиль и Иудею
Времена Гомера. Греки становятся известными под названием «элли- нов». Варвары основыва- ют Рим	800 до 700	Век пророков. Изра- ильское царство разру- шено ассирийцами
Зарождение греческих городов-государств («по- лисов»)	700 до 600	Иошияху — царь иу- дейский. Времена Иере- мии

Эллины разрушают критскую и эгейскую цивилизацию. Римляне разрушают культуру этрусков	600 до 500	Вавилоняне завоевывают Иудею, уводят евреев в плен. Персы побеждают вавилонян, разрешают евреям вернуться в Палестину
Начало греко-персидских войн. Битвы под Марафоном и Саламином. Возникновение Римской республики	500 до 400	Второй исход евреев из Вавилона. Реформы Эзры и Нехемии
Расцвет Македонии. Александр Великий побеждает персов. В результате самнитских войн римляне становятся хозяевами Италии	400 до 300	Евреи под греческим господством и эллинским влиянием. Первый контакт с Западом
Распад империи Александра на монархии Селевкидов и Птолемеев. Первая и вторая Пунические и Македонская войны превращают римлян и господствующую силу Средиземноморья	300 до 200	Перевод Библии на греческий язык.
а) Царство Птолемеев. Занимает земли Египта и Палестины. Под управлением династии Птолемеев до 30 г. до н.э., когда аннексировано римлянами		Палестина под владычеством Птолемеев с 300 по 200 г. до н.э. Имеет самоуправление, возглавляемое первосвященниками

<p>б) Царство Селевкидов. Занимает земли Малой Азии и Вавилонии. Покорено римлянами в 67 г. до н.э.</p>		<p>Палестина отобрана Селевкидами у Птолемея в 200 г. до н.э. Восстание Маккавеев</p>
<p>Распад греческих городов-государств. Победа римлян над Ганнибалом. В результате третьей Македонской войны римляне покоряют Грецию</p>	<p>200 до 100</p>	<p>Маккавеи утверждают в Палестине династию Хасмонеев. Раздоры между фарисеями и саддукеями</p>
<p>Римляне завоевывают Восток, вторгаются в Британию, становятся владыками мира. Эпоха Цезаря. Конец Римской республики</p>	<p>100 до 1 н.э.</p>	<p>Палестина завоевана римлянами (63). Рождение Иисуса Христа. Ирод — царь евреев</p>
<p>Эпоха абсолютной диктатуры. Октавиан, Веспасиан, Тит, Нерон. Вершина римского могущества. Преследования христиан</p>	<p>1 н.э. до 100</p>	<p>Понтий Пилат — прокуратор Иудеи. Распятие Христа римлянами. Первое восстание евреев против римлян. Тит разрушает Храм</p>
<p>Столетие восстания и мятежей. Преследования христиан продолжаются</p>	<p>100 до 200</p>	<p>Второе и третье еврейские восстания. Мятеж Бар-Кохбы. Опустошение Палестины</p>
<p>Крах конституционной системы правления. Начало падения Рима. Государство под контролем армии</p>	<p>200 до 300</p>	<p>Евреи рассеяны по всей империи. Они становятся римскими гражданами</p>

ОЧАРОВАТЕЛЬНАЯ И СОБЛАЗНИТЕЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Эллинизацию Востока при Александре рассматривают зачастую как явление всеобъемлющее и всепроникающее. В действительности, однако, эллинистическая культура напоминала собою кринолин: он закрывает собой почти все, но касается весьма немногo. Победители пытались изменить Ближний Восток, напялив на него такой широченный кринолин. Он был соткан из их искусства, науки и образа жизни — всего, что составляло своего рода «эллинизм на экспорт»*. Со своей стороны, еврейские лидеры один за другим неустанно призывали евреев не поддаваться соблазну очаровательной эллинистической культуры. Они предостерегали против соблазнов, скрытых в греческом гедонизме, философии культа наслаждений. Они неумолимо предостерегали евреев от национального самоубийства, неизбежного при переходе от собственной культуры к греческому «эрзацу».

Эллинизм Ближнего Востока в третьем веке до н.э. напоминал Возрождение в феодальной Польше шестнадцатого столетия н.э. Польские аристократы того времени носили пудренные парики, их платки пахли лучшими французскими духами. Но под париками ползали вши, а запах французских духов не мог пере-

* Мы различаем между «эллинским» и «эллинистическим»: первое определение относится к самой греческой культуре, а второе — к ее «экспортному виду».

бить вонь немытого тела. Эллинизм Ближнего Востока был культурой городских верхов. Сверкающий фасад ближневосточного «греческого города» скрывал глинобитные трущобы громадной восточной деревни. В то время как немногие интеллектуалы наслаждались греческой поэзией, миллионы крестьян вообще не умели читать. За шесть столетий греческого господства на Ближнем Востоке сожительство Запада с Востоком не породило на свет ни одного оригинального вклада в искусство, литературу или философию.

Исключением оказались евреи. Хотя большинство из них отвергло эллинизм, греческая философия попала здесь на благодатную почву. И хотя евреи, как правило, ее не принимали, они ее хорошо освоили. Они с жадностью поглощали любую интеллектуальную пищу, которую предлагали греки. Ко всей этой интеллектуальной пище они добавляли свою, еврейскую приправу. Затем греки, в свою очередь, заимствовали у евреев свои же идеи, но уже в измененном виде. В результате получилось то, чего не предвидел никто. Греки вышли на мировую арену в еврейском одеянии, известном под названием «христианство». Евреи появились на той же сцене в скроенной погречески тунике, именуемой «талмудизмом»*. Это интенсивное заимствование друг у друга продолжалось в течение шести веков. Все это время греки продолжали считать евреев невоспитанными варварами, а евреи продолжали считать греков безнравственными язычниками.

Кем были греки и как произошло их смешение с евреями — или евреев с ними? Историки не так уж много знают об их происхождении. Известно, что, подобно персам, они тоже принадлежали к арийцам. Примерно в то самое время, когда Моисей вывел евреев из Египта, греческие племена вторглись на Пелопонесский полуостров.

* Это утверждение будет нами рассмотрено в ч. IV «Незримый мир Талмуда», где мы подробно обсуждаем происхождение и становление талмудизма.

Подлинная история Греции начинается с основания таких важнейших городов-государств, как Афины, Спарта и Коринф. Это произошло в седьмом веке до н.э. Примерно в это время евреи были покорены ассирийцами. Пятый-четвертый века в греческой истории отмечены появлением великих деятелей почти во всех областях жизни. Исключение составляла религия.

Пятый век до н.э. — вершина греческого расцвета, греческий золотой век. То было тревожное и беспокойное для греков время. Над Грецией нависла угроза персидского вторжения. К этому времени персы раздвинули свои границы до берегов Эгейского моря. Казалось, настала очередь греческих городов быть поработанными Персией. Никто не сомневался в том, кто кого проглотит. Не было никаких разумных оснований думать, что крохотные греческие города-государства могут одолеть персидского гиганта. Но именно это и произошло в результате знаменитой сухопутной битвы под Марафоном (490 г. до н.э.) и не менее знаменитого морского сражения под Саламином (480 г. до н.э.). Греки разгромили намного превосходящие их по силам персидские армии и флот. Разумеется, это противоречило всякой логике. Но история никогда не дает себе труда извиняться за свою непоследовательность. Она и здесь продолжала оставаться нелогичной, предоставив грекам возможность одерживать все новые и новые победы над персидскими армиями.

В промежутках между этими победами греки предавались своему излюбленному занятию — войнам друг с другом. Им ни разу не пришло в голову преследовать побежденных персов на их территории. Греки полагали, что их культура слишком хороша, чтобы нести ее варварам. К чему завоевывать другие страны? Потом придется ломать себе голову над тем, как ими управлять и как их просвещать. Александр Македонский был первым греком, у которого на этот счет были иные взгляды. Он мечтал о мировой империи. В 334 году он пересек Геллеспонт во

главе 32-тысячной армии, затем он разгромил войска империи, которая могла призвать на службу миллионы солдат. Персидская армия была разбита при реке Граник и окончательно уничтожена в битве под Иссом. Александр потребовал безоговорочной капитуляции Дария III. Персидская империя перестала существовать. По закону «победитель получает все», — греки получили также евреев.

По каким-то непонятным причинам темпераментные евреи почему-то не стали воевать с Александром, хотя в прошлом они неоднократно и не раздумывая брались за оружие даже и против более грозных противников. На сей раз все было наоборот. Как утверждает настойчиво повторяемая легенда, Иерусалимский первосвященник сам возглавил процессию, направившуюся приветствовать Александра-завоевателя (332 г. до н.э.). Македонскому полководцу пришлось по сердцу эти «свирепые варвары». Они не несли с собой никаких идолов и других изображений богов. Он даровал евреям политическое и религиозное самоуправление. Благодаря этому он стал для них чем-то вроде «святого патрона», если бы такое понятие было совместимо с еврейской религией.

Амбициозные планы Александра включали в себя не только установление греческой империи, но и распространение эллинской культуры во всем мире. Он хотел, чтобы его подданные говорили по-гречески, жили по-гречески, были греками. Он надеялся достичь этого эллинизацией покоренных земель. Для этого он избрал весьма простой и в то же время действенный метод. Он насаждал греческую культуру не мечом, а сексом. Он приказал своим солдатам и офицерам жениться на местных уроженках и народить побольше детей. За десять лет он основал на Ближнем Востоке 25 греческих городов, главными из которых была Александрия (в Египте). Его метод «окультуривания через оплодотворение» оказался весьма эффективным. Если бы не преждевременная смерть в возрасте тридцати двух лет, он, несомненно, добился бы своего. Его наследники, однако, были

больше заинтересованы в грубой политической и военной власти, чем в распространении греческого идеала. Не успел Александр почить на ложе своем, как его огромная империя была буквально рассечена на части мечами враждующих полководцев. Трое из них протянули руки к короне. Ни один, однако, не был достаточно силен, чтобы завладеть ею. Поэтому каждый удовольствовался своей частью. Антигон захватил Грецию, Селевк — Малую Азию и Сирию, Птолемей — Египет и Палестину.

Правители династии Птолемеев исповедывали простую жизненную философию: «Живи и давай жить другим». Внутренние дела палестинских евреев Птолемеев не интересовали. Их интересовала лишь исправная уплата дани. Евреи наслаждались полной культурной и религиозной свободой и обладали весьма широким самоуправлением. Административную власть в стране осуществлял первосвященник. Чтобы первосвященник, упаси Боже, не спутал своих желаний с Божественными повелениями, его контролировал Синедрион. Это учреждение выступало сразу в двух ролях — сената и верховного суда. В Синедрион избирались представители знатных семей, ученой и интеллектуальной элиты. Когда Синедрион выступал в качестве верховного суда, он собирался в составе 71 члена; в роли обычного суда, рассматривающего важные преступления, он состоял из 23 судей; для гражданских дел и незначительных обвинений ограничивались тремя судьями.

Утверждение, что американская законодательная система сформирована по римскому образцу, повторялось так много раз, что его уже принимают на веру. Мало кто задается трудом выяснить, насколько это все же соответствует действительности. Примечательное сходство между сегодняшними американскими законами, римским правом и еврейской юриспруденцией библейских времен — нечто большее, чем просто совпадение. За четыре столетия до н.э. евреи разработали юридическую систему, которая исходила из признания человеческого достоинства и равенства всех перед законом. Между тем в

Европе «суд Божий» практиковался еще в 15 в. Раввины рассматривали законы как орудие справедливости. Неправедные законы считались безнравственными. Хотя евреи в те времена не имели системы присяжных, процедура обвинения и суда над обвиняемым у них удивительно напоминает процедуру, принятую в сегодняшней Америке *. Привлеченный к суду считался невиновным до тех пор, пока его вина не будет доказана. Он имел право на защиту и беспристрастный суд. Он имел право вызывать свидетелей, допрашивать своих обвинителей и давать показания по собственному делу. Его нельзя было заставлять давать показания против самого себя или привлекать по двум обвинениям сразу. Будучи обвиненным, он имел право апелляции в случае выявления дополнительных обстоятельств дела.

Хотя большинство населения Палестины по-прежнему занималось сельским хозяйством, многие евреи уже связали свою судьбу с коммерцией и торговлей. Это вынуждало добираться до самых отдаленных уголков бывшей империи Александра. Евреи преуспевали и становились многочисленным народом. «Они проникли во все страны, и трудно указать такое место в мире, куда бы это племя не пробралось и не стало господствующим», — писал греческий географ и философ Страбон в первом веке до н.э. В каждом греческом городе Малой Азии имелось значительное еврейское население. Но за фасадом этого безмятежного существования назревали сразу же два конфликта. Один состоял во внутреннем сопротивлении самих евреев эллинизации; второй — в борьбе между Селевкидами и Птолемеями.

Подлинным врагом евреев в период греческого господства был эллинизм. Борьба между греками и евреями была, в сущности, борьбой между двумя

* Многие демократические страны и сегодня не имеют системы присяжных. Они полагают, что суд присяжных — всего лишь еще одна организованная форма законопроизводства. Считается, что справедливый суд или несправедливый суд возможен как при наличии, так и при отсутствии присяжных.

идеологиями, предназначенными «на экспорт», — александровой эллинской культурой и иудейской религией пророков. Победили пророки.

Эллинизация евреев началась неприметно. Сначала она затронула их язык, манеры, привычки, быт. Затем она стала влиять на мораль, этику и религию. Первое совершалось между девятью утра и четырьмя пополудни, когда греческие и еврейские торговцы встречались на рынках и в кофейнях. Проникновение в духовные сферы происходило вечером, когда греческая и еврейская молодежь встречалась в гимнасиумах, театрах и домах гетер.

В результате каждодневного делового общения евреи переняли греческие имена. По тем же причинам американские евреи сегодня англизируют свои имена и фамилии. Евреи стали говорить по-гречески. По тем же причинам европейцы говорили по-французски во времена позднего барокко. Евреи сменили свои традиционные одеяния на греческие туники. По тем же причинам сегодняшние китайцы и японцы сменили традиционную одежду на западные костюмы. Греческие слова стали мелькать в еврейских религиозных книгах. Синагоги — и те стали напоминать греческие храмы. Когда недавно лопаты археологов извлекли на свет божий синагогу в каком-то отдаленном греко-римском форпосте, которую поначалу приняли за греческий храм*, евреи пережили немалое потрясение (а христиане — разочарование). Ее стены были покрыты великолепными цветными рисунками, изображавшими библейские сцены. Они настолько напоминают византийские росписи, что ученые, к великому своему неудовольствию, вынуждены теперь вернуть евреям честь считаться основоположниками этого искусства, до сих пор его воспринимали как исключительно христианское.

Послеобеденные социальные контакты между еврейской и греческой молодежью оказывали на тра-

* Карл Х. Креллинг, Раскопки в Дура-Европос, заключительный отчет VIII, ч. I, Синагога.

диционный еврейский образ жизни еще более разлагающее влияние, чем дообеденные деловые встречи родителей. Греческие спортивные соревнования приобрели огромную популярность. Борьба обнаженных атлетов стала обычным развлечением еврейских мужчин, театр — местом, где юноши знакомились с утонченностью греческой городской культуры. Оттуда дорога вела уже прямо к домам гетер. Вскоре погоня за наслаждениями стала правилом жизни, и эти «глупцы возомнили себя философами». Путь к ереси был проложен. Он вел от первого ряда в синагоге через ложу театра и объятия гетер в первый ряд языческого храма.

Еврейский делец старался позаимствовать греческие манеры. Еврейский юноша стремился приобрести к греческим наслаждениям. А еврейские интеллектуалы поддались чарам греческих философов. Ортодоксальные евреи считали этих философов самым опасным злом — даже более опасным, чем куртизанки. В конце концов куртизанки могли совратить лишь тело, философы же способны были совратить душу. Из всех греческих философов наибольшее осуждение заслужили эпикурейцы. Они были циниками: учили, что боги не вмешиваются в людские дела. Они утверждали, что человек должен избавиться от таких предрассудков, как понятия преступления и воздаяния. На свете не существует ни морали, ни аморализма — одно лишь наслаждение. Погоня за наслаждениями, говорили эпикурейцы, — вот подлинная цель человека. Под влиянием подобной вульгаризации философских взглядов Эпикура аморализм и распущенность стали вытеснять такие традиционные ценности, как верность и добродетель. Влияние эпикурейцев на еврейскую молодежь казалось ортодоксам столь угрожающим, что само слово «эпикуреец» — *апикорос* на иврите — до сего дня сохранилось у евреев как одно из самых сильных бранных слов.

Хотя влияние эллинизма и было угрожающе велико, большинство евреев все же противостояло ему. Лагерь антиэллинистов держался на двух идеологи-

ческих основах. Первой был авторитет и влияние Моисеева закона, который до сих пор воспринимался как священный. Второй основой была глубокая вера в грядущее возрождение Давидовой династии. Мало-помалу эти чувства сплотили антиэллинистов в политическую партию, сторонники которой получили название «хасидеев», или благочестивых (не путать с хасидами — еврейской религиозной сектой, возникшей в 18 в. в Восточной Европе). Партия хасидеев, первоначально сложившаяся как движение протеста, направленное против участия евреев в греческих пирах и попойках, постепенно обратилась против эпикурейцев в частности и всего греческого вообще. По мере того, как под ее знаменем собиралось все больше и больше людей, партия приобретала все большую политическую силу. В конечном счете она сыграла решающую роль в грядущих событиях.

В течение 100 лет селевкиды и птолеми боролись за контроль над Палестиной. В конце концов один из селевкидов — Антиох III, прозванный Великим, сумел подчинить ее себе. Поначалу Антиох продолжал придерживаться той же политики, что и прежние правители Палестины. Он даже предоставил евреям еще более широкие права, поскольку они проявили ярко выраженную склонность к самоуправлению.

Антиох дерзнул осуществить грандиозную идею объединения провинций всей бывшей империи Александра Македонского под своей властью. Он выступил со своими отрядами против Египта и натолкнулся на римлян. Достаточно было одного взгляда на римские легионы, чтобы Антиох повернул обратно. Несмотря на постыдное отступление, он верил, что мог бы одолеть римлян, если бы за его спиной стояла мощь объединенной империи. Он не сомневался, что такого единства он добьется интенсивной эллинизацией всех стран, находившихся под его властью. В его программу насаждения эллинистической культуры входило, между прочим, воздвижение статуй греческих богов и самого Антиоха во всех подвластных ему городах. Эта националистическая кампания увенчалась успехом в большей части импе-

рии, но в Палестине она натолкнулась на сопротивление. Евреи заявили, что они достаточно продемонстрировали свою лояльность и гражданские чувства исправной уплатой налогов и службой в армии и не видят нужды в добавочных демонстрациях, вроде поклонения статуе царя Антиоха. Антиох согласился с этими доводами.

Однако его второй сын, Антиох Эпифан, вступивший на трон в 176 г. до н.э. после убийства своего брата, эти доводы не принял. Антиох Эпифан полагал, что программа эллинизации, начатая его отцом, должна распространяться и на евреев. Для него это было делом принципа, а не личной неприязни к этому народу. Евреи смотрели на это иначе. Результатом была трагическая война, которая имела и комические моменты, но в целом принеся неожиданые результаты.

В империи Селевкидов каждая провинция обычно управлялась специально назначенным наместником. В Палестине, пользовавшейся определенным самоуправлением, эту роль играл первосвященник, назначаемый царем по рекомендации самих евреев. Эллинизированная еврейская аристократия считала выгодным для себя помочь Антиоху в его планах эллинизации Палестины. С помощью интриг и подкупов им удалось убедить Антиоха назначить первосвященником лидера сторонников эллинизации священнослужителя Ясона. Ясон за 12 месяцев добился того, чего Птолеми и Селевкиды не могли добиться в течение 100 лет. При его активном содействии языческие обычаи проникли в пределы самого Храма. В Святой Святыни Храма были установлены статуи греческих богов, а еврейские священники, одетые в греческие туники, совершали в их честь греческие обряды. Атлетические соревнования обнаженных еврейских юношей стали обычным зрелищем во дворе Храма. Еврейские посланцы присутствовали на языческих празднествах.

Разгневанные и возмущенные евреи — представители всех социальных слоев — стали массами сте-

каться под знамена хасидеев. Их руководители, подобно пророкам 500 лет назад, начали метать громы и молнии, осуждая разнузданность нравов и подражание идолопоклонникам. События, разыгравшиеся в результате такого общего недовольства, не были никем запланированы. Они попросту произошли.

В истории еврейского народа имя Антиоха Эпифана настолько сильно ассоциируется с представлением о царе-злодее и преступнике, что мало кто из евреев способен видеть в вызванной его реформами войне то, что она сама собой в действительности представляла. Это было не столько восстание против тирании Селевкидов, сколько война еврейских антиэллинистов против еврейских эллинизаторов. Селевкиды не навязывали евреям ничего специфически антиеврейского. Их требования — справедливые или несправедливые — были предъявлены в равной мере всем подданным селевкидской империи. Но в то время, когда все прочие народности согласились с этими требованиями, евреи их отвергли. Не Селевкиды, а Ясон был повинен в эллинизаторских крайностях. Долго назревавшее восстание вспыхнуло в результате непредвиденного события, и инициаторами были евреи. Именно это восстание, а не сопротивление евреев эллинизаторской программе Селевкидов было причиной последовавших жестоких репрессий.

Добившись торжества эллинизма в своих владениях, Антиох Эпифан счел, что настало время претворить слова в дела, и вторично двинулся против Египта. Когда во время этого похода по Палестине прошел слух, что Антиох погиб в битве с римлянами, вожди хасидеев решили воспользоваться счастливым случаем и обрушились на эллинизаторов-евреев. С чиновниками и священнослужителями, назначенными Антиохом, разделялись простейшим способом. Их сбрасывали со стен Храма в тридцатиметровую пропасть. За людьми последовали статуи. Затем началось систематическое избиение всех маломальски известных эллинизаторов. Партия хасидеев захватила власть в стране.

К сожалению, слухи о смерти Антиоха оказались

ложными. Он был не только жив, но и полон ярости, потерпев такое же унижительное поражение в борьбе с римлянами, какое некогда потерпел его прославленный отец. Очувтившись между двух огней — требованием римлян убраться из Египта и восстанием евреев в тылу, — Антиох решил, что будет более благоразумным выместить свою ярость на беззащитных евреях. Он вывел свою армию из Египта и двинул ее против Иерусалима. Там он с бессмысленной жестокостью перебил десять тысяч жителей без различия их партийной принадлежности. В Храме были воздвигнуты языческие статуи. К ним приставлены новые священнослужители и чиновники. Подобно Александру Македонскому, который призвал евреев переселяться в греческие города, Антиох призвал язычников переселяться в Иерусалим. Тем самым он пытался растворить еврейское население города.

Если бы Антиох ограничился этим, возникший конфликт, может быть, удалось бы еще погасить. Но он — уже из чистой злобы — запретил обряд обрезания и празднование субботы. Партия хасидеев, практически уничтоженная в ходе предшествующих гонений, приобрела новых сторонников. Теперь к ней примкнули даже те евреи, которые ранее выступали за умеренную эллинизацию. Новое восстание стало неотвратимым. И искрой снова послужило непредвиденное событие.

В маленьком городке Модиин греческий чиновник пытался заставить старого еврейского священнослужителя принести жертву языческим богам. Имя его было Маттитяху, и происходил он из рода Хасмонеев. Вместо заклания жертвы Маттитяху зарезал чиновника и бросил к ногам статуи его труп. Антиох приказал сурово наказать виновных. Все еврейское население Палестины поднялось на защиту Маттитяху, возглавлявшего со своими пятью сыновьями восстание. Их прозвали Маккавеями — от еврейского слова, означающего «молот», после того как сражение за сражением они наносили «удары моло-

том» по селевкидским армиям*. Так началась жесточайшая война нового типа — первая в истории мира религиозная война. Сражались с мрачной решимостью выстоять, не считаясь с численностью и жертвами.

Потрясенные греки с изумлением взирали на этот народ, бестрепетно и героически погибающий во имя абстрактной идеи, а не чего-то осязаемого и материального. Высокомерное отношение к евреям — «варварам» сменилось почтительным страхом перед ними. Такого рода война была им непонятна. Они считали, что если армия разбита, столица оккупирована, царь взят в плен, а храмы и боги низвергнуты, народ должен покориться. Но евреи не хотели покоряться. И поскольку каждый еврей нес свой храм в своем сердце, греки начали с беспокойством понимать, что выкорчевать еврейскую религиозную идею можно, только уничтожив всех евреев до единого. Поэтому жестокой, затяжной войне не видно было конца. Легендарные рассказы о Маккавеях разнеслись по всему греческому миру.

Вначале Антиох не придавал особого значения этому восстанию. Он направил в Палестину небольшой ударный отряд, чтобы проучить зарвавшихся Маккавеев. Евреи уничтожили этот отряд. Уязвленный этим неожиданным поражением, Антиох собрал большую, первоклассную армию и, возглавив ее, пошел на Иерусалим. Он был настолько уверен в своей победе, что прихватил с собой множество работяг-говцев.

Но прорицатели, видимо, неправильно истолковали расположение звезд. В 164 г. евреи отбросили его армию и освободили Иерусалим. Храм был очищен от языческих идолов и заново посвящен Яхве. Этому

* Согласно другому объяснению, слово *Маккаби* является аббревиатурой военного клича Хасмонеев: «Ми камоха базлим, Адонай?!», т.е. «Кто среди богов подобен Тебе, о Господи?!».

событию посвящен праздник Ханукка, который поныне напоминает об этой победе.

Война с Селевкидами продолжалась двадцать пять лет. Еврейскому оружию сопутствовала военная удача. Евреи выигрывали сражение за сражением, и постепенно Селевкидам пришлось отступить за пределы Палестины. Антиох Эпифан умер, так и не осуществив свою мечту о массовой распродаже евреев на рынках работорговцев империи. Его преемник предложил евреям полную религиозную свободу. Опьяненные победами, евреи потребовали полной политической независимости и перенесли войну на территорию врага. Потеряв веру в победу, Селевкиды согласились на поставленные им условия. Евреи, уставшие от четвертьвековой борьбы, заключили мир.

Четверо из сыновей Маттитяху один за другим пали в ходе затяжной войны. Шимон, единственно уцелевший сын, в 143 г. до н.э. заключил мирный договор с Селевкидами. В итоге, казалось бы, безнадежной войны был достигнут неожиданный результат — снова в Иудее было создано еврейское царство.

6

БОРЬБА, ЗАКОНЧИВШАЯСЯ ПОРАЖЕНИЕМ

В 143 г. до н.э., к моменту восстановления Иудейского царства, евреи существовали уже 1857 лет. К этому времени, если верить философии Шпенглера и Тойнби, история должна была давно похоронить этот народ, человечество — забыть, а археологи — заново раскопать. Но Бог, судьба или слепой случай судили иначе. Евреи были не только живехоньки, но и весьма деятельно заняты поиском

средств и способов разрушения своего только что приобретенного государства.

Шимон, последний из сыновей Маттитьяху, так и не был провозглашен царем. Тем не менее он единодушно признается основателем Хасмонейской династии. Официально он занимал пост иерусалимского первосвященника и правителя Иудеи. Это был мудрый и ловкий государственный деятель. Он понимал, что Селевкиды и Птолемеи только выжидают подходящего момента, чтобы нанести удар Иудее. Предчувствуя, что Римская республика станет звездой на политическом небосводе, он заключил с римлянами договор о взаимопомощи. Этот пакт должен был воспрепятствовать возможному вторжению Селевкидов или Птолемеев. Последствия этого договора можно охарактеризовать строками известного шуточного стихотворения:

Улыбались три смелых девицы
На спине у бенгальской тигрицы.
Теперь же все три —
У тигрицы внутри,
А улыбка на морде тигрицы.

В течение восьмидесяти лет наездник улыбался, сидя верхом на римском тигре. Затем эта улыбка переместилась на морду тигра, который проглотил опрометчивого наездника — евреев. Однако причиной падения нового царства было не вероломство римлян, а внутренние распри самих евреев.

Классические политические причины раскололи дом Хасмонеев. Брат восставал против брата, отец против сына, а народ против правителей. В основе этого раскола лежала все та же проблема эллинизма. Распри разделили народ на три враждующие партии. Каждая из них внесла свою лепту в последующее разрушение Иерусалима, изгнание евреев и возникновение христианства.

Мы уже видели, как религиозные репрессии Антиоха Эпифана привели евреев всех классов и рели-

гиозных убеждений под знамя партии хасидеев. Это был не столько акт протеста против эллинизма вообще, сколько неприятие ограничений религиозной свободы. Многие евреи, в особенности богачи и аристократы, были не против умеренного эллинизма, лишь бы только он не означал полного вытеснения иудаизма. После победы над Селевкидами и устранения угрозы уничтожения народа ничто не удерживало различные течения хасидейства в одном русле. Из-за отсутствия внешнего давления внутренний напор еврейских эллинистов разорвал партию хасидеев на три новые группы — ессеев, фарисеев и саддукеев.

Ессеи вышли из самых недр бывшей хасидейской партии. Они, однако, не питали никакого интереса к политике, отстранялись от всякой светской деятельности и полностью погрузились в религиозное созерцание. Со временем они образовали свои религиозные общины. Ессеи развили мессианское учение, идеи которого сыграли решающую роль в деяниях Иоанна Крестителя и Иисуса.

Антиэллинисты в партии хасидеев, которые не разделяли крайних взглядов ессеев и их стремления уйти от жизни, обособились в партию фарисеев («сепаратистов»). С другой стороны, эллинисты, которые присоединились к хасидеям только перед лицом общей опасности, теперь образовали собственную партию — саддукеев. С течением времени взаимная враждебность фарисеев и саддукеев становилась все сильнее и в конце концов вылилась в открытый конфликт. Парадоксальной стороной этого конфликта было то, что саддукеи были либералами в политике и консерваторами в религиозных вопросах. Фарисеи, напротив, были консерваторами в политике и либералами в религиозном плане. Саддукеи отстаивали допророческую форму иудаизма — с Храмом, первосвященником и жертвоприношениями. Фарисеи выступали за синагогу, раввина и молитву, то есть за послепророческую концепцию иудаизма. Саддукеи вербовали сторонников из священнических и

аристократических кругов, фарисеи — из рядового большинства.

В политике саддукеи выступали как просвещенные либералы, считая, что даже изрядная доза эллинистической культуры не повредит ни их стране, ни их религии. Точно так же сегодня многие американские евреи убеждены, что могут пользоваться благами американского образа жизни, не подвергая опасности свое еврейство. Когда Иисус начал проповедовать в Иерусалиме, саддукеи видели в нем не радикала, а зелота, иными словами, фарисея.

Фарисеи, со своей стороны, считали саддукеев консерваторами, ессеев зелотами, а себя либералами. Они выступали против эллинизма, поскольку это была чуждая культура. В то же время они были не прочь развивать свой собственный, еврейский политический и культурный либерализм. Они верили в необходимость религиозной эволюции. Они подчеркивали значение нового «Устного Закона», выросшего из толкований Моисеева закона. Фарисеям иудаизм обязан той гибкостью, которая позволила ему выжить в последующие тяжелые времена.

Распри между обеими партиями начались после того, как Шимон был убит своим зятем в Иерихоне. Сын Шимона Иоханан Гиркан объявил себя и царем и первосвященником. Это вызвало недовольство в его собственной партии фарисеев. Иоханан Гиркан нанимал иноземных наемников, чеканил монеты со своим именем. Он осквернил гробницу Давида, изъяв из нее три тысячи талантов серебра. Фарисеи были так разгневаны, что потребовали от него отказаться от звания первосвященника. В свою очередь, разозленный Иоханан переметнулся к саддукеям и вдобавок ввел еще несколько эллинистических новшеств. Разрыв между фарисеями и домом Хасмонеев расширился.

К 135 г. до н.э. Иоханан раздвинул границы Палестины, присоединив к ней земли языческой Галилеи и Идумеи. После этого он предпринял шаг, который

обрек его страну на неисчислимые бедствия. Силой оружия он обратил покоренных идумеян и галилеян в иудаизм. Впоследствии из Идумеи вышел один из величайших гонителей еврейства — царь Ирод, проклинаемый евреями, но удостоенный историей эпитета «Великий». А в Галилее спустя 150 лет произнес свои первые проповеди и обрел своих первых учеников Иисус.

Убийствами братьев и матерей и цареубийством отмечен путь к трону сына Гиркана Аристокбула I. В свое время Гиркан позаботился о том, чтобы после его смерти царский венец перешел к его жене, а мантия первосвященника — к сыну. Аристокбул рассудил иначе. Он убил свою мать и одного из братьев, бросил в тюрьму остальных и завладел и венцом, и мантией. Аристокбул был ревностным саддукеем. Его эллинизаторская программа была воинствующе экстремистской. К счастью, его правление длилось всего один год. Ему наследовал его брат — Александр Яннай.

Яннай был деспотичным и вспыльчивым правителем. С помощью иноземных наемников ему удалось зажать страну в железный кулак. Он еще более расширил границы государства. Теперь оно доходило до тех границ, которые имело при царе Давиде. Во времена Яннай конфликт между фарисеями и саддукеями достиг высшей точки. Вспыхнула гражданская война. И тут события приняли трагикомический оборот. Фарисеи обратились за помощью к селевкидам. Те откликнулись на призыв вторжением своих армий. В последний момент фарисеи поняли всю опрометчивость союза со своими злейшими врагами. Они решили поддержать Яннай в борьбе с вторгшимися захватчиками. Когда опасность миновала, Яннай жестоко отомстил фарисеям за их заговор. Мечь его была одной из самых кровавых в истории. К счастью для Палестины, правлению Яннай вскоре наступил конец. В 78 г. до н.э. ему наследовала его жена Алек-

сандра. Она оказалась одной из самых способных правительниц Хасмонеи династии.

Несмотря на кратковременность правления Александры (78—69 гг.), оно успело заслужить в еврейской истории название «золотого века». Ею были введены важные социальные реформы. По совету своего брата-раввина она основала общедоступные начальные школы и сделала начальное образование обязательным для всех еврейских мальчиков и девочек. За сто лет до рождения Христа, в мире сплошной безграмотности еврейский народ в своем крохотном государстве практически решил эту проблему. Но хотя Александра отличилась в социальном плане, она допустила тяжкую ошибку в плане политическом. Она была ревностной фарисейкой. Стоило ей взойти на престол, как наступил черед саддукеев почувствовать на себе всю тяжесть мстительной ненависти. Катастрофа не замедлила последовать.

Тема соперничества двух братьев повторяется в еврейской истории с почти маниакальной настойчивостью. Библия полна примеров подобного соперничества: Каин и Авель, Исаак и Исмаил, Иаков и Исав, Соломон и Адония. Теперь настала очередь Гиркана II и Аристобула II, сыновей Александры. Их соперничество имело катастрофические последствия. Поскольку царица не могла занимать должность первосвященника, Александра назначила на эту должность своего старшего сына — фарисея Гиркана. После смерти матери Гиркан захватил также и царскую власть. Его брат, саддукей Аристобул, возглавил восстание против узурпатора. С помощью священнических кругов Гиркан был низложен. Снова вспыхнула гражданская война. Поддерживаемый соседними набатеями, Гиркан отнял у брата царский трон. Аристобул обратился за помощью к римлянам. Судьба распорядилась так, что как раз к этому времени (67 г. до н.э.) римляне во главе с Помпеем завершили завоевание Сирии. Их войска оказались у границ Палестины. Римляне приказали Гиркану

оставить трон и удалиться из страны. Страх перед римским могуществом был так велик, что Гиркан не осмелился ослушаться этого приказа. Власть снова перешла к Аристобулу.

Этот период еврейской истории напоминал бы классическую комедию переодеваний, если бы не катастрофа, которой завершился ее последний акт. Гиркан обратился к Помпею, требуя восстановления своей законной власти. Аристобул сделал то же самое, ссылаясь на то, что он законный претендент. Фарисеи, которым оба брата опротивели в одинаковой мере, просили Помпея не помогать ни одному, ни другому. Помпей выслушал всех и поступил по-своему. В 63 г. до н.э. он вторгся в самостоятельное царство Маккавеев, покорил его и назвал его Юдеа (Иудея).

Спустя 80 лет после завоевания независимости внуки первого хасмонейского царя своими руками разрушили политическую самостоятельность еврейского государства, завоеванную Шимоном Маккавеем. Борьба за свободу, начатая престарелым Маттитьяху и его сыновьями, закончилась поражением.

7

РИМ, ЦЕЗАРИЗМ И ВОССТАНИЕ

Что представляли собой победоносные римляне?

Об их происхождении историки знают так же мало, как и о происхождении греков. Согласно легенде, в те времена, когда в Иудее Исая произносил свои бессмертные пророчества, в Италии некая безвестная волчица вскармливала братьев Ромула и Рема — будущих основателей Рима (753 г. до н.э.). В течение первых трехсот лет своего существования римляне

боролись за то, чтобы отвоевать себе место в истории. Свое восхождение они начали с жестокого истребления этрусков — высокоцивилизованного племени, обладавшего высокоразвитой культурой, жившего до них в Италии. Успешному началу едва не был положен конец, когда из германских лесов на равнины Италии вторглось дикое и свирепое племя галлов. Ценой столетней борьбы римлянам удалось изгнать галлов. Второе вторжение варваров, тысячу лет спустя, было более успешное.

В течение трех столетий, от 350 до 50 г. до н.э., многочисленные большие и малые войны сделали римлян властелинами всего цивилизованного мира. В результате трех самнитских войн они завоевали центральную Италию. Из трех пунических войн они вышли хозяевами всей Италии, а также Испании и Северной Африки. Три войны с Македонией привели к подчинению всей Греции. В начале первого века до н.э. римляне стояли у ворот Азии. Впереди была манящая необъятность бывшей империи Александра.

В самом Риме между тем шла яростная борьба за власть. Назревало крушение республики и установление императорской власти, диктата. Этот переворот, однако, не был столь радикальным, как полагают многие историки. Рим всегда был средоточием противоречий. Он возник как республика, но никогда не был по-настоящему демократичен. Власть в нем всегда принадлежала богачам-патрициям, которые время от времени швыряли беднякам-плебейм куски со своего стола. Члены сената и правители республики — консулы избирались исключительно из патрицианской среды. Победоносные войны не шли на пользу плебейм, которые становились только беднее, а лишь обогащали патрициев.

В первом столетии до н.э. порядок и законность в Риме рухнули. Алчность, продажность и жестокость, которыми и прежде была отмечена римская

политическая система, достигли апогея. Законодательные, равно как и административные учреждения стали объектом открытого подкупа. Взяточничество превратилось в почетное и уважаемое в обществе занятие. Эдикты о государственной измене или изгнании того или иного лица, имевшие силу закона, использовались для присвоения чужих земель. Ростовщичество на кабальных условиях — 10 и более процентов в месяц — превратилось в законную привилегию патрициев. Уклонение от уплаты даже небольшого долга влекло за собой чудовищные пытки. Продажа детей в рабство стала столь распространенным явлением, что уже даже не вызвала сострадания. Захватнические войны наводнили страну таким количеством рабов, что свободный труд и свободное предпринимательство практически исчезли. По мере усиления классовых различий разрыв между безземельными и собственниками превращался в непреодолимую пропасть. Правители-демагоги один за другим сменяли друг друга, прокладывая себе путь к власти с помощью подкупа и интриг. Они жестоко расправлялись со своими противниками, декорировали зал сената отрубленными головами и украшали большие дороги крестами с распятыми на них пленниками. Это варево из римской культуры и варварской дикости, замешанное на трех гражданских войнах и трех грандиозных восстаниях рабов, было подано к столу истории под названием цезаризма.

Покуда в самом Риме шли кровавые побоища во имя «закона и порядка», за его пределами не менее кровавые побоища совершались во имя «славы римского оружия». Три войны с Митридатом привели к подчинению бывшей империи Александра римскому влиянию. Во время третьей из этих войн (74—64 гг. до н.э.), в которой римские войска возглавлял Гней Помпей, истерзанная в междоусобных войнах Иудея оказалась в числе покоренных римлянами государств.

Победоносно завершив свой восточный поход,

Помпей, отягощенный награбленной добычей, вернулся в Рим, чтобы добиваться высшей власти. Но два других римлянина, Марк Красс и Юлий Цезарь, предвосхитили его замыслы.

Начавшаяся борьба между этими тремя претендентами завершилась разделом власти, который вошел в историю под названием «Первого триумvirата». Солдат Помпей представлял в нем интересы сенаторов, финансист Красс — интересы патрициев, а аристократ Цезарь, утверждавший, что его род ведет начало от Венеры и Юпитера, представлял интересы плебеев. Однако властолюбие оказалось сильнее, чем основанное на дружбе соглашение. Триумvirат закончился жесточайшей войной и был окончательно похоронен после битвы под Фарсалом (48 г.) в Фессалии, где Помпей был разгромлен. Цезарь стал формально первым консулом, а фактически — диктатором Рима. Со всякой видимостью демократии было покончено.

Потерпевший поражение Помпей бежал в Египет. Цезарь преследовал его. Здесь Помпея поджидала смерть в лице наемного убийцы, а Цезаря — любовь египетской царицы Клеопатры. Кстати говоря, Клеопатра была не египтянкой, а гречанкой, последней представительницей рода Птолемеев, основателем которого был один из полководцев Александра Македонского. Пока Цезарь пировал с Клеопатрой, его легионы захватили весь Египет. Продолжая по инерции свое продвижение, они вторглись в пределы Иудеи. Иерусалим перешел из рук Помпея в руки Цезаря и Рима. Клеопатру, у которой он отнял страну, Цезарь наградил сыном. Евреям тоже был преподнесен подарок — обязательные налоги. Идиллия Цезаря и Клеопатры продолжалась недолго. Цезарь был убит заговорщиками во главе с Брутом, а Октавиан захватил власть в Риме и окончательно присоединил Египет к римским владениям. Попутно он лишил Клеопатру и царского титула, и всех ее богатств. Не желая идти в триумфальном шествии за

колесницей победителя, Клеопатра покончила жизнь самоубийством (30 г. до н.э.). Царство Птолемеев прекратило свое существование.

Римляне стали властелинами мира. Но хотя они шествовали по земле с видом завоевателей, сама их напыщенность выдавала скрытый комплекс неполноценности. Этим комплексом их наградили ближайшие соседи — греки.

Уникальные отношения, возникшие между Грецией, этой завоеванной страной, и Римом, ее завоевателем, блестяще охарактеризованы в строках Эдгара По: «Величие принадлежало Риму, а слава — Греции». Римляне всегда ощущали неполноценность своей культуры и неспособность создать что-либо оригинальное. Этот недостаток они пытались компенсировать напыщенной важностью. В них всегда чувствовался «торгаш, нарядившийся джентльменом», который робел и терялся в присутствии прирожденно культурного греческого аристократа.

Несмотря на свои успехи на поле брани, римляне всегда были зависимы от греков на полях идейных сражений. Они были «людьми дела», антиинтеллектуалами. Римское искусство, наука и литература были второсортными копиями греческих оригиналов. Проникновению новых идей римляне умели противопоставить только грубую силу. В тот момент, когда ход истории изолировал Рим от греческих корней, Римская империя рухнула. Утратив греческую почву, которая питала его искусство и науку, Римское государство тотчас же стало добычей варваров.

Признав такую точку зрения, можно понять, почему римляне не сумели оказать никакого культурного влияния на евреев. На протяжении всего периода римского господства еврейская интеллектуальная жизнь продолжала оставаться под влиянием греческих идей. Римляне повлияли лишь на физические условия еврейского существования. На протяжении четырехсот лет евреи ухитрились балансировать между римским мечом и притягательностью греческой

мысли. Единственные из всех покоренных римлянами народов (а все это были остатки некогда могущественных царств и империй) евреи сумели, впервые в римской истории, прервать непрерывную цепь военных успехов римского оружия.

Господство Рима над Иудеей началось при самых неблагоприятных для евреев обстоятельствах. Рим и Иудею раздирали гражданские войны. Помпей, бежавший из Рима, захватил Иудею и назначил своими наместниками в ней одного еврея и одного иудеянина. Теперь, когда страна потеряла свою независимость, Аристокбул и Гиркан, сыновья хасмонейской царицы Александры, поменялись ролями. Саддукей Аристокбул выступил против Помпея, тогда как фарисей Гиркан подчинился ему. Поэтому Помпей назначил Гиркана первосвященником, а также этнархом* Иудеи. Кроме того, он назначил иудеянина по имени Антипатр политическим советником новоиспеченного этнарха. Этим он положил начало трагедии еврейского народа в период римского господства.

Антипатр — одна из самых непривлекательных фигур в еврейской истории. Это именно он некогда посоветовал Гиркану обратиться за помощью к набатеям в борьбе с Аристокбулом. Успешный для Гиркана исход этой борьбы значительно усилил влияние Антипатра на политическую жизнь Иудеи. Антипатр пресмыкался перед каждым очередным влиятельным римлянином, в котором чуял восходящую звезду. Подхалимничая перед Помпеем, он ухитрился получить должность советника Гиркана. Когда Цезарь, правитель Рима, после поражения Помпея при Фарсале овладел Иудеей, Антипатр стал пресмыкаться перед Цезарем. Тот назначил его правителем Иудеи. После убийства Цезаря Антипатр стал заигрывать с одним из его убийц — Кассием. Наконец в 43 г. до н.э. Антипатр был отравлен своими любящими

* Этнарх — римское звание для правителя покоренного народа.

родственниками во время пирушки у наложницы. Но ему наследовал его сын Ирод.

Ирод был достойным учеником своего отца. Поняв, что новой восходящей звездой является Октавиан, Ирод немедленно направился в Рим. Там он втерся в доверие к Октавиану, и ему подарили еврейский трон. Первым поступком Ирода в новом звании было убийство Гиркана. Затем он выдал римлянам Аристокбула, которого они отправили в Рим и там отравили. Династию Хасмонеев, ступившую на трон в ореоле славы, ожидал бесславный конец.

Во время визита Ирода в Рим в Иудее произошло почти невероятное событие. Жил еще один потомок Хасмонеев — Антигон, сын Аристокбула. Когда его отец был схвачен римлянами, он бежал в Парфию и сумел уговорить парфянского царя пойти на Иерусалим, захваченный римлянами. К немалому своему удивлению, Антигон, возглавивший сражение, разбил римские отряды и изгнал их из Иудеи. Он снова сделал Иерусалим столицей независимого Иудейского царства. Антигон стал первосвященником и царем.

Ирод, только что получивший трон, был вне себя от ярости. В течение трех лет Антигону удавалось противостоять Ироду и данным ему в помощь римским легионам. Однако в конце концов ему пришлось подчиниться превосходящим силам врага. В 37 г. до н.э. Ирод захватил Иерусалим. Антигон, а вместе с ним еще 45 членов Синедриона, обвиненные в бунте, были казнены. Наконец-то Ирод добрался до трона Иудеи! В этом была злая ирония судьбы. Идумеяне, насильно обращенные в иудаизм 80 лет назад Иохананом Гирканом, сыном основателя Хасмонейской династии, ныне управляли своими завоевателями.

Кому-нибудь, быть может, и понятно, почему Ирод был назван Великим. Для евреев это навсегда останется загадкой. Ирод был самым жестоким палачом своего века. Он казнил 45 членов Синедриона, сведя этот прежде независимый судебный орган к

статусу послушного исполнителя царской воли. Он полностью подчинил себе первосвященника, непрерывно угрожая ему пытками. Он казнил всех своих соперников, свою любимую жену, нескольких своих сыновей и, если верить Евангелию от Матфея, повторил «подвиг» библейского фараона, приказав резать всех младенцев мужского пола в Бет-Лехеме. Делал он это, опасаясь исполнения пророчества, согласно которому в этом городе родится его соперник на царский трон.

Подавляющее большинство евреев презирало и ненавидело Ирода. Тем не менее они признавали его своим царем, потому что одна из его десяти жен, Мариамна, принадлежала к роду Маккавеев. Она родила Ироду двоих сыновей. Народ надеялся, что со временем один из них унаследует царский трон и восстановит в Иудее династию Маккавеев. Но Ирод убил их обоих.

После смерти Ирода римляне назначили правителями евреев двух его сыновей от самаритянки — Антипу и Архелая. Антипа оказался способным правителем. Он был сторонником эллинизации: строил города по греческому образцу и насаждал греческий образ жизни и обычаи в подвластной ему Галилее. Галилеяне, еще недавно язычники, обращенные в иудаизм при Иоханане Гиркане, не противились нововведениям своего правителя. По наивности они воспринимали эллинизм как составную часть иудаизма. Стабильное правление Антипы принесло стране небывалое процветание. Галилея созрела для грабительских римских поборов.

Именно здесь, в Галилее, произошло первое из многочисленных мелких восстаний против римского владычества, которые вылились впоследствии в великую Иудейскую войну. Политическая ситуация в Галилее и в Иудее в I в. до н.э. весьма напоминала ситуацию в Израиле и Иудее в 8—6 вв. до н.э., когда еврейские царства сражались с Ассирией и Вавилонией. В Израиле, а потом в Иудее образовались

тогда две партии — сторонников войны и мира. Теперь история повторилась: в Иудее и Галилее возникли две партии. Одна была партией zelотов, выступавших за восстание против римлян, другая состояла из сторонников мира, предостерегавших против подобного безумия.

По своему политическому составу партия zelотов напоминала партию хасидеев, поднявших хасмонейское восстание. По мере того, как римляне совершали одну жестокость за другой, все большее число сторонников мира отчаявшись переходило на сторону zelотов. Ряды zelотов пополнялись сначала из числа фарисеев, саддукеев, ессеев. К ним примкнули позднее приверженцы новой группировки, известной под названием христиан. В это время, в первом веке до н.э., фарисеи были наиболее многочисленны, саддукеи — наиболее влиятельны, ессеи — наиболее последовательны, а христиане — наиболее нетерпимы. По мере упадка Хасмонейского царства партии фарисеев, саддукеев и ессеев все более утрачивали политический облик. Каждая партия развивала свои религиозные взгляды, и они все более превращались в религиозные секты, чуждые и враждебные друг другу. Так продолжалось до тех пор, пока судьба не сплотила их снова в отчаянной борьбе с римлянами.

Фарисеи были представителями умеренной традиции еврейского религиозного мышления. В своих религиозных взглядах они были исключительно терпимы и ни в чем не походили на тот тип «фарисея» — узколобого фанатика, который рисуют христианские евангелия. Они верили в воскресение мертвых, пришествие Мессии и в бессмертие души. Во всех случаях, когда представлялась возможность двух различных толкований Письменного Закона, они выбирали более широкую и мягкую интерпретацию. Они разработали традицию Устного Закона, своего рода «переносного» набора приемов для самостоятельного толкования религиозных правил, что позволяло приспособлять их к меняющимся условиям.

По сравнению с фарисеями саддукеи представляли собой крайне правое крыло еврейского религиозного лагеря. Они не верили ни в бессмертие, ни в воскресение, ни в загробное существование. Они были реалистами в политике, материалистами и сторонниками сохранения существующего положения вещей. Главной их заботой было сохранение культа Храма. Их подход к религии был жестким и консервативным, не допускавшим изменений. Главным для них было следование букве, а не духу Торы. Поскольку это была партия богатых людей, аристократов и священнослужителей, она, несмотря на свою малочисленность, пользовалась огромным политическим влиянием.

Ессеи находились на крайнем левом фланге спектра еврейских религиозных сект. Начав свой отход от активной политической жизни еще при Хасмонейской династии, они продолжили его и во времена римлян. К началу антиримского восстания они почти совсем обособились в небольших коммунах, вдали от больших городов и поселений. Подобно фарисеям, ессеи верили в бессмертие души, воскресение и пришествие Мессии. Они верили также в адские муки, предназначенные грешникам, и райское блаженство, ожидающее праведников. Они разработали сложные обряды очищения души и тела, в числе которых было также погружение в воду, омывающее от грехов и возрождающее к новой жизни. Ессеи предпочитали безбрачие, но, подобно апостолу Павлу, говорившему, что «лучше жениться, чем гореть», они для сохранения рода допускали браки в своей среде. Тем не менее многие новые члены секты оставались в безбрачии и брали на воспитание чужих детей, которых растили в аскетических традициях ессейских общин.

В тридцатые годы I в. н.э. к этим трем главным сектам добавилась четвертая — христианская. Ее основатель, Иисус Христос, был крещен по ессейскому обряду евреем Иоанном Крестителем — по всей ви-

димости, ессеем, судя по тому, что он проповедывал близкие им идеи и совершал обряд погружения в воду именно в тех местах, где располагались наиболее крупные и влиятельные общины ессеев. После распятия Иисуса римлянами христианство, казалось, должно было быть предано забвению. Однако благодаря энергичной кампании обращения в новую веру, начатой одним из бывших преследователей христиан, новообращенным Саулом из Тарса (позднее известным под именем Павла), движение стало пополняться новыми приверженцами, особенно среди неевреев.

Большая часть zelотов принадлежала к прежним фарисеям и саддукеям. Главной их базой первоначально была Галилея, где они, как уже отмечалось, подняли первое восстание против римлян. Это произошло в 6 г. н.э. Оно было преждевременным, поскольку еще не привлекло в свои ряды бóльшую часть народа. Хотя восстание было беспощадно подавлено римлянами, само недовольство продолжало существовать и тлеть под спудом. По мере того, как оно разгоралось, ряды zelотов росли.

Неотвратимо, как в греческой трагедии, еврейско-римский конфликт приближался к своей кульминационной точке. Между 7 и 41 годами в Иудее сменилось семь римских прокураторов. Ни один из них не подходил для этой роли. Все это были простые солдаты, выдвинувшиеся из низов. Им недоставало дипломатической тонкости и социального чутья. Свои политические промахи они усложняли безрассудной жестокостью, и их искусство управления государством сводилось к убеждению, что нет такой проблемы, которую можно было бы решить без кровопролития. Их тупая, злобная жестокость заставляла фарисеев, саддукеев и ессеев объединяться с zelотами, призывавшими к свержению римского владычества.

Краткая интермедия, совершенно незначительная по своим последствиям, бросила на трагические события того периода комический отсвет. Римляне

вдруг надумали навязать евреям нового царя — против их воли, разумеется. Этим царем был Агриппа I, внук Ирода. Свое воспитание он получил в Риме в обстановке роскоши и извращенности. Он был усыновлен римским императором Тиберием, а потом стал близким другом Калигулы. Последний решил отменить институт прокураторов Иудеи ради того, чтобы подарить трон своему собутыльнику-еврею. При Агриппе в течение трех лет — с 41 по 44 — все еврейские провинции Рима вновь были объединены в одно царство. Агриппа правил с благодушной безалаберностью. Умер он так же, как и жил, — весьма театрально. На торжественной церемонии, где его провозгласили богом, он неожиданно упал и скончался как самый простой смертный.

Со смертью Агриппы роковые события приблизились к неизбежному концу. На сцене вновь появились правители с прежними замашками. Новые прокураторы были не лучше старых, каждый последующий лишь сильнее притеснял народ. Возмущение евреев возрастало. Римляне, предчувствуя волнения, поспешно заменили явно неспособного Альбина новым прокуратором Флором, который оказался последним на этом посту.

Но было уже слишком поздно. Даже не жестокость, а обычная тупость стала той искрой, от которой вспыхнул пожар. Во время праздника Пасхи Флор не надумал ничего лучшего, как нарядиться в одежды еврейского первосвященника. Этот маскарад, казавшийся ему необыкновенно забавным, оскорбил самое святое в душе народа. Он прибавил к застарелой ненависти еще и непреодолимое отвращение к римлянам.

Флор, действуя как гангстер, потребовал от евреев 17 талантов золота * из фонда Храма. Фарисеи, саддукеи, ессеи, даже еврей-христиане устремились в ряды zelотов. В мае 66 г. zelоты напали на римские

* Около 350 тысяч долларов.

легионы, расположенные под Иерусалимом, и обратили их в бегство. Это событие всколыхнуло всю страну. Восстания вспыхивали в каждом городе, в каждой деревне, в каждой провинции. Иудея, Идумея, Самария и Галилея объединились против общего врага. Крохотная, размером с почтовую марку страна восстала против гигантской Римской империи — поработителя народов мира.

8

ЗАКОЛОЧЕННЫЙ ГРОБ

Народы, входившие в состав Римской империи, не веря своим глазам, следили за тем, как евреи в одиночку сражались с римским Голиафом. Евреи были так близки к победе, что римлянам пришлось использовать всю свою военную мощь, чтобы добиться превосходства там, где в обычных условиях хватило бы одного экспедиционного корпуса. Римляне знали, что за их поражениями и победами следит весь мир. Они понимали, что ставка слишком велика. Стоило им проиграть, а евреям добиться независимости, и пламя восстания охватит всю Римскую империю. Поэтому они действовали беспощадно, стремясь осилить евреев. Кровавые побоища следовали одно за другим с неослабевающей яростью. Первый год войны поверг римлян в состояние шока. Римский генерал Цестий Галл примчался во главе своих легионов из соседней Сирии, чтобы подавить мятеж, но он был без промедления вышвырнут из страны. Ситуация стала настолько серьезной, что император Нерон обратился к услугам самого способного из своих полководцев — Веспасиана. Под его начало были отданы лучшие римские легионы. После целого года ожесточенных сражений Веспасиану удалось остано-

вить натиск галилейских армий. Этими армиями командовал военачальник, позднее приобретший мировую известность как еврейский историк. Имя его было Иосеф бен Маттитьяху, но последующим поколениям он стал известен как Иосиф Флавий (38—100 гг.). Именно он оставил миру единственное свидетельство очевидца этих роковых событий.

Иосиф происходил из богатой иудейской семьи священнослужителей. Получив образование в лучших школах Рима, он вернулся в Иудею. Избрал военную карьеру и поднялся до главнокомандующего вооруженными силами Галилеи. После разгрома галилейских армий Иосиф был захвачен в плен и приведен к Веспасиану. Будущий римский император и будущий еврейский историк стали друзьями. Иосиф получил от Веспасиана разрешение сопровождать римские армии при осаде Иерусалима римлянами, он хотел написать историю этой войны. За это Иосиф был назван предателем. Многие евреи до сих пор придерживаются такого мнения. Однако его книги — «Иудейская война» и «Иудейские древности» — представляют собой лучшее из всего написанного о двух наиболее знаменательных столетиях еврейской истории, от 100 г. до н.э. до 100 г. н.э.

Наступил третий год войны. К 68 г. Веспасиан захватил всю Иудею, но не сумел достичь главной цели — Иерусалима. Атаки, предпринимаемые одна за другой, были безуспешны. Римские легионеры не могли преодолеть стоическую оборону защитников города. Победы можно было добиться только осадой, и Веспасиан приступил к ней, надеясь, что угроза голодной смерти вынудит евреев к сдаче.

Военные действия приостановились. С военной точки зрения 68 год не был примечателен ничем, но в духовной истории еврейства он стал решающим поворотным моментом. Из осажденного Иерусалима с большим трудом выбрался мудрец и ученый раввин Иоханан бен Заккай — человек, который вдохнул новую жизнь в иудаизм, угасавший в окруженном горо-

де. Подобно Иосифу, Иоханан бен Заккай принадлежал к партии, выступавшей за мир. Подобно Иосифу, он был убежден, что политика zelотов может привести лишь к трагедии. Соппротивление он считал безнадежным. Подобно Иосифу, он пошел к Веспасиану. Но в отличие от Иосифа он был назван не предателем, а спасителем иудаизма.

Иоханан бен Заккай был одним из интеллектуальных лидеров фарисейства. Он предвидел грозившую евреям катастрофу — рассеяние, на которое их обрекут римляне. Он опасался, что если вожди народа не обеспечат условий, которые сохранят живую еврейскую мудрость, судьба иудаизма будет предрешена. Он был буквально одержим стремлением основать еврейскую духовную академию. Ее целью было бы нести мудрость иудаизма обездоленным евреям, которым предстояло жить в греко-римском мире. Он ощущал, что обязан уйти из обреченного Иерусалима, обязан убедить Веспасиана.

Осажденный Иерусалим представлял собой чудовищную картину. Люди тысячами умирали от голода и эпидемий. Выход из города был запрещен под страхом смертной казни. Зелоты держали город такой же мертвой хваткой изнутри, как римляне снаружи. Подозреваемых в принадлежности к партии мира сбрасывали со стен города в пропасть. Чтобы обмануть zelотов, Иоханан бен Заккай прибег к хитрости. Он посвятил в свои намерения нескольких учеников и обрисовал им свой план. Затем ученики вышли на улицы, разодрали одежды и со стенаниями провозгласили, что великий рабби Иоханан бен Заккай стал жертвой заразной болезни. Городские власти разрешили похоронить ученого раввина за стенами города — во избежание распространения эпидемии. Изобразив величайшую скорбь, одевшись во власяницы и посыпав головы пеплом, ученики понесли на плечах заколоченный гроб с живым рабби прочь из города, через ворота, за стены, прямо к ша-

тру Веспасиана. Там они открыли гроб, и Иоханан бен Заккай выбрался наружу.

Что подумал Веспасиан, суровый полководец, наводивший страх на свои легионы, римлянин, уверенный в победе своего оружия, воин, облаченный в сверкающие доспехи, когда увидел перед собой старого бородатого еврея в традиционном одеянии, неустрашимо глядевшего ему прямо в глаза? Чего он хотел, этот еврейский патриарх, выбравшийся в заколоченном гробу из умирающего города? Разумеется, не спасти свою шкуру, это Веспасиан понимал. Ведь он еще больше рисковал ею, явившись в шатер римского полководца. Веспасиан ждал, и рабби заговорил. «Я пришел объявить пророчество и изложить просьбу», — сказал он. Веспасиан сделал знак, что он готов слушать. С неслыханной смелостью Иоханан бен Заккай предсказал, что Веспасиану предстоит вскоре стать римским императором. Если это сбудется, продолжал он, пусть император Веспасиан разрешит ему, Иоханану бен Заккаю, и нескольким его ученикам основать в каком-нибудь городе Палестины небольшую школу. Там они в тишине и спокойствии будут изучать древние еврейские законы и предания. Веспасиан был потрясен пророчеством и удивлен скромностью просьбы. Ему, солдату, она казалась бессмысленной. Он обещал, что в случае исполнения пророчества просьба еврея будет удовлетворена.

Пророчество рабби Иоханана не имело ничего общего с ясновидением. Оно представляло собой тонкий и продуманный расчет. В тот год Нерон покончил свою жизнь самоубийством. Поскольку у римлян не существовало закона о престолонаследии, казалось совершенно логичным, что трон империи перейдет к наиболее сильному из претендентов. Таким претендентом, по мнению Иоханана, был Веспасиан. Действительно, в том же году три довольно посредственных военно-политических деятеля один за другим захватили власть в Риме. Каждый из них был

убит спустя несколько месяцев пребывания на троне. Расчет Иоханана бен Заккая оказался совершенно точным. В 69 г. римский сенат предложил трон Веспасиану. Необразованного и суеверного человека, каким был Веспасиан, естественно, не могло не потрясти исполнение пророчества бородатого раввина. Веспасиан сдержал свое обещание. Иоханан основал первую иешиву — так назывались еврейские религиозные школы — в городе Явне, к северо-западу от Иерусалима. Ей суждено было сыграть важную роль в сохранении иудаизма.

Перед тем как покинуть Палестину, чтобы возложить на себя пурпурную императорскую тогу, Веспасиан поручил своему сыну Титу довести до конца войну против евреев. Эта война и последовавшее за ней разрушение Храма редко получают должную оценку историков. Христиане смутно помнят о разрушении Храма, как о явлении, подтверждавшем пророчества евангелистов*, хотя евангелия были созданы уже после того, как это событие произошло. Евреи упоминают об этом событии главным образом эмоционально. И те и другие упускают из виду величественность столкновения двух смертельных врагов в одном из грандиознейших сражений древности.

Александр Великому понадобилось 32 тысячи солдат, чтобы основать свою огромную империю. В распоряжении Цезаря было менее 25 тысяч человек, с которыми ему предстояло покорить Галлию и вторгнуться в Британию. У Ганнибала было не более 50 тысяч воинов, когда он перешел Альпы, чтобы победить римлян. Титу пришлось использовать 80 тысяч

* В действительности только одно из евангелий, от Марка, содержит «пророчество» о разрушении Иерусалима. Лука, Матфей, Иоанн не упоминают об этом. Марк же написал свое евангелие в Риме около 70 г., когда Иерусалим уже в течение трех лет был осажден римлянами, и для предсказания его судьбы не требовалось особого пророческого дара.

человек, чтобы сломить сопротивление осажденного Иерусалима, который защищали не более 23400 еврейских воинов*. Но даже и при таком соотношении он не склонен был рисковать потерей лучших сил римской армии в прямой атаке. Вместо этого он прибегнул к атаке психологической. Тит рассчитывал запугать евреев и принудить их к сдаче. Он приказал провести под стенами Иерусалима военный парад — этакую внушительную демонстрацию римского могущества. Огромная туча пыли застлала небо и землю, и пропитанная кровью земля затряслась, когда 70000 солдат, 10000 кавалеристов и тысячи осадных орудий двинулись вдоль стен Иерусалима. Парад продолжался три дня. Когда зрелище закончилось, действующие лица удостоились шумного одобрения евреев, взиравших на все это со стен города.

Взбешенный Тит приказал атаковать. В течение двух недель осадные орудия метали камни величиной с «Фольксваген» в северную стену города, пока не пробили наконец зияющую брешь в его укреплениях. В эту брешь устремились легионеры. Навстречу им бросились евреи. Завязалась рукопашная — мечь против меча, копьё против копья, отчаяние против отчаяния. После двух недель рукопашных боев евреи вытеснили римлян за стены города. Тит понял, что в открытом бою ему не видать победы. Он понял, что евреев он сумеет взять только измором, ослабив их настолько, чтобы дальнейшее сопротивление стало невозможным. Чтобы окончательно отрезать город от внешнего мира, Тит приказал окружить его земляной насыпью, равной по высоте городским стенам. Теперь он мог быть уверен, что ни пища, ни вода не могут попасть в осажденный Иерусалим. Всякого человека, который пытался пробраться через широкий

* Иосиф в «Иудейской войне» приводит следующее распределение еврейских сил: 10 тысяч под командованием Шимона бен Гиоры, 6 тысяч во главе с Иохананом из Гисхалы, 5 тысяч идумеян и 2400 зелотов.

сухой ров между стенами и насыпью, римляне распинали на верхушке насыпи для устрашения осажденных. День, когда на крестах вокруг Иерусалима корчилось до пятисот распятых, не был исключением. Воздух был пропитан смрадом гниющего мяса и наполнен стонами агонизирующих людей. И все же евреи продержались еще целый год — это был уже четвертый год войны.

Конец был неизбежен. Пустив в ход тараны и наведя переносные мосты, римляне пошли на решающий штурм. Подобно муравьям, они проникали в проломы и бреши, истребляя на своем пути все живое. В течение четырех лет евреи издевались над славой о непобедимости римских легионов, нанося им одно поражение за другим. Теперь только смерть могла смыть этот позор. Римляне сожгли Храм; они бросали в огонь младенцев, насиловали женщин, убивали священнослужителей, сбрасывали со стен золотов. Уцелевшим от резни назначили не менее горькую судьбу: кого — в триумфальное шествие, которое должно было состояться в Риме, кого — в рабы, кого — в жертву львам на арены римских цирков, а кого — в число тех, кому на потеху толпы предстояло быть сброшенным с Тарпейской скалы в Риме. Вряд ли еще когда-нибудь римляне столь точно оправдывали мрачные слова их собственного историка Тацита: «Они превращают все в пустыню и называют это умиротворением». Тацит определяет число жителей в осажденном Иерусалиме в шестьсот тысяч человек.

Поначалу Иудейская война выглядела не более чем незначительное волнение на окраине империи, для подавления которого достаточно было бы одного-двух легионов. Оказалось, однако, на деле не так. Война была опустошительной и кровопролитной. Хотя евреи понесли тяжелейшие потери, для римлян победа была пирровой, ибо их потери были тоже чудовищны. Да, римляне победили, но не в силу

большей доблести или воинского искусства, а в силу многочисленности. Пытаясь скрыть скудность этой победы, римляне устроили пышное триумфальное шествие. Они изготовили в память о войне специальные медали. Они воздвигли Титу величественную триумфальную арку — честь, которую обычно воздавали полководцам, в тяжелейших условиях одерживающим победу над могущественным противником. Арка Тита и поныне возвышается в Риме. Но что она символизирует? Победоносных римлян, исчезнувших с лица земли, или «побежденного врага» — евреев, которые по сей день остаются живым, независимым народом?

Следствием Иудейской войны были и другие события. Хотя страны Центральной Европы оставались послушными Риму, восточная часть империи приняла события близко к сердцу. Иерусалим противостоял римским легионам в течение четырех лет. Евреи доказали, что римляне не непобедимы. Теперь дух мятежа охватил весь Ближний Восток. Он тлел и в сердцах евреев Иудеи, доведенных римскими репрессиями до нищеты и отчаяния.

Толчком к новому еврейскому восстанию, начавшемуся в 113 г., послужило вторжение парфян на территорию Римской империи. Император Траян двинулся в поход на парфян. В этот момент у него в тылу — в Египте, Антиохии, Киренаике, на Кипре — вспыхнуло восстание евреев. Встревоженный этим, Траян прервал свой поход, чтобы ликвидировать угрозу. На этот раз война бушевала в течение трех лет. Исход ее сначала тоже был далеко неясен. Однако в конце концов, ввиду недостатка людей и оружия, евреям пришлось капитулировать.

Но и эта победа дорого обошлась римлянам. Она настолько ослабила их силы, что они не могли больше продолжать войну с парфянами и вынуждены были ее прекратить. Второе еврейское восстание стало поворотным пунктом в римской истории. До этих трех лет победоносная империя только не-

прерывно расширяла свои границы. Отныне ее рост приостановился, а с вступлением на престол Адриана (117 г.) границы империи стали постепенно сокращаться.

Адриан, преемник Траяна, был настолько обрадован окончанием дорогостоящей войны, что даже обещал евреям разрешить восстановление Храма. Введенный в заблуждение спокойствием, которое после этого воцарилось в Иудее, он отказался от своего обещания и приказал воздвигнуть храм — не Яхве, а Юпитеру. Заново отстроенный им Иерусалим он назвал Элия Капитолина и превратил его в обыкновенный римский город. Адриан, видимо, полагал, что поражение евреев во втором восстании окончательно их образумило и заставило отказаться от третьей попытки. Но он совершенно неверно оценил ситуацию.

Снова евреи поверили в лучшие дни. Среди них появился мессия-полководец. Великий ученый объявил себя его апостолом и оруженосцем. Этим мессией в седле был Шимон бен Косиба, или Шимон Бар-Кохба, а его апостолом — рабби Акива. Союз воинственного мессии и мудрого рабби возбудил новые надежды в душе народа и зажег в сердцах отчаявшихся евреев новый боевой дух.

О юности Бар-Кохбы известно очень мало. Послания, недавно обнаруженные в вадии Мураббат у Мертвого моря, рисуют его как властного и вспыльчивого военачальника, обладавшего огромной физической силой и личным обаянием. Он был способен внушать слепую преданность и беспредельное бесстрашие. Талмуд добавляет к этому еще одну характерную черту — отсутствие благочестия. В Талмуде цитируется вырвавшееся у него восклицание: «О Боже, не помогай, но и не мешай нам!»

Мессианские претензии Бар-Кохбы восстановили против него Синедрион. Только поддержка и авторитет рабби Акивы защитили его.

Рабби Акива был самой примечательной личностью своего времени и одним из самых почитаемых

ученых в еврейской истории. В молодости он был полуграмотным пастухом. Затем, как положено во всякой сказке, он влюбился в прекрасную наследницу одного из богатейших жителей Иерусалима и женился на ней. По ее настоянию Акива — вместе со своим малолетним сыном — начал изучать Тору. Он приобрел также обширные познания и настолько углубил понимание Торы и отношения между человеком и Богом, что стал духовным (равно как и светским) руководителем еврейского народа. Его толкование Торы предопределило образ жизни многих евреев, где бы они ни жили.

Рабби Акива стал близким приверженцем Шимона Бар-Кохбы, утверждавшего, что он Мессия и потомок царя Давида. Когда оба они призвали к войне с римлянами, евреи десятками тысяч стали приходить к ним. В стороне остались одни лишь христиане, оказавшиеся перед тяжелой дилеммой. С одной стороны, они страдали под римским игом не меньше, если не больше евреев. Они, несомненно, охотно присоединились бы к восставшим. С другой стороны, у них уже был свой мессия в лице Иисуса. Поэтому они не могли принять второго мессию — Бар-Кохбу и присоединиться к евреям.

Восстание, вспыхнувшее в 132 г., застигло римлян врасплох. Они глубоко заблуждались в отношении еврейской готовности к сопротивлению и их способности в третий раз подняться на войну. К ужасу императора евреи наносили римским легионам одно поражение за другим. Если кто-то и пытался преуменьшить размах и значение этой войны, то во всяком случае не Адриан. Он полностью осознал, какие сокрушительные последствия для империи может иметь поражение в этой войне. Опасаясь этого и не желая рисковать, Адриан призвал своего лучшего полководца Юлия Севера. Тот находился в это время в Британии, где подавлял восстание кельтов. Адриан рассудил, что с британцами может справиться и менее способный военачальник и с меньшим количест-

вом людей. Видимо, британцы, по его мнению, представляли собой меньшую угрозу существованию империи, чем евреи. Север вторгся в Святую Землю во главе 35-тысячной отборной армии. Он навязал сражение численно уступавшим ему силам Бар-Кохбы. В этой битве имперские легионы потерпели позорное поражение.

Теперь и Север понял, что не сумеет победить в открытом бою. Поэтому он решил прибегнуть к тактике, которая много позже была использована генералом Шерманом в американской Гражданской войне. Это была тактика тотального уничтожения, т.е. разрушения и сожжения посевов, жилищ, деревень и городов. К этой тактике Север добавил небольшую римскую «утонченность». Она состояла в систематическом истреблении всего живого на своем пути: мужчин, женщин, детей, стариков, домашнего скота. Это была медленная, грязная, отвратительная, позорная борьба. Но обескураженные римляне не видели иного выхода. Им нужна была победа любой ценой. После двух лет кровавой молотьбы, беспощадной и жестокой войны на уничтожение, приведшей население страны на грань исчезновения, еврейское сопротивление было сломлено. В 135 г. войска Бар-Кохбы капитулировали, а сам Бар-Кохба погиб в сражении. Римляне утолили свою ярость, подвергнув рабби Акиву утонченным, мучительным пыткам. Те, кому удалось спастись, бежали в Парфию, где были встречены с распростертыми объятиями.

Иерусалим и иудейская часть Палестины были объявлены запретными для евреев. Все, уцелевшие от бойни и не успевшие бежать в Парфию, были проданы в рабство. Тем не менее эта победа оказалась для римлян самой дорогостоящей из всех трех побед над евреями. Сообщая сенату об исходе войны, Адриан опустил обычную в конце такого послания фразу: «Я и мои войска в полном благополучии». Ни он, ни его войска в благополучии не были. Престиж Адриана потерпел огромный урон. Ряды его легио-

нов значительно поредели. Их победа была пирровой. Империя стала трещать по швам. В ее провинциях начала шириться борьба за освобождение. Границы потеряли белую надежность. За ними обнаружился бушующий океан враждебных народов, готовых в любую минуту хлынуть в пределы империи.

Кое-кто может, пожалуй, возразить, что наше описание еврейских войн является субъективным историческим преувеличением. Могут сказать, что эти войны даже и царапины не оставили на монолитной имперской глыбе. Подобный скептицизм можно понять, потому что историки, как правило, не углубляются в детали этих трех римско-еврейских войн и имеют о них самое общее представление. Подлинные масштабы этих войн могут быть лучше поняты в свете современной исторической аналогии. Венгерское восстание против России в 1956 г. продолжалось всего лишь несколько месяцев. Тем не менее оно поколебало все здание российской коммунистической империи и заразило страны-сателлиты бациллами мятежа. Представим себе, что венгры не сдались через несколько месяцев. Представим себе, что они продолжали бы активную борьбу в течение четырех лет, подобно евреям. Представим себе, что потери русских исчислялись бы не несколькими сотнями, а десятками тысяч человек; представим себе, что вслед за первым венгерским восстанием произошло бы еще два таких же. И представим себе, наконец, что в каждом из этих восстаний венграм удавалось бы продержаться против русских танков и пехоты в течение нескольких лет, каждый раз нанося им тяжелые удары и причиняя огромные потери. Какой историк осмелился бы сказать, что все это не ослабило бы Россию, что ее престиж несколько не пострадал бы в результате столь дорогостоящих побед над таким маленьким народом? В этом свете еврейские войны против Рима приобретают гораздо большее значение, чем им обычно приписывают.

Со смертью Адриана римский период еврейской

истории подошел к концу. Хотя значительные массы евреев и продолжали жить под римским владычеством вплоть до падения империи, Рим оказывал на их жизнь все меньшее и меньшее влияние. Более того, хотя римляне в конце концов приняли евреев (в 212 г. им были даже дарованы права гражданства), теперь уже евреи отвергли Рим.

Произошло нечто странное и беспрецедентное. Евреи превратились в «периферийное меньшинство», ощущавшее в себе достаточно внутренних духовных сил, чтобы отвергнуть господствующее большинство. Они не сомневались, что еврейская культура превосходит культуру римскую. Откуда взялась у них эта уверенность, этот новый запас духовных сил?

Разгадка таилась в заколоченном гробу, тайно вынесенном из погибающего Иерусалима. Она таилась в уме и сердце рабби Иоханана бен Заккай. Мечта рабби осуществилась. Начала действовать иешива в Явне. Со временем эта иешива превратилась в фабрику по производству «суперэго», Моисеевых двигателей, которые, как динамо, заряжали энергией еврея нового образца — еврея, действующего по внутреннему убеждению. Но интересно вот что — хотя на этих динамо красовалась надпись «мейд ин Явне», многие их детали были произведены в греческих философских цехах.

9

ПОБЕДОНОСНОЕ СЛОВО

Большинство историков, описывающих греко-римский период, посвящают евреям всего лишь несколько беглых замечаний. Как правило, они ограничиваются при этом такими определениями, как «маленькое кочевое племя», «узколобые фанатики» или

«изуверы, грудью стоявшие за свои нелепые обряды — обрезание и запрет употребления в пищу свинины». Подобные оценки восходят к глубокому прошлому — к греческим и римским авторам того времени. Они отражают скорее полную неосведомленность в вопросах еврейской истории, литературы, культуры, нежели презрение к народу. Но это не единственная причина. Дело еще в том, что многие историки чувствуют себя весьма неуютно в сфере идей. Им по душе лишь конкретные, осязаемые факты. В самом деле, куда как легче излагать историю как вереницу сражений и последующих грабежей.

При подобном подходе к истории самыми выдающимися народами, естественно, оказываются те, которые завладели самыми большими пространствами, награбили больше всех золота, создали самые великолепные статуи или построили самые величественные здания. Поскольку евреи ничем подобным не обладали и ничего подобного не создали, то вполне понятно, что такого рода историки видят в них лишь третьестепенное явление в истории человечества. Когда начинаешь перечислять знаменитые греческие статуи, или оценивать стоимость римских мраморных бань, или суммировать длину имперских дорог, тотчас приходишь к весьма внушительным цифрам. Можно ли после этого сомневаться в том, что перед нами поистине «великие» народы?!

Тот факт, что греческие и римские авторы с презрением отзывались о евреях, само по себе ничего не доказывает. Они обо всех отзывались с презрением, кроме самих себя, разумеется. Интересно проанализировать причины этого высокомерного презрения. Оказывается, что никаких реальных оснований для него не существовало. Римляне приходили в ужас от еврейского обряда обрезания. В то же время сами преспокойно распинали на крестах тысячи живых людей и делали это во имя справедливости! Они именовали «варварским» еврейский праздник Песах, знаменовавший освобождение человека от рабства.

Сами же, как варвары, бросали безоружных рабов на растерзание диким зверям и называли это развлечением. И римляне, и греки с насмешкой говорили о еврейском обычае обязательного субботнего отдыха для свободных людей, рабов и рабочей скотины. Своих собственных рабов и рабочий скот они безжалостно заставляли работать все семь дней в неделю и называли это производством. Утонченные греки посмеивались над «грубыми» евреями, когда те ужасались греческому обычаю умерщвлять младенцев, если форма головы или носа не нравилась родителям. Евреи не понуждали своих дочерей заниматься «священной проституцией» в храмах, они не считали педерастию самой изысканной формой человеческих отношений, и они ставили свой долг перед Богом выше личных наслаждений — этого было достаточно для греков и римлян, чтобы считать евреев варварами.

Статуи, картины, здания — это, безусловно, признак культуры. Но не в меньшей степени это касается и литературы. Более того, литература — самое высшее выражение культуры народа. Греки дали миру замечательную литературу, что обеспечило им место в содружестве культурных наций. Но то же можно сказать и о евреях. Мог ли «варварский народ» произвести на свет такую литературу, которая сохранилась в течение двух тысячелетий и легла в основу всей западной цивилизации?! Произведения греческих и римских авторов изучаются сегодня только в специальных университетских курсах, между тем творения евреев остаются живой плотью общечеловеческой культуры. Еврейские образцы литературного творчества уникальны. На такие творения может быть способен только народ высокого вдохновения и высокой культуры, а никак не племя «узколобых изуверов».

Лишь недавно историки культуры и свободные от предвзятого мнения ученые занялись исследованием широкого взаимопроникновения греческой и еврей-

ской культур и того отпечатка, который они наложили друг на друга. Им удалось выявить сильную иудаистскую струю в греческом философском мышлении и обнаружить значительное эллинистическое влияние в еврейском теологическом наследии.

Тот культурный гибрид, который обычно именуется «эллинистической культурой», возник из слияния двух потоков греческой цивилизации. Один из этих потоков составляли греческое искусство, архитектура, наука и философия. Вторым был сам греческий образ жизни — его обычаи, этика и религия. Мы уже упоминали, что фарисеи, резко выступавшие против эллинизма и отвергавшие греческие обычаи и этику, в то же время заимствовали греческое искусство и философию. В свою очередь, саддукеи, которые перенимали греческие обычаи и этику, отвергали эллинское искусство и философию. Когда Иерусалим был объявлен запретным для евреев, саддукеи сошли с исторической сцены. Их религия была неразрывно связана с Иерусалимским Храмом, а Храма больше не было. Их культ был неразрывно связан с жертвоприношениями, жертвоприношений больше не было. Их религиозные принципы оказались слишком жесткими. Их мышление не поспевало за духом времени. В свои религиозные концепции саддукеи не допускали никаких философских новшеств. Подобно ближневосточным язычникам, саддукеи усвоили лишь внешнее в эллинизме, его побрякушки, а не его дух. Поэтому они, так же как и язычники, были обречены на застой и разложение. На долю фарисеев выпало понести дальше факел иудейской идеологии. Свет этого факела был, несомненно, еврейским, но зажжен он был греческими философами.

Прежде чем заняться рассмотрением взаимодействий еврейской и греческой мысли, необходимо подчеркнуть, что их философии разделяла глубокая пропасть. Кто-то однажды сформулировал это различие в следующих словах: «Еврей вопрошает: **«Что** я должен делать?», тогда как грек спрашивает: **«Почему** я

должен это делать?». Или, как определил один еврейский историк: «Греки верят в святость красоты, тогда как евреи верят в красоту святости». Разумеется, многие евреи, увлеченные эллинизмом, рассматривали иудаизм как нечто грубое, эстетически отталкивающее. Но еще большее число евреев, отдававших должное многим сторонам эллинистической культуры, видели в ней в то же время немало отталкивающих черт — наивное язычество, равнодушие к человеческим страданиям, преклонение перед красотой за счет духовности, дешевую софистику и варварский обычай детоубийства. Слишком часто представление в амфитеатре не имело ничего общего с трагедией Софокла, а было лишь демонстрацией непристойностей. Слишком часто погоня за красотой означала на самом деле не столько восхищение шедеврами искусства, сколько желание разделить ложе с красивым мальчиком или добиться благосклонности куртизанки.

Но то, что было очевидно тысячам евреев, не ускользало и от внимания многих греков и римлян. Еврейский образ жизни производил на них огромное впечатление. Им нравились лишённые сексуальности символы еврейской религии. Им импонировал ее возвышенный Бог, который не опускался до того, чтобы пробираться по ночам в постели чужих жен, как это делали греческие и римские боги. Они восхищались евреями за то, что те не предавались вакханалиям, столь распространенным среди язычников. Они завидовали преданности евреев духовным, семейным и отвлеченным ценностям. В это время — с 100 г. до н.э. до 100 г. н.э. — тысячи субботних свечей зажигались по вечерам в греческих и римских домах. Их было так много, что римский философ Сенека, описывая это явление, замечает, что римлянам грозит опасность «объевреиться».

Это замечание Сенеки не было чисто риторическим. Уважение, которое столь многие греки, римляне и другие язычники питали к еврейским ценно-

стям и еврейской религии, действительно угрожало самим основам язычества. Оно могло бы подорвать их, если бы не деятельность секты христиан, которые как раз к этому времени начали активно вербовать своих прозелитов. В этом они были куда активнее евреев. В настоящее время мало кто отдает себе отчет, что в первом веке нашей эры около 10% населения Римской империи — семь миллионов из семидесяти — следовали еврейским обычаям. Из этих семи миллионов лишь около четырех были иудеями по праву исторического наследия. Остальные были обращенными язычниками первого или второго поколения. Таков был один из практических результатов интеллектуального взаимодействия между евреями и язычниками. Число обращенных в иудаизм, несомненно, было бы еще больше, если бы не два противодействующих фактора: суровые правила еврейской кулинарии и необходимость обряда обрезания. Во времена Павла христианская секта отбросила оба эти ограничения. В результате язычники толпами устремились в объятия христианской религии, в которой правила обращения были значительно менее строгими, чем в еврейской.

Сказанное позволяет понять причины многочисленных погромов, то и дело происходивших в Александрии, Антиохии, на Кипре и в других центрах сосредоточения еврейского населения. Многие язычники ненавидели и тех, кто обращал в иудаизм, и обращенных евреев. Позже эта ненависть перешла и на христиан, которые благодаря более агрессивной тактике приобрели значительно больше прозелитов, чем евреи. Другой причиной языческой ненависти было отношение евреев к язычникам. В то время как весь мир стремился подражать греко-римскому образу жизни, подавляющее большинство евреев взирало на греко-римские обычаи с презрением и насмешкой. У греков и римлян это еврейское высокомерие вызывало злобную ненависть. Решительный отказ евреев от смешанных браков подливал масло в этот огонь.

Однако главной причиной раздражения был чисто практический вопрос — кто получит лучшие должности в римском бюрократическом аппарате. Евреи пользовались в этом аппарате влиянием, несоразмерным с их численностью. В Египте, в Сирии, в Дамаске, в Греции евреи захватили высшие административные, судебские и преподавательские должности. Они получили высокие посты отнюдь не в силу подкупа или покровительства, а исключительно благодаря своим способностям и деловитости. Обретению этих качеств они были обязаны не случайности, а целому ряду новшеств, введенных руководителями еврейства за столетия до того.

Благодаря постановлению о обязательном для каждого еврейского мальчика общем образовании все евреи были грамотные. Благодаря своей монотеистической вере в незримого Бога они приобрели способность к отвлеченному мышлению. Благодаря тому, что их «портативная молельня» не привязывала их к определенному месту, они могли жить где угодно, не теряя своего единства. В то время как греческие интеллектуалы, римские патриции и прочая языческая знать рассматривали работу как нечто презренное и низменное, евреи видели в ней вполне достойное занятие. Удивительно ли, что, имея такие преимущества в образовании, воспитании и взглядах на жизнь, евреи опережали своих языческих конкурентов в борьбе за лучшие места? Пятью столетиями позже, когда христиане пришли к власти, им пришлось ввести специальные законы, запрещающие евреям занимать ответственные посты. Это было сделано исключительно ради того, чтобы евреи, отличающиеся своими способностями, не заняли все важнейшие места. Вполне естественно, что преуспевание евреев вызывало зависть. Поэтому, когда палестинские евреи восстали против своих римских властителей, язычники в Александрии, Антиохии и на Кипре, как и следовало ожидать, с удовольствием помогли римлянам грабить евреев.

Но самой важной причиной того размаха, который приобрело взаимодействие греческих и еврейских идей в описываемый период, было влияние еврейской теологии на греческую философию и литературу. Одной из еврейских книг того времени суждено было оказать особенно значительное воздействие на весь греко-римский мир.

Этой книгой был греческий перевод Библии, известный под названием «Септуагинты». Книга заняла видное место среди лучших произведений греческой словесности и стала своего рода «бестселлером», который пользовался значительно большей популярностью в языческих семьях, нежели в еврейских. Это было то всепобеждающее слово, которое возвестило принципы еврейского гуманизма и основы еврейской философии греческому и римскому миру. Когда Павел начал проповедывать христианство среди язычников, его слова были для них не вполне чуждыми. Его слушатели уже успели познакомиться со Священным писанием.

Как уже упоминалось, Пятикнижие Моисеево было канонизировано в 444 г. до н.э. В течение последующих пяти столетий персидского, греческого и римского владычества евреи составили, отредактировали, свели воедино и канонизировали все остальные книги, ныне составляющие еврейскую Библию. Все эти библейские книги были написаны на иврите. Исключение составляют несколько глав книг Эзры и Даниила, написанных по-арамейски. Во времена династии Хасмонеев эти книги получили свои нынешние еврейские названия. Тогда же был утвержден их канонический текст и порядок следования. С тех пор в Библии ничего уже не менялось.

Существует интересное предание, рассказывающее о том, почему греческий перевод Библии получил название Септуагинты. Около 250 г. до н.э. слух о том, что у евреев есть какая-то замечательная, прекрасно написанная книга, достиг двора царя Птолемея II Филадельфа в Александрии. Царь предло-

жил семидесяти еврейским ученым перевести эту книгу на греческий язык. Согласно преданию, каждый из семидесяти сделал свой перевод независимо от остальных. Когда все семьдесят переводов были закончены, они оказались совершенно идентичными — слово в слово! Это, несомненно, свидетельствовало о присутствии направляющей десницы Божьей. Перевод этот получил название Септуагинты (по-латински, т.е. книга «Семидесяти»).

Светский вариант этого повествования отличается от религиозного признанием некоторых постыдных фактов. Факты эти состояли в том, что евреи Александрии и Антиохии, Дамаска и Афин успели к тому времени позабыть иврит и говорили исключительно по-гречески, как сейчас американские евреи забыли идиш и поголовно говорят по-английски. Руководители еврейских общин пришли к выводу, что содержание Библии куда важнее, чем язык, на котором она написана. Они считали, что Библия — даже в греческом переводе — будет иметь большее значение для сохранения единства евреев, чем отсутствие Библии вообще. Поэтому они распорядились перевести Библию на греческий язык. Они рассчитали совершенно правильно. Септуагинта оказала мощное влияние на многих наполовину ассимилированных евреев и вернула их обратно в лоно иудаизма.

Но сколь бы велико ни было влияние Септуагинты на евреев, несравненно большим было ее влияние на греков. Отныне призыв к иудаизму передавался посредством писаного слова. И, что еще важнее, многие из тех, кто не обратился в иудаизм, приобрели более глубокое понимание еврейской религии, а следовательно, большее уважение к евреям и их культуре.

Так началось интеллектуальное воздействие Библии. Еврейская теология оказалась настолько убедительной, что повлияла не только на греческое мышление, но и на будущие догмы христианства. Некоторые ученые полагают даже, что эти догмы не

были извлечены целиком из учения Павла, как думали раньше. Предполагают, что они сложились под влиянием сочинений еврейского философа Филона, который в 35—40 гг. н.э. ухитрился объединить идеи Библии с идеями великого греческого мыслителя Платона. Хотя нам мало известно сегодня о Филоне, можно предположить, что он сыграл более важную роль в формировании иудаизма и христианства, нежели рабби Акива или Павел. Филон столь старательно уложил иудаизм в рамки греческой философской системы, что его учение побудило как евреев, так и христиан к разработке новых теологий. Филон был отпрыском самой богатой и самой эллинизированной еврейской семьи в Александрии. Свое образование он получил в лучших частных школах. Он бегло говорил на греческом и латыни и почти не знал иврита. Ревностный ученик Платона, он был поглощен мыслью о соединении всего лучшего в еврейской религии со всем лучшим в греческой философии. Подробности его жизни неизвестны, но одно драматическое событие все же дошло до нас. Правивший в то время безумный римский император Калигула потребовал, чтобы его чтили как живого бога. Жители Александрии, завидовавшие богатству и влиянию, которое евреи приобрели в их городе, увидели в этом замечательную возможность свести давние счеты с евреями. Прикрываясь патриотическими чувствами, они потребовали, чтобы евреи тоже соблюдали эдикт Калигулы, прекрасно зная, что это несовместимо с основами еврейской религии. Когда евреи, как и следовало ожидать, отказались, александрийцы объявили их изменниками. Тем самым они получили благовидный предлог в приступе «благородного негодования» разграбить еврейское имущество. На долю Филона выпала задача отправиться в Рим и попытаться урезонить безумного императора.

Ситуация была не только безнадежной, но и абсурдной. Калигула казнил своих патрициев тысячами — по чистому капризу или, скажем, в приступе изжоги. Просить безумца отказаться от ненормальной идеи о том, что он живой бог, и притом только ради кучки жалких евреев, которые не соглашались воздавать ему божественные почести, тоже было безумием. Тем не менее Филон ухитрился совершить невозможное. Он повел себя с Калигулой точно так, как современный психиатр ведет себя с параноиком. Сохраняя хладнокровие и самообладание, он разговаривал с императором, призывая к разуму, как будто тот был в здравом уме и отвечал за свои поступки. Филон почти сумел убедить Калигулу, что евреи могут остаться его лояльными подданными и без того, чтобы воздвигать его статуи в своих храмах. Неизвестно, впрочем, каково было бы последнее слово Калигулы. В том же 41 году этот венценосный эпилептик был низвергнут и убит. Ему наследовал Клавдий, которого римляне презрительно называли слюнявым идиотиком. Идиот или нет, Клавдий все же приказал раздосадованным и обескураженным александрийцам прекратить грабежи и возместить евреям их ущерб.

Филон, который был знаком с Библией только по греческому переводу, решил сделать ее еще более приемлемой для греческих интеллектуалов, нарядив еврейские откровения в греческие одежды. Он произвел это с помощью философии и аллегорий Платона. Хотя Бог и создал мир, утверждал Филон, влияние, которое Он оказывает на мир, не прямое, а осуществляется посредством Логоса, т.е. «Слова»*. Поскольку душа берет начало из «Божественного источника», учил Филон, она, несомненно, способна постичь Его

* Легко проследить, как христиане заимствовали эту идею. Например, евангелие от Иоанна так и начинается фразой: «Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». Любопытно, что сегодня эти слова выражают скорее еврейскую доктрину,

природу. Такая способность реализуется двумя возможными путями: либо через пророческое озарение, либо посредством внутренней мистической медитации. Иудаизм, по Филону, — это орудие, позволяющее человеку достичь морального совершенства, а Тора — это путь к слиянию с Богом. На филоновской аллегорической концепции Логоса и его теории мистического постижения Бога построено христианское учение Павла. Евреи же развили вторую сторону философии Филона — концепцию пророческого постижения. Вдохновленные ею, они обратились к поискам новых толкований смысла Торы.

Непрестанные поиски все новых и новых толкований смысла Торы позволили еврейской религии и до сегодняшнего дня сохранить свой живой и всегда современный характер и устоять перед натиском столетий. Контакты с греками познакомили евреев с наукой и философией. Они использовали науку как орудие для отыскания все более глубоких толкований Торы. Они разработали еще более уточненные, чем у самих греков, логические методы таких толкований. Греческая же философия позволила им расширить духовную вселенную еврейской мысли.

Но еврейские мыслители были столь же хорошими практиками, сколь теоретиками. Они поняли также, что если евреи не сохранятся как народ, то некому будет исповедывать иудаизм. Поэтому они вычитали в Торе весьма благоразумную мысль: чтобы сохранить иудаизм, следует сохранить его носителей — евреев. Вожди народа поняли, что пришло время подумать о новых формах и средствах такого сохранения. Нельзя было сохранить еврейство, не обеспечив верующих куском хлеба насущного.

нежели христианскую. Христиане объявили «Сына человеческого» равным Богу, тогда как свреи, следуя предписанию Иоанна, объявили равным Богу «Слово», т.е. Тору. Именно для евреев «Слово — это Бог».

Третья война с Римом привела евреев на грань экономической и социальной катастрофы. К началу второго столетия нашей эры большинство евреев было изгнано со своей родины. Они рассеялись по всем уголкам римского мира, от Индии до Атлантики, по трем континентам, и вынуждены были жить среди десятков чужих народов. К этому времени евреи имели уже за плечами двухтысячелетнюю историю. По законам логики и истории им давно положено было утратить свое этническое единство и исчезнуть с лица земли. Но они все же не исчезали. И вот теперь, чтобы выстоять в новых условиях, угрожавших их существованию, они изобрели очередную формулу спасения — «диаспорный иудаизм».

Мы уже определяли слово *диаспора* (слово греческого происхождения), означающее «рассеивание» или «рассеяние». Сегодня этим словом обозначается вся та масса евреев, которые живут не в Израиле, а за его пределами. В действительности, однако, диаспора значит нечто большее. Диаспора — это одновременно и вид существования, и интеллектуальная концепция, и образ жизни, и образ мышления. Чтобы понять всю эту сложность, необходимо обратиться к истории. Некоторые учения относят возникновение диаспоры ко времени разрушения первого Иудейского царства и последовавшего за этим вавилонского пленения. Если бы это было так, то не было бы различия между словами «диаспора» и «изгнание». Ибо в Вавилонию евреи были изгнаны, и жили они там в изгнании. В действительности настоящая диаспора началась после того, как Вавилония была

завоевана персами. Когда персы разрешили евреям вернуться на родину, большинство изгнанников, как уже было сказано выше, предпочло остаться там, где они проживали. Пребывание евреев в Вавилонии до победы персов было вынужденным и диктовалось силой. Невозвращение их из Вавилонии после освобождения было добровольным. В первый период они жили в изгнании, во второй — в диаспоре.

Существует, однако, и другое, более фундаментальное различие между понятиями «изгнание» и «диаспора». Народ в изгнании, которому запрещено вернуться на родину, либо постепенно исчезает, ассимилируясь, либо деградирует. Такова была судьба многих изгнанных с родины народов. Евреи стали единственным исключением из этого правила. Диаспора породила новые еврейские культуры. Внутреннее ядро каждой такой новой культуры неизменно оставалось отчетливо иудейским, но внешне она всегда перенимала главные черты той цивилизации — «хозяйки», внутри которой возникала. Неизменными оставались Яхве и монотеизм, в какое бы одеяние они ни были наряжены — в греческую тунику, арабскую куфийю или американский пиджак. Если окружающая цивилизация была преимущественно философской, евреи становились философами. Так было среди греков. Если ее возглавляли поэты и математики, евреи становились поэтами и математиками. Так было среди арабов. Когда она была научной и абстрактной, как в современной Европе, евреи становились учеными и теоретиками. Когда она была прагматической и городской, подобно американской, евреи становились прагматиками и горожанами. И лишь тогда, когда она вступала в противоречие с основами еврейского этического монотеизма, евреи не могли ни приспособиться к ней, ни приспособить ее к себе. Во всех других случаях евреи всегда становились частью — но всегда отличаемой частью — той культуры, в окружении которой они жили.

Еврейские интеллектуалы, оставшиеся в Вавило-

нии после изгнания, создали там первый центр еврейской культурной диаспоры. Вскоре они стали оказывать влияние на развитие искусства и культуры в Иерусалиме. Они оказали влияние также и на формы развития персидского искусства. Многие современные исследователи полагают, что именно это влияние породило так называемую византийскую школу живописи, выдающимся образцом которой являются фрески в Дура-Европос. Когда греки победили персов и тем самым подчинили евреев своему влиянию, еврейская культура, как и можно было предсказать, приобрела греческую окраску.

Во времена господства греков возникли два новых центра еврейской культуры — в Иерусалиме и Александрии. Таким образом, у евреев оказалось три культурных центра. Один из них находился на родине и два — в диаспоре. В течение трехсот лет, с 200 г. до н.э. по 100 г. н.э., интеллектуальное первенство принадлежало евреям Александрии. Затем эта община стала постепенно приходить в упадок. Спустя три столетия после разрушения Храма последний огонек ее культурной жизни угас. В течение последующих двух веков интеллектуальный скипетр диаспоры суждено было удерживать вавилонской общине. Но когда в первом и втором веках н.э. еврейство оказалось на грани национальной катастрофы, истинный свет воссиял им не из Александрии и не из Вавилона, а из крохотного городка Явне, на окраине разоренной Иудеи.

Именно стремление спасти основную идею иудаизма от угрозы полного растворения в диаспоре руководило рабби Иохананом бен Заккай, когда он удалялся от пылавшего на горизонте Иерусалима в сторону Явне, чтобы заложить там академию еврейской учености. Здесь, в Явне, он осел со своими учениками. Прочих евреев пронесшаяся бура разметала по всему миру. Как следовало поступить, чтобы предотвратить исчезновение народа, утратившего родину, раздробленного на тысячи частей, рассеянного по

громадным пространствам среди народов, говорящих на чужих языках и поклоняющихся чужим богам? Что предпринять, чтобы сохранить национальное лицо такого народа? Какими средствами заставить народ последовать по этому пути, когда у вас в распоряжении нет ни политической власти, ни армии, ни полиции — этих основных орудий принуждения?

Какие опасности предвидели рабби Иоханан бен Заккай и его преемники? Они предвидели угрозу исчезновения евреев на работорговых рынках тогдашнего мира; угрозу забвения родного языка; угрозу пренебрежения своим наследием; угрозу поглощения господствующими народами. Существовала угроза того, что евреи соблазнятся другими религиями, что они станут равнодушными к своему еврейству, к своей избранности. Одну за другой исследовали они эти возможности и разрабатывали средства, которые, как они полагали, позволят евреям выжить. На протяжении десяти веков преемники рабби Иоханана бен Заккай формулировали законы, которые легли в основу раввинистического кодекса. Эти законы были доведены до сведения евреев с помощью удивительной, уникальной «курьерской службы», известной под названием «респонсов» и не нуждавшейся ни в каких государственных средствах принуждения. К тому времени еврейский народ развил в себе такую строгую внутреннюю дисциплину, благодаря которой еврейские общины подчинялись добровольно законам, решениям и распоряжениям. Сила харизмы в еврействе последовательно переходила от Бога к Моисею, от Моисея к Торе, от Торы к священнослужителям и вот теперь — к мудрецам-раввинам. Наступило время еврейских теологов-интеллектуалов.

Первоочередной и насущной проблемой была борьба с угрозой превращения евреев в рабов и их последующего исчезновения как народа. Чтобы избежать этой опасности, законодатели сформулировали принцип, по которому каждый еврей — страж брату

своему, а все евреи — братья друг другу. В те времена человек, проданный в рабство, был неминуемо осужден на гибель. Спасти его могла только принадлежность к богатому роду, который мог его выкупить. Евреи выработали совершенно новый подход. Отныне всякий еврей, проданный в рабство, должен был быть выкуплен евреями ближайшей общины не позднее чем через семь лет. Чтобы предотвратить растворение еврейского языка среди сотен чужих языков и наречий, еврейские ученые засели за работу над словарями и грамматикой иврита. Хотя современный иврит обогатился многими новыми словами, все же любой, кто сегодня владеет разговорным ивритом, может прочесть книги древних израильтян, евреев мусульманской эпохи или средневековые еврейские книги без всякого специального словаря! Мужи Явне спасли язык еврейского народа!

Чтобы не дать еврейской религии так видоизмениться, что евреи из различных стран перестанут понимать священнослужения друг друга, правила литургии в синагоге были стандартизированы. Подобно тому, как великие христианские композиторы запечатлели христианские молитвы в бессмертной музыке, так величайшие еврейские поэты запечатлели еврейскую литургию в бессмертных стихах, непревзойденных и поныне в их поэтической красоте. Эти стихи, увы, не поддаются никакому, даже самому талантливому переводу. Постановление Эзры и Нехемии, повелевавшее дважды в неделю и по субботам читать вслух отрывки из Торы, было заново подтверждено и дополнено важным нововведением: отныне Тору мог читать не только раввин, но всякий член общины, если он этого достоин по поведению и пользуется уважением общины. Так было положено, в частности, начало традиции одевать в синагогу лучшие костюмы и платья в знак уважения к Богу и Его Слову.

Однако для того, чтобы дисциплинировать самих себя, евреи нуждались в какой-то социальной органи-

зации. Мудрецы разработали структуру такой организации и притом на нескольких уровнях. Они постановили, что любые 10 еврейских мужчин старше тринадцати лет, которые живут на таком расстоянии, что могут общаться друг с другом, обязаны создать религиозную общину (*миньян*). Если на таком расстоянии насчитывается 120 мужчин старше тринадцати лет, они имеют право образовать социальную общину, включающую также свой собственный суд для разрешения всех конфликтов, которые не противоречат законам народа, их окружающего. Каждая такая община должна выполнять несколько определенных правил. Прежде всего она обязана облагать себя налогом сверх того, который она платит государству. Налог этот предназначался для того, чтобы евреи могли сами себя обеспечить. Это позволяло им не обращаться за помощью к языческому или христианскому правительству. Собранные деньги шли главным образом на образование и благотворительные цели. Каждая община отвечала за создание школьной системы, которая позволяла обеспечить всеобщее образование. Сироты и другие нуждающиеся обучались бесплатно. Обучение было обязательным для всех мальчиков, но в нем нельзя было отказать и тем девочкам, которые пожелали продолжить учебу после того, как они научились чтению и письму. В законах особо подчеркивалось, что оплата учителей должна быть достаточно высока, чтобы сделать их профессию привлекательной и почетной. Ни один член общины не должен был жить впроголодь. Благотворительность должна была простирается на всех нуждающихся и обращающихся за помощью. Она должна оказываться с уважением к их человеческому достоинству. Ни один еврей не должен был просить помощи государства. Именно с того времени повелся еврейский обычай самим заботиться о своих нуждах. Этот обычай и поныне является руководящим принципом еврейских общин во всем мире.

Чтобы обеспечить сохранение численности народа, были предусмотрены суровые наказания за безбрачие или убийство новорожденного. Община обязана была снабжать приданым любую бедную невесту. Был наложен запрет на смешанные браки. Следует подчеркнуть, что именно евреи первыми отказались от браков с язычниками и христианами. Имеется существенное различие между этой дискриминацией неиудеев евреями и, скажем, дискриминацией негров белыми. Евреи наложили ограничения на себя, а не на других. Это было сделано не из чувства превосходства, а в силу необходимости сохранить свой крохотный народ. Белые в южных штатах Америки или голландцы в Южной Африке навязали ограничения другим, а не себе и сделали это из чувства собственного превосходства или попросту из страха. Строго говоря, евреи никого не дискриминируют, они лишь ограничивают сами себя.

Чтобы оградить свое самоуправление и другие права от возможных обвинений общины в нарушении законов государства, евреи сформулировали четыре правила, уникальных в истории человечества. Согласно первому из них, ни один еврей не обязан был подчиняться такому еврейскому закону, который превосходил возможности верующего еврея. Если закон, действующий, скажем, в предыдущем поколении, оказывался невыполнимым в последующем, он должен быть отменен либо видоизменен. Второе правило предусматривательно объявляло, что евреи обязаны подчиняться решениям как еврейского, так и нееврейского суда. Они были ответственны за все произнесенные в суде клятвы, на любом языке. Третье правило гласило, что евреи обязаны повиноваться всем законам страны проживания, до тех пор пока эти законы не вступают в противоречие с требованиями их религии, не понуждают к кровосмешению, обожествлению идолов или убийству. Поэтому, например, если законы данной страны, относящиеся к возмещению убытков, отличаются от соответству-

ющих еврейских законов, то еврей обязан следовать государственному (нееврейскому) закону. С другой стороны, если государственный закон требует употреблять пищу, запрещенную еврейской религией, то еврей имеет право не подчиняться такому закону, ведь такой отказ никоим образом не вредит государству. Четвертое правило было с тех пор повсеместно принято всеми, кто когда-либо оказывался в положении, аналогичном ситуации евреев после 135 г. н.э. Это правило гласило, что евреи обязаны защищать страну, в которой они живут, даже если это означает, что им придется сражаться со своими братьями-евреями, живущими в другой стране.

Тогда же было принято еще одно решение, которое оказало далеко идущее психологическое влияние на евреев и формирование их характера в последующие двадцать веков. Это решение гласило: оставить мысль об отвоевании Палестины и восстановлении там еврейского государства. Отныне Палестине предстояло оставаться лишь духовным отечеством, куда набожные евреи могут возвращаться перед смертью. Точно так же, как в десятом веке до н.э. евреи сменили свой кочевой образ жизни на ремесло воина, так теперь, во втором веке н.э., они сменили боевые мечи на мирные занятия. Хотя они по-прежнему иногда воевали, защищая приютившую их страну, они решительно отказались от всякого милитаризма и агрессии ради самих себя. И только в 20 веке с зарождением политического сионизма, выступившего за возрождение Палестины как политической родины еврейского народа, они снова взялись за оружие, уже как евреи, чтобы отвоевать свою древнюю землю.

На этой вехе своей истории евреи отказались также от активного обращения в свою веру. Еврейские теологи не обладали политической властью, с помощью которой они могли бы навязать свои законы. Им оставалось рассчитывать только на добровольное их исполнение. Они опасались, что чрезмер-

ный наплыв новообращенных может серьезно подорвать волю последующих поколений к национальному самосохранению. Отныне язычники и христиане должны были упрашивать евреев позволить им принять иудейскую веру. И только в том случае, если они и после длительных разубеждений продолжали настаивать на своем, им разрешалось принять иудаизм. Но даже и при таких ограничениях иудаизм по-прежнему оставался очень привлекательным для многих. В шестом веке н. э. христианская церковь, стремясь помешать переходу в иудаизм, постановила наказывать смертной казнью всякого христианина, обратившегося в иудейскую веру.

Более чем кто-либо, евреи поняли, что «один человек — не остров, существующий сам по себе». Они сформулировали не только законы сохранения иудаизма, но и правила поведения евреев в нееврейской среде. Так, например, они постановили, что если христианин умирает среди евреев, то евреи должны похоронить его по христианскому обычаю. Еврейские врачи обязаны были лечить всех больных, евреев и неевреев, и не брать вознаграждения, если достаток больного этого не позволял. Евреи обязаны были заботиться не только о благосостоянии своих общин, но и о благе нееврейского общества. Евреи обязаны были навещать нееврейских больных и калек, если те оказывались без присмотра. Благотворительность должна была оказываться всякому нуждающемуся — как еврею, так и нееврею. Как бы ни был беден еврей, он должен всегда помнить, что есть кто-то, кто еще беднее, чем он. Поэтому нет ничего зазорного, если еврей, живущий на благотворительности, часть оказываемой ему помощи пожертвует кому-нибудь другому. В отличие от христиан евреи не считали, что неевреи не будут допущены в рай. Напротив, они учили, что «праведные всех народов мира имеют долю в мире грядущем».

Все эти законы и идеи были сформулированы в те столетия, которые предшествовали краху Римской

империи. Они позволили евреям слиться с культурами тех стран, где они поселились, не теряя своего собственного национального лица. Евреи сумели искусно отделить религию от государства — свою религию от чужого государства.

Пятисотлетняя эпоха между 100 и 600 гг. н.э. была для еврейства переходным периодом. На протяжении всей этой долгой эпохи в мире не господствовала ни одна цивилизация. Эллинизм был в состоянии упадка, а Римская империя — при последнем издыхании. Однако ее кончина не была каким-то единовременным событием. То была длительная агония. Ее главными причинами следует считать два весьма разнородных события. Одно из них произошло в маленьком городке в Иудее. Другое — в далеком Китае. Первым из этих событий было зарождение христианства. Вторым — переселение гуннов. Вся последующая история евреев тесно сплетена с историей раннего христианства. Поэтому следует познакомиться с этой историей, прежде чем говорить о том психическом и физическом потрясении, которое испытала Римская империя, когда идеи христианства проникли в ее мозг, а руки гуннов протянулись к ее телу.

III

МОИСЕЙ, ИИСУС И ЦЕЗАРЬ

Не вполне ортодоксальный рассказ о том, как возникла христианская «религия Сына», которая объявила себя соперницей еврейской «религии Отца», бросила вызов могущественному Риму и стала главным вероучением Европы.

ВОТ КОГДА ЭТО ПРОИЗОШЛО

РОЖДЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА

100 г. до н.э. — 600 г. н.э.

Римская история

Иудео-христианская история

Век революций и становления цезаризма. Рим — владыка мира	100 до н.э. до 1 н.э.	Иудея становится римской провинцией. Ирод Великий назначен царем иудеев. Рождение Иисуса
Эпоха императоров Нерона, Веспасиана, Тита. Покорение Британии	1 до 100	Распятие Иисуса римлянами. Павел проповедует иудео-христианское учение язычникам. Разрушение Иерусалима. Появление посланий Павла. Составление евангелий (70-120 гг. н.э.)
Эпоха императоров Траяна, Адриана, Марка Антония. Экономический и моральный упадок империи	100 до 200	Второе и третье еврейские восстания против римлян. Усиление преследований римлянами христианской секты. Только что возникшее христианство раздирают ереси

<p>Натиск на границы Римской империи — германцев на севере, парфян на востоке. Эпоха военных диктатур. Раздел империи</p>	<p>200 до 300</p>	<p>Евреи становятся римскими гражданами; ряды христиан редуют вследствие ересей; римляне обвиняют христиан в подрывной деятельности</p>
<p>Император Константин на время объединяет империю. Эпоха Феодосия. Империя окончательно распадается на восточную и западную. Первое нашествие вандалов</p>	<p>300 до 400</p>	<p>Император Константин принимает христианство; христианский собор в Никее принимает основной символ веры и канонизирует Новый Завет (395); появление первых законов, ограничивающих права нехристиан</p>
<p>Вторжения вандалов, готов, гуннов. Захват Рима. Повелители-варвары на троне Римской империи. Над всей Европой опускается ночь феодализма</p>	<p>400 до 600</p>	<p>Христианская церковь укрепляет свои позиции в империи. Возникновение папства. Евреи — единственный нехристианский островок в христианском мире</p>

В течение многих столетий евреи обвиняют христиан в сознательной несправедливости, которую те не замыслили, а христиане обвиняют евреев в совершении преступлений, в которых те неповинны. В действительности же то, что кажется преднамеренной несправедливостью или непримиримой враждебностью, является всего лишь психологической аберрацией или же обычнейшим проявлением человеческой слабости, присущей обеим сторонам, замечанным в конфликте. Если мы хотим понять подлинный характер отношений между евреями и ранними христианами, мы обязаны рассмотреть их в иной системе отсчета.

Кто основал христианство? Кто распространил его? Почему оно оказалось способным превратиться в господствующую мировую религию? В течение многих веков преобладало мнение, что все основные концепции христианства были единоличным нововведением самого Иисуса. Но вот в 1947 г. произошло потрясающее событие. Были обнаружены рукописи, относящиеся к первому — второму векам до нашей эры. Они имели поразительное сходство с первоисточниками христианской веры. То были так называемые «рукописи Мертвого моря». Весьма вероятно, что эта находка даст возможность разгадать загадку происхождения раннего христианства. Находка рукописей Мертвого моря по праву считается одним из величайших открытий в археологии. Оно затмевает даже обнаружение Шлиманом остатков Трои и ми-

кенской цивилизации. Обстоятельства, при которых это открытие произошло, не отважился бы выдумать автор самых увлекательных приключенческих романов. Ни один ученый, никакая научная экспедиция не были причастны к этому открытию. Оно было сделано ранней весной 1947 г. молодым бедуином-контрабандистом по имени Мухаммед-Волчонок, когда он тайком переходил арабопалестинский кордон, ведя на продажу в Бет-Лехем контрабандное стадо коз.

Палестина в то время переживала острый политический кризис. Подходил к концу срок действия потерявшего всякое значение мандата Лиги Наций. Англичане, которые управляли Палестиной по этому мандату со времени окончания Первой мировой войны, готовились покинуть страну весной будущего года. Арабы угрожали вторжением в тот самый момент, когда англичане уйдут. Готовясь к этому вторжению, арабы уже стреляли в евреев. Те отвечали огнем на огонь. Поскольку англичане склонялись на сторону арабов, евреи устраивали акты саботажа, чтобы вынудить англичан ускорить свою эвакуацию. Англичане вешали саботажников. Евреи отвечали тем, что, в свою очередь, вешали английских солдат. В общем Палестина напоминала пресловутую пороховую бочку.

Таковы были тревожные времена, в которые Мухаммеду-Волчонку приходилось зарабатывать себе на пропитание. Чтобы пробраться на славящийся своими ценами бет-лехемский рынок, Мухаммеду необходимо было проскользнуть сквозь сеть арабских и британских патрулей. Местный уроженец, он выбрал для этого мало кому известную дорогу вдоль пустынных и холмистых западных берегов Мертвого моря. В одном месте, гоняясь за отбившейся козой, Мухаммед увидел незнакомую пещеру. На всякий случай он швырнул в нее камень. К своему удивлению и испугу он услышал звон разбивающейся глиняной посуды. Он бросился бежать, но по-

том одумался и позвал своего приятеля, такого же контрабандиста, как и он. Вдвоем они исследовали загадочную пещеру.

Внутри пещеры они обнаружили высокие глиняные кувшины, точно такие, какие могли быть в руках Рахили, когда ее повстречал Иаков, или Циппоры, когда ее впервые увидел Моисей. Внутри кувшинов Мухаммед и его приятель нашли свитки пергамента, испещренные, как оказалось, древними ивритскими письменами. То были библейские и есеевские рукописи, относившиеся к первому—второму векам до нашей эры. Два молодых бедуина совершенно случайно натолкнулись на есеевскую генизу — место хранения религиозных рукописей.

В конце концов, после многих приключений свитки попали в руки компетентных исследователей Библии. Ученые признали в них подлинные ветхозаветные рукописи, а также доселе неизвестные произведения есеев. Но более всего поразило исследователей невероятное сходство есеевского иудаизма, каким он предстал на основании найденных рукописей, с ранним христианством.

Последующие экспедиции к месту находки открыли другие пещеры и нашли новые свитки. Что еще более невероятно — были найдены остатки древнего еврейского есеевского монастыря. Они находились вблизи тех мест, где проповедывали Иоанн Креститель и Иисус. Сходство раннего христианства и религии секты есеев начинало приобретать черты зеркального подобия.

В числе множества полностью или частично сохранившихся образцов есеевского творчества наиболее значительными оказались документы, ныне получившие название «Устав общины», «Комментарий к Хавваку», «Война между Сынами Света и Сынами Тьмы» и «Цадокистские фрагменты». Эти рукописи образуют ядро есеевского религиозного вероучения. В них, как убеждены теперь многие исследователи, содержатся истоки раннего христианства.

В кратком изложении учение ессеев (чью политическую историю мы рассматривали выше) состояло в следующем. Они верили в приход Мессии, ниспосланного Богом, которого они называли «Учителем справедливости» и который якобы погиб мученической смертью от рук Сынов Тьмы. Последователи Учителя справедливости именовали себя «избранниками Господними». Свою религиозную общину они называли «Новым заветом». Вступление в Новый завет происходило посредством погружения в воду. Была разработана процедура богослужения, почти идентичная той, которая в христианских евангелиях описана как последняя, или тайная, вечеря. Описание ессейского ритуала, которое содержится в «Уставе общины», вполне может сойти за описание ритуала христианской общины. Резюмируя свои наблюдения над разительными совпадениями между ессейским и христианским вероучениями, известный исследователь свитков Мертвого моря профессор Сорбонны А.Дюпон-Соммер писал:

«Все в еврейском Новом завете предвосхищает и пролагает путь к христианскому Новому завету. Учитель из Галилеи, каким он предстает перед нами на страницах Нового завета, во многих отношениях является поразительным воплощением Учителя справедливости. Подобно ему, Он проповедует покаяние, бескорыстие, покорность, любовь к ближнему, воздержание. Подобно ему, Он предписывает соблюдение Моисеевых законов, Закона как такового, однако улучшенного и завершенного его собственным откровением. Подобно ему, Он избранник и посланник Господа, Мессия — спаситель мира. Подобно ему, Он становится жертвой преследований священнослужителей из партии саддукеев. Подобно ему, Он осужден и приговорен к смерти. Подобно ему, Он провозглашает суд над Иерусалимом, обрекая его на захват и раз-

рушение римлянами за то, что Иерусалим предал Его смерти. Подобно ему, Он в конце дней грядет как высший судия. Подобно ему, Он основал церковь, последователи которой страстно ожидают Его возвращения в ореоле славы и величия. Как в есеевской церкви, так и у христиан одним из важнейших обрядов является священная трапеза, руководителями которой являются священники. И здесь и там во главе общины стоит надзиратель — «епископ». И главным в идеале обеих церквей является единство и слияние в любви, простирающееся вплоть до общности имущества.

Все эти черты сходства, а я упоминаю о них лишь самым беглым образом, взятые вместе, образуют весьма впечатляющую картину. Они тотчас же порождают вопрос: какой из этих двух церквей, еврейской или христианской, принадлежит приоритет? Которая из них могла оказать влияние на другую? Ответ не оставляет места для сомнений. Учитель справедливости умер около 65—53 гг. до н.э.; Иисус из Назарета умер около 30 г. н.э. Во всех тех случаях, когда сходство заставляет или соблазняет нас думать о заимствовании, это заимствования у ессеев. С другой стороны, однако, возникновение веры в Иисуса — этот фундамент всей новой церкви — вряд ли может быть объяснено без признания реальной исторической роли нового пророка, нового Мессии, который возжег угаснувшее пламя и сконцентрировал на себе восторженное поклонение людей»*.

До открытия свитков Мертвого моря лишь немногие историки и исследователи, в частности, Иосиф Флавий, Филон и римский историк Плиний, упоми-

* А.Дюпон-Соммер. «Свитки Мертвого моря: предварительный обзор».

нали о ессеях и их религиозных обычаях. Еще меньшее число людей обращало внимание на эти упоминания. В 1864 г. английский исследователь с немыслимым сочетанием имени и фамилии — Христиан Д. Гинсбург опубликовал монографию «Ессеи: их история и учение». В этой монографии он интуитивно предугадал то, что впоследствии подтвердили свитки Мертвого моря. Но и эта работа была предана забвению как нелепое творение незрелого ума, рассуждающего о предмете, о котором он не имеет никаких конкретных сведений.

С открытием свитков Мертвого моря все эти истории и исследователи были реабилитированы. Иосиф, Филон, Плиний, Гинсбург оказались правы. «Христианство» существовало по меньшей мере за два века до Христа — его величайшего и благороднейшего пропагандиста, но никак не его зачинателя.

Однако это открытие не вызвало шумного возбуждения ни среди христиан, ни среди евреев. Оно было встречено глухим молчанием. Христиане отнюдь не горели желанием отдать еврейским раввинам всю честь создания своей религии. Они полагали, что с них вполне достаточно уже того, что сам Иисус был евреем. Евреи, в свою очередь, не горели желанием принять на себя всю ответственность за возникновение христианства. Они считали, что и без того внесли в него достаточно, произведя на свет центральное действующее лицо христианской религии. В результате ессейские свитки Мертвого моря остаются лишь достоянием специалистов-исследователей, которые продолжают писать об этом открытии в закрытых для непосвященных журналах, или же становятся излюбленной темой популяризаторов, которые разбавляют смысл открытия таким количеством утешительных банальностей, что его значение низводится до тривиальности.

В первом столетии нашей эры в беспокойной Иудее, истекавшей кровью под тиранической властью римлян, множество пророков, проповедников и свя-

тых людей, принадлежавших к существовавшим в то время в стране двадцати четырем религиозным сектам, только и делали, что провозглашали близкий приход Мессии, который избавит евреев от ужасов римского ига. Каждая секта проповедывала свою собственную доктрину спасения. Самыми многочисленными из этих вновь и вновь появлявшихся пророков и проповедников были ессеи. И, как показала история, самым значительным из них оказался Иисус.

Иисус Христос означает по-гречески «Иехошуа Мессия», а слово «мессия» происходит от еврейского *машиах*, что означает «помазанник». Поскольку исследователи расходятся в мнениях о датах жизни Иисуса, мы ограничимся лишь приблизительной хронологией событий. В зависимости от того, какой источник мы признаем достоверным, Иисус родился между 7 и 4 гт. до н.э. либо в Назарете, либо в Бет-Лехеме (Вифлееме)* во времена правления в Иудее царя Ирода Великого. Он был распят между 30 и 33 гт. н.э.**. Евангелия от Луки и Матфея прослеживают его родословную до царя Давида, хотя каждое дает иную и противоречащую другому генеалогию. Два других евангелия об этом вообще не упоминают. Когда Иисусу было около двенадцати лет, его привезли в Иерусалим, где он слышал, как высокообразованные раввины толковали Тору. В остальном, как

* Сесиль Джон Каду. «Жизнь Иисуса Христа» (стр. 27). Каду, профессор богословия в Оксфордском университете, приводит веские доводы в пользу своего мнения, что рождение Иисуса произошло в Назарете, а не в Вифлееме: сегодня это мнение разделяет большинство исследователей.

** Астрономические данные свидетельствуют скорее в пользу 33, а не 30 года. Все четыре евангелия сходятся в том, что распятие Иисуса произошло в пятницу во время праздника Песах, празднуемого евреями 15 числа месяца Нисан, начинающегося в вечер полнолуния. В 30 г. н.э. начало Песах пришлось на четверг, тогда как в 33 г. — на пятницу, ибо именно так располагались в эти годы соответствующие полнолуния.

и в случае с Моисеем, мы очень мало знаем о его детстве и юности. После открытия свитков Мертвого моря кажется вполне обоснованным предположить, что он провел это время в ессейском монастыре, недавно открытом вблизи тех мест, где он, согласно евангелиям, провел свою молодость.

После своего визита в Иерусалим в возрасте двенадцати лет Иисус исчезает со страниц евангелий. Он снова появляется на сцене где-то между 28 и 30 гг. н.э. В возрасте 30 лет он был крещен Иоанном-Крестителем. Пророк Иоанн был прозван Крестителем за то, что в согласии с ессейским уставом утверждал, что можно очистить душу посредством «крещения», т.е. погружением в воду. Это не было чем-то еретическим. Это не противоречило и ортодоксальному иудаизму, который в течение многих веков практиковал ту или иную форму ритуального очищения водой. Иоанн провозглашал также, что он является посланником Господа и его миссия состоит в возвешении царства Господня. Надо думать, что ни фарисеи, ни саддукеи не видели в этом ничего кощунственного, поскольку Иоанн ни разу не был привлечен ими к суду. В конце концов Иоанн был все же приговорен к смерти. Но приговорен он был не по религиозным или политическим причинам и не евреями. Его казнь была делом рук иудейского царя Ирода Антипы, назначенного римлянами правителем Галилеи. Ее причиной было то, что Иоанн открыто клеймил женитьбу Антипы на собственной племяннице как противозаконную и кровосмесительную.

Деятельность Иисуса, как спасителя, началась с его крещения. Его проповедничество длилось всего один год, если верить синоптическим евангелиям*, и три года, согласно евангелию от Иоанна. Иисус на-

* Первые три евангелия называются «синоптическими» потому, что приводимые в них повествования в основном совпадают друг с другом, отличаясь от повествований в евангелии от св. Иоанна.

чал жизнь странствующего проповедника, провозглашающего свою собственную «благую весть» (евангелие). Его проповедь была либеральной. Он был против всякой несправедливости, как и следовало по традициям пророков. Он учил соблюдению Моисеева закона, сочувствию к бедным, милосердию и терпимости. Он говорил задушевно и тепло. Слова его шли от сердца. Его учение было зажигательным и облекалось в форму кристально-ясных притч. Его высказывания тотчас находили путь к сердцам слушателей. Он был утешительным оазисом в стране, иссушенной римским игом. Истрадавшиеся люди стекались к нему, чтобы найти утешение в его словах, обрести веру в его проповеди, зажечься мечтой, которую он создавал. То, что он проповедывал, чему учил и о чем говорил, ни в чем не противоречило всему, что говорили или чему учили другие еврейские пророки, раввины или секты. Поэтому со стороны евреев Иисусу не грозила никакая опасность. Опасность грозила ему от римлян. В стране, где властвовал террор, небезопасно было говорить о справедливости. Иудея представляла собой пороховую бочку назревавшего восстания, а римляне знали лишь одно-единственное лекарство от всех социальных болезней — вылавливать подозрительных и опасных людей и заживо сдирать с них кожу или распинать на крестах.

Весной 33 г. н.э. Иерусалим был, как всегда, переполнен толпами пилигримов, собравшихся со всех концов света на праздник Песах. Возбуждение достигло высшего предела. Только что было подавлено восстание в провинциях. Ходили слухи о новом восстании. Говорили о каком-то очередном мессии, который якобы въехал в город на молодом осле, как предсказывала древняя еврейская легенда. Все эти толки о мессии изрядно тревожили римлян. Мессия способен был воспламенить народ куда быстрее, чем факел может зажечь клочок бумаги. Любой ничтожный инцидент мог побудить евреев на новое восста-

ние. Прокуратор Иудеи Понтий Пилат покинул свою любовницу в Цезарее, административной столице провинции, и срочно вернулся в Иерусалим. С ним прибыли его легионеры. На улицах города раздавалось бряцанье мечей и доспехов.

Мессия, о котором толковали люди, был не кто иной, как Иисус. Такова была политическая ситуация в тот момент, который он выбрал, чтобы войти в Иерусалим. Таково было время, которое он выбрал, чтобы открыто объявить себя Мессией. Его целью был Храм. Он видел свою задачу в реформировании некоторых обычаев, укоренившихся в Храме. С политической точки зрения он выбрал для этого самое неподходящее время.

Последующие события окутаны неясностью. Последователи Нового завета рассуждают о них, как люди, уже знающие, что произошло потом. Поэтому их раздражает и кажется непонятной «слепота» евреев, отказавшихся принять без промедления те реформы, на которых настаивал Иисус. Так можно рассуждать сегодня, но уж никак не в Иерусалиме 33 года н.э. Читающие Новый завет должны не упускать из виду, что в день прибытия Иисуса в Иерусалим никто, кроме разве нескольких его ближайших учеников, и не подозревал в нем Мессию. Сам Иисус ничего еще об этом не говорил. Он вообще не говорил об этом вплоть до известного происшествия в Храме. Трудно сказать, когда именно Иисус провозгласил себя Мессией. Все четыре евангелия повествуют по-разному об этом событии. Во всяком случае, не подлежит сомнению, что когда Иисус входил в Иерусалим, его последователи не имели понятия о его намерениях. Можно ли ожидать, что жители Иерусалима, которые вообще никогда о нем не слышали, узрят то, чего не видели даже его ближайшие ученики?

Есть еще один момент, который обычно забывают или упускают из виду читатели Нового завета. Он состоит в том, что реформацию храмового культа начали еще пророки за восемьсот лет до появления

Иисуса. В дни Иисуса уже существовали, сосуществуя друг с другом, два вида иудаизма: иудаизм Храма и жертвоприношений и иудаизм синагоги и молитвы, подобно тому, как ныне сосуществуют два вида христианства — католическое и протестантское. Таким образом, Иисус не был первым реформатором храмового культа. К моменту его появления на историческую сцену реформы, начатые пророками, уже предопределили судьбу всего храмового культа вообще. В этом-то, уже умирающем культе Иисус хотел отменить два обычая — продажу животных для жертвоприношений и заключение денежных сделок на территории Храма.

К тому времени давно уже существовал обычай продавать у стен Храма голубей и голубиц для священного жертвоприношения. Точно так же сегодня в христианских храмах и соборах принято продавать свечи и кресты. Поскольку еврейские паломники собирались для жертвоприношения в Храме со всех концов света, то сложился также обычай менять здесь деньги, как мы сегодня меняем одну валюту на другую. Некоторые учебники для христианских воскресных школ намекают, что наряду с обменом имела место также и азартная игра. Такое предположение вполне правдоподобно, но оно не имеет ни малейшего подтверждения ни в одном из четырех евангелий. Иисус возражал не против обмена денег как такового, а против совершения денежных сделок на территории Храма вообще. Точно так же он, вероятно, возражал бы в настоящее время против обхода верующих с блюдом в руках для сбора пожертвований в церквях и соборах*.

Когда Иисус явился в Храм, опрокидывая столы

* Кстати, этот обычай, не существует у современных евреев, которые не разрешают заниматься денежными операциями в стенах синагог. Евреи либо вносят ежегодный взнос, либо жертвуют определенные суммы на содержание своих религиозных учреждений.

торговцев и изгоняя менял, евреи, которые нуждались в услугах этих торговцев и менял, пришли в такую же ярость, в какую пришли бы сегодня христиане, если бы кто-то ворвался в их церковь во время пасхальной службы, расшвыривая свечи и кресты, предназначенные для продажи, и изгоняя служек, разносящих блюда для сбора пожертвований. Можно ли сомневаться в том, что такой возмутитель спокойствия был бы немедленно арестован по просьбе священника или другого церковного лица? Однако евреи не арестовали Иисуса, во всяком случае, не в этот момент. Они не хотели вовлекать в дело римлян и решили замять скандал.

Но их надеждам не суждено было сбыться. Слухи о происшествии в Храме достигли римлян. Не было ли это началом мятежа? Бунта? Восстания? Отцы города, отдавая себе отчет в том, какие погромы, грабежи и насилия обрушатся на жителей, если римские легионы будут спущены с цепи, могли решить, что будет лучше унять Иисуса до окончания праздника. Тогда всеобщее возбуждение спадет, легионеры уберутся из города и полуосадное положение будет снято. С большой осторожностью они следили за развитием событий. Но тут последователи Иисуса начали поговаривать о нем как о «Царе иудейском» и «Мессии», возбуждая тем самым еще большую настороженность римлян. Только тогда, если верить евангелиям, на третий день после происшествия в Храме, евреи арестовали Иисуса.

Начались двенадцать очень значительных в истории человечества часов. Единственный рассказ об этих двенадцати часах, последовавших за арестом Иисуса, которым мы сегодня располагаем, содержится в евангелиях, написанных спустя сорок—девятью лет после самих событий. Оставляя в стороне все противоречия этих источников, описываемые в них события сводятся в основном к следующему: Иисус был арестован ночью по приказу Синедриона, высшего судебного органа страны, Синедрионом же

был приговорен к смерти по обвинению в богохульстве, т.е. надругательстве над святынями. Суд происходил во дворце первосвященника на основании показаний подкупленных свидетелей. Далее евангельский рассказ сообщает, что Понтий Пилат, который должен был утвердить приговор, сделал это в высшей степени неохотно и лишь потому, что опасался ярости еврейской толпы.

Всякий человек, знакомый с еврейским судопроизводством в период Второго Храма, найдет крайне затруднительным принять этот евангельский рассказ на веру. Прежде всего, согласно еврейскому закону тех времен, человек не мог быть арестован ночью. Противоречило закону также проведение суда в канун субботы или в праздник. Синедрион заседал исключительно в *лишкат ха-газит* (Зал тесаных камней). Он никогда не собирался во дворце первосвященника или в каком-либо ином месте. Синедрион не мог быть инициатором ареста. Никто не мог быть судим Синедрионом до тех пор, пока не менее двух свидетелей не подтвердят под присягой свои показания против обвиняемого. Поскольку в данном случае против Иисуса не выступал прокурор, свидетели обязаны были изложить суть своих обвинений перед судом в присутствии обвиняемого. Последнему предоставлялось право вызвать свидетелей в свою защиту. Затем суд допрашивал обвиняемого, обвинителей и свидетелей защиты. Талмуд требует даже, чтобы и тогда, когда приговоренного ведут к месту казни, перед ним шел глашатай и кричал во весь голос: такой-то и такой-то, сын такого-то и такого-то, подлежит казни за совершение таких-то и таких-то преступлений, доказанных такими-то и такими-то свидетелями обвинения. Всякий, кто может сказать что-либо в его защиту, пусть выступит и скажет!*. Крайне неправдоподобным кажется поэтому, чтобы Верховный еврейский суд нарушил все без исключения параграфы

* Санхедрин 6:2.

собственного кодекса и действовал вопреки освященному веками обычаю. Подобные действия Синедриона представляются столь же невероятными, как если бы, скажем, Верховный суд Соединенных Штатов приказал ночью схватить человека, ночью же отыскать лжесвидетелей, которые доказали бы его преступление, приговорил бы его к смерти без суда и следствия да еще потребовал бы немедленного приведения приговора в исполнение — все это в течение двенадцати часов*.

Историк, знающий о жестокости и жадности Понтия Пилата, в равной мере затруднится принять его характеристику как великодушного и милосердного правителя, заботящегося о благосостоянии одного еврея. В действительности жестокость и жадность Пилата получили весьма широкую огласку. Император Тиберий вынужден был даже удалить его с занимаемого им поста, чтобы он не позорил Рим. Нужно быть слишком наивным, чтобы поверить, что этот Понтий Пилат, римский генерал, командовавший многими окружавшими Иерусалим легионами, был напуган еврейской толпой, вооруженной таким «страшным» оружием, как тфиллин (филактерии, которые прикрепляются к голове и к левой руке во время молитвы).

Не кажется ли более правдоподобным, что Иисус был арестован евреями для того, чтобы защитить его от римлян, которые никогда не страдали нерешительностью, когда речь шла о том, чтобы распять еще одного еврея. Видимо, этот арест, рассчитанный на защиту Иисуса, оказался безуспешным, и римляне потребовали, чтобы Иисус был передан в их руки для расправы. Сами евангелия дают основания для подобных догадок. Согласно евангелиям, распятого

* Как удачно выразился некий остряк: «Некоторые христианские ученые не верят в то, что Иисус когда-либо существовал, но все они твердо убеждены, что евреи казнили его.

Иисуса бичевали и мучили именно римские легионеры, а не евреи. Именно римской злобности, а не еврейскому состраданию, соответствует выдумка увенчать голову Иисуса терновым венцом и повесить на его груди издевательскую табличку «Царь иудейский».

Невозможно не сопереживать мучительным страданиям Иисуса, когда он обращает свой взор к небесам и испускает свой знаменитый стон: *Элахи, Элахи, лама швактани?* (Боже мой, Боже мой, почему Ты меня оставил?)*. Сами евангелия сообщают, что вокруг распятого рыдала толпа евреев, а не римлян. Римляне были заняты в этот момент тем, что разыгрывали в кости его одежду. Все эти показания евангелий свидетельствуют о том, что казнь Иисуса была проявлением тупой жестокости римской власти, а не ошибкой еврейского правосудия. Евреи никогда на протяжении всей своей истории никого не распинали и никого не требовали распять. Напротив, они выступали в защиту распинаемых римлянами христиан, как о том свидетельствует сам Новый завет. Деяния Апостолов (5:34—39) рассказывают, что фарисейский раввин Раббан Гамлиэль открыто осудил преследования христиан римлянами. Иосиф Флавий упоминает, что когда римляне намеревались казнить Иакова, брата Иисуса, не кто иные, как фарисеи, рискуя жизнью, протестовали против этого бессмысленного убийства.

Со смертью Иисуса христианство казалось обреченным. Его спасла еврейская доктрина воскресения. Евреи в тогдашней Иудее были знакомы с идеей воскресения из мертвых и широко обсуждали проблемы загробного существования. Бесчисленные упоминания об этом рассеяны в апокрифических

* Возможно, что то была молитва на традиционный еврейский лад, поскольку эти слова содержатся в Библии (Псалом 22 {21}:2).

трудах фарисеев и в ессейских свитках Мертвого моря, относящихся ко времени, по меньшей мере на сто лет предшествовавшему жизни Иисуса. Поэтому нас не удивляет, когда мы читаем в евангелиях, что в первое воскресенье после смерти Иисуса некие женщины пришли к его могиле помолиться и обнаружили, что надгробный камень отвален прочь, а сама могила пуста. Одной из этих женщин явилось видение Иисуса, а потом и его двум ученикам*. Весть о свершившемся чуде быстро распространилась среди павших духом и численно поредевших последователей Иисуса. Все были убеждены, что он восстал из мертвых. Но воскрес не только Иисус; с ним вместе воскресло христианство.

Первые два десятилетия после смерти Иисуса, с 30 по 50 г. н.э., все христиане были одновременно и евреями. Христианство было просто одной из многих еврейских сект и мало чем отличалось от других. Те немногие язычники, которые присоединялись к зародившейся религии, обязаны были принять иудаизм, прежде чем быть принятым в христианство. Все христиане считали себя евреями, точно так же как сегодня католик, перешедший в протестантство, или протестант, перешедший в католичество, продолжает считать себя по-прежнему христианином. Великий раскол между христианами и евреями произошел не ранее 50 г. н.э., когда христианство отвернулось от язычников и стало распространяться во всему миру. Этот шаг был задуман и совершен одним-единственным человеком, также евреем, который и стал подлинным основателем христианской церкви. Этим человеком был Саул из города Тарса, которого христиане называют Павлом. Учение Иисуса в устах Павла приобрело то же значение, что Талмуд для То-

* Эти факты представляют собой свод сведений по всем четырем евангелиям, поскольку каждое из них рассказывает только часть истории и отдельные рассказы противоречат друг другу в некоторых деталях.

ры, — стало комментарием и руководством в повседневной жизни.

Немецкий философ Фридрих Ницше назвал Павла человеком, «суеверие которого сравнимо разве что с его хитростью». Мартин Лютер называл его «скалой веры». Павел родился почти одновременно с Иисусом. Он был гражданином Рима, образованным и высокомерным евреем. Он изучал римское право и греческую философию, но оставался тем не менее правоверным и соблюдающим все обряды фарисеем. Он прибыл в Иерусалим примерно в то же время, когда Иисус начал там свою проповедь. Но никогда они так и не встретились. В Иерусалиме Павел познакомился с трудами Филона, которые произвели на него огромное впечатление. Он мог, по-видимому, стать большим знатоком Торы. История судила ему, однако, стать христианским святым.

Живи Павел сегодня, он бы, пожалуй, кончил свои дни в психиатрической лечебнице. Всю свою жизнь он был одержим всепоглощающим чувством собственной греховности и вины. Это чувство преследовало его беспощадно. Ранние изображения и описания Павла в Новом завете, принадлежащие ему самому и посторонним наблюдателям, рисуют нам малопривлекательную внешность. Эрнест Ренан характеризует его как «отвратительного маленького еврея». Павел был маленького роста, кривоног, слеп на один глаз, и тело его, по всей видимости, было искривлено. Он был подвержен периодическим приступам малярии. У него были повторяющиеся галлюцинации и, по мнению некоторых ученых, эпилептические припадки. Он был закоренелый холостяк, проповедывал воздержание и рекомендовал жениться только в случае крайней необходимости.

Вначале Павел относился к новой еврейской секте, известной под названием «христиане», крайне враждебно. Он яростно нападал на ее приверженцев и даже выступил свидетелем против ее первого мученика — Стефана. Стефан заявил, что Иисус равнове-

лик Господу, что по тем временам было страшным богохульством. Возможно, что Павел участвовал и в побиении Стефана камнями.

Согласно Деяниям Апостолов (9:1—2), Павел «...пришел к первосвященнику... и выпросил у него обращения к синагогам в Дамаске, чтобы он мог любого, и мужчин и женщин, последующих этому учению, связав, привести в Иерусалим». Но именно на пути в Дамаск Павлу явилось его знаменитое видение Христа, поразительно напоминающее происшедшую за две тысячи лет до того встречу Авраама с Богом. Дальше, однако, события пошли совершенно иначе. «Что ты гонишь меня?» — спросил его якобы Иисус. Видение ослепило Павла, и вот так, беспомощного и слепого, его пришлось вести под руки в Дамаск. Здесь другой еврей, член христианской секты по имени Ханания, излечил его слепоту, возложив на него руки, а затем он же обратил Павла в христианство.

В этом месте мы вынуждены поставить тот же вопрос, который был задан при рассказе о встрече Авраама с Богом: «Произошло ли это в действительности?» Ответ наш тот же. С точки зрения истории безразлично, действительно ли Иисус являлся Павлу или же Павел пережил очередную галлюцинацию. Фактом является то, что в течение двух тысяч лет этот рассказ об обращении Павла играл решающую роль в христианской религии. Это реальность, с которой мы обязаны считаться, ибо именно эта реальность сформировала историю.

Несмотря на свою встречу с Иисусом, исцеление от слепоты и обращение, Павел еще в течение четырнадцати лет прозябал в неизвестности. Затем в 45 г. н.э. апостол по имени Варнава пригласил Павла сопровождать его в поездке по общинам. Тогда-то и началась замечательная миссионерская деятельность Павла. Вскоре он превзошел своего учителя Варнаву.

По возвращении из своей первой поездки Павел принял окончательное решение порвать с евреями.

Он дважды обращался к апостольской церкви в Иерусалиме с просьбой возвести его в ранг апостола. Дважды ему было в этой чести отказано. Затем он вступил в спор с братом Иисуса Иаковом по вопросу о процедуре обращения язычников. Согласно обычаю, неевреи обязаны были вначале принять иудаизм, лишь затем они могли вступать в христианскую секту. Павел считал, что язычники должны становиться христианами непосредственно, минуя процедуру обращения в иудаизм. Отвергнутый апостолами новой церкви и побежденный братом Иисуса в споре об обращении язычников Павел пришел к трем важнейшим решениям. Эти решения привели к исключению еврейского элемента из христианской секты и превращению ее в совершенно отдельную от иудаизма религию.

Поскольку евреи в массе своей не приняли христианство, Павел обратил взор к язычникам. Чтобы облегчить им вступление в новую секту, он отбросил еврейские законы о разрешенной и запрещенной пище, а также обряд обрезания. Наконец, он решил поставить Христа на место Торы. Это было самым главным его нововведением. Оно привело к окончательному и непоправимому разрыву между религиями Отца и Сына. Тогда, как и сейчас, евреи верили, что человек может познать Бога только через Его Слово, каким оно явлено в Торе. Доктрина Павла гласила, напротив, что человек может познать Бога только через Христа. Противоположность между еврейством и христианством стала абсолютной.

После разрыва с апостольской церковью в Иерусалиме и своего конфликта с Иаковом Павел начал свои знаменитые миссионерские путешествия. Именно тогда он сменил свое еврейское имя Шаул на римское Павел. В этих путешествиях его по большей части сопровождали один или оба его ученика — Сила и Тимофей. Во время этих путешествий, длившихся с 50 по 62 гг. н.э., были написаны также все Послания Павла. Это были самые первые христианс-

кие произведения. Евангелия появились только много позже: первое — примерно в 70 г., четвертое — около 120 г. н.э.

Сегодня мы знаем, что описание истории возникновения христианства, каким оно излагается в Посланиях Павла и в евангелиях, особенно рассказ о суде и казни Иисуса, рассчитано не на евреев, а на язычников. Благодаря этому многое становится более понятным. Эти повествования были написаны для фессалонийцев, римлян, коринфян, колоссян, филиппийян, эфесцев. Разумеется, ни Павел, ни евангелисты не хотели раздражать тех, кого стремились обратить, не хотели возбуждать против себя и властителей, которых старались умиловить, тем более что за малейшие выпады против властей они могли жестоко поплатиться.

Во время своих путешествий Павел повсюду использовал синагоги как трибуну для миссионерской проповеди, поскольку синагога была в то время наиболее веротерпимым религиозным учреждением, допускавшим в своих стенах самые разные точки зрения. Сам Павел, однако, не был столь же терпим и великодушен. «... Кто благовествует вам не то, что вы приняли, да будет анафема» (Послание к галатам, 1:9). Павел не только оторвал христианство от еврейства. Мало-помалу он превратил раннее христианство в новую собственную христологию.

Первые христиане видели в Иисусе человека, приобретшего божественные атрибуты уже после своего воскресения. Для Павла он был божеством еще до рождения. Ранние христиане считали Иисуса сыном Божьим. Павел считал его равновеликим и единосущным Богу. Иисус учил, что любви к Богу можно научиться только через любовь к людям. Павел учил, что возлюбить Иисуса можно, только впитав его в себя. Павел перенес также центр тяжести нового учения с образа Иисуса-мессии на образ Христа — искупителя от грехов. Все мышление Павла было подчинено концепции первородного греха, тяготеющего

над людьми. Согласно Павлу, человек греховен по вине Адама, первого грешника. Человек может найти искупление от этого греха с помощью Христа — первого «искупителя». По Павлу, Иисус искупил людские грехи своей мученической кончиной — искупительной жертвой.

Учение Павла оказалось столь близким язычникам, что в течение каких-нибудь пятнадцати лет их число в христианской секте превзошло число евреев. Христиане-евреи, теперь уже составлявшие в церкви меньшинство, получили название «эбиониты», от ивритского *эвионим*, буквально «нищие». Вскоре они совсем сошли со сцены. Христианство перестало быть еврейской сектой; поскольку Павел порвал с Моисеевым законом. Римляне видели теперь в христианах не евреев, а особую и отдельную религию, не связанную с какой-либо определенной национальностью.

Откуда у Павла его поразительные организационные способности? Мы знаем об этом не больше, чем о том, откуда такие поразительные организационные способности у Троцкого. Троцкий, этот русско-еврейский интеллигент из черты оседлости, превратил деморализованную, разбитую царскую армию в победоносную Красную армию. Павел, этот римско-еврейский интеллигент-космополит, превратил горстку павших духом учеников Иисуса в воинствующую христианскую церковь. Павел окончил свои дни в Риме в 62 году н.э. Согласно преданию, он был обезглавлен по приказу императора Нерона. К моменту его смерти христианство было уже всемирным движением, с которым вынуждена была считаться сама Римская империя.

То, что христианство продержалось первые три столетия своего существования, было чудом. Происходившие один за другим расколы в его рядах угрожали ему полной гибелью. В этот начальный период борьбы за собственное существование христианам было не до евреев. Яростные споры по поводу богословских проблем, то и дело возникавшие в вопросе о природе божественности Христа и его отношения к Богу-Отцу, поглощали всю их энергию.

Сохранение своей численности также требовало от них всего свободного времени. Стоило христианству стать особой религией, как оно тотчас вызвало подозрения у Рима. Римляне отнеслись к христианам как к элементу, подрывающему их устои, и начали их безжалостно преследовать. Немалое число христиан было сожрано львами на аренах римских амфитеатров. Таков был римский способ борьбы с христианской заразой, придуманный Нероном и продержавшийся в течение трех столетий. Главные же свои потери христианство понесло, когда начались массовые отречения. Римляне объявили эту религию вне закона, точно так же, как сегодня в некоторых странах объявлен вне закона коммунизм. Когда христианин предстал перед римским трибуналом, ему предоставлялся выбор между жизнью, при условии отречения от христианства, или смертью, в случае признания своей принадлежности к запрещенной религии. Как правило, он выбирал жизнь, отрекаясь от христианства. По меткому выражению немецкого юриста Рудольфа Зома («Очерк истории церкви»), «церковь победила не благодаря христианам, а вопреки им — силой евангелия».

Положение христиан в Римской империи напоминало в известной степени положение американских коммунистов в США в 50-е годы 20 века. Это может быть отчетливо продемонстрировано двумя сохра-

нившимися памятниками римской переписки (начало 2 в. н.э.) — письмом губернатора Вифинии Плиния-младшего императору Траяну и ответом императора. Плиний писал:

«Я взял себе за правило, государь, обращаться к вам во всех сомнительных для меня делах, ибо никто лучше вас не может ободрить меня в моей нерешительности или просветить в моем невежестве. Я никогда не присутствовал на следствиях по делам о христианах; поэтому я не знаю, какие меры наказания к ним следует применять... Я не знаю, следует ли учитывать различие в возрасте; должно ли к слабым применять те же меры, что к более крепким; надлежит ли прощать тех, кто раскаивается, или же человек, когда-либо принадлежавший к христианам, не должен получать поощрения, если он перестал к ним принадлежать; следует ли наказывать саму принадлежность к христианам, даже при отсутствии преступлений, либо же только преступления, связанные с такой принадлежностью.

Пока что я избрал следующую линию поведения по отношению к тем, кто предстает передо мной по обвинению в христианстве. Я спрашиваю его, христианин ли он. Если он признает это, я повторяю свой вопрос вторично и в третий раз, указывая ему на всю строгость наказания, которому он подвергнется. Если он упорствует, я приговариваю его к смерти. Ибо я не сомневаюсь, что в каких бы преступлениях они ни признались, само их упорство и непоколебимая строптивость должны быть наказаны... Мне был доставлен анонимный список, содержащий много имен. Все, кто отрицал, что был или является христианином, заслуживал, по моему мнению, снисхождения. Другие, тоже поименованные осведомителем, вначале сказали, что являются христианами, а затем отрицали это, заявляя, что были, но больше не являются таковыми; некоторые отреклись за три или более года до этого, а один или два даже за двадцать

лет. Все они преклонились перед вашим изображением и статуям богов и проклинали Христа...

Важность этого дела оправдывает в моих глазах мое обращение к вам, ибо многие люди всех возрастов и социального положения, а также обоего пола находятся под судом по этому обвинению, и дело это продолжается...»

Император Траян отвечал:

«Ты поступил вполне правильно, произведя следствие о тех, кого обвинили передо тобой в принадлежности к христианству. Установить здесь какое-нибудь общее правило определенно невозможно. Выискивать их незачем: если на них поступит донос и они будут изобличены, их следует наказать, но тех, кто отречется, что они христиане, и докажет это на деле, т.е. помолится нашим богам, следует за раскаяние помиловать, хотя бы в прошлом они и вызывали подозрение. Списки, поданные без подписи составителя, не должны приниматься ни в каком деле. Это дурной пример и не соответствует духу нашего времени».

Эпоха Траяна оказалась всего лишь краткой передышкой. Его преемники усилили преследования христиан и гораздо более строго добивались их исключения из социальной жизни. Эти преследования и социальная изолированность сообщили раннехристианским общинам характерные черты, напоминавшие те особенности, которые сами христиане позже, уже в средние века, приписывали евреям. Эдуард Гиббон в своей «Истории упадка и разрушения Римской империи» говорит об этом следующим образом:

«Поскольку большое число (христиан) обладало определенными ремеслами или профессиями, им приходилось... бороться с подозрительностью, в которую весьма склонны впадать непосвященные при виде святости. Презрение окружающих выработало в них приниженность, смирение, долготерпение. Чем больше их преследовали, тем больше они цеплялись друг за друга».

В конце концов, однако, сила евангелия победила. Там, где христиане делали шаг назад, евангелие делало два шага вперед. И несмотря на то, что в первом веке нашей эры христиан бросали на растерзание львам, во втором еще рассматривали как подрывной элемент, а в третьем откровенно презирали, в четвертом столетии они стали хозяевами Римской империи.

Вопрос состоит не только в том, как это могло произойти, но и почему римляне так долго презирали и безжалостно преследовали христиан. Мы уже цитировали выше высказывание Э. Гиббона о религиозной терпимости римлян. Римляне считали все религии одинаково правильными, одинаково полезными и одинаково ложными. Римляне никогда и никого, кроме христиан, не подвергали преследованиям по религиозным причинам. Репрессии, которым они подвергали евреев, всегда были расплатой за сопротивление евреев римскому игу. Жестокость римлян по отношению к евреям ничем не отличалась от их жестокости по отношению, скажем, к карфагенянам, которые, подобно евреям, также восставали против римского владычества.

К сожалению, лишь немногие историки задаются вопросом, почему римляне преследовали христиан. Гораздо чаще они просто констатируют факт таких преследований. Гиббон, который является одним из немногих исключений из этого общего правила, в данном случае, к сожалению, небеспристрастен. Атеисты получают огромное удовольствие, читая его исполненный сарказма рассказ о возникновении и развитии христианской церкви. Но ревностные христиане отвергают его объяснения, объявляя их невежественными измышлениями. Впрочем, его едкие замечания по поводу евреев они находят весьма глубокомысленными. Евреи согласны с оценкой Гиббона, но с одной поправкой: они отвергают его рассуждения о невежестве евреев. Зато считают весьма глубокими его иронические высказывания в адрес христианства.

Со всеми этими оговорками следует все же признать, что в объяснениях Гиббона содержится зерно истины. Евреи, говорит Гиббон, представляли собой народ. Как таковой он имел, с римской точки зрения, право на свои религиозные особенности. Христиане же, напротив, были сектой, лишенной собственной почвы и потому разлагавшей остальные народы. Евреи принимали активное участие в управлении империей. В промежутках между борьбой против несправедливости римлян они боролись бок о бок с ними, защищая империю. Христиане же, напротив, уклонялись от участия в социальной жизни, от ответственности за управление, от военной службы. Вот почему, полагает Гиббон, римляне считали, что преступление христианина состоит не в том, что он совершал, а в том, кем он был.

В том, как и когда христиане стали главной силой в Римской империи, нет ничего загадочного. Произошло это в 324 г. по воле римского императора Константина Великого. В начале четвертого века христиане уже составляли самую большую религиозную общину в империи, хотя все еще были в ней меньшинством. Этот большой, сплоченный коллектив разнородных людей мог сыграть важную роль в скреплении расшатавшегося здания имперской власти. Константин в данном случае последовал правилу: «Если не можешь их победить, возьми в союзники». Он не только признал законность христианской религии, но и объявил ее единственной законной религией в пределах его владений. К этому времени христиане составляли не более 20% населения империи.

Власть не принесла христианам мира. Ересь за ересью, подобно гигантским волнам, накатывались на стены церкви, угрожая вот-вот ее затопить. Наделав церковь политической властью, Константин одновременно даровал ей весьма сомнительное наследие — восточный деспотизм. На вселенском соборе в Никее, который он созвал в 325 г., был принят основной, т.н. «никейский» символ христианской веры. От-

ныне все христиане обязаны были исповедывать принципы только одной этой веры. Все другие взгляды были запрещены и объявлены еретическими. Так был установлен тоталитарный идеологический характер ранней христианской церковной организации. Прежде христиане решали свои богословские споры посредством компромиссов. Теперь они обратились к мечу как основному средству установления религиозного единомыслия. Гиббон утверждает, что в первые сто лет после своего прихода к власти христиане уничтожили больше собственных приверженцев, чем это сделали римские императоры за предшествующие три века.

Наряду с проблемой единственно «правильного» Бога возникла проблема единственно «правильного» евангелия. История канонизации Нового завета повторяет историю канонизации Ветхого. Первые попытки навести порядок в хаотическом множестве евангелий, каждое из которых так или иначе противоречило остальным и претендовало на исключительную подлинность, относятся к 170 г. В это время был составлен первый список книг, подлежащих включению в Новый завет. Он получил название «мураторианского канона». Но тот Новый завет, который нам сейчас известен, возник лишь через 362 года после смерти Христа, т.е. в 395 г. н.э. В канон вошли, разумеется, только те книги, которые наиболее соответствовали официальному символу веры. Все прочие были запрещены. Что в них содержалось, нам уже никогда не узнать. Само обладание ими рассматривалось как ересь, а ересь тогда каралась смертью.

Окончательная канонизация Нового завета совпала во времени с первым разделом Римской империи. После смерти императора Феодосия (395 г.) его сын Аркадий стал править восточной частью империи, а второй сын, Гонорий, — западной, со столицей в Риме. Хотя непрерывно сжимающиеся границы империи оставались пока что нерушимыми,

ряд факторов, связанных с евреями, христианами, варварами и самими римлянами, исподволь подготавливал ее неизбежное крушение, наступившее в следующем, пятом столетии.

Первый, еврейский фактор — то, о чем мы говорили выше, а именно три иудейские войны. Эти войны возбудили покоренные империей народы и привлекли к ее границам вооруженных соседей, выжидающих благоприятного момента для вторжения. Сложившаяся ситуация потребовала введения дополнительных налогов и мобилизации добавочных сил для укрепления границ. Это, в свою очередь, истощило ресурсы империи. После первой иудейской войны границы империи никогда уже больше не расширялись. После третьей они начали сокращаться.

Второй удар по империи нанесли сами римляне. Рабы полностью вытеснили собой среднее сословие. Физический труд стал рассматриваться как нечто недостойное. Распушенность нравов постепенно подрывала институт семьи. Коррупция и несправедливое налогообложение, против которых в свое время восставали евреи, ныне начали разъедать основу имперской власти. В качестве третьего фактора, способствовавшего падению Римской империи, многие историки считают христиан. Поскольку ранние христиане были убеждены, что близится конец света, они не могли всерьез относиться к вопросам гражданской деятельности, управления и социального порядка. В результате вся социальная структура империи стала разрушаться. Массовый уход в монастыри и отказ от супружества вызвали падение рождаемости и уменьшение численности населения. Сосредоточенность на потустороннем и увлечение абстрактными богословскими вопросами вели к пренебрежению гражданскими обязанностями, исчезновению патриотизма и пренебрежению к учебе и знаниям.

Таковы были три причины, усиливавшие свое разрушительное действие на протяжении первых четы-

рех столетий нашей эры. В пятом столетии они соединились с новым фактором — вторжением варваров.

Начало этой цепи событий, приведших к вторжению варваров в Западную Европу в пятом в. н.э., было положено за пять веков до того в далеком Китае. В первом веке до н.э. китайские императоры решили изгнать беспокойные кочевые племена из своих границ. Им надоели миллионы кочевников, которые не хотели осесть на земле или поселиться в городах. Походы, предпринятые китайскими военачальниками против этих совершенно безопасных племен и имевшие целью не их истребление, а лишь вытеснение из пределов империи, привели в действие законы физики. Законы эти действуют по принципу корсета: если его потуже затянуть в одном месте, что-то обязательно выпятится в другом месте. Когда кочевники (получившие название «хунну» по имени китайской династии Хань, в период владычества которой начались эти массовые переселения) были вытеснены из Китая, они выпятились на запад.

Изгнанные со своих кочевий хунну вторглись в северную Индию, южную Россию, на Балканы. Но там уже проживали свои кочевые племена — вестготы (известные также под названием визиготов), вандалы и остготы (иное название — остроготы). Подобно тому, как китайские императоры вытеснили хунну из Китая, так теперь хунну, в свою очередь, вытеснили визиготов, вандалов и остроготов из их земель в Западную Европу — Германию, Францию, Италию, Испанию. Визиготы были первыми из варваров, вторгшихся в Римскую империю уже в четвертом веке. За ними — в пятом веке — последовали вандалы, а также галлы с севера. Все они по очереди грабили Рим.

Но в это время над Европой нависла новая опасность, затмившая собою все прежние. Гунны (как называли в Европе новый народ, создавшийся в результате смешения части хунну с местными племенами),

которые в силу своей многочисленности сумели вытеснить вандалов и готов в Европу, сами теперь перешли границы Европейского континента. У них появился новый вождь — Атилла, который преобразовал эти доселе дикие орды азиатских кочевников в грозную военную конницу. Сунув про запас под седла куски сырого мяса, гуннские всадники вторглись на территорию Франции, сея на своем пути смерть и разрушение. Говорили, что на том месте, где прошли копыта гуннской лошади, больше никогда не вырастает трава. В первый и последний раз в своей истории Европа стояла перед реальной опасностью превратиться в азиатскую колонию. Но визиготы и вандалы, вторгнувшись во Францию столетием раньше и прозванные тогда «карой Божьей», теперь пришли на выручку европейским народам. В 451 г. в битве под Труа (известной также как битва под Шалон) они разгромили гуннскую конницу. Атилла оттянул свои войска в Италию и двинул их на захват Рима. Только его внезапная смерть предотвратила нависшую катастрофу. Оставшись без вождя, гунны рассеялись и вскоре исчезли со страниц истории.

Тем не менее их вторжение истощило силы империи, взломало ее границы и дезорганизовало управление. Последовательные вторжения варваров с севера и востока быстро dokonчили дело, начатое гуннами. Разграбление Рима стало модным варварским обычаем. Но сколько грабежей может вынести даже самый богатый город мира? Западная часть бывшей Римской империи рухнула. Ее население смешалось с варварами. Стали зарождаться новые нации. Пришедшие к власти короли вандалов и готов понятия не имели о великой науке управления. То, что еще оставалось от империи, распалось на сотни крохотных государств и княжеств. Времена греческой славы и римского величия подошли к концу. Над Европой опустилась ночь — наступили времена феодализма. Началась эпоха европейского средневековья.

Церковь вела героическую битву с варварами. По-

скольку победить их силой она не могла, она решила обратить их в свою веру. Обращая в христианство все новых и новых варваров, она рыла себе яму. Столь быстрый наплыв огромного множества новообращенных грозил полным разрушением всех церковных догматов. Необходимость быстро приспособиться к практическим нуждам Запада так же существенно изменила облик родившегося на Востоке христианства, как впоследствии изменился облик возникшего на Западе марксизма, приспособленного к нуждам Востока.

Установление папства в шестом веке н.э. повлекло за собой сильную централизацию западной церкви. Последние еретические секты были раздавлены. Последние остатки варваров в западной части бывшей империи были обращены. Церковь могла теперь вздохнуть свободней и присмотреться к тому, что происходит в ее владениях. И тогда она заново открыла евреев, на которых в течение предыдущих шести веков практически не обращала внимания.

Как это произошло? Ответ напрашивается сам собой. До их признания Константином христиане были заняты спасением собственных душ и тел от римских преследований. В течение трехсот лет после смерти Константина они были слишком заняты истреблением собственных ересей и обращением безбожных варваров, чтобы заниматься евреями, которые между тем занимались своими собственными делами. И вот теперь вторичное «открытие евреев» поставило христиан перед кардинальной проблемой. Евреи оказались единственным еще непереваренным куском нехристианства в сплошном христианском море, их окружавшем. Как с ними поступить? Крестить, и — если придется — насильственно, как это было сделано с варварами? Или истребить, как были истреблены те варвары, которые отказались креститься?*

* Насильственное обращение было запрещено папами в 7 в., после окончательного утверждения папства. Как мы увидим поз-

Или вообще оставить в покое? Но тогда они могут стать опасными. Все эти вопросы и их разрешение предопределили судьбу евреев в средние века.

Хотя в первые шесть столетий христиане относились к евреям довольно безразлично, многие еврейские историки пытаются создать впечатление, будто евреи в это время подвергались непрерывным преследованиям. В качестве доказательства они приводят то один, то другой дискриминационный закон, показывающий, что евреев не допускали к той или иной службе или лишали тех или иных прав. В своем выискивании несправедливости эти историки начисто забывают о том, что средневековые евреи жили на таком континенте и в такие времена, где и когда несправедливость и притеснение были нормой для всех и каждого. Шестьсот лет — это огромный промежуток времени, и отдельные несправедливости, творимые то тут, то там, еще не образуют официальной, общепринятой и последовательной программы преследований и дискриминаций.

В 212 году император Каракалла даровал евреям империи не только равенство, но и гражданство. Император Константин, признав христианскую церковь, лишил евреев некоторых из этих прав, но оставил за ними звание граждан. Затем причудливый зигзаг истории едва не лишил христиан всех завоеванных ими преимуществ и чуть было не вернул евреям Иерусалим, Храм и Синагог. Когда в 361 году на трон взошел император Юлиан (которого христиане по вполне понятным причинам называют «отступником»), он объявил христианство вне закона, запретил исповедывать эту религию, восстановил в оставшейся части империи язычество, вернул евреям все их привилегии и обещал им помочь отстроить Иерусалим и Храм. Юлиан был близок к тому, чтобы обратиться в иудаизм. Два года спустя он

же, именно папы были главными защитниками евреев в средние века.

умер. С ним вместе умерли все страхи христиан и все надежды евреев.

Окончательный разрыв между евреями и христианами произошел при жизни поколения, выросшего уже после разрушения Храма. Хотя Павел открыл иудео-христианскую секту для язычников, христиане диаспоры еще долго стекались в еврейские синагоги в поисках защиты от римлян. В этих синагогах они продолжали свои миссионерские усилия, пытаясь обратить евреев в христианство. Видя, что их гостеприимство используется во вред, евреи ввели в литургию особую молитву, направленную против еретиков. Поскольку христиане не могли вторить этой молитве, практика использования синагог как убежищ постепенно отмерла. Во время третьего еврейского восстания христиане, которые не могли признать Бар-Кохбу своим мессией, объявили, что их царство не от мира сего. Тем самым они полностью обособились от иудаизма и всего еврейского. Процесс взаимного отчуждения завершился. Иудаизм и христианство стали полностью чуждыми друг другу.

Окончательно обособившись от евреев, христиане оказались в трудном положении. Им необходимо было дискредитировать Ветхий завет, который еще почитали греки и римляне. В то же время они нуждались в нем, поскольку он объяснял их Новый завет. Он позволял опровергнуть многочисленные попытки отождествить их Иисуса с такими языческими богами, как Аттис, Осирис и Адонис, каждый из которых, подобно Иисусу, был центральной фигурой того или иного культа умершего и воскресшего бога. Церковь блестяще справилась с этим затруднением, вычитав в Ветхом завете необходимые ей пророчества о грядущем приходе Христа. Как пишет еврейский исследователь Яков Бернанд Агус («Эволюция еврейского мышления», стр. 144): «На этом основании они (христиане) провозгласили себя и всех членов своих конгрегаций истинными «наследниками обетования», относя все похвальные слова и благословения Би-

блии к себе, а все ее проклятия и обвинения — к евреям. Эта чудовищная травестия была дополнена официальной христианской версией еврейской истории, согласно которой евреи были не последователями Моисея, Аарона, Давида, Самуила, Иеремии и Исаяи, а потомками Датана и Авирама, Ахава и Менаше... Гневные слова пророков были истолкованы христианами ревнителями как неопровержимое свидетельство против еврейского народа. В результате деятельности узколюбых фанатиков обеих религий между ними была воздвигнута стена взаимного непонимания и взаимной ненависти. Свет одной веры стал невидим для тех, чей взор с детства был ослеплен светом другой. Во мраке средневековой ночи одни лишь мыслители еще отдавали себе отчет в единстве иудео-христианской традиции, которая скрывалась под различием верований и ритуалов».

А христианский исследователь Джеймс Паркер сказал о том же: «Ни один народ не заплатил столь высокую цену за величие своих религиозных вождей».

Суммируя события трех столетий — с 300 по 600 г. н.э., — можно отметить четыре группы законов, содержащих дискриминационные ограничения по отношению к евреям: законы Константина Великого (315 г.); законы Констанция (399 г.), запрещавшие смешанные браки между еврейскими мужчинами и христианскими женщинами; законы Феодосия II (439 г.), запрещавшие евреям занимать высокие посты в правительстве, и законы Юстиниана (531 г.), запрещавшие евреям выступать свидетелями против христиан.

На первый взгляд эти законы действительно кажутся дискриминационными, оскорбительными и унижительными. Но если мы хотим получить правильное представление о жизни евреев в начале средних веков, мы обязаны прежде всего правильно оценить направленность этих законов. Иначе мы не сумеем уловить всю глубину различия между ними и

законами, принятыми спустя несколько столетий. Нельзя подходить к этим законам с меркой XX века. Их следует оценивать на фоне общих особенностей средневекового мышления. Эти законы были направлены не против одних лишь евреев. Согласно указаниям законодателей, они распространялись в разной мере на евреев, самаритян, манихейцев, еретиков и язычников. Эти законы преследовали две цели: защитить зарождающуюся религию от опасной конкуренции со стороны других религий и обеспечить высокие посты для своих единоверцев. Когда историки пытаются представить евреев чуть ли не единственными жертвами этих несправедливых постановлений, они рисуют заведомо искаженную картину.

По своему духу эти законы ничем не отличались от законов сегодняшней Америки. Однако последние никто не подвергает сомнению — и лишь потому, что они исходят из национального, а не религиозного разделения. Сегодня в США гражданство является необходимым условием для того, чтобы занять любой официальный пост. Точно так же в средние века религиозное государство выдвигало в качестве такого условия религиозную принадлежность. Молодая Америка защищала свою зарождающуюся промышленность от конкуренции европейцев посредством протекционистских таможенных барьеров. Точно так же ранняя церковь защищала себя от конкуренции со стороны восточных религий, воздвигая на их пути стену протекционистского законодательства. Даже в наше время ни один протестант не может занимать официальный пост в католической Испании, католик не может быть президентом протестантской Финляндии.

Хотя евреи добровольно отказались от прозелитской деятельности еще во втором столетии, иудаизм все еще привлекал к себе многих язычников и даже христиан. Чтобы приостановить обращение в иудаизм, церковь провозгласила, что всякий отступник подлежит смертной казни. Множество рабов перехо-

дили в иудаизм, соблазненные мягкосердечными правилами евреев, которые, следуя Моисееву закону, освобождали своих рабов каждый седьмой год. Поэтому церковь приняла закон, запрещающий евреям иметь рабов. Выйти замуж за еврея считалось среди христианок большой удачей, потому что еврейские мужья имели репутацию хороших добытчиков и стремились дать своим детям образование. Поэтому законы Констанция специально оговаривали недопустимость подобных браков. В то же время браки между еврейскими женщинами и христианскими мужчинами этими законами запрещены не были. Оно и понятно, ибо такие браки означали появление новых приверженцев в рядах христианства. Самих евреев эти дискриминационные меры, направленные против смешанных браков, не особенно беспокоили. В действительности они им были даже рады, поскольку сами давно выступали против подобных браков.

Новообращенные вандалы, визиготы, галлы, остроготы и гунны, недавние кочевники и неграмотные пастухи, конечно, не могли тягаться с образованными, просвещенными евреями, освоившими греческую науку, литературу и философию. По закону естественной конкуренции просвещенные евреи, разумеется, оказывались в конце концов на самых высоких постах, какие только были в данной стране. Императоры пытались остановить этот естественный процесс искусственными ограничительными мерами. На деле, однако, эти законы применялись скорее как исключение, чем как правило. Точно так же, как Дизраэли был английским премьер-министром в те времена, когда английский закон запрещал евреям быть членами Палаты общин, так евреи в средневековой христианской Европе продолжали сплошь и рядом занимать самые высокие посты в юстиции и магистратах, образовании и торговле, в ремесле и сельском хозяйстве.

Время от времени то тут, то там имели место отдельные преследования евреев. Время от времени пу-

бликовались эдикты, лишавшие евреев тех или иных прав. Время от времени евреев облагали несправедливыми налогами, в целом, однако, это были отдельные спорадические законы, лишь изредка проводившиеся в жизнь, но в общем игнорируемые. Не следует забывать, что то были три самых кровавых столетия, когда христиане и язычники вели борьбу не на жизнь, а на смерть. Удивляться приходится не тому, что евреев время от времени преследовали, а тому, что они вообще уцелели в то время, как визиготы и вандалы, гунны и галлы, христиане и язычники истребляли друг друга с беспечной непринужденностью. Если евреи надеялись, что новообращенный вандал станет разбираться в тонком богословском различии между необращенным евреем и необращенным галлом, то они ожидали от него слишком многого.

Тем не менее евреи выжили в этой кровавой бойне.

В Византийской империи их ожидала духовная смерть и физическое уничтожение. Мусульманство приготовило им блестящую интеллектуальную карьеру. Скорбь и величие были их уделом в феодальной Европе. И снова перед нами встает все тот же вопрос: как сумели евреи и на этот раз выжить?

IV

НЕЗРИМЫЙ МИР ТАЛМУДА

Невероятная повесть о том, как горстка евреев, рассеянная по трем континентам среди чужих культур, ухитрилась — благодаря незримому могуществу талмудической учености — превратиться во влиятельную «интеллектуальную элиту» и как эта ученость в конце концов захла в гетто средневековой Европы.

ВОТ КОГДА ЭТО ПРОИЗОШЛО

ТАЛМУДИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

500 г. до н.э. — 1700 г. н.э.

<i>Мировая история</i>		<i>Талмудическая история</i>
Персы побеждают вавилонян и возвращают евреям свободу. Греки разрушают Персидскую империю. Евреи подпадают под греческое влияние	500 до н.э. до 200 до н.э.	Первые ростки Талмуда пробиваются в мидрашах — проповеднических интерпретациях Торы
Евреи преодолевают греческое влияние, основывают Хасмонейскую династию. Римляне захватывают Иудею. Возникает христианство. Евреи восстают против римлян. Разрушение Иерусалима	200 до н.э. до 200 н.э.	Появляется Мишна — первое дополнение к Торе. Зарождение Устного закона
Христианство объявлено государственной религией Рима. Сасаниды основывают империю на территории бывшей Вавилонии и Парфии. Упадок Рима. Первые вторжения вандалов	200 до 400	Канонизация Мишны. Запрещение всяких новых дополнений к Закону. Появляются интерпретации, известные под названием Гемары. В Вавилонии основаны первые еврейские академии

<p>Короли варваров становятся властителями Европы. В восточной части бывшей Римской империи основана Византийская империя. Рождается ислам. Империя Сасанидов распадается</p>	<p>400 до 700</p>	<p>Завершение Палестинской Гемары. Вавилонская Гемара продолжает развиваться. Она завоёвывает авторитет</p>
<p>Магометане завоёвывают Ближний Восток, Палестину, Египет, Северную Африку, Испанию. Мрачные века христианской Европы. Золотой век еврейства. Рост могущества Карла Великого</p>	<p>700 до 1000</p>	<p>Запрещение дальнейшего развития Гемары. Савораи объединяют Мишну и Гемару в единое целое, ныне известное под названием Талмуд</p>
<p>Мусульманская империя распадается на султанаты и продолжает терять силы в результате новых вторжений и первой волны крестовых походов</p>	<p>1000 до 1200</p>	<p>Задача савораев выполнена. Эпоха Маймонида. Талмуд становится Законом для евреев диаспоры</p>
<p>Мусульманская империя рушится под ударами крестоносцев и монгольских завоевателей. Турки захватывают Египет. Христиане отвоевывают Испанию. Центр еврейской жизни перемещается с Востока на Запад. Конец мусульманской империи</p>	<p>1200 до 1500</p>	<p>Раши основывает иешиву во Франции. Алфаси кодифицирует Талмуд. Иешивы начинают возникать по всей Европе</p>

<p>Византийская империя становится добычей турок. Кончается Возрождение и начинается Реформация. Век религиозных войн. Конец западноевропейского феодализма</p>	<p>1500 до 1700</p>	<p>Создание «Шулхан Арух» — третьей кодификации Талмуда. Прекращение роста Талмуда как живого учения</p>
---	-----------------------------	--

ЭВОЛЮЦИЯ ТАЛМУДА

<i>Когда</i>	<i>Что</i>	<i>Комментарии</i>
445 до н. э.	Канонизация Пятикнижия	Написано на иврите. Канонизировано Эзрой и Нехемией в Иерусалиме
400 до 200	Мидраш	Зачатки талмудической учености. Неофициальные интерпретации Моисеева закона. Возникновение библейской экзегезы на иврите
200 до н. э. до 200 н. э.	Мишна	Написана на иврите Состоит из двух частей: Галаха (Закон) Аггада (Повествование)

Завершение Мишны и начало Гемары

200 до 400	Палестинская Гемара	Написана по-арамейски, частично на иврите. Содержит три основные части: Галаха (Закон) Аггада (Повествование) Мидраш (Гомилетика)
200 до 500	Вавилонская Гемара	Написана по-арамейски, частично на иврите. Состоит в основном из тех же частей, что и Палестинская Гемара, но превосходит ее в интеллектуальном отношении

Завершение Гемары; эпоха Талмуда

500 до 700	Савораи	Название, закрепившееся за учеными, которым было поручено редактирование и запись Мишны и Гемары в едином своде, известном ныне под названием Талмуд
700 до 1100	Гаоны	Почетное звание руководителей Вавилонских академий, распространявших талмудическую ученость
1100	Комментарии Раши и Тосафот	Раши, уроженец Франции. Писал на иврите. Комментарии его сыновей и внуков, известны под названием Тосафот

Кодификация Талмуда

1100	Алфаси	Рабби Ицхак Алфаси, житель г. Феса в Северной Африке; кодификация Талмуда. Написана на иврите
1200	Мишне Тора	Маймонид, уроженец Кордовы в Испании. Вторая главная кодификация Талмуда. Написана на иврите
1600	Шулхан Арух	Рабби Иосеф Каро, уроженец Толедо в Испании. Третья главная кодификация Талмуда. Написана на иврите в Палестине

С четвертого по двенадцатый век нашей эры в самом сердце империи Сасанидов — бывшей Парфии, еще раньше Селевкии, еще раньше Персии, а еще раньше Вавилонии — процветали три уникальных центра еврейского образования — в Суре, Пумбедите и Нехардее. Эти аристократические иешивы, или академии, сыграли в еврейской жизни ту же интеллектуальную роль, какую Оксфорд, Гарвард и Сорбонна играют сегодня в жизни Запада. Они послужили прототипом первых европейских университетов, возникших в 12 в. Здесь еврейское мышление выкристаллизовалось в свод знаний, известный ныне под названием Талмуд («Учение»).

Талмуд стал той силой, которая спасла еврейство. Он оказал решающее влияние на весь ход еврейской истории в ее запутанном блуждании в недрах сасанидской, мусульманской и феодальной цивилизаций. Он стал тем мостом, который соединил восточное еврейское прошлое с западным еврейским будущим. Один конец этого моста упирался в Письменный закон, другой уходил в Закон устный. Гонцы с респонсами* были соединяющим звеном, они несли Закон евреям Египта, Греции, Италии, Испании, Франции, Германии — всем евреям, где бы они ни жили. То была эра талмудического иудаизма.

* Респонсы (лат., букв. «вопросы и ответы») — законодательные толкования и судебные решения, посылавшиеся законоведами и раввинами, разъясняющими Закон отдельным лицам и общинам.

Талмудическое образование, или талмудизм, достигло трех результатов: оно изменило понимание Яхве; оно изменило природу еврейства; оно преобразовало характер еврейского самоуправления. Пророки трансформировали Яхве в Бога справедливости и нравственности, в Бога милосердия и праведности. Талмудисты же ввели Бога в повседневную жизнь, потребовав, чтобы все поступки евреев были согласованы с пророческим представлением о Нем. Тора породила религиозного еврея. Талмуд же обратил его мысли в сторону научных и теоретических рассуждений. Библия породила «национального» еврея. Талмуд же воспитал еврея универсального склада, способного приспособиться ко всему на свете.

Само название «Талмуд» возникло не сразу. Хотя зачатки такого рода ученого труда, которое подразумевается под этим, появились уже в пятом веке до нашей эры, этот постоянно растущий свод знаний оставался безымянным вплоть до шестого века нашей эры. Историческая задача вавилонских иешив состояла в том, чтобы пропитать еврейскую культуру будущего традициями прошлого, придать еврейскому закону ту гибкость, которая была необходима, чтобы защитить стремительно меняющиеся судьбы евреев в предстоящие столетия. Зародившись в Палестине, Талмуд продолжил свое становление в Вавилонии и затем развивался далее, пока не застыл окончательно в европейских гетто восемнадцатого века.

Семена талмудизма взошли незаметно. Его идея берет начало в пятом веке до нашей эры, когда два персидских еврея, Эзра и Нехемия, канонизировали Пятикнижие Моисеево. Тем самым они положили конец всем дальнейшим откровениям. В сущности, они предположили, что Бог и Моисей уже сказали все, что хотели, и поэтому никакие новые Божественные законы появиться не могут. Но жизнь, не заботящаяся о последствиях, пренебрегла всеми заклинаниями канонизаторов. Она не пожелала остановиться по

приказу Эзры и Нехемии, как это некогда сделало солнце по приказу Иехошуа бин-Нуна. Она преспокойно продолжала ставить все новые и новые проблемы перед растерянными потомками Авраама. И чем больше Моисеев закон выявлял свою неспособность решить эти проблемы, тем настойчивей вставал вопрос: должны ли евреи вообще отбросить явно устаревшую Тору или же им следует втиснуть свою жизнь в ее узкие и все более сужающиеся рамки?

Христиане после смерти их Иисуса оказались перед той же проблемой. Чтобы воспрепятствовать какому-нибудь будущему «Учителю праведности» провозгласить себя мессией в соответствии с предсказанием, они пошли по стопам евреев, канонизировали свой Новый завет и запретили всякое его расширение. В результате христианство превратилось в глыбу окаменевших догм. Всякое изменение было запрещено, ко всякому нововведению относились нетерпимо. Западная цивилизация стала «закрытым обществом» на добрую тысячу лет, пока ереси и революции не расшатали окончательно этот феодальный мир.

Евреи не попались в такую ловушку. Они ухитрились и не отбросить свою Тору, и не закрыть путь к обновлению жизни. Они принялись объяснять, или толковать, свое Пятикнижие. Евреи не стали загонять новое содержание в тесные рамки прежних представлений. Вместо этого они начали приспособливать свои прежние представления к новым обстоятельствам.

Толкование Торы возникло случайно и непреднамеренно. Эзра и Нехемия постановили, что во время чтения Торы в синагоге специальные толкователи должны объяснять слушателям трудные и непонятные места. Трудности, однако, возникли вовсе не там, где их предполагала эта пара еврейско-персидских реформаторов. Слушатели не стали докапываться, что означает то или иное слово или фраза. Они допытывались, как применить устаревшие ука-

зания Пятикнижия к текущим, изменившимся по-
ребностям жизни.

Кто может устоять перед искушением прослыть мудрецом? Польщенные похвалами уму, который им приписывали, толкователи Закона начали искать ответы на выдвигавшиеся перед ними вопросы. Самые искусные становились самыми популярными. Подобно своим современникам — греческим философам 4—5 вв. до н.э., — толкователи Торы стали состязаться друг с другом на рынке идей, стремясь завоевать внимание слушателей. Они не отговаривались тем, что Пятикнижие не рассчитано на запросы повседневной жизни. Напротив, они стали утверждать, что Тора не только содержит все ответы, но даже предвидит все возможные вопросы. Нужно только как следует порыться в заповедях, чтобы понять Божественную мудрость.

Первые интерпретации Моисеевых заповедей были, возможно, ничем иным, как хитроумными догадками. Но постепенно толкователей увлекла их собственная игра. Стремясь превзойти друг друга, они стали отыскивать глубокий смысл наставлений Торы, уделяя этому больше внимания, чем изобретательности ответов. Так родилась новая библейская наука, получившая название Мидраш, т.е. «толкование». Кто бы мог предположить, что то были первые ростки будущего Талмуда?!

Вторжение греков в 4 в. до н.э. положило конец беспечному существованию евреев под властью персов. Под влиянием эллинизма еврейская жизнь изменилась. Еврейская молодежь, отравленная греческим скептицизмом, отказалась принимать наивное толкование Библии в ранних мидрашах. Она спрашивала напрямик: может Тора помочь нам решить наши вопросы или нет?

Хотя на площадях евреи поносили греков, в тишине своих жилищ они тщательно штудировали греческие философию и науку. Они обогащались идеями Платона, логикой Аристотеля, теоремами Эвклида.

Пользуясь этими новыми орудиями анализа, еврейские ученые заново подступили к Торе. Они выработали весьма изощренные и утонченные методы, позволившие им приспособить Моисеево учение к жизни в условиях эллинистического мира. Они поставили себе целью сплавить греческое Рацио с еврейским Откровением. Выражением этого утонченного метода была Мишна. На иврите это означает «повторение».

Мишна возникла независимо в Вавилонии и Палестине. Она стала прорастать в еврейскую жизнь примерно в 200 г. до н.э. Далеко не все евреи отнеслись к ее появлению спокойно. Саддукеи яростно боролись против нее, фарисеи столь же яростно ее защищали. Обвинения саддукеев напоминали обвинения ранней христианской церкви в адрес еретических учений. Божественное Слово, утверждали саддукеи, запечатлено в Священном Писании. Никому не дозволено становиться выше Слова и пытаться по-своему интерпретировать прямой смысл текста.

Фарисеи утверждали противоположное. Тора, заявляли они, не дана в исключительное пользование одним лишь священникам. Она дана всем. Священники избраны людьми, чтобы совершать храмовый обряд. Они не назначены Богом в качестве единственных обладателей Его слова. Господь дал свою Тору всем людям. И, конечно, Он сделал так, чтобы в ней были все ответы. Если человек не сразу все постигает, это вовсе не значит, что Тора лишена глубины, это означает лишь, что человеку недостает проницательности. Мишна, утверждали фарисеи, — это человеческий способ постижения Божественных намерений. Доводы фарисеев восторжествовали над возражениями саддукеев. Иудаизм стал достоянием всех и каждого. Любой человек, изучавший Тору, получил право ее толковать. Среди новых знатоков Торы были люди самых разных общественных прослоек — богатые и бедные, простолюдины и знать. Важно было не происхождение, а ученость. На широ-

кие массы евреев этот интеллектуальный переворот произвел потрясающее впечатление. Он явился для них очередным свидетельством Божественного всемогущества. Ведь Мишна доказывала, что еще во времена Авраама и Моисея Бог предусмотрел все те проблемы, с которыми Его народ столкнулся сегодня.

Популярность Мишны встревожила раввинов. Они стали опасаться, как бы Мишна не бросила вызов авторитету Торы. Их тревожило, что верующие могут отойти от истоков Божественного ручья к его устью. Чтобы воспрепятствовать такому развитию событий, они запретили записывать Мишну. Ее разрешалось заучивать только на память. Вот почему она получила название Устного закона.

Около 35 года до н.э. уже выявились две школы в Мишне. Первой была школа Хиллела. Второй — школа Шаммая. Оба великих толкователя пользовались огромным влиянием, хотя их учения с гуманистической точки зрения разделяла подлинная пропасть. Шаммай придерживался узкого, чисто юридического толкования. Хиллел стоял за широкий, гибкий подход. Он уделял главное внимание проблеме человеческих прав. Толкования Шаммая были консервативными и сектантски узкими. Толкование Хиллела отличалось либерализмом и универсализмом.

Именно эту либеральную традицию Устного закона хотел сохранить рабби Иоханан бен Заккай, когда основывал свою академию в Явне. Здесь, в Явне, и позднее в Вавилонии поколения законодателей Талмуда, ученые раввины и главы иешив сформулировали законы, позволившие евреям выжить в чужих странах. Об этих законах мы уже говорили выше (см. гл. «Новый курс для диаспоры»).

Евреи довольно быстро оправались после неудачного третьего восстания, подавленного императором Адрианом в 135 г. н.э. Однако духовная жизнь Палестины получила смертельный удар. В наше время, во

времена Гитлера, нобелевские лауреаты бежали из Европы в Америку и тем самым обогатили американскую культуру. Во 2 в. н.э. еврейские интеллектуалы, спасаясь от римского возмездия, бежали в Вавилон и тем самым обогатили научную жизнь этой страны.

Однако Палестина, прежде чем погрузиться в двухтысячелетнюю спячку, из которой ее вызволил только в 19 веке сионизм, успела породить еще одного великого человека. Им был Иехуда ха-Наси, ученый, друг римского императора (по-видимому, Марка Аврелия). Иехуда ха-Наси с большой тревогой наблюдал за растущей популярностью Мишны. Он был ее Сереном Кьеркегором* своего времени. Он интуитивно предугадывал все те проблемы, которые волнуют современных мыслителей. Он опасался, что поклонники Мишны создадут этическую философию, построенную на логике вместо Торы, и предпишут мораль, основанную на науке вместо Божественного откровения. Это привело бы к краху и этики и морали, ибо и то и другое оказалось бы творением рук человеческих, лишенным Божественного вдохновения. Логика не может служить основой моральных оценок. Стремясь предотвратить эту угрозу, Иехуда ха-Наси запретил дальнейшее расширение Мишны. Тем самым он, в сущности, канонизировал ее. Он надеялся, что это положит конец дальнейшему росту Устного закона. Иехуда умер, веря, что добился своего. Он действительно заколотил парадную дверь, но позабыл закрыть черный ход.

Именно в это время возникли первые иешивы в Вавилонии. Два самых блестящих ученика Иехуды ха-Наси и один его приверженец ушли в Вавилонию, увлеченные общим потоком палестинских беженцев, спасавшихся от мести римлян. Здесь каждый из них основал свою собственную иешиву.

* Датский философ первой половины 19 в., основоположник экзистенциализма.

Так появились те три еврейские академии, которым суждено было приобрести столь громкую славу в последующие века. Дипломы этих академий открывали двери в самые аристократические дома и прокладывали дорогу к самым выгодным бракам. Их выпускники составляли основную часть тех, кто перечислялся в еврейских «who is who»* с пятого по двенадцатый века.

Развивать Мишну было запрещено. Но миллионы евреев диаспоры требовали ответа на вопросы насущной жизни. Оказавшись перед такой дилеммой, рабби Абба Ариха и рабби Шмуэль, ученики Иехуды ха-Наси, а также рабби Иехезкель, его приверженец, вынуждены были вернуться в дом Мишны через «черный ход». Они стали развивать новый вид толкования Торы. Он получил название Гемары («завершение»). В действительности Гемара была все той же Мишной, только подновленной и преподнесенной устно, но не на иврите, а на арамейском языке и замаскированной под толкование Мишны. Вскоре несколько поколений блестящих толкователей Гемары возвысили ее до такого уровня, что она стала почитаться наравне с самой Торой.

Во втором веке до н.э. консервативные евреи выступили против Мишны, утверждая, что она является кощунством над Торой. Теперь либералы, которые в свое время боролись за признание Мишны, стали утверждать, что Гемара является кощунством над Мишной. Тщетны были их старания. Гонимые с респонсами понесли новую Гемару во все страны еврейского рассеяния. И на этот раз все передавалось изустно. Гемара росла и росла, но всю ее вместе с мидрашами и Мишной приходилось заучивать наизусть.

Люди, одолев эту науку, приобретали значительный престиж в обществе.

* «Who is who?» (Кто есть кто) — распространенные на Западе именны́е справочники, содержащие сведения об известных деятелях той или иной сферы общественной жизни.

Ученые пользовались бóльшим уважением, чем в наше время магнаты промышленности или звезды сцены и экрана. Языческим героем был воин, который копьем поражает чудище зла. Героем еврейских легенд стал человек, который побеждает драконов невежества шпагой своего интеллекта. Безграмотность стала считаться чем-то постыдным. К людям необразованным стали относиться с презрением, независимо от того, были ли это богачи или бедняки. Незаконнорожденный, но ученый, говорили раввины, лучше, чем невежественный, хотя и законный отпрыск знатной семьи. Беременные женщины толпились у стен иешив, надеясь, что их еще нерожденные дети пропитаются духом учености. Снадобья, обладавшие, по поверьям, магической силой, тайком подсовывали не упрямым девицам в надежде их соблазнить, а упрямым юнцам — с целью увлечь их изучением Торы. Таким образом, даже суеверие было поставлено на службу просвещению. В течение трех столетий, от 300 до 600 гг. н.э., вавилонские академии доминировали в еврейской жизни. Затем неожиданный поворот событий резко изменил положение евреев. Раввинам пришлось отменить запрет записывать Устный закон. Иудаизму угрожала волна новой религиозной нетерпимости.

Зороастризм, возникший в 8 в. до н.э., издавна подвергался сильному воздействию пророческого иудаизма, а затем христианства. В шестом в. н.э. крайняя зороастрийская религиозная секта, известная под именем магов, захватила политическую власть в Сасанидской империи. Маги положили конец эпохе религиозной терпимости, объявив священную войну и христианам, и евреям. Новая власть уничтожила все прежние свободы.

Это было тяжелое время, век разрушительных вторжений варваров и великого переселения народов. Все старые формы жизни рушились. Новые силы поднимались к власти, империи разваливались, насилие стало разменной монетой повседневной жизни.

Раввины опасались, что в этом хаосе еврейской мудрости угрожает полное уничтожение. Всякий раз, когда меч какого-нибудь сарацина или вандала рубал череп очередного раввина, вместе с его душой отлетали прочь два с половиной миллиона выученных на память слов Мишны и Гемары. Вопреки собственным убеждениям раввины вынуждены были разрешить записывать эти драгоценные слова. Эта задача была поручена ученым, известным под именем савораев, знатокам иврита и арамейского. Сведенные ими воедино Мишна и Гемара получили название Талмуд.

Выполнение этой задачи потребовало двух столетий. На эту работу ушло бы еще больше времени, если бы не стечение обстоятельств: некоторые ученики иешив тайком составляли шпаргалки, не надеясь на свою память, они записывали отдельные толкования Устного закона. Но таковы уж пути Господни, что даже прегрешения могут, как видим, служить благой цели. Савораи, как и их предшественники, тоже не удержались от соблазна прослыть законоучителями. Там, где им попадались неразрешенные вопросы, они пускали в ход всю свою эрудицию, чтобы их разрешить. Таким образом они протаскивали в текст официальной Гемары парочку-другую неофициальных толкований. Эти вставки и поныне являют собой пример поразительной изобретательности.

Три главных потока еврейской мысли проходят сквозь Талмуд. Два из них обращены к разуму, третий — к сердцу человека. Через все 35 томов* и 15 тысяч страниц этого свода идет поток головоломной юридической казуистики, известной под названием Галаха («Закон»). То переплетается с ним, то разбегается ручейками, то сливается в реку поток

* Это приблизительная оценка, так как 63 трактата Вавилонского Талмуда обычно печатаются в виде больших фолиантов, включающих по несколько трактатов.

философско-этических рассуждений, моральных оценок, правил поведения и благочестия, называемый Аггада («Повествование»). И тихонько звенит ручеек прелестных библейских сказаний, мудрых изречений и забавных сказок, известных как Мидраш («Проповеди», или «Гомилетика»).

Закон и юриспруденция, мораль и этика объемлют практически все важнейшие стороны человеческой жизни. Не удивительно, что Талмуд касается и чисто научных вопросов — медицины, гигиены, астрономии, экономики, государственного правления. Разнообразие содержания Талмуда открыло перед евреями новые перспективы мышления, расширило их интеллектуальный горизонт, позволило им отбросить устаревшие взгляды и выработать новые. Изучение Талмуда делало еврея не только законником, но и врачом, математиком, астрономом, грамматиком, философом, поэтом и бизнесменом. В результате десяти—пятнадцати лет изучения Талмуда евреи получали поистине универсальное образование. Могли ли они не проявить способностей в научных, интеллектуальных, теоретических областях?

Талмудисты расширяли Моисеевы заповеди, превращая их в целостную этическую систему. Для неевреев самыми запутанными из всех еврейских законов представляются законы кашрута, или ритуальных запретов в области пищи. Но рядовой христианин часто сводит все тонкости этой науки к одной незначительной детали: евреи не едят свинину. В действительности же кашрут покоится на трех запретах, сформулированных в Пятикнижии: не варить козленка в молоке его матери, не есть мертвечины, не есть а) животных, которые не жуют жвачку или не имеют раздвоенных копыт, б) птиц, которые не летают или не имеют перьев, и в) рыб, не имеющих плавников или чешуи. Так что дело вовсе не в том, что евреи устроили заговор против свиней. А все сводится к тому, что свинья не соответствует принципам, заложенным Торой. Если она подходит по од-

ному пункту, поскольку имеет раздвоенные копыта, то не подходит по второму, так как не жует жвачку. Впрочем, многие евреи давно уже простили свиньям это небольшое прегрешение: они с удовольствием съедают сэндвич со свиной, запивая содовой водой.

Запрет варить козленка в молоке его матери восходит к доисторическим обычаям. Он известен в практике многих первобытных племен. Но только евреи возвели этот племенной обычай до уровня закона, абсолютного запрета, покоящегося на предписании не обращаться жестоко с животными. Талмуд, например, запрещает обычай искусственно вызывать преждевременные роды у животных с целью заполучить тончайшую кожу и нежное мясо преждевременно рожденных детенышей. В Соединенных Штатах, между прочим, подобная практика до сих пор не запрещена. Талмуд запрещает также использовать животное или его детеныша в качестве тяглого скота до окончания кормления. Чтобы не позволить евреям забыть эти правила, Талмуд запрещает варить забитое животное в масле или молоке или подавать их вместе в одной трапезе. Сегодня многие евреи полагают, что за три тысячи лет они в достаточной степени выучили это правило. Видимо, поэтому многие из них позволяют себе запить мясной сэндвич стаканом молока!

Тора запрещает есть мертвечину. Но что такое мертвечина, спрашивают Мишна и Гемара. Их ответ содержит указания на то, как правильно забивать животных. Эти указания основаны не на соображениях удобства или практической пользе, а на этическом принципе непричинения излишней боли. Талмуд утверждает, что любое животное, умершее в страданиях, становится мертвечиной. Что же тогда означает «безболезненная смерть»? Раввины, изучавшие медицину, заключили, что смерть безболезненна, если она мгновенна и вызвана перерезанием сонной артерии и яремной вены одним чистым ударом

острого ножа, не имеющего ни мельчайшей зазубрины. Такой способ забоя животных облегчает также отцеживание крови. Это позволяет выполнить библейскую заповедь о неупотреблении крови в пищу или питье. В течение столетий евреи приходили в ужас от жестоких обычаев своих нееврейских соседей. Язычники и христиане убивали животных любыми удобными для себя способами — палкой, пулей, ломом, ударами топора или ножа. а то и просто руками. В Соединенных Штатах подобные методы забоя сохранялись вплоть до 1920 г. Лишь потом, когда роман Эптона Синклера «Джунгли» вызвал возмущение общественности, законодателям пришлось принять законы, обязывавшие к более милосердному забою животных.

Рассмотрим теперь, как респонсы позволяли решать возникавшие проблемы. Обратимся за примером к нашему времени. Представим себе, что вавилонские иешивы все еще существуют и что какая-нибудь еврейская община, скажем, из пригорода Сент-Луиса обращается к одной из них за разрешением досадного вопроса: как поступать жителям пригорода в отношении поездки в синагогу в субботу? Проблема действительно сложная. Тора запрещает работать в субботу. В году, скажем, 1900 иешива скорее всего пришла бы к выводу, что вождение автомобиля является работой, и притом тяжелой. Но сейчас, много десятилетий спустя, появились пригороды и города-спутники. Синагога уже не находится в нескольких кварталах, она в нескольких милях, а такое расстояние не пройдешь пешком. Община оказалась перед выбором: то ли закрыть пустующую синагогу, то ли разрешить верующим согрешить, приезжая к месту молитвы на автомашине. Что делать, как поступить?

Вопрос поступает в иешиву и передается на обсуждение. Обсуждение это напоминает слушание дела в Верховном суде. Речь адвоката звучит примерно так: «Разумеется, Господь не хотел, чтобы Его сина-

гоги стояли пустыми, как не хотел, чтобы Его заповеди нарушались. Но кто сказал, что вождение автомобиля — это работа? Уж наверняка не Бог и не Моисей! Заставлять старика идти под солнцем или в стужу несколько миль — вот где истинный вред его здоровью и угроза его жизни. На богослужение нужно являться с радостью, а не в страхе и с мукой. Разве не сказал мудрец, что «тот, кто берет на себя долг, которого от него не требуют, — невежественный глупец»? И далее, разве не сказал рабби Йехуда бен Йехезкель еще в 3 веке, что «тот, кто подчиняет всю свою жизнь строжайшему и буквальному исполнению заповедей, — дурак»?

Затем коллегия иешивы начинает искать прецеденты и обнаруживает решение 1900 года. После тщательного рассмотрения она приходит к выводу, что это решение было ошибочным и что приезд в синагогу на машине — это не работа, а удовольствие. Наконец, иешива принимает решение и посылает его в другие иешивы, где дело заслушивается в их коллегиях. После этого общее решение всех иешив рассылается в виде респонса во все еврейские общины.

Поскольку в настоящее время нет централизованного «пульта управления», то каждый раввин или конгрегация раввинов являются самостоятельными авторитетами. Поэтому сегодня ортодоксальный еврей старается не поселяться в пригороде, чтобы иметь возможность идти в синагогу пешком. (Недавно группа ортодоксальных раввинов постановила, что лучше совсем не посещать службу, чем ездить в синагогу в субботу на автомобиле). Консервативный еврей едет в синагогу в машине, но не уверен в своей правоте. А еврей-реформист абсолютно убежден, что приезд на машине в синагогу в субботу — не только удовольствие, но даже *мицва*, т.е. его религиозный долг.

А теперь вернемся к савораям, которых мы оставили за их работой по объединению Мишны и Гемары в Талмуд.

Талмудизм зародился в Персии в 5 веке до н.э. Он просуществовал в греческом, римском, мусульманском и феодальном мирах вплоть до 1800 г. н.э. Задачей его было сплотить евреев в единую религиозную общину и сохранить основу социальной общности. Так как эти требования стали основополагающими, то Талмуд призван был поставлять все новые и новые толкования религиозных принципов, которые отвечали бы изменяющимся условиям жизни, а также создавать новые, дотоле неизвестные формы управления, необходимые евреям для самосохранения, когда рушились старые империи и возникали молодые государства. Рамки талмудического мышления и деятельности вынуждены были расширяться вместе с расширением еврейского мира, чтобы в соответствующее время приходиться к соответствующим выводам, гарантирующим сохранение еврейских идеалов.

С изменением повседневной жизни изменялась ориентация еврейской религии. Одновременно менялась еврейская концепция управления и власти, превращаясь из провинциальной в универсальную. Это талмудическое расширение концепции государства стало возможным лишь благодаря определенным историческим условиям. Оно впервые сложилось при персидском владычестве и сохранялось в последующие века.

Следует признать, что римляне относились к евреям весьма терпимо, особенно если учесть, что евреи трижды восставали против них. Свирепость римских репрессий диктовалась не какой-либо специ-

фической ненавистью к евреям, а чисто государственными, политическими соображениями. Не успел император Адриан ввести свои суровые антиеврейские законы, имевшие целью предотвратить очередное, четвертое по счету восстание, как его преемник Антонин Пий (138—161 н.э.) отменил их. Он чтит евреев, и при нем они восседали в высших правительственных учреждениях.

На благодатной почве различных цивилизаций, между 500 г. до н.э. и 500 г. н.э., выросло древо талмудизма. Не будь этой почвы, еврейская идея универсального государства не смогла бы прорасти. Да и появление самого Талмуда было бы невозможно.

В третьем веке н.э. Сасаниды унаследовали бывшую персидскую империю. Они даровали евреям еще большие политические свободы, чем греки и римляне. На протяжении четырех столетий их мягкой и терпимой власти евреи обзавелись собственным «папой» и собственным «императором» — светским и духовным вождями. Политический глава еврейской общины именовался эксилархом, т.е. «главой, князем диаспоры». По своему рангу он был равен главам государств. Его титул был наследственным. Эксилархи жили в большой роскоши, имели собственный двор и пользовались правом свободного доступа к сасанидским владыкам. Они имели также право собирать налоги и назначать судей. Духовными вождями еврейства были руководители вавилонских академий. Их называли гаонами.

Как евреи, так и Сасаниды относились к ним с величайшим почтением. Эксилархи вели административные и судебные дела. Гаоны выполняли роль законодателей.

В седьмом веке н.э. мусульмане создали на обломках Сасанидской, Византийской и Римской империй свою державу. Они унаследовали от своих предшественников трудно разрешимую проблему: неподатли-

вость евреев и христиан. В Европе христиане никак не могли понять, почему евреи упорно отказываются креститься. На Востоке те же христиане с чисто еврейским упорством отказывались переходить в мусульманство. То, что они вменяли евреям в вину, себе они засчитывали за добродетель. Как бы то ни было, после первоначального периода жестоких преследований мусульмане даровали христианам статус граждан второго сорта, а евреев признали политической общностью. При мусульманах гаон назначался главой государства. Руководители вавилонских академий превратились в «кардиналов» иудейских. Только история способна на такие невероятные выдумки!

Еврейский путешественник Биньямин из Туделы, посетивший Багдад в 12 в., оставил нам живое описание того, каким почетом пользовались гаоны у евреев и мусульман:

«Каждый четверг, когда гаон отправляется на прием к халифу, всадники — евреи и неевреи — сопровождают его и герольды идут впереди, провозглашая: «Дорогу господину нашему, сыну Давида!» Он восседает на лошади. На нем расшитые шелковые одеяния и огромный тюрбан, с которого свисает длинная белая лента и цепь с гербом Мухаммеда. Когда он предстает перед халифом, он целует ему руку, а халиф встает и сажает его рядом с собой на трон, который Мухаммед приказал сделать специально для него, и все мусульманские высокопоставленные лица, находящиеся при дворе халифа, кланяются ему»*.

В течение этих столетий талмудическая концепция власти претерпела такие же изменения, как некогда концепция Божества. Пророки преобразовали еврейского Бога в Бога универсального. Талмудисты преобразовали понятие власти исключительно над евре-

* Дж. Р. Маркус. «Евреи в средневековом мире».

ями в идеи, приложимые ко всем людям. Пророки трактовали иудаизм как религию, содержащую специфические требования к евреям и общие принципы для всего человечества. Талмудисты выработали законы, которые позволяли еврею жить не только по еврейским законам, но и по законам универсального человечества. Для талмудистов еврей, рассеянные по странам, были символом единства человеческого общества, расщепленного на отдельные нации. Законы должны учитывать специфические нужды каждой отдельной нации, в то же время они должны позволять всем нациям сосуществовать в единой человеческой семье. Эта талмудическая универсальная концепция власти облекла в плоть мечты Исаяи о всеобщем братстве людей.

Пока существовали сильные, объединенные империи, эта концепция имела широкую базу. С исчезновением таких империй исчезло и повсеместное влияние талмудических идей. В 12 веке н.э. гигантская мусульманская империя начала распадаться. Величие гаонов стало таять и исчезать, как тают и исчезают зачарованные дворцы в сказках «Тысяча и одной ночи». Там, где некогда торжествовали принципы просвещения и гуманизма, теперь воцарилась нетерпимость, быстро распространившаяся от Багдада до Кордовы. Евреи стали перемещаться на Запад, уходя от нее. К пятнадцатому веку это переселение евреев с Востока на Запад завершилось.

Западная Европа была знакома евреям еще с римских времен. На протяжении первых веков нашей эры количество европейских евреев непрерывно увеличивалось. В 9—10 веках они уже воздали первые иешивы в Италии, Германии и Испании. По мере того, как эти иешивы расширялись благодаря притоку ученых с Востока, они приобретали все более высокую репутацию. Постепенно они затмевали приходившие в упадок вавилонские академии. Итальянские и германские иешивы получили широчайшую известность, однако их влияние было весьма кратковремен-

ным. Иешивы испанские были гораздо менее известны, но оказали намного большее влияние на будущее. В пятнадцатом веке классический талмудизм распался на два направления. Итальянские и немецкие школы, продолжая прежнюю вавилонскую традицию, настаивали на сохранении прошлого. Испанские школы, возродившие в своих стенах греческие традиции, устремились в будущее. Первое направление дало блестящих ученых, слава которых, однако, умерла вместе с ними. Второе породила таких гениев, как Маймонид и Спиноза, значение которых перешагнуло рамки их жизни. Нам предстоит познакомиться с этой новой, рационалистической школой талмудизма. Но сначала следует проследить за судьбой талмудизма классического — вплоть до его заката.

На общем фоне консервативности классического талмудизма единственным исключением была Франция. В 11 в. мантия гаона перешла к французскому еврею, которого и поныне с уважением называют Раши (аббревиатура его имени — рабби Шломо Ицхаки). Он является если и не самым великим, то уж наверняка самым любимым из талмудистов. Поговорка гласит: «Если бы не Раши, не помнили бы евреи о Талмуде». Как сказал один из его биографов: «Раши приобрел при жизни такую славу, которая обычно выпадает только на долю покойника».

Раши родился в Труа, в северной Франции, в 1040 году. Странствующим студентом он посетил иешивы в Германии. Закончив образование, он поселился в своем родном городе, где основал собственную иешиву. Стоит создать иешиву получше, и евреи тотчас протопчут к ней дорожку. В маленьком Труа, где жили 10 тысяч французов и не более ста еврейских семей, собирались еврейские ученые со всего света. Они жили в христианских домах. Есть ходячее мнение, будто в средние века христиан и евреев разделяла непроходимая пропасть. Но вот Раши и евреи Труа установили активные социальные контакты со

своими христианскими соседями. Еще со школьных дней Раши сохранил большую любовь к христианским песнопениям. Он живо интересовался церковными гимнами, обучал местных священников еврейским мелодиям и даже переводил французские колыбельные напевы на иврит.

На протяжении всей своей истории евреи неизменно верили, что в нужный момент всегда появится нужный человек. Раши был как раз таким человеком. Жизнь Европы 11 века уже не укладывалась в талмудические предписания. Люди не понимали арамейского языка, не понимали талмудической фразеологии и, что важнее всего, не знали, как применить ее к современной жизни. Респонсы отмирали. Время требовало общедоступного Талмуда, который был бы понятен без толкователей. Раши удовлетворил эту потребность. Величайшим вкладом в историю еврейства стали его толкования трудных мест Талмуда. Это было сделано таким ясным и чистым языком, с такой любовью и человечностью, с таким редчайшим тактом и умом, что его толкования стали почитать как Библию и читать как увлекательную книгу. Раши писал и на иврите, и на французском — с изяществом и остроумием. Там, где ему не хватало ивритских слов, он употреблял французские, записывая их с помощью ивритского алфавита. Таким образом более трех тысяч французских слов, исчезнувших из современного французского языка, сохранились в трудах Раши и стали важным источником для исследователей, изучающих средневековую французскую лексику.

Комментарии Раши оказали сильное влияние на многих христианских теологов. Особенно много почерпнул из трудов Раши Николас де Лира. Теология Лиря, в свою очередь, оказала глубокое влияние на религиозное мышление молодого Мартина Лютера.

Сыновья редко наследуют талант отцов. Но Раши повезло: не только его сыновья, но и внуки продолжили дело его жизни, оборвавшейся в 1105 году. Бла-

годаря Раши интерес к Талмуду пробудился заново, и потребность в новых респонсах стала так велика, что его наследники создали новую школу талмудического комментария, принявшего форму примечаний к Гемаре. Эти примечания известны под названием *Тосафот* («Добавления»). Тосафот были действительно последними добавлениями к Талмуду. То, чего опасались раввины еще во 2 веке до н.э., совершилось в 12 веке н.э. К Талмуду как источнику мудрости люди стали обращаться чаще, чем к Библии. Комментарии стали пользоваться большим почетом, чем первоисточник. На этот раз раввины заколотили не только все двери — и парадные, и черные, — но даже окна. Впредь никаких дополнений, никаких примечаний, никаких «последних редакций»! Наступила эпоха кодификаторов постановлений Талмуда.

12—15 века были зловещими для евреев. В этот период распалась и погибла мусульманская империя, совершились восемь крестовых походов, расцвело и стало клониться к закату Возрождение, в христианстве стали набирать силу реформистские движения. Европейский феодализм стал распадаться, и зародились первые европейские национальные государства. Одно за другим они изгоняли из своих пределов евреев, которые сгущивались в перенаселенных еврейских кварталах восточноевропейских городков. Менялись времена, менялись и функции Талмуда. Прежние века были веками расширения границ еврейского мира. Новое время было эпохой их сужения. В эти грозные времена, когда все прежние связи обрывались, когда иешивы одна за другой закрывались, евреи более чем когда-либо нуждались в подручном руководстве по еврейскому праву и религиозному закону, из которого они могли бы сами черпать мудрость — ответы на встававшие перед ними житейские вопросы.

Эта потребность была предугадана уже в конце 12 века. Она была удовлетворена тремя последовательными кодификациями Талмуда. Первой была коди-

фикация, завершенная в 11 веке марокканским раввином по имени Алфаси. Алфаси обошелся с Талмудом, как расточительный наследник со своим наследством. Он выбросил из него все, кроме самых конкретных указаний, сохраняя лишь важнейшие постановления Гемары. Эта работа напоминала, однако, пальбу наугад: из Талмуда выхватывался один закон там, другой тут, третий еще где-нибудь. Она не удовлетворяла потребности в более полном и в то же время более простом, современном, сокращенном и снабженном указателем Талмуде, который мог бы служить справочной книгой любому грамотному человеку. И снова еврейская история обеспечила в нужное время нужного человека. Им был рабби Моше бен Маймон (1135—1204). Евреи называют его Рамбам, а христиане — Маймонид. Он был первым из плеяды великих еврейских философов-рационалистов, озаривших горизонты европейской мысли.

Маймонид возвышается на скрещении двух цивилизаций, двух миров — мусульманского и христианского. Он родился в Кордове, в Испании, в знатной семье, которая славилась поколениями судей, ученых и финансистов. Его рождение пришлось на время, когда мавританская империя в Испании уже клонилась к упадку. Либерально мыслящие мавры, христиане и евреи были зажаты в тиски: с севера наступали ревностные католики — испанцы, с юга — свирепые альмохады. Евреи массами покидали Испанию. Их пугали не столько надвигающиеся преследования, сколько владычество невежественных варваров, какими они считали вторгшихся захватчиков. Семья Маймонида переселилась в Фес в Северной Африке. Это был тогда крупный центр еврейской учености. Здесь Маймонид посвятил себя изучению Талмуда и медицины. Когда альмохады захватили власть в Северной Африке, семья бежала дальше на восток. В конце концов она обосновалась в Каире, где тогда все еще правила династия просвещенных

фатимидов. Маймонид стал придворным врачом египетского халифа Саладина. Слава Маймонида как врача была огромна. Английский король Ричард Львиное Сердце предложил ему должность врача при дворе. Маймонид, однако, отказался от этого предложения. Арабская цивилизация была ему намного ближе, чем варварская атмосфера феодальной Европы.

Маймониду выпала на долю историческая миссия восстановления пророческого иудаизма как духовной составляющей еврейской жизни. Своей кодификации Талмуда он дал знаменательное название «Мишне Тора», т.е. «Вторая Тора». Он как бы желал напомнить евреям, что авторитет Талмуда по-прежнему покоится на Пятикнижии. Он настолько тщательно проработал Талмуд, что сумел вместить в четырнадцать томов все важнейшие предписания и законы Гемары. Он яростно боролся с суевериями и предрассудками и старался рационально объяснить все чудеса. Слово Рамбам (аббревиатура от Раббену Моше бен Маймон) стало синонимом Талмуда.

Среди евреев Маймонид знаменит своей «Мишне Тора». Его слава в нееврейском мире покоится на его философских трудах. Самым известным из них является «Наставник колеблющихся». В этом труде он утверждает, что обе системы мышления — иудейская и греческая — одинаково истинны. Маймонид был так сильно подвержен влиянию греческой философии, что следы аристотельского мировоззрения можно обнаружить даже в его религиозных трудах. Невозможно не восхищаться просвещенностью, терпимостью, широтой взглядов, рационализмом мысли этого гения двенадцатого века, предтечи гуманистов Ренессанса, философские работы которого более пристально изучались мусульманами и христианами, чем самими евреями. Он опередил свое время, и в духе этого времени еврейская община в 1232 г. предала его философские труды сожжению.

Этим они предвосхитили первое сожжение Талмуда христианами, происшедшее 12 лет спустя.

В течение 15 и 16 веков границы христианства неуклонно расширялись: сначала до размеров страны, потом до континента, а потом и всего мира. Границы еврейского мира, напротив, съеживались до масштабов континента, потом отдельной страны, а там и провинции, города, тесного гетто. Талмуд, раньше проникавший во все области человеческого знания, теперь стал сужаться до рамок руководства для повседневного существования. Почва еврейской учености больше не питала корни талмудического дерева. Его крона стала обнаруживать первые следы увядания. Новым идеям становилось все труднее циркулировать по его склеротическим артериям. Эпоха великих иешив пришла к концу. Только местные школы еще защищали евреев от безграмотности, а для них требовалось новое переложение Талмуда, рассчитанное на всех и каждого. Школярам нужен был «карманный» Талмуд, в котором можно быстро и легко найти ответы на все вопросы.

Человек, который с радостью взял на себя эту задачу, был один из благороднейших еврейских ученых. Это был еврей-космополит, которого сделала таковым не любовь к приключениям, а прихоть судьбы. Третья великая кодификация Талмуда оказалась, однако, столько же благословением для еврейского народа, сколько и проклятием. Иосеф Каро (1488—1575), родившийся в Толедо, принадлежал к одной из тех еврейских семей, которые были изгнаны из Испании в 1492 году. Его родители переселились в Константинополь, находившийся тогда под властью турок. Поскольку турки в те времена относились одобрительно к переселению евреев в Палестину, Каро переехал в Цфат. В 1525 г. он основал там свою иешиву.

«Талмуд для всех», опубликованный Каро в 1565 г., назывался вполне соответствующе: «Шулхан Арух», то есть «Накрытый стол». Это был своего

рода справочник делового человека. Шулхан Арух представлял собой свод законов, из которого любой еврей мог в любой момент получить необходимую справку. Все премудрости Талмуда были собраны, разъяснены, классифицированы и перенумерованы для простоты употребления. Заучив несложные формулы, любой еврей мог считать себя равным великим ученым. С помощью кодекса Шулхан Арух любое еврейское гетто могло организовать свое собственное самоуправление, любая еврейская община могла стать автономной.

В философском же плане Шулхан Арух содержал в себе опасность собственной гибели. Отныне евреи стали втискивать свое поведение в его жесткие рамки. Их иудаизм стал все более приобретать черты их замкнутой жизни в гетто. Под иудаизмом стало пониматься только то, что содержалось в кодексе Шулхан Арух. Любое отступление рассматривалось как чудовищное преступление, граничащее с ересью. «Талмуд для всех» превратился в прокрустово ложе, куда пытались втиснуть универсальные идеи еврейской религии. Но как ни парадоксально, именно это позволило евреям сохранить свое место под солнцем. Так продолжалось до тех пор, пока наполеоновская армия не поколебала стены гетто. В безрадостных, мрачных классных комнатах бледные еврейские юноши штудировали казуистические тонкости логики и юриспруденции. Уже в раннем возрасте они соприкасались с гуманизмом Раши и рационализмом Маймонида. Они учились мыслить в абстрактных терминах, изошрялись в применении устарелых законов к несуществующим казусам, упражняли свое воображение на сухом материале фактов.

Когда стены гетто рухнули, эти юноши были поначалу ослеплены ярким солнцем открывшегося им мира. Вскоре они поняли, что многие дороги этого мира вымощены, в сущности, теми же идеями, которые они усвоили из Талмуда. Одни вынесли из его изучения страстную любовь к справедливости, свободе,

равенству. Эти юноши стали идеалистами и поднялись на борьбу за лучший мир. Другие извлекли из него сострадание к человеку, преклонение перед жизнью и ее красотой. Они стали философами-гуманистами и писателями. Третьим больше всего пришлись по вкусу абстрактные идеи греческих философов. Такие стали математиками и теоретиками. А те, кто видел в Талмуде лишь пыль прошедших веков, восстали против иудаизма и нашли в крещении свой «пропуск в европейскую цивилизацию».

V

МУХАММЕД, АЛЛАХ И ЯХВЕ

Невероятный, но правдивый рассказ о том, как погонщик верблюдов основал во имя Аллаха грандиозную империю, в которой евреи пережили «золотой век» своей культуры, чтобы затем — с падением полумесяца и торжеством креста — быть ввергнутыми в мрак средневековья.

ВОТ КОГДА ЭТО ПРОИЗОШЛО

МУСУЛЬМАНСКИЙ ПЕРИОД

600 г. н.э. — 1500 г. н.э.

*Мусульманская исто-
рия*

Еврейская история

Доисторический период. Кочевые племена странствуют по Аравийскому полуострову, поклоняясь луне, звездам и камню Кааба	5000 до н.э. до 1 н.э.	От 5000 г. до н.э. до 2000 г. до н.э. — ничего. С 2000 г. до н. э. до 1 г. н. э. — от Авраама до Иисуса
Начало арабской цивилизации. Зачатки организованной торговли. Рост городов	1 н.э. до 500	Евреи проникают на Аравийский полуостров. Они расширяют торговлю, насаждают ремесла. Арабы в торговле от еврейского монотеизма; они называют евреев «народом Книги»
Рост больших городов. Дальнейшее развитие торговли и ремесла. Магомет создает новую религию — Ислам. Абу Бекр насаждает Ислам мечом	500 до 700	Борьба Сасанидской империи с Византийской. Евреи массами эмигрируют в Аравию, помогают основывать новые города, но отказываются признать мусульманство. Короткий период религиозных преследований

<p>Мусульманство распространяется от Каспийского моря через Северную Африку до Испании: его проникновение во Францию остановлено Карлом Мартеллом. Золотой век мусульманства. Империя распадается на султанаты и халифаты</p>	<p>700 до 1000</p>	<p>Золотой век иудаизма. Эпоха значительной религиозной терпимости; евреи занимают важнейшие должности. Начало караимского брожения. Евреи становятся космополитами; начинается перевод греческих сочинений</p>
<p>Вторжение крестоносцев из Европы и монголов из Азии. Захват турками Египта; захват альмохадами Северной Африки; отвоевание христианами Испании. Конец мусульманской империи</p>	<p>1000 до 1500</p>	<p>Век Иехуды ха-Леви. Христиане и евреи бегут от варваров, вторгшихся в мусульманскую империю. Центр еврейской жизни перемещается с Востока на Запад. Век Раши и Маймонида. Конец мятежа караимов. Конец золотого века иудаизма</p>

ИСТОРИЯ СОВЕРШАЕТ ПАЛОМНИЧЕСТВО В МЕККУ

Марксисту и вообще сторонникам исторического материализма было бы весьма затруднительно объяснить, почему в седьмом веке нашей эры в глубине Аравийской пустыни вдруг возникла мусульманская империя. Присущий бедуинам способ производства ничем не отличался в этом столетии от предыдущих. Климат оставался таким же тяжелым. Если мы не хотим приписывать все события воле Господней, нам остается обратиться к теории «исторической личности». Иными словами, к концепции, утверждающей, что индивидуум творит историю, схватив судьбу в подходящий момент под уздцы и заставив ее подчиниться своей воле. Мусульманство было творением именно такого человека. Звали его Мухаммед.

Мессианство Мухаммеда было в духе традиции скромности, введенной евреями. До евреев все религиозные вожди были аристократами или даже принцами крови — Будда, Конфуций, Зороастр. Авраам тоже вполне мог быть каким-нибудь вавилонским «принцем торговли». Библия, однако, предпочитает изображать его как пастуха, пасущего овец. Моисей получил аристократическое воспитание при египетском дворе. Но в тот момент, когда глас Господень воззвал к нему, он был всего лишь наемным пастухом, пасшим стада своего тестя. Иисус был плотником. А Мухаммед — погонщиком верблюдов.

Мухаммед — одна из самых невероятных фигур в

истории. Этот араб страстно преклонялся перед иудаизмом. Он провозгласил всех арабов потомками Авраама. Он призывал евреев и христиан объединиться с арабами в подлинном человеческом братстве во имя Аллаха. Он был удачливым Дон Кихотом. Этот воинственный пророк был так убежден в реальности своей иллюзии, что сумел действительно превратить ее в реальность. Он победил неверующих, вооруженный одними лишь доводами разума. Стремительность взлета его веры захватывает дух. За каких-нибудь сто лет его преемники подчинили себе половину тогдашнего мира. Ислам преуспел там, где не добилось успеха христианство. За одно столетие эта новая вера распространилась на все земли, окружавшие южную половину Средиземного моря.

Аравия — самый большой полуостров мира, соединяющийся с Египтом через Палестину и с Турцией через Сирию. Остальная ее часть омывается волнами Красного моря, Персидского залива и Аравийского моря. Подобно тонзуре клирика, полоска зеленеющих земель огибает 500 тысяч квадратных миль пустыни, составляющих сердцевину полуострова. С незапамятных времен это была земля бедуинских и курайшских племен. Она не породила собственной цивилизации, однако ее плодородные женщины за пять тысяч лет нарожали множество семитов-арабов, предназначенных для экспорта в шумерские, аккадские и вавилонские города-государства. Там они вливали свою кипучую варварскую кровь в жилы этих утонченных цивилизаций.

Религия арабов представляла собой в то время расплывчатую форму веры в божественность природы. Пантеон их богов вполне демократично включал небеса, звезды, деревья и камни. В нем было все, что человеческая изобретательность способна была обоготворить. Это религиозное многообразие было объединено центральным культом черного метеорита, Черного Камня, покоившегося в Каабе, в Мекке.

Бедуины были кочевниками и жили в пустыне. Ку-

райские арабы населяли побережья, где на перекрестке караванных путей располагались их торговые центры-деревни. Сюда приходили бедуины, чтобы обменять предметы роскоши из ограбленных ими караванов на вещи, необходимые для жизни. В конце первого века н.э. в Аравии стали появляться евреи. С этого момента там началось бурное развитие торговли и ремесел, расцвет городов, развитие искусства. Небольшая струя еврейского переселения, начавшаяся после 70 г. н.э., к 5—6 векам превратилась в настоящий поток. Это бежали в Аравию евреи, которых вытеснила из Палестины и Сирии война, начавшаяся между Сасанидской и Византийской империями.

Подобно своим предшественникам, Птолемеям и Селевкидам, Сасаниды и византийцы постоянно враждовали из-за Сирии и Палестины. Прихотливая судьба долго отказывала каждому из противников в решающей победе. Наконец, истощив друг друга, они подписали договор о ненападении. Евреям, сирийцам, ливанцам и другим народам, которые имели несчастье жить на спорных территориях, эти войны сулили ту же бесславную, массовую, безликую смерть, что всегда была уделом всех мирных людей, оказавшихся на пути вооруженных армий. Многие евреи, убедившись, что соперничеству великих держав не видно конца, двинулись в западные земли Римской империи. По опыту своих собратьев, побывавших в Византии, они знали, что там не найти спасительную тихую гавань. Другие, исходя из прогноза ситуации, приняли решение переселиться на Восток, куда редко заходили воюющие армии. Их выбор пал на Аравию.

Здесь, в своем новом отечестве, евреи стали распространять ремесла и насаждать финиковые пальмы. Вскоре финики сделались для мусульман необходимым продуктом, как, например, картошка для ирландцев. Евреи основали Медину. Они помогали курайшам превратить свои деревни в города. Наплыв евреев с их двадцатипятивековым опытом цивилиза-

ции превратил Мекку в космополитическую столицу.

Евреи были благодарны арабам, предоставившим им убежище, охотно помогали им отражать вторжения христианских армий. Христианство было изгнано, а иудаизм мало-помалу приобретал широкое распространение. Не меч, а мудрость религии евреев проложила иудаизму путь к арабским сердцам. Подобно грекам и римлянам, арабы восхищались свободными от эротики символами иудаизма, его аскетическим монотеизмом, преданностью евреев идеалам семейной жизни и книжной мудрости. Арабы прозвали евреев «Народом Книги». Арабы и евреи жили мирно бок о бок.

Некогда Септуагинта проложила путь учению Павла к языческому населению Римской империи. Ныне распространение основных положений Библии среди арабов заложило основу магометанству. В результате слияния еврейского монотеизма, христианской доктрины искупления и арабского обоготворения природы возникло новое представление о Боге. Оно создало почву для появления исторической личности. Этой личностью был Мухаммед. Этой новой религией стал ислам. Его скрытой движущей силой был иудаизм.

Для восприятия пророка требуется историческая перспектива. Время превращает черты реальной личности в мифологический, легендарный, божественный символ. Пророк Мухаммед еще слишком молод для нас. Можно понять нетерпеливых историков, которые не находят пока ничего божественного в его личности.

Родители Мухаммеда (569—632) умерли, когда ему было шесть лет. Его воспитывал сначала дед, потом дядя. Оба забыли обучить его читать и писать. Впрочем, это упущение было исправлено позже. В одно прекрасное мгновение Мухаммед постиг науку чтения с помощью чуда. О его юности, как и о юности Авраама, Моисея и Иисуса, почти ничего не известно. В возрасте двенадцати лет он побывал с карава-

ном в Сирии, где имел возможность впервые познакомиться с еврейской и христианской культурой. Из этого знакомства он вынес сохранившееся на всю жизнь уважение к «Книге» и евреям. Еврейские патриархи стали его излюбленными героями. Позже он включил их в Коран, эту Библию мусульманства. В возрасте двадцати пяти лет он женился на зажиточной вдове сорока одного года. Он прожил с ней около четверти века. После ее смерти, когда Мухаммеду было уже за пятьдесят, он обнаружил влечение к молоденьким девочкам от семи до двадцати пяти лет. Его гарем состоял из десяти жен и двух наложниц всех возрастов и степеней искушенности.

Мухаммед был челореком среднего роста. Его длинные черные волосы доходили до бороды. Борода, в свою очередь, ниспадала на грудь. Он редко смеялся. Он был, несомненно, наделен чувством юмора, контролируемого, однако, сознанием собственного достоинства. Мухаммед гордился своей принадлежностью к арабам, но в то же время он сознавал незрелость арабского религиозного язычества и отсутствие национального чувства у своих собратьев по крови. Подобно Моисею, он мечтал объединить разрозненные, враждующие племена в единый народ, поднять его на достойное место в мире. Его вера в то, что он является пророком, которому предназначено выполнить эту миссию, была несокрушимой. Предназначение казалось ему ниспосланным свыше.

Однажды, когда сорокалетний Мухаммед, сидя в пещере, размышлял о путях спасения своего народа, ему явился Бог. Для верующих мусульман оно является неопровержимым доказательством того, что он подлинный преемник Моисея и Авраама. Скептики видят в нем всего лишь свидетельство знакомства Мухаммеда с Библией. Как некогда Аврааму, Моисею и Иисусу, Бог открылся теперь Мухаммеду. На этот раз он явился в виде ангела Гавриила. В Коране, написанном самим Мухаммедом, рассказывается, что Гавриил показал Мухаммеду скрижаль. Несмо-

тря на безграмотность, внезапно Мухаммед оказался способным прочесть ее. Надпись на скрижали гласила, что Аллах, истинный Бог, назначает Мухаммеда своим посланником на земле.

Сначала Мухаммед обратил в новую веру свою жену, затем своих ближайших родственников, а потом — родственников более дальних. Наконец, он стал проповедовать посторонним людям. Тут он впервые столкнулся с сопротивлением. Подобно Павлу, Мухаммед нашел своих первых приверженцев среди рабов. Это вызвало опасение у богатых курайшей. Они усмотрели в Мухаммеде опасного экстремиста. Им казалось, что Ислам угрожает рабовладельческой экономике страны. После десятилетней борьбы доведенный до крайности Мухаммед бежал из Мекки в Медину. Он полагал, что здесь многочисленное еврейское население окажет ему поддержку.

Учение Мухаммеда в значительной мере базировалось на иудаизме. Поэтому он надеялся, что евреи признают его преемником Моисея и присоединятся к нему в его борьбе с неверными. Евреи, однако, решительно отказались перейти в его веру. Тогда Мухаммед обратился против них. Хоть и неграмотный, он обладал врожденной хитростью. Поскольку евреи не хотели помогать ему добровольно, он приказал конфисковать в пользу своего дела их имущество. Он отдавал себе отчет в том, что курайши не будут возражать против преследования евреев. Те всегда с завистью смотрели на богатых евреев, хотя и терпели их веру, отличающуюся от своей. Однако Мухаммед не стал делиться с курайшами награбленным. Он использовал свое новообретенное богатство на экипировку десятитысячной армии. Во главе ее он двинулся на Мекку. Теперь уже курайши пожалели, что в свое время не объединились с евреями. Но было слишком поздно. Оценив силы Мухаммеда, они предпочли капитулировать. В течение двух лет вся Аравия перешла в руки Мухаммеда. Ислам, так на-

зывалось его учение, стал государственной религией всей страны. В 632 г. Мухаммед умер.

Оценивая деятельность Мухаммеда, Уилл Дюрант писал: «Если судить о величии по достигнутым результатам, то Мухаммед — один из величайших людей истории». Мухаммед был «победоносным словом» Аллаха. Его друг и преемник Абу Бекр был «победоносным мечом». Абу Бекр понес знамя ислама в страны, которые к исламу вовсе и не стремились. Тем не менее они послушно преклонили колени, когда услышали свист сабель, утверждавших новую веру.

В шестом веке арабы были кочевниками в пустыне. В седьмом веке они стали завоевателями мира. В восьмом это были уже владыки империи, в которой Средиземное море стало средиземным озером. В девятом то были знаменосцы блестящей цивилизации, задававшие тон в искусстве, науке и архитектуре. Все это происходило в то время, когда Европа все глубже и глубже погружалась в мрачную трясиину, которую сама себе уготовила. Одна за другой покорялись арабам страны, лежавшие на победоносном пути их конницы: в 635 году — Дамаск, в 638 — Палестина, в 640 — Сирия, в 641 — Египет. Падение Сасанидской империи (636) заслуживает более подробного описания. В тот день, когда малочисленные арабские армии двинулись в атаку, песчаная буря ослепила численно превосходящую сасанидскую армию. Ее поражение было столь же незаслуженным, как поражение Петра под Нарвой, где 8000 шведов одолели 80000 русских, которых ослепила снежная буря. Спустя девять лет в битве под Полтавой Петр взял реванш, предусмотрительно выбрав для этого погожий июльский день. Сасанидам тоже предоставлялась возможность реванша. Но для них эта попытка окончилась катастрофой. Их 150-тысячная армия была разгромлена 30 тысячами арабов. Таков был конец Сасанидской империи.

К 700 г. н.э. восточная часть Византийской импе-

рии и вся Северная Африка стали добычей мусульман. В 711 г. объединенная армия арабов и берберов, руководимая отпущенным на волю рабом по имени Тарик, вторглась в Испанию. В 715 г. она перешла Пиренеи. Казалось, ничто не могло их остановить, но тут удача им изменила. Как некогда гунны были отброшены французами в битве под Шаломом, так в 732 г. французский король Карл Мартелл разгромил вторгшихся арабов в битве под Туром. Результатом его победы было установление своеобразного религиозного равновесия. Дальнейшее распространение мусульманства в Европе было приостановлено (на востоке — византийцами, а на западе — французами). Мусульмане, в свою очередь, приостановили дальнейшее распространение христианства в Азии и Африке.

Население своей империи мусульмане делили на две группы — в зависимости от отношения к науке. В группу интересующихся наукой входили евреи, греки и персы. В группу равнодушных к знаниям они зачисляли китайцев, турков и христиан. На первых они смотрели с уважением, на вторых — с презрением. Христиане в мусульманской империи численно превосходили евреев. Однако из их рядов не вышел ни один великий человек. Они не создали и собственной культуры. В противоположность им евреи в это время переживали золотой век. Они дали крупных ученых во всех областях человеческой деятельности — философии, медицины, математики, лингвистики, за исключением искусства, которого они сторонились вплоть до нового времени.

После смерти Мухаммеда враждебность мусульман к евреям, обусловленная чисто политическими соображениями, стала уменьшаться. Не стоит перечислять ограничительные законы, направленные против немусульман. На практике эти законы все равно не выполнялись. Мусульмане были еще более терпимы к чужим религиям, чем римляне.

В этом смысле интересен так называемый «Пакт

Омара» (637). Это один из немногих известных нам дискриминационных актов мусульманского законодательства. В этом пакте примечательно, что он упоминает только христиан, хотя по всей видимости (но не наверняка) он относился также и к евреям. Христианам не разрешалось выставлять напоказ кресты ни на церквях, ни на улице, носить по улицам иконы, громко петь во время похоронных церемоний, толкать мусульман, выбривать лоб, наряжаться в приметную одежду, подражать правоверным мусульманам, переходить в мусульманство или обращать мусульман в христианство, прятать преступников в церкви и строить дома выше, чем дома их соседей-мусульман. Они обязаны были вставать, когда мусульманин появлялся в их обществе, и так далее.

Теоретически все немусульмане обязаны были платить подушный налог. Их не брали в армию и не допускали к общественным должностям. По отношению к евреям эти законы как бы не существовали. Евреи крайне редко платили подушный налог, служили, часто на высоких должностях, в мусульманских армиях и занимали высокие посты на государственной службе — вплоть до постов великих визирей. Золотой век евреев в рамках мусульманской цивилизации длился столько же, сколько процветала эта цивилизация. Он кончился вместе с ней. Агония мусульманской империи была такой же затяжной, как агония Римской. Она начала распадаться уже около 1000 г. н.э., окончательно же распалась только в 1500 году. Здесь мы можем рассказать об этом лишь вкратце.

Правящие мусульманские династии были поражены каким-то странным недугом. В них строго чередовались периоды необузданной расточительности и крайней скаредности. Если один халиф опустошал казну, тратя огромные суммы на всевозможные причуды, то ему, как правило, наследовал чудовищный скряга, которому удавалось вновь набить сундуки. При этом расточители всегда оказывались способ-

ными правителями, а скряги — никуда не годными администраторами. Расточители поощряли развитие культуры, одновременно приводя в полный упадок финансы страны, затем скряги подрывали ее престиж, оставляя зато после себя превосходные бюджетные показатели. До тех пор, пока золото продолжало стекаться со всех концов расширявшейся империи, правители могли себе позволять неслыханную роскошь. Вскоре мусульманская империя стала страной самых великолепнейших городов, самых сибабитствующих владык и самых неустойчивых правительств. Наместники провинций, чувствуя слабость центральной власти, отвоевывали свои провинции и провозглашали себя их халифами. К 1000 году единой мусульманской империи уже не существовало. На ее месте было множество независимых халифатов.

С утратой единства мусульманская империя оказалась легкой добычей варварских племен. В 13 веке монголы под предводительством Чингиз-хана вторглись в нее с северо-востока. Монголов вело на запад не какое-то мистическое предопределение. Они просто двигались вслед своим стадам. Монголы были одеты в воловьи шкуры, ели все живое — кошек, собак, крыс, вшей — и пили человеческую кровь, если под рукой не было ничего другого. В первой же стычке с монголами четырехсоттысячная мусульманская армия потерпела поражение. Чингиз-хан разрушил Бухару, вырезал 30 тысяч ее жителей и продолжал свой поход, сжигая по пути библиотеки, уничтожая города и обезглавливая их жителей. Их черепа он складывал в такие же аккуратные пирамиды, в какие нацисты складывали человеческие тела в своих концлагерях. Варвары? О, да! Но в чем, в чем, а в неаккуратности ни тех, ни других не упрекнешь. Когда Багдад сдался монголам, они вырезали 800 тысяч его жителей, опустошили город, разграбили все его богатства, изнасиловали и продали в рабство всех женщин. Раздраженная их непрерывными побе-

дами, судьба нанесла монголам удар с самой неожиданной стороны. В 1303 г. египтяне остановили их в битве под Дамаском. Но эта победа пришла слишком поздно. Разрушения, причиненные монголами, были столь значительными, что разоренная ими часть мира не вполне оправилась и поныне.

То, что осталось от мусульманской империи, начали растаскивать другие хищники. Тимуриды и моголы захватили Аравийский полуостров. Османские турки прибрали к рукам Египет, Палестину, Сирию. Свирепые кочевники-альмохады покорили Северную Африку. Испанцы под предводительством Фердинанда и Изабеллы сумели отвоевать у мавров Испанию. К 1500 г. империя, досель небывалая в этом мире, — империя математиков и поэтов, просвещенных владык и терпимых правителей — перестала существовать.

16

ЕВРЕЙСКИЙ РЕНЕССАНС ПОД ЗНАКОМ ПОЛУМЕСЯЦА

Современный человек имеет о еврее мусульманских времен совершенно искаженное представление. Этот еврей отличался от библейского не меньше, чем сегодняшний еврей Нью-Йорка от своего предка из гетто. Имевшиеся возможности преобразили библейского еврея в совершенно новое существо: евреи — гурманы и волокиты, жуиры и присяжные, остряки, светские философы и ученые, писатели и поэты не были редкостью.

В этом Ренессансе евреев была одна странность. Он не был еврейским. Под арабской одеждой скрывался не иудей, а эллин. Еврейский Ренессанс был не пробуждением иудаизма, а возрождением эллинизма. Евреи, которые в греко-римский период боролись

с эллинизаторами, гневно обрушивались на эпикурейцев и в ужасе шарахались от греческих философов, теперь приветствовали своих собственных еврейских эмансипаторов, соблазнялись роскошью и восхваляли рационализм. Новые, неслыханные прежде занятия сделались их профессией в эту эпоху. Евреи стали астрономами, алхимиками, архитекторами, переводчиками, министрами финансов и владельцами международных торговых контор с филиалами в Багдаде, Каире и Кордове. Вино перестало быть только пасхальным напитком, теперь бокалы уже осушались в честь прекрасных дам. Любовью называли теперь не только страсть к изучению Торы, но и погоню за многообещающими женскими улыбками. Песнопение означало не только молитву, но и гимн радостям жизни. И все же, хотя дверь в ислам стояла нараспашку, евреи оставались верны иудаизму.

Каким образом эллинизм сумел вкратиться в еврейскую жизнь? Простейшее обстоятельство: евреям пришлось восстанавливать греческое наследие для арабов. Это позволило им впервые познакомиться с подлинной сущностью эллинизма, а не с его внешними особенностями. Первохристианам ни к чему были писания нечестивых греков. Варвары не пользовались греческим языком. Поэтому большая часть греческих сочинений была к этому времени утрачена, а греческий язык — забыт. Но литературные и научные труды греков сохранились, однако, в сирийских переводах в библиотеках богатых и образованных евреев и некрестившихся римлян. Когда арабы прослышали про эти сокровища культуры, они стали поощрять их перевод на арабский язык. Эта задача выпала в основном на долю евреев. Они были космополитами и одинаково свободно говорили на иврите и арабском, на греческом и латыни, на сирийском и персидском языках.

«Каналы в Европу», как называет современный ученый Моисей Хадас эту передачу эстафеты грече-

ской мудрости и гуманизма в Европу, были открыты евреями в восьмом веке. Эта работа продолжалась до 1400 г. Первые переводы были с греческого и сирийского на арабский. Вскоре появились переводы с греческого и арабского на иврит и, наконец, переводы ивритской литературы и философии на арабский. Двусторонний культурный обмен был установлен. Вскоре к нему присоединился третий партнер.

Просвещенные правители европейских государств узнали о еврейских талантах. Они начали приглашать еврейских ученых, лингвистов и переводчиков в свои столицы. Им поручали переводить труды греков и арабов, а также ивритскую литературу на латынь. Фридрих II, император римский с 1212 г., германский — с 1215 г. и король иерусалимский — с 1229 г., безжалостный, надменный, но блестящий правитель, пригласил еврейских ученых преподавать иврит в Майнцском университете.

Одним из самых первых и самых значительных из этих импортированных европейскими монархами еврейских интеллектуалов был Ибн Дауд. Он прославился не только переводами греческой, ивритской и арабской литературы на латынь. Это он впервые ввел арабские цифры и число «ноль» в европейскую математику. «Элементы» Эвклида и труды вавилонского талмудиста Саадии Гаона появились на латыни благодаря еврейским ученым. Они восседали в синагогах, мечетях и церквях бок о бок со своими мусульманскими и христианскими коллегами и переводили Платона и Софокла, еврейских философов и поэтов, арабских математиков и астрономов на язык Святейшей римской церкви.

Какое влияние все это оказало на самих евреев? Они чуть было не превратились в греков. В период первого своего столкновения с эллинизмом — после их завоевания Александром Македонским — евреи не были готовы к этой встрече. Евреи периода Библии и Талмуда были твердо убеждены, что только их религия является истинной. Это подтверждалось

их Божественными заповедями. В других подтверждениях они не нуждались. Поскольку у них не было сомнений, им не надо было укреплять свои позиции с помощью философии, логики или естественных наук — этих порождений скепсиса. Когда Александр и его греки столкнулись с евреями, они тоже не были готовы к этой встрече. Это было первое столкновение греческой рассудительности с нерассуждающей верой и первое столкновение еврейской веры с рационализмом. Вожди еврейства были достаточно честны. Они сознавали, что их убогий арсенал абсолютно недостаточен для рукопашной схватки иудеев с греками. Поэтому они начали заимствовать оружие логики и философии у своих противников. Еврейская вера, обогащенная греческой мыслью, оказалась сильнее, чем греческая мысль без еврейской веры. Греки исчезли, а евреи выжили. Так случай сделал их наследниками греческой культурной традиции.

Евреи могли противостоять чему угодно, только не своему собственному интеллектуальному любопытству. Теперь, когда им уже не угрожало поглощение эллинизмом, они начали более внимательно изучать эллинистические идеи. Они приоткрыли Пандоров ящик рационализма. Они отложили в сторону старые очки слепой веры и посмотрели в увеличительные стекла дотошной рационалистичности. Результат был неизбежен. Они увидели пропасть между разумом и верой. К этой пропасти немедленно ринулись консерваторы, они пытались доказать, что разум и вера — всего лишь две стороны одной и той же медали, либералы утверждали, что эти два подхода несовместимы. В еврейской жизни появилась новая тенденция, на ее основе выросла новая еврейская философия и еврейская наука.

Появились и новые сферы интересов. Раньше все, что писали евреи, имело то или иное отношение к Библии. Новое еврейское творчество было намного шире. Оно интересовалось внешним миром и проблемами личности. Это расширение интересов потребо-

вало новых слов для своего выражения. Писатели поспешили их создать, лингвисты разработали новые правила, позволявшие приспособить древний язык к светской литературе. Появились первые словари. Началось возрождение и обогащение иврита.

Евреи начали осознавать свою историю как особую миссию, предначертанную им свыше. Поэты пытались объяснить феномен сохранения еврейства с помощью воображения и символики. Они создали поэтическую метафору: «еврей изгнания». Со временем она превратилась в стереотип «вечного жида», внушающий христианам мистический трепет, а евреям — вполне реальный страх. Именно поэты впервые истолковали изгнание не как результат естественных причин, а как Божественное наказание за грехи народа. Это наказание обрекает их на бездомность до тех пор, пока сам Бог не решит вернуть их на родину. С тех пор эта идея укоренилась в еврейском сознании, подобно навязчивому психозу. Долгие века она лишала евреев всякой политической инициативы. Только в 19 столетии сионизм снял наконец ответственность за еврейское будущее с Бога и переложил ее на плечи самих евреев.

Еврейский «век разума» развивался по тем же законам, по каким столетия спустя развивалась, повторяя его, христианская цивилизация. Предтечами европейского «века разума» были французские энциклопедисты 18 века; этот век окончился с наступлением эпохи революционного тоталитаризма 20 столетия. Предтечами еврейского «века разума» были талмудисты 8 века. Он кончился с наступлением эпохи революционной реформации 16 столетия. Подобно своему европейскому собрату, он оказался не вечной твердыней, а воздушным замком. Быть может, для сохранения еврейской идеи нужно было живое тепло веры? Быть может, «холодный разум» не оставлял в иудаизме места для Яхве? По мере того, как евреи отрекались от схематического Яхве философов-рационалистов и возвращались к гумани-

стическому Яхве романтиков, маятник снова качнулся в сторону веры. Ко времени крушения мусульманской империи еврейство вернулось к вере. Это позволило ему выжить в европейских гетто, где разум привел бы его лишь к самоубийству или к отказу от своей величественной убежденности в том, что он избран повести человечество к вершинам любви и братства, заповеданным пророком Исайей.

Жизнь поэта Иехуды ха-Леви (Галеви) — прекрасный пример такого возвращения от рационализма к романтизму. Одновременно это типичная жизнь мусульманского еврея. Иехуда родился в Испании, в Толедо, в 1075 г. Зажиточные родители отдали ребенка в лучшую по тем временам школу. Там он изучал алгебру и грамматику, арабский язык и астрономию, а также поэзию. Затем он отправился продолжать свое образование в Люсену в южной Испании. Этот город славился не только тем, что его основали евреи. Он вообще назывался «еврейским городом» из-за огромного количества еврейских студентов, посещавших тамошнюю академию. В двадцатичетырехлетнем возрасте Иехуда стал успешно практикующим врачом. Он женился на наследнице одной из самых знатных еврейских семей Толедо и приобрел репутацию богатого, честного и уважаемого человека.

Но самого Иехуду томило смутное беспокойство, стремление найти и выразить самого себя. Он отказался от карьеры преуспевающего врача, бросил жену и детей и выбрал судьбу странствующего поэта. Он бродил по Испании, сочиняя и исполняя песни для всех, кто соглашался его слушать. Странствия привели его в Кордову — этот Париж того времени. Здесь, в безнравственном, развращенном, утопавшем в роскоши, космополитическом городе, где рядом друг с другом уживались все мыслимые пороки и все добродетели, все предрассудки и мудрость эпохи, Иехуда нашел, наконец, свое место. Он отдался кордовским наслаждениям, находил утешение в кордов-

ском остроумии и сочинял любовные элегии в духе «Рубайят» Омара Хайама и сонетов Шекспира.

Вскоре, однако, чувственные удовольствия ему наскучили. Проблемы, более глубокие, чем стихотворные, стали занимать его ум. Его увлекли проблемы иудаизма, смысла этой религии и ее значения для еврейства. Из певца любви он стал «трубадуром Господа». Теперь он ищет не женской любви, а любви к Богу:

Если забуду тебя, о Боже,
То умру и живя; но прильнув к тебе,
Буду жить и в смерти...

В страстных романтических стихах он предостерегает свой народ не попадаться в ловушку рационализма:

Не увлекайся мудростью чужой, —
Она цветиста, но, увы, бесплодна.

В своей великой философской поэме «Ха-Кузари», построенной по образцу книги Иова, Галеви предвосхитил еврейский национализм 19 века. Сюжет поэмы воспроизводит легендарный эпизод еврейской истории. Эпизод этот столь фантастичен, что если бы он не был достоверно подтвержден историками, его можно было бы считать сфабрикованным.

В 740 г. н.э. тюркское племя хазаров, обитавшее между Волгой и Доном, на западных берегах Каспийского моря, знакомое с греческим языком и исповедывавшее смесь язычества с христианством, в результате энергичных действий царя Булана обратилось в иудаизм. Оттого, что тюрки стали исповедывать иудаизм, их тюркские обычаи и характер, разумеется, нисколько не изменились. Они по-прежнему оставались наводящими ужас степными воинствующими ордами. Их набеги нагоняли страх на персов, византийцев и киевских князей, платящих покорно хазарам ежегодную огромную дань.

Времена могущества хазар длились два с полови-

ной столетия. Затем причудливый ход исторических событий привел к тому, что на хазарском троне оказался слабый царь, а на киевский престол взошел сильный князь. И в 969 г. этот князь по имени Святослав разгромил хазар и присоединил их царство к создаваемой им славянской державе. Мать князя, княгиня Ольга, дважды принимала христианство. Некоторые историки утверждают, что она сделала это для надежности, другие — что она просто искала предлог, чтобы второй раз посетить Константинополь. Как бы то ни было, и Ольга и ее сын рассматривали христианство как прерогативу знати. Поэтому русские крестьяне по-прежнему оставались язычниками. Преемник Святослава, Владимир, не разделял взглядов отца и даровал христианство всему населению своего государства. За это благодарная православная церковь возвела его в ранг святого. Так бывшее иудейское Хазарское царство стало частью христианской матушки-России. Его жители вместо того, чтобы набожно склоняться при звуках «Шма Исраэль», стали осенять себя крестным знаменем, бормоча «Господи, помилуй!».

Поэма Иехуды ха-Леви посвящена истории обращения хазар в иудаизм. В поисках новой веры царь Булан посылает за представителями мусульманской и христианской религий и выслушивает их аргументы в пользу каждой веры. Его внимание привлекают ссылки обоих на иудаизм, как на отцовскую религию. Он посылает за еврейским ученым, тот характеризует иудаизм не как символ веры, явленный одному человеку, а как исторически совершившееся явление Бога шестистам тысячам евреев, собравшимся у горы Синай для получения Торы. Иными словами, иудаизм, по утверждению еврейского ученого, — это религия, данная целому народу, раз и навсегда, полностью и окончательно. Развитие иудаизма, продолжает ученый, происходит не посредством последовательных мистических откровений, явленных отдельным индивидуумам, но через встре-

чи Бога с человеком и человека с Богом. Видимое присутствие Господа, говорит он далее, можно узреть повсюду, но его незримое присутствие можно обнаружить только в Иерусалиме, граде Господнем. Именно туда, в Иерусалим, направляет ха-Леви, автор поэмы, своего ученого после обращения в иудаизм Булана.

Словно бы поддавшись собственным доводам, ха-Леви тоже направляется в Иерусалим, чтобы соединить свою душу с Богом, а судьбу — с народом. Историки прослеживают его путь до Дамаска, затем следы его теряются.

Не символизирует ли жизнь Иехуды ха-Леви судьбу евреев в исламском мире вообще? Подобно ему, они воспитывались на Талмуде. Подобно ему, они приобретали славу и богатство в современных сферах деятельности, предавались радостям жизни и поддавались соблазну рационализма. Подобно ему, они отказывались затем от рационализма ради веры и возвращались к Торе. Но достиг ли ха-Леви Иерусалима, этой твердыни еврейского духа, святилища, где незримо пребывал Господь? Суждено ли было евреям достичь Иерусалима или, как Иехуда ха-Леви, исчезнуть бесследно?

Призыв Иехуды ха-Леви к новому «общественному договору» евреев с Богом нашел отклик в душе еврейского народа. Он превратился в мощный фактор выживания. Так родилась новая идея: свою святую миссию евреи могут осуществить, только вернувшись в Иерусалим. Новое понимание еврейской истории, в свою очередь, изменило и саму эту историю.

К тому же мусульманскому периоду еврейской истории относится возникновение в еврействе религиозного раскола. Он весьма походил на раскол между католицизмом и протестантством и едва не разрушил все здание иудаизма. Талмудическая мудрость, греческий рационализм и мусульманская терпимость, соединившись воедино, вызвали к жизни еврейскую литературу и расцвет самого еврейства. Но они не принесли ему духовной гармонии. В 8 веке в еврействе возникла ересь, известная под названием караимского восстания против раввинов. Ее не удалось подавить вплоть до 15 века. Караимское восстание настолько напоминало бунт протестантов в 16 веке против католиков, что во времена Реформации католики часто называли протестантов караимами.

Сожжение Гуса (1415) и Савонаролы (1498) предвзоветило появление вождя Реформации — Мартина Лютера. Точно так же мученическая смерть двух еврейских лжемессий (710 и 740) предвзоветила появление вождя караимов Анана бен Давида. Но хотя истоки протестантства и караимства были одинаковы, развитие этих ересей пошло по разному пути. В христианстве контрреформация наступила слишком поздно. Она не сумела предотвратить окончательного раскола. Еврейские раввины действовали решительно. Они не дали расколу совершиться. Они перехватили все разумные доводы караимства, реформировали в иудаизме все то, что караимы подвергали критике, и тем самым лишили ересь ее фундамента. Затем этот свой реформированный иудаизм они предъявили широкой публике, с невинным видом вопрошая: «А из-за чего, собственно, весь сырбор?» Тем не менее понадобилось около семи столетий, прежде чем караимский бунт сам собой оконча-

тельно выдохся и перестал угрожать традиционному иудаизму.

Подобно многим другим еврейским идеям, караиство тоже зародилось в Вавилоне. Он начался как бунт сельского еврейства против городского. Жизнь евреев в далеких селах и деревушках мусульманской империи мало чем отличалась от их жизни в предшествующие века. Деревенское население поэтому не нуждалось в сложных талмудических законах. Эти законы были необходимы для городских жителей. Для сельских евреев талмудизм был просто хитросплетением городских раввинов, предназначенным отгородить простой народ от Торы. В крестьянстве жило стремление вернуться к простоте Моисеева Пятикнижия, к прямому значению «Слова», минуя его разветвленные интерпретации. Само слово «караимизм» происходит от 'кара' на иврите — производного от глагола «читать», имеется в виду «читать Библию». Таким образом, караимизм — это не что иное, как «библеизм» — в противоположность «раввинизму».

Зарождение караимства трудно проследить из-за недостатка фактов и ядовитых искажений того немногочисленного, что имеется. Судя по всему, еще до появления первого апостола караимства на исторической сцене побывало несколько «претендентов в мессии», иными словами, людей, безуспешно объявлявших себя посланцами Бога. Первый из них, действовавший около 700 г. и оставшийся безымянным, явно поддавался дурному совету, из чьих бы уст — Божественных или человеческих — он ни исходил. Он провозгласил себя не только еврейским, но и мусульманским пророком. Он утверждал, что пришел освободить евреев от Талмуда, а магометан — от Корана. Арабы и евреи, естественно, выступили заодно: арабы его схватили, потом и арабы, и евреи признали его виновным в распространении ереси, а затем спаренный религиозный суд приговорил его к смерти. Так погиб еврейский Ян Гус.

Спустя тридцать лет снова в Персии на сцене появился второй «мессия». То был скромный портной по имени Абу-Иса, одаренный красноречием оратора и талантом полководца. Абу-Иса отверг Талмуд, объявил низложенным раввинам и призвал евреев под свои знамена. Прежде чем кто-либо успел понять, что происходит, десятитысячная армия еврейских повстанцев уже провозгласила его пророком и мессией. Удача лишила его здравого смысла. Поверив, что с ним Бог, он объявил войну сразу и персам, и арабам. То был конец еврейского Савонаролы. Он умер, до последнего вздоха клянясь в верности иудаизму.

То, на чем споткнулись его предшественники, удалось преодолеть Анану бен Давиду (740—800), этому еврейскому Лютеру. Анан бен Давид нарушил традицию. Все прежние религиозные реформаторы происходили из бедных семей. Он же был отпрыском знатного и богатого рода потомков царя Давида и законным наследником «трона» еврейских гаонов. Существуют две версии его биографии. Поскольку между ними нет ничего общего, кроме самого имени Анана, историку предоставляется счастливый случай изложить обе. Пусть читатель сам решит, что правда, а что ложь. Эта задача столь же трудна, как для мусульманина выбрать одну из двух характеристик Лютера — католическую или протестантскую.

Версия раввинов такова: опасаясь, что блестящий ум Анана склонен к ереси, раввины назначили Гаоном его тупого младшего брата. В отместку Анан решил вызвать раскол в доселе единых рядах иудеев, провозгласив свою собственную ересь, полностью оправдав опасения раввинов. Арестованный и отданный на суд халифа, Анан был приговорен к смертной казни. В тюрьме он встретился с мусульманским еретиком, которого ждала аналогичная участь за проповедывание взглядов, не совместимых с учением Ислама. Тот дал ему мудрый совет. «Уж несомненно, — сказал мусульманин, — в иудаизме можно отыскать

разноречивые суждения. Поступи так: подкупи визиря, попроси аудиенции у халифа, пади ему в ноги и спроси, назначил ли он твоего брата главой одной религии или двух. Халиф ответит, что одной. Тогда скажи: «Но мой брат и я — мы придерживаемся разных вер» — и постарайся доказать, что твоя религия отличается от религии твоего брата».

Вслед за этим Анану явился пророк Элияху и приказал ему отречься от Талмуда и вернуть народ к Торе. План мусульманина удался. Халиф освободил Анана, и тот стал основоположником нового учения — караимизма.

«Ничего подобного!» — восклицают апологеты караимизма. Анан был самым блестящим из еврейских ученых. Он был набожным и скромным человеком, всей душой преданным Господу и ненавидевшим зло. Праведные Израиля избрали его Гаоном. Его намерением было возратить Торе ее былую славу и величие. Раввины боялись этого благочестивого праведника, который гораздо охотнее цитировал Тору, чем ее талмудические толкования. Поэтому они сговорились и выдали его халифу. Они просили приговорить Анана к смерти за якобы провозглашаемую им ересь. Халиф, на которого благородство Анана произвел большое впечатление, интуитивно угадал в нем Мессию и освободил его. Анан, поняв, что раввины не хотят его слушать и что их сердца ожесточились против него, отрекся от трона гаонов. Он выпросил у халифа позволения отправиться в Святую землю, чтобы там проповедовать первичность Торы.

Читатель, несомненно, заметит, что эти две версии удивительно схожи с тем, что говорилось в прошлом о Иисусе. Позже то же самое говорилось о Лютере. Что же породило новую секту — отчаяние или откровение? Этого мы не знаем. Каково бы ни было его происхождение, караимство в течение двух столетий проникло во все слои еврейского общества.

Подобно учению Иисуса, учение Анана — до того, как стало достоянием апостолов, превративших его в

догму, — было удивительно простым. Апостолы приписали Анану мессианское утверждение, будто царство Божие, предсказанное в Торе, уже не за горами. Между тем главное в караимстве состоит в действительности в том, что он отбрасывает почти все, сказанное в Талмуде. Точно так же ранние христиане отвергали почти все, чему учили фарисеи. Караимы отвергли многие законы Талмуда, касающиеся пищи. Они отменили употребление филактериев, отказались от врачевания и врачей, поскольку в Торе сказано: «Я Господь исцеляющий».

Но одно дело — отвергнуть талмудические законы, и совсем другое — жить по законам Торы, сформулированным две тысячи лет назад. Вскоре караимы попались в собственную ловушку. Они узрели пропасть между современной жизнью и устаревшими законами. Подобно первым создателям Мишны, наиболее просвещенные и реалистичные караимские ученые стали развивать свой Устный закон, маскированный под чисто текстуальные исправления Торы. Поскольку в караимском учении не существовало основного догматического ядра, каждый мог быть сам себе толкователем Закона. Это привело к религиозной анархии. Преемник Анана Биньямин Нахавенди модифицировал учение Анана и объединил разнородные секты в монолитное караимское движение.

Поначалу раввины думали, что смогут победить караимство, игнорируя его. Вскоре, однако, его быстрое распространение стало их тревожить. Они повели против него словесную войну. Это не помогло. Ересь продолжала распространяться. В отличие от католиков и протестантов раввины и караимы не имели возможности объявить друг другу открытую войну. Было ли это возможным, если бы евреи жили как независимый народ в Палестине? Судя по предыдущим расколам в еврейской истории, которые приводили к таким конфликтам, как борьба эллинистов и антиэллинистов в греческие времена, фарисеев и

саддукеев в хасмонеиские времена или zelотов и сторонников мира в римские времена, такая открытая война между раввинами и караимами не была исключена. Но теперь евреи не имели ни собственных армий, ни оружия. Их единственным орудием оставалась бумага да еще слова.

Перелом в борьбе в пользу раввинов обозначился с появлением в их стане ученого с внешностью святого и хитростью Маккиавели. Саадия Гаон был первым из интеллектуалов еврейско-греческо-арабского Возрождения. Он был первым философом-рационалистом, который ввел аристотелевы методы мышления в талмудические конструкции. Родившийся в Египте в 882 г., он уже в молодости стал главой самой известной вавилонской академии. Он был прирожденным бойцом, который любил хорошую драку. Именно он наметил главные направления контратаки, которая вначале остановила распространение караимизма, а затем подорвала это движение.

Саадия Гаон отдавал себе отчет в том, как много разумного было в караимской религии и насколько закономерны были стремления участников этого движения. Первым долгом он перевел Библию на арабский язык. Теперь люди, позабывшие иврит, не должны были обращаться к караимским проповедникам за разъяснением Торы. Они могли прочесть ее сами. Совершенно так же Лютер в 16 веке перевел Библию с латинского на обиходный немецкий язык. Затем Саадия взялся за включение в раввинистическое учение всего лучшего, что было в караимском учении. Наконец он предпринял ряд блестящих и сокрушительных пропагандистских атак против караимства.

Караимы, видя, что их собственное учение буквально увели у них из-под носа, повторили маневр противника. Они реформировали свое учение. На их счастье, у них появился ряд замечательных ученых, авторитет которых привлек к караимству новых сторонников. Эти ученые предприняли научное изуче-

ние иврита, обновили ивритскую филологию и облегчили вступительные требования к новым последователям караимства. Раввины ответили тем, что украли у караимов их козыри. Они изучили иврит еще более глубоко, развили его грамматику еще более широко, сделали Библию еще более доступной для простого народа и истолковали ее законы еще более либерально. В 14 веке судьба окончательно отвернулась от караимов. Спустя три столетия движение, которое некогда угрожало поглотить иудаизм, почти полностью исчезло. Сегодня около 10 тысяч караимов еще живут в Литве и Крыму да тысячи две в Израиле. Таковы последние, еще не переваренные историей остатки некогда многотысячной общины.

Бунт караимов не прошел бесследно. Он на время предотвратил окостенение Талмуда. Он заставил его последователей обратиться к потребностям реальной жизни вместо того, чтобы уйти в дебри собственной премудрости. Это был спасительный урок. Иудаизм научился защищать себя не с помощью самоизоляции, а с помощью новых идей. Собственно, это был двойной урок. Он показал евреям, что в полной свободе таится угроза анархии, а в тотальном конформизме — угроза духовной смерти.

Так подошел к концу исламский период еврейской саги. Его лоном была прихотливая историческая случайность, его колыбелью — богатство и изобилие мусульманской империи, его кормилицей — еврейский интеллект, его могильщиком — история. На историческом распутье 15 века еврейская история поменяла свое местонахождение, она устремилась с Востока в Западную Европу. Там она обнаружила себя в гетто. Чтобы последовать за ней, надо вернуться в Европу шестого века н.э., где мы оставили евреев после гибели Римской империи. Но прежде надлежит воздать должное арабам — этим кочевникам и жителям пустыни, создавшим столь блестящую и утонченную цивилизацию.

Сегодня мусульманская империя давно уже мерт-

ва. Но тот человеческий элемент, который сформулировал ее культуру, все еще жив. Арабская культура не была продуктом ограбления других культур или эксплуатации импортированных талантов. Она выросла из творческих глубин самого арабского народа. В течение семи столетий евреи и арабы жили в этой культуре бок о бок в мире и взаимном уважении. Если впоследствии евреи оказались в арабских странах в тяжелых условиях, это произошло не по вине арабов. Такие условия создали для них — и для самих арабов — завоеватели последующих веков.

Сегодня арабский мир снова возрождается из небытия. Если при этом арабы стремятся использовать евреев для того, чтобы самим выбраться из трясины, они повинны в этом не больше, чем другие нации, которые ради собственных целей прибегают к аналогичной политике. Сегодня еврейские руководители в их же собственных национальных интересах обязаны убедить арабских лидеров, что не вражда, а дружба с евреями, как и в старину, может помочь им добиться своих законных целей. Мудрая государственная политика способна ослабить нынешнюю напряженность между евреями и арабами. Эта напряженность не имеет никаких глубоких расовых или религиозных корней. Она порождена исключительно временными политическими причинами. История показала, что евреи и арабы могут жить вместе без вражды и со взаимной выгодой друг для друга.

VI

ГОСУДАРЬ И ЖЕЛТАЯ ЗВЕЗДА

Рассказ о том, как евреи могли спастись от изгнания в гетто с помощью крещения, но избрали позорную желтую звезду, и как стали они необходимы средневековым владыкам, ибо в эту мрачную эпоху они были единственными, кто нес светоч знаний и дух предпринимательства.

ВОТ КОГДА ЭТО ПРОИЗОШЛО

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ПЕРИОД

Христианский: 500 г. н.э. — 1500 г. н.э.

Еврейский: 500 г. н.э. — 1800 г. н.э.

Европейская история

Еврейская история

Падение Рима. Остготы основывают Италию, вестготы — Испанию, франки и бургундцы — Францию. Западные варвары обращены в христианство. Мрачная эпоха феодализма в Европе	500 н.э. до 800	Насильственное крещение большого числа испанских евреев. Евреев приглашают на поселение в Италию, Францию и Германию, чтобы основать города и расширить торговлю. Они становятся европейским средним сословием
Карл Великий объединяет центр Европы в империю франков. Папы получают гражданскую власть. Развал централизованного правления. Мрак сгущается	800 до 900	Карл Великий приглашает евреев в свои владения. Евреи организуют в Европе большие торговые предприятия. Появление первых каббалистических сочинений
Крещение в Восточной и Северной Европе. Вторжение Вильгельма Завоевателя в Англию. Мрак рассеивается. Ос-	900 до 1100	С Вильгельмом Завоевателем евреи приходят в Англию. Расширяется ростовщичество; евреи становятся бан-

нование священной Римской империи

Два века крестовых походов. Вторжение крестоносцев-католиков в Константинополь. Альбигойская ересь. 4-й Церковный собор. Основание первых европейских университетов

Возрождение. Закладываются основы нового гуманизма. Церковь наводняется новыми ересями. Рост меркантилизма; средние классы приобретают все больший вес. Феодализм загнивает

Конец Возрождения. Реформация. Столетие религиозных войн. Вестфальский мир. Появление национальных государств. Усиливается власть бюргеров.

кирами Европы. Продолжается перевод греческих трудов. Евреи достигают высшего уровня образования в Европе

1100 до 1300 Бегство евреев из долины Рейна с началом крестовых походов. Евреи поселяются в либеральной Польше, развивают ее экономику. Первые обвинения в ритуальных убийствах и в осквернении гостии. Первое сожжение Талмуда. Изгнание из Англии. Появление каббалистического сочинения «Зохар»

1300 до 1500 Изгнание евреев из Франции (14 в.); изгнание из Испании и Португалии (15 в.). Преследования на экономической основе. Еврейские экономические интересы перемещаются с Запада на Восток. Каббалистические сочинения приобретают метафизический характер

1500 до 1700 Изгнание евреев в гетто в Италии, Германии и Центральной Европе. Евреи поселяются в России. Установлена «черта оседлости». Дальнейшее раз-

Научные открытия изменяют характер европейского мышления

Россия и Пруссия становятся сильными государствами. Раздел Польши. Новая концепция государства в «Общественном договоре» Руссо. Свержение Людовика XVI. Французская революция потрясает Европу. Наполеон захватывает власть. Время индустриализма

1700
до
1800

витие каббалы. Ересь Саббатая Цви. Евреи возвращаются в Англию, Голландию, Францию. Появление придворных евреев

Франкистская ересь. Появление хасидизма. Еврейские ученость и знания деградируют. Зарождается психологический антисемитизм

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ, ВОЗРОЖДЕНИЕ, РЕФОРМАЦИЯ

Большинство христианских ученых рассматривают еврейскую историю Средних веков как едва различимую нить в сложном орнаменте феодального гобелена. Еврейским историкам эта нить представляется петлей, накинутой на шею евреям. На наш взгляд, средневековая еврейская история скорее напоминает многоцветную группу нитей, вплетенных в общий рисунок и следующих его основной композиции. Стоит забыть об этой композиции — и еврейская история предстанет перед нами как последовательность разрозненных событий и немотивированных гонений — такая утомительная панихида. Однако, взглянув на орнамент поближе, можно различить поразительный узор религиозных, экономических и психологических факторов. В средние века еврейская история разворачивается обратно истории христианской: там, где счастье изменяет христианам, оно благосклонно к евреям, и наоборот.

Средневековый мир выработал три основных типа отношения к евреям. Первый из них возник в 6 веке и сошел на нет в 11 веке. Второй сохранился четыреста лет — два века крестовых походов и два века Возрождения. Третий появился с Реформацией и охватил период между 1500 и 1800 гг. Рассмотрим каждый из этих типов на историческом фоне иудео-христианской драмы.

После покорения Иудеи Помпеем евреи и римляне

стали «неразлучны». Позади римских армий с их императорскими орлами маршировали евреи со стягами свободного предпринимательства. Евреи появились в Италии во 2 веке до н.э., во Франции — в 1 веке до н.э., в Испании — на столетие позже. В конце 3 века н.э. евреи проникли далеко на север, достигнув Кельна (Германия). Ко времени вторжения восточных варваров евреи уже жили в Европе на протяжении веков.

К 6 веку варвары — вестготы, остготы, вандалы, гунны, франки, бургунцы — полностью разорили Европу. Всеобщее невежество, поругание человеческих прав, нищета стали повсеместным бедствием. Приблизительно к концу 8 века началось образование четырех государств, ныне известных как Италия, Франция, Испания и Германия. Эти государства — с присоединившейся к ним с 11 века Англией — вплоть до 1800 г. играли ведущую роль в европейской истории.

Остготы поселились в Италии. Их король Теодорих Великий сумел вывести страну из состояния хаоса. Вестготы добрались до Испании, где основали государство и были обращены в христианство в 587 г. Вандалы дошли до Франции, съели, растащили и продали все, что смогли, и уничтожили остальное. Вместе с франками и бургунцами они основали первое королевство франков и приняли католицизм в конце 5 века, во время правления Хлодвига I. Германия в те времена представляла собой мешанину варварских племен — гуннов, славян, алеманнов, фризов, саксонцев, баварцев. Южная Германия стала более или менее христианской в 600 г. н.э., отпала от веры в 700 г. и была вновь обращена в христианство в 800 году. Именно в это время Карл Великий объединил центр Европы в единое государство. Карл Великий был двухметрового роста, бегло говорил по-латыни, был сведущ в греческом, не умел писать, но оставался просвещенным монархом и покровительствовал искусствам, наукам и евреям. На Ро-

ждество 800 г. багроволицый длинноусый Карл был коронован как император, и папа смиренно преклонил перед ним колена. Но принес ли сей новоявленный Цезарь культуру Европе, как поклонник приносит цветы своей возлюбленной? К сожалению, «склеенная из кусочков» империя Карла Великого распалась в результате неумелого управления его набожного, напыщенного и тщеславного сына, а затем и внуков, сменивших его на троне.

В том же столетии Европу постигло еще одно бедствие — новое вторжение варваров. С севера, из туманов Скандинавии, появились странные вооруженные люди. Их ладьи напоминали хищных птиц. То были викинги — люди моря, явившиеся за добычей. Скеггоксами и скрамасаксами* они расчищали себе путь. Викинги искусно убивали евреев и неевреев и ревностно сжигали синагоги и церкви. Они исчезли так же внезапно, как и появились, а по их следам монахи в рясах понесли крест Христа к пустынным берегам Скандинавии.

Закрепившись в Южной и Западной Европе, христианство начало теперь проникать на север и на восток. К началу 10 века оно укоренилось в странах, называющихся теперь Богемией, Польшей, Болгарией и Россией. К концу 10 века христианство распространилось по Северной Германии, Дании, Швеции, Норвегии и Исландии. Последними по времени крещения странами Европы были Финляндия и Литва. В течение столетия шведские крестоносцы безуспешно пытались обратить в христианство финских язычников, но каждый раз их армии благополучно тонули в финских болотах — не без помощи Укко, финского бога воздуха. В конце концов, однако, чудеса одолели колдовство. В 1155 г. на берегах Святого озера

* Скеггокс — острый, как бритва, кривой топор, предназначенный для абордажа и рукопашного боя; скрамасакс — односторонний меч, покрытый руническими надписями для того, чтобы боги придали ему большую крепость и точность.

(Puhājärvi) финнов насильно крестили, загнав их в воду. Души утонувших были, разумеется, спасены. Укко бежал, устрешенный таким чудом. Уцелевшие финны приняли христианство, после чего быстро превратились в послушных крепостных шведских господ.

Литва приняла христианство в 1250 г. Это был политический шаг для защиты страны от миссионерского пыла тевтонских крестоносцев. Десятилетие спустя Литва отпала от христианской веры. Повторное крещение состоялось на столетие позже. Язычник Ягайло, Великий князь Литвы, женился на польской княжне Ядвиге, принадлежавшей к римско-католической церкви. С постепенным смешением аристократии обоих государств христианство начало проникать в литовские массы.

Столь богатый крещениями десятый век был в то же время одним из веков европейской эпохи Мрака. До 12 века на всем континенте не существовало ни одного христианского университета. Невежество 6 века привело теперь к тупому оцепенению, отстаивание прав личности рассматривалось как преступление против церкви и государства, бедность превратилась в откровенную нищету. Единственной целью жизни было провозглашено спасение души. 1000 г. стал поворотным пунктом в истории евреев и неевреев — но по разным причинам.

Евреи удачно избежали первой фазы средневековой истории — повсеместного разорения. Для тех, кто интересуется лишь статистикой, кажется немаловажным предположительное большое число убитых евреев за эти столетия. Мы позволим себе процитировать Монтеня: «Есть нечто приятное в несчастьях наших приятелей». Достаточно вспомнить, что население Рима, составлявшее около 1 млн. человек, после опустошительных набегов варваров уменьшилось до 50.000. Готы и вандалы, франки и викинги никогда не интересовались религиозными верованиями своих жертв, пока не стали христианами.

В Италии Теодорих Великий (454--526) пригласил евреев селиться в любом городе в пределах его владений — Риме, Неаполе, Венеции, Милане и в своей новой столице — Равенне. Евреи были торговцами, банкирами, судьями, земледельцами, ювелирами и ремесленниками. Вполне возможно, что около трети итальянских евреев были потомками Ромула и Рема, а не Моисея, так как их предками являлись бывшие язычники, перешедшие в иудаизм около 100 г. н.э.

Подобное же положение существовало во Франции и в Германии. Карл Великий отовсюду собирал евреев в свою империю. Евреи требовались для заселения городов, развития промышленности и расширения торговли. Исходя из этого Карл даровал им либеральную привилегию самоуправления. Многие евреи занимали важные посты при дворе, особенно на дипломатической службе. Первопричины подобного отношения к евреям ясны. Дело в том, что в феодальной системе существовали только три социальных сословия. Пословица 11 века гласит: «Знать сражается, священники молятся, народ работает». Сословия бюргеров, купцов не существовало — это поле деятельности было открыто для евреев.

В Испании картина была несколько другая. Здесь король Рекаред с таким усердием насаждал христианскую веру, что крестились не только вестготы, но и многие евреи. Когда мусульмане захватили Испанию и гарантировали свободу вероисповедания, многие из насильно крещенных евреев не вернулись полностью к религии Моисея. Эти «тайные евреи» стали космополитами, гражданами мира. Элегантные и самоуверенные, появлялись они при дворах грандов и визирей и даже брали в жены их дочерей. Так возникла наиболее спорная и волнующая проблема в Испании, которая была (со столь бедственными последствиями) разрешена лишь в конце 15 века.

Можно заметить, что в основе сил, сформировавших еврейскую историю в раннем Средневековье, лежат два парадокса: евреи оказались единственными

нехристианами в христианском мире, и по иронии судьбы именно они жили на свободе — вне феодальной системы, ставшей тюрьмой для христиан.

Почему же евреев не пытались окрестить либо убить, как других язычников или неверных? Почему именно им было даровано такое исключение? Почему церковь защищала их?

Церковь зашла в этот тупик благодаря своей собственной логике. Культура средних веков была религиозно ориентирована; для церкви представлялось немаловажным обратить евреев в христианство. Церковь не могла утверждать универсальную божественность Иисуса, в то время как его собственный народ не признавал этого. Чтобы побудить евреев принять христианство, им предлагались всяческие льготы. Однако евреи упорно отказывались креститься. Перед церковью возникла дилемма: с одной стороны, игнорировать евреев означало признать, что Иисус не является универсальным божеством; с другой стороны, церковь не могла расправиться с его народом, как с прочими. Это означало бы, что евреи так и не признали Иисуса в качестве бога. Еврей в христианском мире превратился в некую амбивалентную фигуру. Его нельзя было ни обратить в христианскую веру, ни убить. Чтобы воспрепятствовать еврейской религии сеять сомнения в душе христианина, еврей был исключен из феодальной системы. Церковь заключила в тюрьму свою паству и выпустила евреев на свободу.

Некоторые антиеврейские законы не были новыми. Они были сформулированы согласно Ветхому завету и талмудическим законам, направленным против неевреев. Старые еврейские законы запрещали нееврею быть царем Израиля либо занимать пост, позволяющий ему править евреями. Чтобы предотвратить слишком активное смешение между евреями и греками, еврейский религиозный закон запрещал продажу земель неевреям. Подобные законы были теперь обращены христианами против евреев.

Невозможно определить эти законы как «хорошие» или «плохие» согласно нормам сегодняшнего общества. Они были выражением духа общества того времени.

Тот, кто пожелает интерпретировать еврейскую историю раннего средневековья в духе мученичества, обнаружит довольно мало фактических материалов. Как уже говорилось в отношении законодательств Константина, Констанция, Феодосия и Юстиниана, соблюдение случайных эдиктов против евреев было скорее исключением, чем правилом. Рьяные энтузиасты, стремительно «делавшие историю», то тут, то там время от времени издавали законы об изгнании евреев из того или иного города. Но скоро евреев с извинениями звали вернуться, поскольку феодальное общество еще не создало собственного сословия купцов. Эти исключения из общего правила никак не отражают официальную политику церкви, как, например, линчевание негра в наши дни не отражает официальную политику США в этом вопросе. Со времени эдикта папы Григория Великого (591 г.), запрещавшего насильственное крещение евреев, и до декрета папы Иннокентия III на 4-м Церковном соборе (1215), когда был введен желтый отличительный знак, евреи жили в сравнительной свободе и умеренном достатке.

До 11 века церковь относилась к упорствующим евреям довольно терпимо — в надежде, что со временем евреи удостоверятся в своих заблуждениях. Церковь властвовала, правительства подчинялись, народ был послушен. После 11 века непредвиденные события и их последствия в корне изменили весь ход еврейской истории и еврейской жизни в средние века. Ограничительные законы, так же как требование носить унижающее одеяние, обвинения в ритуальных убийствах и осквернении святынь, изгнание в гетто, — все это результаты крестовых походов, Возрождения и Реформации, а не мрачного средневековья.

Если лозунг «спасения душ» был ключом к первой

фазе средневековой истории, то лозунг «больше спасенных душ» был ключом к крестовым походам. Спасения, как и денег, всегда не хватает. Хотя побудительные причины крестовых походов гнездятся глубоко в религиозной, социальной и политической структуре того времени, для еврейской истории эти причины значения не имеют. Важны лишь сами крестовые походы.

Нам требуется внимательно и осторожно направить увеличительное стекло на этот период. Если мы сфокусируем его только на евреях, этот промежуток времени превратится в кровавый рассказ об ограблениях еврейских поселений, убийствах, грабежах и неизбежных изнасилованиях. При расширении поля наблюдения таким образом, чтобы оно включало как евреев, так и христиан, появится совершенно иная картина.

Многие крестоносцы были благочестивыми христианами, воспламененными призывом к освобождению Святой земли и превращению Иерусалима в христианскую святыню. Другие отправились в поход, предвкушая легкие грабежи и безнаказанные убийства. Прошли дни рыцарства, когда только рыцари и их оруженосцы могли расстаться с жизнью на поле брани. Теперь и широким массам было даровано право умереть с честью; однако подобная рыцарская прерогатива вовсе их не радовала. И поскольку в то время не существовало всеобщей воинской повинности, то за участие в крестовых походах крепостным была обещана свобода, уголовникам — помилование, грешникам — прощение.

В результате этой агитации повсюду появились вооруженные толпы, полные энтузиазма, недисциплинированные, без продовольствия. Нехватка еды стала ощущаться уже задолго до того, как крестоносцы достигли Святой земли. По пути военные отряды грабили беззащитные поселения. Первыми пострадали еврейские общины. Многие ходатайствовали перед папой по поводу этих нарушений закон-

юсти. Во многих местах христиане пришли на помощь евреям. Однако грабежи охватили теперь не только евреев, но и самих христиан; повсеместно заязывались бои. По пути в Святую землю погибло больше крестоносцев, чем добралось туда.

Один крестовый поход за другим кончались либо полным поражением, либо незначительными победами. Становилось все труднее заручиться поддержкой широких масс. Да и сам характер крестовых походов изменился: вместо освобождения Святой земли крестоносцы стремились теперь ограбить богатую Византийскую империю. Вместо магометан врагом крестоносцев стала греческая вера — православие. Отдельные случаи насилия над евреями закончились кровавой баней для христиан.

Отношения между Константинополем и Римом, непрерывно ухудшавшиеся со времени основания Византийской империи в 5 веке, вылились в откровенную ненависть; в 1094 г. понтифики Рима и Константинополя провозгласили друг другу анафему. «Политическое недоверие было причиной ненависти латинян к грекам; в то же время греки чувствовали презрение и отвращение к примитивной латинской ереси»*.

История Византийской империи представляет собой, по утверждению Гиббона, «утомительно однообразную историю бессилия и бедствий». Военная мощь империи была ослаблена интеллектуальной недостаточностью. За одиннадцать веков своего существования Византия произвела на свет только три художественные формы: византийские церкви, византийскую живопись и кастрированных византийских мальчиков-хористов. В Византии не появилось ни одной новой мысли и ни одного оригинального философа, писателя либо крупного ученого.

Изгнание евреев из Византийской империи перед

* Стивен Рунсимэн. «Византийская цивилизация», стр. 100.

началом крестовых походов* было для них тройной удачей. Они спаслись от резни, церковного проклятия и от историков, которые истолковали бы кровавую бойню как еще одно свидетельство преследования евреев. В 1183 г. византийские греки перебили всех итальянцев, а в 1204 г., во время 4-го крестового похода, итальянцы отомстили им, учинив почти беспрецедентную в истории резню. Зверства крестоносцев потрясли папу, государей и народ, однако всеобщий ужас не остановил убийств! Византийская империя превратилась в труп; ее города были отданы на разграбление итальянским городам-государствам, финансировавшим поход. Хотя через пятьдесят лет греки вновь завладели Константинополем, империя была уже подорвана. В 1453 г. Византия пала под бешеным натиском турок; оплот христианства на Востоке перестал существовать.

Пятый крестовый поход увенчался незначительным успехом. С шестым и седьмым походами рвение крестоносцев несколько поутихло, а после восьмого похода огонь крестовых походов постепенно угас. И евреи и христиане радовались, что все позади. Случилось так, что крестовые походы имели совершенно противоположный ожидаемому эффект. Казалось, что захват Иерусалима объединит верующих в сплоченное христианское общество. Однако вера христиан в свое превосходство получила сильнейший удар. Тысячи из них познакомились с превосходящей их собственную культурой мусульман. Крепостные, получившие свободу, повидавшие Константинополь и великолепную жизнь сарацин, не захотели возвращаться обратно в свои деревни. Они оседали в поселках, которые разрастались в города. Дух беспо-

* Согласно Рунсимэну, евреев изгнали во время правления Романуса I (919—944), но затем приняли обратно. По словам Гиббона, история византийских евреев также есть «утомительная и однообразная череда» бедствий и преследований, хотя, как добавляет Рунсимэн, «евреев преследовали не церковники, а миряне» (там же, стр. 105).

койства охватил Европу. Эти умонастроения выразились в творческом взлете Возрождения и религиозном протесте Реформации. В первом евреи участвовали в полной мере и с блестящим успехом; во втором они пытались держаться вне «семейной ссоры» и потерпели ужасное поражение.

Хотя вся Европа была подготовлена к Возрождению, именно итальянцы первыми почувствовали и «оседлали» его, выдвинув достаточно гениев, сплотивших сумбурные стремления века в интеллектуальную силу, которая действовала на европейской арене на протяжении двух столетий (прим. 1320—1520). Не вся Италия участвовала в гуманистическом обновлении. Его границами служил прамоугольник, образованный Неаполем на юге, Миланом на севере, Венецией на востоке и Генуей на западе. Оно было возведено гуманистами (Данте, Петрарка, Боккаччо) и умерло с художниками (Челлини, Тициан, Микеланджело). Между ними сверкают такие имена, как Леонардо да Винчи, фра Филиппо Липпи, Беллини. Печальная обязанность еврейского историка требует признать, что среди них не было ни одного еврея.

Итальянское Возрождение шло по нерелигиозному пути: его основным объектом был человек. В Северной Европе запоздавшее на сто лет Возрождение приняло в основном религиозный характер. Пример тому — Иоханн Рейхлин в Германии (1455—1522), который оказал глубокое влияние на историю Европы, заложив, по существу, фундамент протестантизма. Влияние, оказанное его сочинениями на развитие теологических концепций Лютера, несомненно. Гуманистическая философия Рейхлина была иудаистской. Христианин, воспитанный на латыни, он бегло говорил на иврите, был знаком с ивритской литературой и изучал Каббалу — еврейскую мистико-материальную философию, просочившуюся в работы еврейских и христианских ученых времен Возрождения. Рискуя жизнью, ибо отклонение от церковной догмы означало смерть, Рейхлин защищал евреев и

Талмуд от злословия и клеветы и популяризировал еврейство в среде интеллектуалов-христиан.

На примере Рейхлина можно убедиться, что иудаизм играл большую роль в распространении гуманистического учения в Германии. Однако роль самих евреев в развитии Ренессанса представляется уже не столь ясной. Ученые сходятся на том, что Возрождение началось в результате повторного открытия, переосмысления греческой культуры, и обычно связывают это с именем Петрарки. Но разве тот факт, что Возрождение возникло в районах, где существовала наиболее активная еврейская жизнь, является лишь случайным стечением обстоятельств? Возрождение началось не во Франции, Англии или Германии, а в областях, где евреи уже 300 лет занимались переводом греческих, арабских и еврейских классиков на латынь. В Неаполь, центр Возрождения, Фридрих II пригласил евреев для перевода греческих сочинений и преподавания иврита ученым-христианам. Петрарка шел по следам евреев. Разумеется, подобные «совпадения» не являются доказательством, но, возможно, перед ученым-исследователем здесь открывается широкое поле изысканий.

Папы и императоры с опозданием открыли, что Возрождение было не только прекрасным, но и опасным. Оно освобождало людей, заставляло их думать, побуждало сомневаться в установленном порядке вещей. Появление науки в особенности потрясло все любовно лелеемые христианским умом предрассудки. Слишком поздно люди, открывшие этот ящик Пандоры, попытались захлопнуть крышку. Это удалось сделать только в Испании и в основном потому, что Возрождение еще не успело обосноваться в этой стране и надругаться над девственной чистотой испанского мозга. В 1305 г. в Испании было запрещено изучение наук, и одними из первых жертв инквизиции стали не евреи, а ученые-христиане. Галилей по-

чувствовал, что лучше жить ради своих убеждений, нежели умереть за них, — и не совершил паломничества на костер. Представ перед итальянской инквизицией, он публично отрекся от своего учения и частным образом продолжал свои занятия. Однако Испания настолько эффективно преградила путь науке, что и до сих пор ни один испанец не совершил сколько-нибудь значительного научного открытия.

Опасное течение Возрождения смешалось с потоками еретических протестов против официальной церкви. Из всех ересей наиболее интересной является альбигойская (12—13 вв.), поскольку она прямо повлияла на создание инквизиции и косвенным образом на изгнание евреев из Испании.

Рьяные властители решили наказать христиан-альбигойцев в Южной Франции, осмелившихся сомневаться в догмах церкви. Так как вместе с жизнью еретик, как правило, лишался и своего имущества, знать скоро заметила прямую зависимость между числом очищенных смертью еретиков и количеством золота в своих сундуках. Охота за еретиками оказалась доходным предприятием. В одном из французских городов были безжалостно убиты 20000 альбигойцев; их имущество было законным образом конфисковано. Наконец папство забеспокоилось: «частная охота» на еретиков была запрещена (как впоследствии и «частная охота» на евреев). Так образовалась инквизиция (от латинского *inquisitio* — розыск, расследование), в чьи обязанности входила проверка того, действительно ли подозреваемый является еретиком. В первые столетия своего существования инквизиции не разрешалось заниматься евреями, мусульманами и другими неверными — только христианами.

Поскольку церковь питала отвращение к кровопролитию, было решено сжигать приговоренных на костре. Сожжение за религиозные убеждения вызывает ужас у современного человека, который, однако, не видит ничего недопустимого в расстреле или

повешении по политическим мотивам. По иронии судьбы, обязанность вырубать ростки инакомыслия провозглашается еще в Ветхом завете (Второзаконие, 17:2—5): «Если найдется среди тебя... мужчина или женщина, кто сделает зло перед очами Господа, Бога твоего, преступив завет Его, и пойдет и станет служить иным богам, и поклонится им... и тебе повешено будет... то выведи мужчину того, или женщину ту... и побей их камнями до смерти». Но поскольку в глазах христианской церкви еретиком могли быть лишь христиане, то библейский Закон, с несколько усовершенствованным наказанием, был обращен именно против них. Так евреи оказались в сравнительной безопасности, тогда как христиане один за другим сгорали на кострах.

Альбигойская ересь распространилась из Франции в Германию и затем в Восточную Европу. Испания была озабочена распространением этой заразы. Она имела и другие причины для беспокойства — там обитало большое число крещеных евреев. Испанцы называли их *conversos*, или «обращенные», «перешедшие в другую веру», а евреи — *maganos*, то есть «свиньи», «поросятаина». Было бы интересно узнать, кто впервые воспользовался словом *maganos* — испанцы или евреи, почему кличка пристала и почему евреи до сих пор упорно продолжают называть испанских «тайных евреев» марранами, даже когда те громко оплакивают свою трагическую судьбу.

Проблема крещеных евреев в Испании восходит к 4 веку, когда король Рекарред разом окрестил около 90 000 евреев. Неизвестно, какое число из них осталось христианами, сколько вернулось в иудаизм и сколько решило исповедывать обе религии, когда мусульмане в 8 веке захватили Испанию.

При очищении Испании от мусульманства «христо-во воинство» сперва не различало евреев и арабов, так как они носили одинаковые одежды и разговаривали на одном и том же языке. Поэтому реконкистадоры одинаково беспристрастно убивали и тех и

других, никому не оказывая предпочтения. Но скоро испанские графы и гранды оценили еврейскую ученость и предприимчивость. Тогда евреям были предложены всевозможные льготы, чтобы побудить их отстаться в христианской Испании, расширить ее торговлю и обогатить культуру. Однако, поскольку Испания снова вернулась в лоно христианства, страну охватила жажда тотальной христианизации. Процесс этот шел столь успешно, что к концу 15 века главной проблемой испанских властей стали уже не евреи, а марраны.

Благодаря своим знаниям и опыту марраны занимали важные государственные посты. Они брали себе жен из благороднейших испанских семей и становились не только грандами и кузенами королей, но даже епископами и архиепископами. Это вызывало зависть и гнев коренных испанцев-христиан, которые не могли достичь столь высоких должностей и негодовали при виде такого глумления над ортодоксальным христианством. Точно такое же негодование вызывали марраны у верующих евреев, считавших преуспевание марранов издевательством над ортодоксальным иудаизмом. И Маймонид, и Раши сочли нужным выпустить специальные эдикты касательно марранов, где требовали, чтобы евреи относились к ним более дружелюбно и предупредительно, на случай, если те решат вернуться в лоно иудаизма.

Проблема марранов была гнойной болячкой на теле испанского клерикализма. Церкви не нравилось растущее влияние марранов, ставивших наслаждение жизнью выше умерщвления плоти. Многие считали, что пора ввести инквизицию и покончить с этой проблемой, как было сделано с альбигойцами. Наконец, в 1482 г. решение было принято, и испанская церковь передала бразды правления инквизицией Томасу де Торквемаде. В его полномочия входило подавление любых еретических тенденций, сперва среди марранов, а затем — в любом месте, где они только обнаружатся.

По мнению евреев, Торквемада был сатаной в человеческом облике, а испанская инквизиция была специально создана для истязания евреев. У нас нет намерения обелить Торквемаду либо преуменьшить ужасы инквизиции. Но чтобы увидеть в еврейской истории нечто большее, чем непрерывный ряд гонений, нужно рассматривать Торквемаду и его функции в рамках социальной структуры эпохи, а инквизицию нужно понимать в ее расширенных, более страшных измерениях. Фанатизм Торквемады ужасает человека 20 века. Но он вовсе не был варваром-палачом. Он был занят не столько истреблением евреев, сколько спасением католического христианства. Отказавшиеся креститься, сохранившие свою веру евреи не попадали под юрисдикцию инквизиции. На кострах аутодафе сгорали христиане и признанные еретиками марраны. Смерть приходила к ним как освобождение после многих дней и недель мучительных пыток. Конечно, некоторые евреи погибли в то время жестокой смертью, но в основном они пали жертвами самосуда толпы. Они не были приговорены к смерти официальной церковной инквизицией.

Когда «ересь марранов» была искоренена, Торквемада обратился к папе с просьбой разрешить ему выслать евреев из Испании. Он мотивировал свою просьбу соображением, что пока евреи живут в Испании, иудаизм представляет собой очевидную и непосредственную опасность для католической веры. Папа ответил отказом. Торквемада был убежден в своей правоте. Будучи духовником королевы Изабеллы, он стал добиваться от нее изгнания евреев. Королева Изабелла и король Фердинанд (чей брак устроил испанский еврей Авраам Сеньор) вначале отказывались, но давление испанской церкви усилилось, и в конце концов они были вынуждены дать свое согласие.

Если верить рассказу, настойчиво повторяемому еврейскими историками, этот план чуть было не рух-

нул. В дело вмешался дон Ицхак Абраванель, ученый и раввин, обладавший к тому же талантами крупного финансиста. Прослышав о предполагаемом изгнании евреев, Абраванель, в то время министр финансов при испанском дворе, предложил королевской чете за отмену приказа настолько фантастическую сумму, что те заколебались. Торквемада в это время подслушивал за дверью. Забыв о предосторожностях, он ворвался в комнату, поднял над головой распятие и закричал: «Смотрите на Спасителя! Злодей Иуда продал его за тридцать сребреников! Вам это нравится — что ж, продайте его за бóльшую сумму!» Испуганная таким оборотом дела, королевская чета подписала приказ об изгнании евреев. В том же году и в том же месяце Колумбу было приказано предпринять путешествие, которое привело к открытию Америки.

Как Моисей из Египта, дон Абраванель выводил детей израилевых из Испании. Из 150 000 евреев 50 000, чьи предки жили в Испании на протяжении пятнадцати веков, не захотели оставить родину и заплатили за это крещением. Из остальных 100 000 около 10 000 погибли, около 45 000 в конце концов осели в Турции, приблизительно 15 000 — в Северной Африке и Египте, 10 000 — в Южной Франции и Голландии, 10 000 — в Северной Италии, около 5000 рассеялись по разным местам Европы, Азии и Африки; около 5000 этих странников были в числе первых поселенцев в Южной Америке. Сам Абраванель поселился в Италии, где сначала служил при дворе неаполитанского короля, а затем стал советником венецианского дожа.

В Северной Африке, Египте и в Османской империи евреи на протяжении нескольких последующих веков пользовались практически полной религиозной и экономической свободой. Хотя христиане видели в турках настоящий бич божий, отношение турок к евреям долгое время напоминало времена прежней исламской империи.

В Португалии также была учреждена инквизиция для проверки тамошних марранов. В 1496 г. евреям пригрозили высылкой. Бежавшие от преследований португальские евреи осели в Северной Африке, в государствах северной Италии и в Османской империи. Во второй половине 16 века многие марраны, еще остававшиеся в Португалии, бежали в Голландию и Южную Америку.

После того, как основная масса евреев была изгнана из Испании, инквизиция занялась крещеными маврами. Их изгнали в 1502 г. Затем начались расследования по делам христиан; в 16, 17 и 18 веках аутодафе уже полыхал по всей Европе. Церковь утратила контроль над инквизицией, и христиан и евреев ждала одинаково горькая участь. И все же на каждого казненного тогда еврея приходился тысяча и один христианин.

Мы говорили, что политическая история евреев в средние века обратна истории христианской. Аналогичную параллель можно провести и в сфере экономики. По мере улучшения благосостояния христиан благосостояние евреев ухудшалось. Для объяснения этого феномена не требуется ни заумная марксистская экономика, ни новейшие социальные теории. Здесь действовал древний, всеобъемлющий и исключительно простой закон. Когда феодальный человек понял, в чем состоит превосходство евреев, он адаптировал их познания, изгнал их (чтобы избавиться от конкуренции) и принялся сам «делать бизнес». В 13—14 веках христиане, стремившиеся выйти из «феодальных гетто», увидели, что все доходные места уже заняты евреями. Были изданы законы, сгоняющие евреев с насиженных мест в еврейские гетто. Экономические функции правления из рук евреев перешли в руки христиан.

Поскольку это совпало с пересмотром еврейского вопроса церковью, то новый порядок не вызвал ее возражений. Пока еретические секты были небольшими и изолированными, церковь знала, что сможет

легко уничтожить их — с суровостью, порожденной любовью. Но число еретиков увеличивалось, и церковь перестала прощать. Церковь не могла больше себе позволить терпеть религиозное еврейское меньшинство, поскольку своим отказом от крещения евреи поддерживали идею свободы вероисповедания. Все больше и больше интеллектуалов-христиан обращалось к евреям за помощью в изучении иврита и толковании Писания, и упорство евреев в вопросе о крещении, прежде не беспокоившее церковь, теперь, по вполне понятным причинам, вывело ее из терпения. Евреев нужно было удалить из христианского общества. Заточение их в гетто казалось удачным решением.

Опасения церкви впервые проявились во время 4-го Латеранского собора, созванного папой Иннокентием III в 1215 г. На повестке дня стояли три вопроса: пересмотр церковных догм, альбигойская ересь и опасность, которую представляли собой евреи. На этом соборе были сформулированы антиеврейские законы, имевшие целью дальнейшую изоляцию евреев от христианского общества. Было решено обязать евреев носить опознавательный знак.

Для евреев настали тяжелые времена. Участились враждебные акты. Начались сожжения Талмуда, обвинения в ритуальных убийствах. Церковь не предвидела, что дело пойдет так далеко. Она публиковала буллу за буллой с протестами против фальсифицированных обвинений. Но течение событий нельзя было повернуть вспять. Новое христианское среднее сословие требовало отчуждения евреев.

На примере Англии можно ясно проследить эту тенденцию. Первое обвинение в ритуальном убийстве имело место именно в Англии. Англия была также первой страной, изгнавшей евреев. Евреи прибыли в Англию в 1066 г. по приглашению Вильгельма Завоевателя, который нуждался в еврейском капитале для создания сильного государства. Как и во Франции, Италии и Германии, английские евреи

скоро обогатились и добились большого влияния. Король Вильям Руфус, наследник Вильгельма, даже запретил евреям переход в христианство — по той причине, что это «лишит его больших доходов и создаст ненужные проблемы». Но к 1200 г. английские и итальянские ростовщики стали вытеснять евреев. К 1290 г. в королевстве почувствовали, что можно обойтись и без евреев, и изгнали их.

Безжалостные силы экономики и истории пришли в действие. Изгнание из Англии было предвестием не только изгнания евреев из других стран, но и назревавшего конфликта между социальными и религиозными силами внутри самого христианства. К концу 14 века евреи были изгнаны из Франции. В 15 веке их изгнали из различных германских государств; в конце того же века они были изгнаны из Испании и бежали из Португалии. Изгнанием евреев все эти государства надеялись предотвратить назревавший мятеж (виноваты, мол, не экономические и социальные проблемы общества, а евреи). Они поступали, как врач, который прописал бы аспирин пациенту с опухолью головного мозга. В 1517 г., когда Лютер прибил свои 95 тезисов к дверям церкви в Виттенберге, вызов господству католической церкви был прибит к телу христианства столь же прочно, как тело Христа к римскому кресту.

И для Возрождения, и для евреев места больше не было. Оба стали «предметами роскоши», обреченными на уничтожение. В 1516 г. в Венеции было создано первое гетто для полной изоляции евреев. В 1550 г. евреев изгнали из Генуи. В 1569 г. они были изгнаны из большинства подвластных папе государств. Западная Европа, которая тысячу лет была центром еврейской жизни, к 16 веку практически лишилась еврейского населения. Евреев не убивали, не уничтожали. Их изгоняли.

Куда же направили они свой путь?

Евреи двинулись на восток — в Германию, Польшу, Австрию, Литву, куда графы и короли пригла-

шали их на поселение по тем же причинам, по которым евреев приглашали в Западную Европу в 6—7 веках. Казимир Великий, этот польский Карл Великий (1333—1370), пригласив евреев в Польшу, дал им разрешение арендовать земли и деревни — при условии, что евреи создадут в стране торговлю и промышленность, помогут заселить города и развить экономику. К 1500 г. «центр тяжести» европейского еврейства полностью переместился в Восточную Европу.

Реформация оставила глубокий след в еврейской истории. Она изменила не только социальную, но и экономическую структуру еврейского общества. Поэтому, чтобы понять влияние Реформации на жизнь евреев, мы должны прежде всего проследить ее истоки.

Реформация не возникла вдруг на немецкой почве, подобно Афине-Палладе, появившейся из головы Зевса. Появление Реформации подготавливалось около столетия. Сожжение Гуса в 1415 г. и Савонаролы в 1498 г. ослабило на время дух мятежа, но не уничтожило его. У христиан не было алхимиков-талмудистов, умеющих смешать веру и знания в безвредную, социально полезную смесь. В 16 веке европейский континент взорвался в религиозном мятеже: Лютер в Германии, Цвингли в Швейцарии, Кальвин во Франции, Нокс в Шотландии.

Католическая церковь пыталась преградить путь протестантизму, но безуспешно. Католичество потеряло всю Скандинавию, Англию, Шотландию, Северную Германию, Голландию. Мятеж охватил Францию. Нам не известно ни одно массовое убийство евреев в средние века, могущее сравниться с кровавой баней, устроенной католиками в день Св. Варфоломея (24 августа 1572 г.), когда за 12 часов было убито 30 000 гугенотов. Немногие (если вообще какие-нибудь) еврейские общины были истреблены с той же жестокостью, которая сопутствовала, например, взятию Магдебурга (во время 30-летней войны)

драгунами Паппенгейма, Тилли и Валленштейна. Теперь пришла очередь католиков и протестантов испытать «еврейские» несчастья — в странах, где исповедовалось одно учение христианства, изгоняли либо убивали христиан другого учения. В этот век религиозных войн, сотрясавших Европу, погибло много евреев; однако следует различать специфические антиеврейские акты и внеличностные исторические события.

По мере того, как борьба между католиками и протестантами продолжалась, значение евреев для обеих сторон возрастало. Их знания, идеализм и этические принципы вызывали уважение миллионов христиан, не веривших в различного рода обвинения в адрес евреев. И католики, и протестанты чувствовали, что присоединение евреев к их лагерю будет убедительным аргументом для миллионов, колеблющихся между католицизмом и протестантизмом.

В обращении, озаглавленном «О том, что Иисус был рожден евреем» (1523), Лютер писал: «...Ибо они (католики) обращались с евреями как с псами, а не как с людьми. Евреи не видели от них ничего хорошего, только проклятия и грабежи. Я советую и прошу всех хорошо обращаться с евреями и учить их Новому завету; в таком случае они перейдут на нашу сторону... Мы должны хорошо принять их и позволить им свободно состязаться с нами, зарабатывая себе на жизнь... а если некоторые из них станут упорствовать, то что из того? Ведь и мы не все добрые христиане».

Отказ евреев принять это искреннее предложение был для Лютера неожиданным и жестоким ударом, и он гневно обратился против них. Честность требует признать, что к тому времени Лютер был большим человеком. Его иллюзии разбились о многочисленные препятствия. Друзья предали его. Лютер обратился тогда не только против евреев, но и против немецких крестьян, использовавших протестантизм как средство для освобождения от крепостного

права. Никто больше не следовал за Лютером; на его стороне остались лишь истинно верующие. Остальные использовали его вероучение для решения собственных экономико-политических проблем.

Тридцатилетняя война (1618—1648) — как называется этот «откровенный обмен мнениями» между католиками и протестантами — изменила как религиозную, так и экономическую и политическую карту Европы. Северная половина Европы стала протестантской и индустриальной, южная осталась католической и сельскохозяйственной. Западные государства в северной части Европы превратились в капиталистические, в южных господствовала смесь феодализма, меркантилизма и капитализма. Там, где протестантизм одержал решительную победу, началась агония феодализма. Вместе с Реформацией появился новый социальный класс, в свою очередь сформировавший новое индустриальное общество.

Чтобы понять феномен Реформации, изменившей еврейскую историю, нужно обратиться к ее социальным истокам. Причину следует искать в системе своеобразных взаимоотношений, сложившихся между церковью и феодальным государством. Церковь и феодальное государство развивались бок о бок; церковь защищала феодальные учреждения, а феодальные учреждения защищали церковь. Напряженные отношения между папой и императором не были результатом соперничества между феодальными и церковными учреждениями; это был главным образом вопрос, у кого из них будет больше власти над другим. Ни одно учреждение не смогло бы просуществовать без другого. Папы и императоры сменяли друг друга, но учреждения продолжали существовать.

Солидное здание католической церкви и феодального государства впервые пошатнулось во времена крестовых походов и Возрождения. Крестовые походы освободили тело крепостного, прежде привязанное к поместью и господину, а Возрождение освободило дух человека от оков догм и схоластики. Ос-

вобожденные крестьяне осели в городах и вместо земледелия начали заниматься производством и продажей товаров. Прежде этим занимались евреи. Изменение образа жизни крестьян знаменовало конец феодализма и начало капитализма. Все, что помогало товарообороту, стало считаться хорошим, все, что мешало, — плохим. Мораль теперь определялась не церковью, а рынком.

Новые торговцы нуждались в рабочих, в расширении рынка сбыта, в большей свободе от ограничений, налагаемых феодальным законодательством. Но эти требования вступали в конфликт с желаниями феодальной знати, стремившейся сохранить прежний порядок, при котором феодалы были господами и хозяевами. Они не были безнравственными — просто осторожными, благоразумными людьми, желавшими сохранить выгодную для них систему. Подобно им, и мы сейчас защищаем нашу экономическую систему от невыгодных для нас новых экспериментов.

Торговля расширилась. Новый средний класс богател и становился более сильным. Скоро он решился бросить открытый вызов феодальным властителям. Так как церковь поддерживала феодальное государство, она оказалась втянутой в борьбу за власть. Таким образом, помимо социальной, имела место и религиозная борьба.

Нет сомнения, что церковь нуждалась в реформе, как свидетельствует контрреформация, организованная католической церковью с целью искоренения прежних злоупотреблений. Но контрреформация произошла слишком поздно. Хотя протестантизм начался как чисто религиозное реформаторское движение, люди, стоявшие позади новых экономических сил, ухватились за Реформацию и приспособили ее к своим экономическим нуждам. Новое вероисповедание — протестантизм — постепенно принялось разрешать то, что было запрещено в рамках старой католической церкви. Незаметно, от Вормсского рейхстага, на котором Лютер в 1521 г. изложил свои пре-

тензии к папе, и до Вестфальского мира, когда в 1648 г. католицизм и протестантизм провели с востока на запад, через центр Европы, линию перемирия, религиозный протест вылился в социальную революцию. Люди, ответственные за изменение форм производства в Европе, искали государство, которое легализовало бы их поступки, и религию, которая бы их освятила. Они приняли протестантизм и соединили его с капиталистическим государством. С тех пор оба шествуют рука об руку, как жених и невеста.

Рассмотрев события от начала крестовых походов и вплоть до конца Реформации, мы увидим интересную хронологическую таблицу, в которой судьба евреев связана с социальными сдвигами в нееврейском мире. Евреи были изгнаны в 1290 г. из католической феодальной Англии и приняты обратно в 1665 г. протестантской и торговой Англией. Они были изгнаны из католической феодальной Франции в 14 веке и приняты обратно в 17 веке реформированно-католической, торговой Францией. Евреи были изгнаны из различных католических феодальных германских государств в 14—16 веках и приняты обратно в 16—17 веках другими германскими государствами, главным образом протестантскими и торговыми. Евреи, изгнанные из Испании и некоторых итальянских государств в 15—16 веках, так и не были приняты обратно до нового времени. Другими словами, в западных католическо-феодальных государствах не желали присутствия евреев по религиозным соображениям и, не ощущая экономической нужды в них, не принимали их. В то же время протестантские государства, испытывая экономическую нужду в еврейских коммерсантах, их принимали.

Восточноевропейские государства, по-прежнему остававшиеся католическими, принимали к себе евреев потому, что экономика этих государств еще не выдвинула своего среднего класса, который мог бы заменить евреев. Многие восточноевропейские

властители, однако, видели на примере Западной Европы, что подобный класс может представлять собой опасность для их существования. Христиане-бюргеры были им нежелательны. Поэтому они «импортировали» евреев, чтобы те выполняли функцию среднего класса. Христианские крепостные были замкнуты в тюрьме феодальной системы, евреи заперты в гетто, и господа могли охотиться, не заботясь о том, что в их отсутствие у них отнимут их владения. Но евреи, обслуживавшие знать, идентифицировались крепостными как класс эксплуататоров. В волне революции, охватившей впоследствии Восточную Европу, христианская знать и еврейские купцы уничтожались с одинаковой ненавистью.

Антиеврейские законы, принятые между 16 и 18 веками, начинают приобретать смысл. Эти законы, которые обычно ассоциируются со всем средневековым периодом, были приняты только в 16 веке, и целью их была не только бóльшая изоляция евреев от христиан, но и превращение евреев в объект презрения и насмешек, лишение их всех признаков человеческого достоинства. Люди должны были забыть прежних евреев. Новые антиеврейские законы были направлены на то, чтобы придать преследованиям евреев все более абстрактный характер, пока сама причина этих преследований не станет неясной, а затем и вовсе забытой, пока не останется лишь дегуманизированный образ униженного еврея.

Прежде всего еврей получил желтый отличительный знак. Затем его изолировали в гетто. Ему запретили владеть землей. Его заставляли носить специальную одежду. Он должен был уступать дорогу христианам. Он не имел права строить синагоги. Он не смел завязывать дружбу с христианами. Ему разрешалось заниматься только определенными профессиями и специализироваться в ограниченном числе ремесел.

Новое поколение христиан, которые ничего не знали о гордом, образованном еврее прежних времен,

видели лишь странно одетого еврея из гетто, в нелепой остроконечной шляпе, с позорным желтым знаком и в черном кафтане — объект насмешек и издевательства.

В этих законах слышится странный знакомый отзвук. В них нет ничего оригинального. Эти законы знакомы нам по «Пакту Омара», некогда ограничившему права христиан в мусульманских странах. Христиане обратили ситуацию и применили аналогичные законы против евреев, но с одним важным различием: постановления Омара ограничивали лишь только легальные права христиан, но они не затрагивали их человеческого достоинства.

Для евреев все было кончено. Еврей вступил в средневековье как «амбивалентная личность» западного общества; он покидал средневековье как «ненавистная личность».

Но «тьма была достаточно светла». Если христиане насмеялись над евреями гетто, то евреи презирали насмешников. Евреи продолжали оставаться самыми образованными людьми Европы; они были единственной этнической группой со всеобщим образованием. Они взяли с собой в гетто культурное наследие, накопленное за 3500 лет, свой Талмуд и Ветхий завет, которые вносили в тяжелые физические условия гетто некоторый интеллектуальный и религиозный комфорт.

Хотя европеец и поносил евреев самыми грязными словами, он то и дело обращался к ним с просьбой разрешить различные экономические проблемы. Низвергая на них одну клевету за другой, он в то же время приглашал их для решения государственных дел. Плевков в еврея попадал в христианина. Всего одно слово, одно движение руки — и еврей, крестившись, стали бы самыми уважаемыми гражданами в Европе. С момента крещения все «грехи» еврея мгновенно превращались в добродетели, его «злобность» объявлялась благожелательностью, «грязный еврейский пес» исчезал, точно по мановению волшебного

жезла. Еврей становился добрым христианином. Некоторые евреи воспользовались этим «пропуском в европейскую культуру» (как говорит Гейне), но большинство отказались от этого шага. Евреи переносили унижения с твердой убежденностью в превосходстве своих духовных ценностей над духовными ценностями христиан.

В «Венецианском купце» Шекспир с присущей ему сверхъестественной проницательностью сумел отразить всю суть христианско-еврейских отношений. И Антонио, и Бассанио осыпают Шейлока обидными прозвищами; однако именно Бассанио приглашает Шейлока на обед, и именно Шейлок отказывается от дружеского предложения:

Я готов покупать с тобой, продавать с тобой,
говорить с тобой,
гулять с тобой, всё, что угодно;
но я не разделю трапезу с тобой.

Обманутый Порицей Шейлок ожидает расправы за свое намерение. В сущности, он замышлял убить Антонио. Можно подумать, что наказанием здесь будет смертная казнь. Ничуть! Дож, исполняющий должность судьи, объявляет (по совету Антонио), что Шейлок должен креститься. Таким образом с момента крещения все плохие качества Шейлока станут его достоинствами, подобно тому как ростовщичество стало достойным занятием с того момента, как христиане перехватили его у евреев. Шейлок, однако, не обещал креститься и гордо ушел со сцены — непреклонным, несмирившимся евреем. Об этом времени осталось сказать только одно. Христиане, насмехаясь над евреями, не замечали их великолепных достижений. Но и евреи, ненавидя христиан, остались слепы к замечательным свершениям Средневековья. То было время Ван-Эйка и Дюрера, Данте и Чосера, Оккама и Коперника, Леонардо да Винчи и Микеланджело. Их гений оживлял камень, заставлял

разговаривать краски, их слова формировали человеческие мысли. Готические соборы, величественно вздымающиеся к небу свои шпили, были не памятниками религии, а порывом человеческого духа к Богу.

19

СИМФОНИЯ НАСИЛИЯ

Никакая другая фаза еврейской истории не ознаменовалась такими упорными усилиями окрестить евреев, как средние века. Ни в какое другое время евреи не подвергались столь беспрестанным преследованиям за отказ перейти в другую веру. Вавилоняне, ассирийцы и персы требовали от них только одного: быть лояльными гражданами и исправно платить налоги. Греки и римляне требовали жертвоприношений в знак уважения к их богам. Однако никого не интересовало, обратятся евреи в язычество или нет. Евреев убивали, вешали, распинали на кресте, обезглавливали, пытали по тем же причинам, по каким людей всегда убивали, вешали, распинали на кресте, обезглавливали, пытали, — по злобе, в искреннем негодовании, в битвах, для собственного удовольствия, как назидательный урок, в наказание за бунт, за неуплату налогов, но никогда за отказ перейти в другую веру.

Мусульмане косо смотрели и на евреев и на христиан — ведь те были неспособны признать превосходство Аллаха над Христом и Яхве. Однако они никогда не считали, что целью их жизни является обращение христиан и евреев в истинную веру. Римляне признали бы подобные попытки христиан чистейшим безумием. Греки пожали бы плечами. Другие варвары были бы крайне озадачены. Евреи оставили бы христиан в покое. Христиане, однако, не хотели оставлять евреев в покое.

Партитура преследований в этой средневековой симфонии насилия развивалась по схеме, которую можно было бы предначертать. В ней были три ясно различимые части: первая — торжественное религиозное адажио; вторая — бешеное экономическое аллегро; третья — холодное психологическое анданте.

Из этих трех частей наиболее интересной представляется нам первая — религиозное адажио, поскольку она демонстрирует полный набор оправданий, которые способен придумать человек, убивающий другого человека. Средневековой церкви было далеко до той легкости, с какой отнимается человеческая жизнь в современном государстве. Даже невежественные миряне стеснялись убивать евреев — до тех пор, пока для этого не находилось подходящих причин. Убийство миллионов людей согласно какой-нибудь формуле, без всяких моральных колебаний было нововведением 20 века.

Преследования евреев вплоть до 11 века были беспорядочными и исторически незначительными. В 11 же веке начались религиозные гонения, которые разыгрывались по четырем основным сценариям. Этими сценариями были: обвинения в ритуальных убийствах, обвинения в осквернении гостии, сожжения книг Талмуда и религиозные диспуты. Обвинения в ритуальных убийствах возникли из распространенного суеверия: дескать, каждый год на Пасху евреи убивают христианского младенца мужского пола и пропитывают его кровью пасхальную мацу. Такое суеверие могло легко закрепиться в средневековом уме — ведь Ветхий завет вплоть до 16 века не был переведен на язык, понятный простому народу. Народ получал библейские сказания в виде переложений, из вторых рук. В подобной обработке были впервые услышаны рассказ об Исходе и о том, как Бог поразил первенцев Египта, чтобы заставить фараона отпустить израильтян. Казалось логичным, что и теперь евреи убивают христианских детей. Тот факт, что со времени Авраама евреи боролись с обы-

чаем человеческих жертвоприношений, в то время как друиды в Англии и Германии приносили человеческие жертвы еще в I веке н.э., равно как и то, что евреи никогда не едят крови животных (употребление ее запрещено в Ветхом завете), тогда как христиане продолжают делать это и по сей день, никогда не проникал в средневековый христианский ум.

В 1144 г. в городке Норвич в Англии пропал мальчик. Еврей-отступник поклялся, что мальчик был убит евреями согласно «кровавому пасхальному ритуалу». Англию охватила истерия, но прежде чем было сделано что-то против евреев, труп мальчика нашелся. На теле не было никаких признаков насильственной смерти. По непостижимой для современного человека причине мальчик был объявлен святым и похоронен в городской церкви.

Через сто лет о происшествии в Норвиче вспомнили. Прошел слух, снова в Англии, что евреи похитили другого мальчика, распяли его и использовали его кровь для изготовления и окраски пасхальных кушаний. Король, боясь кровопролития, объявил всех евреев арестованными. Чтобы успокоить толпу, двадцать евреев были обвинены в преступлении. Это вызвало удовлетворение всех, за исключением евреев, так как под пытками все двадцать подписали заранее приготовленные признания и были казнены. Позже, когда было найдено тело мальчика, с кровью внутри и без следов распятия, стало ясно, что случилось чудо. Он был также возведен в ранг святых.

Тропинка была протоптана. В следующие двести лет ритуальные обвинения распространились по всему континенту и приобрели масштаб эпидемии. Папы были встревожены растущим количеством сфальсифицированных дел о ритуальных убийствах, они в многочисленных буллах запрещали расследования, утверждая, что такие обвинения равносильны издевательствам над самим Христом. Император Фридрих II, чье просвещенное правление бросило отсвет на весь его век, присоединился к папам и на-

казывал смертью распространителей подобных слухов. К 15 веку волна обвинений в ритуальных убийствах ослабла. О них вспомнили в Польше в 18 веке, а еще позже — в царской России.

Обвинения в осквернении гостии напоминали обвинения в ритуальных убийствах. Они зародились в 12 веке с провозглашением доктрины «Пресуществления». Согласно этой доктрине, во время определенного церковного обряда вино и просфора (гостия) «пресуществляются» — становятся соответственно кровью и телом Христа. Широко распространился слух о том, что евреи снова распинают Христа: крадут гостию и протыкают ее острым инструментом, так, что течет кровь. В результате этих обвинений к обычным способам наказания евреев прибавились еще кое-какие «исправительные средства». Одним из них было сожжение синагоги и возведение на том же месте церкви. Построенные таким образом церкви часто объявлялись чудотворными. Вторым средством было аннулирование всех долгов христиан евреям. Этот способ приобрел особую популярность.

Истерия, вызванная обвинением евреев в осквернении гостии, достигла апогея в Германии в 15 веке. Здесь фанатик по имени Риндфлейш доводил людей до бешенства рассказами о том, как он наблюдал за евреями, толкущими святую просфору в ступе. Затем он вел воюющие толпы в еврейские кварталы на кровавый карнавал. Правители Германии, встревоженные растущей популярностью Риндфлейша, сочли, что повесить вовремя одного — все равно, что спасти девятерых, и вздернули его без малейших церемоний. Однако евреи стали покидать Германию. Властители увидели, что экономике их герцогств грозит застой, и быстро приостановили распространение ложных слухов об осквернении гостии, вешая их распространителей. К концу века прекратились и эти обвинения.

Евреев пригласили вернуться, уверив, что подобные обвинения никогда больше не будут выдвинуты против них.

Первые сожжения книг Талмуда произошли в 1244 г. в Париже и Риме. Эти книги сжигали еще четыре раза в 14 веке во Франции, а затем сожжения прекратились на двести лет. Наихудшими годами оказались 1553 и 1554, когда в различных итальянских городах книги Талмуда сжигали двенадцать раз. Затем эти варварские костры устраивали еще дважды — в 1558 и 1559 гг. в Риме, и на этом сожжения прекратились совсем. В Восточной Европе книги Талмуда сжигали только один раз — в 1757 г. в Каменец-Подольском, входившем в то время в состав Польши. В истории сожжения книг Талмуда интересно не то, что Талмуд бросали в огонь: в средние века переводы Нового завета на другие языки, кроме латыни, горели даже чаще. Интересно то, что Ветхий завет на иврите ни разу не подвергался сожжению. Хотя толпы, громя синагоги, часто топтали ногами свитки Торы либо сжигали их вместе с синагогой, подобные акции никогда не одобрялись церковью, и Тора ни разу не была официально приговорена к аутодафе. Иудаизм был заклеймен как богохульство, евреев убивали за неверие, но на Тору смотрели с уважением, ибо это был Закон Божий. Как сказал один из пап: «Мы молимся и почитаем Закон, ибо он был дарован отцам вашим Всемогущим Богом через Моисея. Но мы осуждаем вашу религию и ваше искаженное понимание Закона».

Отметим, что обвинения в ритуальных убийствах и осквернении гостии, а также сожжения книг Талмуда были первоначально спровоцированы крестными евреями. Анализ мотивов, по которым они выступали против бывших братьев по вере, мог бы составить небезынтересное психологическое исследование. Оно могло бы дать ключ к пониманию того, почему авторы Нового завета, многие из которых были

крещеными евреями, столь яростно нападали на евреев, отказавшихся отступить от своей веры.

Религиозные диспуты также были изобретением евреев-отступников. Многие крещеные евреи были хорошо знакомы с Талмудом и, с целью продемонстрировать свои знания новообращенным братьям во Христе либо завоевать доверие церкви, нашептывали на ухо сильным мира сего, что с помощью публичных дискуссий, на которых будут доказаны заблуждения евреев, можно будет заставить креститься всю еврейскую общину.

Эти религиозные дискуссии, называвшиеся «турнирами во славу Бога и веры», были комбинацией шахматной игры и рулетки. Если еврейские ученые не могли опровергнуть доводы, выставленные христианами, то вся еврейская община оказывалась под угрозой насильственного крещения. С другой стороны, если евреи, используя свои преимущества в знаниях, высмеивали христианских ученых, им угрожала опасность казни. Нужно было быть игроком высшего класса, чтобы держать в руках тонкую нить комбинации, ведущей к победе противника, но без сдачи основных позиций. Выживали здесь люди с крепкими нервами. Судьи, в числе которых могли быть Папа или император, часто с изумлением наблюдали демонстрацию еврейской учености, смелости и искусства спора. Искусство состояло в том, чтобы загнать противника в тупик, где, при объявлении победы, он вынужден был бы признать авторитет Ветхого завета, что почиталось ересью. Лютер, знакомый с такими диспутами, воспользовался подобной техникой в споре с католиком Иоганном Майером фон Эком. Когда Эк в своих доводах сослался на авторитет одного из святых христианской церкви 4 века и спросил Лютера, кого тот считает своим авторитетом, Лютер торжественно вскричал: «Святого Павла!» Кто осмелился бы напасть на святого Павла?

Одна из этих дискуссий привела к первому сожжению Талмуда. Крещеный еврей Николай Донин и

комиссия экспертов выступали тогда против четырех раввинов. Присутствовали мать королевы и архиепископы Франции. Хотя судьи объявили, что раввины потерпели поражение, и распорядились предать Талмуд сожжению как творение Сатаны, мать королевы и архиепископы почувствовали, что игра велась подтасованными картами, и попытались отменить приговор. Однако Донин обратился к королю. Споры велись четыре года. В 1244 г. первоначальное решение было из политических соображений утверждено, и талмудические книги в конце концов начали гореть.

Наиболее известная из этих дискуссий состоялась в 1263 г. в Барселоне в присутствии короля Хаиме I Арагонского. Известный своей ученостью раввин Моше бен Нахман (Нахманид) был вызван на словесный поединок крещеным евреем фра Пабло Христиани. Предметом дискуссии являлось пришествие Мессии. Рабби Моше бен Нахман вел спор с таким остроумием, что король в интересах безопасности рабби Моше объявил его побежденным, но подарил ему значительную сумму денег и похвалил его, заметив, что «никогда еще не слышал столь благородной защиты столь несправедливого дела».

Средневековые евреи, вероятно, отличились также и в том, что были первыми подневольными слушателями в мире. Один из пап в 15 веке выдвинул идею массовых проповедей о пользе крещения. Евреев загоняли в соборы, где епископы, архиепископы, а иногда даже сам Папа читали им проповеди о греховности иудаизма и прелестях христианства. Бдительность была синонимом выживания; сон считался невежливостью, искупить которую могла лишь смерть. Евреи с трепетом шли на эти проповеди, с энтузиазмом аплодировали и потихоньку все забывали. Эти принудительные проповеди продолжались до 18 века не из практических соображений, а потому, что ни один оратор не мог отказаться от удовольствия польстить себе столь благодарными слушателями.

Даже «черная смерть», или бубонная чума (1348—1349), унесшая в могилу треть населения Европы, была использована как предлог для избиения евреев. Прежде чем чума поразила Европу, она нанесла серьезный удар населению Монголии и Исламской империи. Монголы, мусульмане и евреи мерли вповалку, в одинаковых муках, и никто даже не подумал обвинить в этом евреев. Но средневековому европейцу это пришло в голову. Он не смог найти другой причины чумы, кроме той, что евреи отравили колодцы. Это «научное» объяснение пришлось особенно по душе немцам. Умиравшие от чумы немцы тащили умирающих от чумы евреев на плаху.

Четыре столетия — между 1200 и 1600 гг. — были столетиями агонии как для евреев, так и для христиан. Хотя процессы против евреев велись под ярлыком «ритуальных убийств» или «осквернения гостии», а не «колдовства» или «ереси», это не должно вводить нас в заблуждение. В процессах против евреев и против христиан действовала та же психология, то же мышление. Процесс опирался на сходные доказательства, полученные под одинаковыми пытками. Рядом с кострами, на которые по обвинению в ритуальном убийстве всходили евреи, сгорали признанные колдунами христиане. Крики евреев и христиан поднимались к Отцу Небесному, который недоумевал, что же происходит на земле.

В одном случае, однако, существовала дискриминация, против которой сами евреи формально не протестовали. Казненных христиан хоронили с великолепной пышностью; чудесный хор распевал кантаты и «Аллилуйя»; евреев же хоронили по четвертому разряду, под разноголосый плач и стенания.

Вторая часть средневековой «симфонии насилия» — экономическое аллегро — началась еще до конца первой. Реформация медленно трансформировалась из религиозного мятежа в экономическую революцию. Соответственно этому антиеврейские акты освобождались от религиозного колорита и приобре-

тали экономическую окраску. К 16 веку в результате Реформации и изгнаний центр еврейской жизни переместился на Восток. Поскольку история гонений евреев в Восточной Европе между 1000 и 1800 гг. представляет собой лишь повторение аналогичных событий в Западной Европе между 600 и 1600 гг. мы ограничимся кратким обзором событий еврейской истории в трех восточноевропейских государствах — Польше, России и Пруссии, чтобы продемонстрировать этот параллелизм.

Немецкие евреи, спасаясь от грабежей крестоносцев, осели в Польше уже к 1100 г. Здесь они процветали. Все больше и больше евреев бежало из Германии и Австрии в Польшу, где их принимали с распростертыми объятиями. Король Болеслав V даровал евреям либеральную привилегию самоуправления (1264). А почему бы и нет? Евреи помогали ему строить города, развивать промышленность и торговлю и, таким образом, делали возможным экономическое соревнование с Западом. Подобно знати, евреи владели землей и большими поместьями. Казимир III Великий, этот польский эквивалент Карла Великого, основал университеты, покровительствовал торговле и «импортировал» еще больше евреев, чтобы ускорить развитие коммерции и промышленности. Витовт, Великий князь Литовский, открыл ворота страны для желавших поселиться там евреев.

В начале 15 века положение евреев на Востоке стало таким же, как и на оставленном ими Западе. Обвинения евреев в ритуальном убийстве раздувались духовенством, и истерия охватила всю Польшу. Казимир IV попробовал было успокоить встревоженных евреев, но польское католическое духовенство, взволнованное известиями о еретических тенденциях, захлестывающих Запад, обвинило евреев в распространении этих ересей. Обвинения в осквернении гостии были выдвинуты как против евреев, так и против протестантов. Первые погромы, то есть орга-

низованные нападения на евреев, разразились в Польше примерно в конце 15 века.

Сильные, не запуганные духовенством короли временно восстановили порядок. Сигизмунд I и Сигизмунд II были возмущены постыдными обвинениями. Сигизмунд II объявил их фальшивыми. «Меня поражает, — говорил он, — эта отвратительная мерзость, и я еще не сошел с ума, чтобы воображать, будто в просфире есть какая-то кровь».

В 15 веке Польша держала в руках скипетр величия; в последующем столетии страна была ослаблена правлением слабых королей и домогательствами влиятельной аристократии. Положение было сложным, запутанным и взрывоопасным. Сильная знать и фанатичное духовенство доминировали над слабыми государями. Немецкие купцы в попытке завладеть польским рынком разжигали антиеврейские настроения, добиваясь изгнания конкурентов. Аристократия унижала крестьян, немцы обманывали их, евреи, служившие сборщиками налогов, зажимали их в тисках пошлин, священники помогали держать крестьян в феодальной тюрьме. Крестьяне ненавидели их всех и дожидались дня мести. Этот день настал в 1648 г.

Казаки, принадлежавшие к восточной православной церкви и жившие на границе средневековой Польши и Турции, восстали против ненавистных католиков-поляков. Во главе восстания стоял злобный, жестокий и хитрый Богдан Хмельницкий. Польские аристократы когда-то заживо содрали кожу с его маленького сына. Надушенная, наряженная кавалерия польской знати имела не больше шансов разбить плохо организованных, вонючих, вооруженных острыми саблями всадников Богдана, чем польская кавалерия, атаковавшая танки Гитлера в 1939 г. Она была уничтожена, как пехотинцы во Фландрии во время Первой мировой войны. Польские крестьяне, увидев подходящий случай для мести, присоединились к казакам.

Жестокость казаков не знала границ. Их врагами

были польская знать, католические священники, немецкие купцы и евреи. Почему евреи? Потому что они жили в Польше и уж никак не принадлежали к православной церкви. Казаки рубили пленников на части, сдирали с живых кожу, поджаривали их на медленном огне. Они разрубали младенцев пополам, вскрывали животы монахинь, знатных женщин и евреек и зашивали туда живых кошек. У казаков были свои излюбленные комбинации для повешения. Первая могла бы называться «квартет»; польский аристократ, католический священник, немецкий купец и еврей. Во втором случае это было «трио»: еврей, ксендз и собака. Если не могли найти собаку, вешали свинью, которую затем снимали и съедали — после тяжелой дневной работы.

Евреи бежали от степных извергов и искали убежище в городах. Но и там их ожидало массовое уничтожение. Коварные казаки пообещали полякам, что те смогут сохранить свою жизнь, выдав евреев. Так поляки и сделали. Города, ослабленные потерей еврейских защитников, стали для казаков легкой добычей. Около 100 тысяч евреев погибло, по видимому, за десять лет этого восстания. Трудно установить, сколько сотен тысяч (а может быть, и больше миллиона) поляков было убито. Польские поля напоминали бойню, повсюду валялись отрубленные человеческие конечности. Только через десять лет казаки пресытились убийствами, и в Польше воцарился мир.

Но бедная Польша так и не узнала отдыха. Вторая половина 17 века ознаменовалась новым, еще более кровавым восстанием казаков, двумя вторжениями шведов и опустошительной войной с Турцией. Восемнадцатый век был ничуть не легче. Россия напала на Польшу, а затем в Польше разгорелась гражданская война. «Несвященный союз» — Россия, Пруссия и Австрия — трижды делил Польшу, так что в конце концов вообще никакой Польши не осталось.

Польские евреи очутились на скрещении русской, немецкой и австрийской истории.

Ранняя история русских евреев — уникальная трагикомедия. Как ни старалась Россия избавиться от своих евреев, их становилось все больше и больше. Наконец Россия сдалась, установила «санитарный кордон» на западе, заявила «до сих пор, и не дальше» и стала ждать результатов. Они, однако, запаздывали. Россия, какой мы ее сегодня знаем, появилась на арене мировой истории лишь в начале 18 века, после того, как Петр Великий обосновался на престоле. В ранние века Россия представляла собой гигантскую, невероятную, лоскутную страну отдельных княжеств, где рыскали татары и казаки. Евреи селились в различных городах и княжествах западной окраины и мирно жили там вплоть до 1500 г., когда в результате совершенно фантастического случая тревожно зазвонили московские колокола.

Двое литовских евреев обратили двух русских православных священников в иудаизм. Священники очень серьезно отнеслись к своей новой религии и, по примеру св. Павла, принялись проповедовать ее в глубинных районах России. Тогда случилось нечто совершенно неожиданное. Иудаизм понравился русским, и большое их число приняло новую религию. Этот русский иудаизм* приобрел такую популярность в кругах, близких к московскому двору, что даже невестка князя Московского стала иудейкой. Испуганная русско-ортодоксальная церковь решила истребить еврейскую ересь так же беспощадно, как в свое время римско-католическая церковь истребила альбигойцев. Прежде всего были уничтожены все русские отступники. Затем пришел черед евреев. Русские, знакомые с техникой массового крещения,

* Ересь «жидовствующих», как она именуется в русской истории (конец 15 — начало 16 вв.); ее прямым продолжением было широко распространившееся в низах т.н. «рабье учение» Феодосия Косого, также с привкусом иудаизма (Прим. перев.).

придуманной шведским королем Эриком IX, решили ее испробовать. Триста евреев было потоплены в Полоцке и Витебске, но ожидаемого чуда не произошло. Тогда нетерпеливые русские отказались от своего первоначального намерения, изгнали всех евреев с российской территории и приказали им не возвращаться.

Евреи не вернулись. Их приволокли насильно. Такова уж была доля России, что она получала новых евреев быстрее, чем могла изгнать старых. В 1665 г. русская церковь полагала, что Россия наконец избавилась от евреев. Но именно в этом году Россия приобрела во владение множество новых евреев благодаря аннексии части литовской территории, отвоеванной у Польши. Вся работа приходилось начинать заново. Затем, когда большинство новоприбывших евреев было уже изгнано, Петр Великий получил (по Нейштадскому мирному договору 1721 г.) множество евреев, проживавших на бывшей шведской территории вдоль балтийского побережья, теперь отошедшей к России. Петр, как и его предшественники, опасался евреев, но все же защищал их права и свободы. В 1762 г. Екатерина Великая одним росчерком пера запретила евреям проживать на всей территории России. Десять лет спустя в России было больше евреев, чем во всей Европе. После трех разделов Польши (1772, 1793, 1795) на территории России оказалось около 900000 евреев.

Но вскоре Екатерина и ее наследники прекратили борьбу. Они поняли, что евреи необходимы им для развития экономики завоеванных территорий. «Мужики» же должны были оставаться послушными и невежественными. Евреи могли свободно передвигаться по Польше, Литве и Украине, но в «Святую Русь», где 95% населения составляли «мужики», въезд евреям был запрещен. Царям удалось сохранить душу «мужиков» в ее первоначальной чистоте. В 1917 г., после Октябрьской революции, «мужики», попавшие в Москву и впервые увидевшие автомашину,

крестились и громко шептали: «Господи, помилуй». Они думали, что увидели дьявола или еврея.

Территория, расположенная вдоль западной границы, где было разрешено селиться евреям, получила название «черта оседлости» или просто «черта». Здесь евреи установили общинное самоуправление. В это время, между 1700 и 1800 гг., русская интеллектуальная жизнь находилась в зачаточном состоянии. То же можно сказать и о жизни русских евреев. За исключением таких, как Виленский Гаон и несколько других рангом поменьше, все остальные евреи влачили растительное существование. Как погромы, так и интеллектуальный расцвет России и русских евреев пришелся на 19 век.

Еврейская жизнь в Германии была совершенно иной. Многие историки считают, что известно достаточное число фактов, что во 2 веке н.э. северную границу Римской империи охраняли от германских варваров римские солдаты еврейского происхождения. Римские императоры считали германцев нелюдью, недостойной даже завоевания Римом.

Можно считать, что именно евреи были первыми цивилизованными обитателями Германии. Известно, что евреи жили в Майнце, Кельне и других городах долины Рейна еще в дни римлян. Обычно считается, что уже в 8 веке евреи поселились в Магдебурге, Вормсе и Аугсбурге, однако документальные свидетельства о процветающих еврейских общинах в большинстве крупных немецких городов относятся к 10 веку. Нам почти ничего не известно о преследовании евреев здесь, как и в других частях Европы, до начала крестовых походов.

Специфическая структура Священной Римской империи спасла евреев от поголовного изгнания, начавшегося в Германии в 13 веке. Священная Римская империя (название, установленное Фридрихом I, 1152—1190, известным под прозвищем Барбароссы — «рыжей бороды») была похожа на клетчатый шотландский плед и состояла из федеральных госу-

дарств с автономным управлением. Если евреев изгоняли из одного такого государства, то другое охотно их принимало.

Немцы, наиболее близкие к взрастившей их варварской ментальности, проявили свои наклонности и в преследованиях евреев. Большинство антиеврейских акций, которые обычно ассоциируются со средневековьем, происходили в Германии или Австрии; они взошли на немецкой почве. Садисты и фетишисты использовали обвинения в ритуальных убийствах, осквернении гостии и «черную смерть» для того, чтобы возбудить население против евреев. Одна из таких фетишистских групп известна под названием «Кожаная рука» — из-за полосок кожи, которые члены группы носили вокруг руки. Характер совершаемых ими убийств свидетельствовал скорее об их психопатическом состоянии, чем о ненависти к евреям.

Именно в Германии ограбление евреев приняло свои совершеннейшие, чистейшие формы. Местные властители приглашали в свои владения евреев, обещая им защиту и торжественно даруя им либеральные привилегии. Затем они грабили евреев, забирали у них земли и по-гангстерски продавали им свое покровительство. Можно только удивляться, что, несмотря на все это, еврейская духовная и культурная жизнь продолжала существовать и развиваться. Талмудическая ученость все еще властвовала над умами. Это понимал Жан-Жак Руссо, написавший в 1762 г. в своем «Общественном договоре»: «Только благодаря ему одному (Талмуду и ритуальному законодательству. — М.Д.) эта уникальная нация, столь часто поработаемая, столь часто исчезающая, почти всегда казавшаяся полностью уничтоженной, но всегда верная Закону, сохранилась до наших дней... Ее нравственные устои, ее обычаи и ритуалы продолжают существовать и будут существовать до скончания веков...»

В 16 веке в Германии состоялась необычайная ди-

скуссия, повлиявшая даже на Реформацию. Иоганн Рейхлин защищал Талмуд от крещеного еврея по имени Иоанн Иозеф Пфефферкорн. Герр Пфефферкорн был мясником. Уличенный в мошенничестве, он решил избежать наказания, ожидавшего его в еврейском суде, и перешел в христианство. Среди евреев он считался невеждой, но невежественное немецкое население считало его ученым. Когда герр Пфефферкорн заявил, что Талмуд поносит христианскую веру, на него была возложена почетная обязанность «очистить» еврейскую литературу от антихристианских высказываний. Евреи обратились к императору, который назначил Иоханна Рейхлина расследовать дело.

Борьба теперь пошла между интеллектуалами и антиинтеллектуалами, без различия религии. На стороне Пфефферкорна выступали такие светские учреждения, как университеты Парижа и Майнца. На стороне Рейхлина стояли теологические семинарии, например, семинария Венского университета, несколько кардиналов и архиепископов и даже курфюрст Саксонский. В диспуте принял участие — на стороне Рейхлина — и Мартин Лютер. Этот диспут стал еще одним камнем в возводящемся здании Реформации. Хотя формально Рейхлин был признан побежденным, на деле Пфефферкорн потерпел ужасное поражение. Запрет на изучение Талмуда был снят, и еврейская литература могла теперь процветать без заботливого ухода Пфефферкорна.

С поражением Пфефферкорна сами немцы ополчились против садистов. Последним из них был пекарь Винсент Фетмильх, который организовал банду, напавшую под его предводительством на еврейский квартал во Франкфурте. Так как вояки Фетмильха численно превосходили евреев, они бесстрашно убивали женщин и детей. Через два года Фетмильх и главари его банды были арестованы и по приказу императора казнены на рыночной площади Франк-

фурта. В Германии ненадолго установилось время, когда никто не мог считать себя выше закона.

Последняя часть симфонии, психологическое анданте, началась в 17 веке. К этому времени история вернула евреев в Западную Европу. «Возвращение на Запад» началось с поселения евреев в Нидерландах (1593 г.), сбросивших испанское иго, в Англии (1655 г.) — по приглашению Оливера Кромвеля и во Франции (1648) — после присоединения к ней провинции Эльзас согласно условиям Вестфальского мира, которым завершилась Тридцатилетняя война.

Хотя корни психологического антисемитизма уходят в средневековье, его влияние не ощущалось полностью до современного периода. С появлением нового социального класса после индустриальной революции в Европе личная ненависть к евреям, мотивированная экономическими соображениями, постепенно превращалась в расовый предрассудок, мотивированный глубокими психологическими опасениями. Психологическое анданте — антисемитизм — было самым опасным из всех трех частей симфонии, опасным не только для евреев, но и для самой культуры.

20

ЖЕЛТЫЙ ЗНАК ДОБЛЕСТИ

Средние века породили два вида иудаизма. Они отличались друг от друга образом жизни, литературой и философией, но Бог был одним и тем же для обоих. Один образ жизни доминировал в период между 600 и 1500 гг., второй — с 16 века и до нового времени. Первый из них называется сефардским, или испанским, иудаизмом, второй — ашкеназским, или немецким.

Сефардский иудаизм был более древним и утонченным. Он представлял собой смесь из учений Торы, Талмуда, Аристотеля и Аверроэса*, метафизики и науки, религиозной и светской литературы. Этот иудаизм прошел через фильтры вавилонской, персидской, греческой, римской и исламской культур. Между 900 и 1500 гг. евреи-сефарды служили всему еврейству образцом манеры одеваться, поведения в обществе, этических норм и учености.

С конца 16 века еврейская жизнь приобретает явно ашкеназское обрамление. Исторические обстоятельства сдвинули центр еврейской жизни из Западной в Восточную Европу, а изменившиеся условия существования повлияли на создание новых форм еврейской культуры. Мир сефардов был беззаботным миром. У евреев было достаточно времени для того, чтобы писать элегии и проникать в тайны духа и материи. В новом — ашкеназском — мире времени на стихи и научные исследования уже не оставалось, да и нужды в этом не было. Религия была поставлена на службу сохранения жизни. Талмудизм занимался лишь деталями повседневной жизни. Но он сохранил евреев. Сефарды расширяли свои познания с помощью французского, итальянского и немецкого языков. Ашкеназы защищали границы своего сужающегося мира с помощью иврита, Торы и Талмуда, ища в них оплот против соблазнов крещения.

К 16 веку ашкеназская культура поглотила сефардскую. Таким образом, история сефардского иудаизма есть история евреев в Западной Европе вплоть до изгнания из Испании. История ашкеназского иудаизма есть соответственно история жизни евреев восточнее Рейна от 15 века до нового времени. Рассмотрим эти два типа средневековой еврейской культуры более подробно.

* Аверроэс был выдающимся ученым исламского мира. В средние века его произведения не изучались, так как находились под запретом церкви.

Мы уже говорили, что христианско-феодалная жизнь представляется нам громадной тюрьмой. Роль решетки здесь играли всеохватывающие ограничения, налагаемые на жизнь народа. Внутри, за решеткой, находились крестьяне, так называемое «третье сословие», составлявшее 95% всего населения. Снаружи, привязанные невидимыми цепями к этим решеткам, находились два оставшихся сословия — аристократия и духовенство. Неофициальное «четвертое сословие» — евреи — не находились ни там, ни здесь, ни за решеткой, ни снаружи тюрьмы.

Ограничительные законы преследовали крепостного крестьянина от рождения до смерти. Перейти из одного сословия в другое можно было исключительно в рамках церковных организаций. На это были способны только особо одаренные. Ограничения на передвижение привязывали крепостного к земле. Весь мир, который был ему доступен, находился в пределах одного дня хотьбы! Крестьянин был практически свободным, но не имел права владеть имуществом. Господин мог продать его вместе с землей. Даже свободные крестьяне еще в 1500 г. не имели права продать свое имущество без разрешения господина. Крестьянин был обязан молоть зерно на мельнице господина, печь свой хлеб в его пекарне — все это за плату (либо товарами, либо рабочими днями). Крестьянин мог держать в доме только деревянные тарелки и одну ложку на всю семью. Виды одежды, которые крестьянин мог носить, продавать или покупать, были ограничены. Господин мог отобрать у крепостного все, включая даже его невесту. Однако в трех аспектах крепостной и господин были равны — они обычно были равно невежественны, равно необразованны и равно суеверны.

Знать также была закована в кандалы ограничений. Общество строго диктовало знати ее роль; отходить от роли нельзя было. Знатные люди должны были носить соответствующую их положению одежду, сражаться по диктуемым обществом причинам, разв-

лекаться подобающим образом, вызывать у других подобающее им почтение и жениться на девушках только их круга. Жизнь была непрерывным ритуальным танцем. Отклонение от социальных ограничений означало изгнание из касты или остракизм. Отклонение от религиозных правил означало отлучение или смерть.

Все эти ограничения не относились к евреям. Евреи могли приходить и уходить, жениться и разводиться, продавать и покупать, как и когда они этого хотели. Тот, кто проектировал феодальную систему, не позаботился о ремесленниках, купцах, врачах, банкирах. Священники не работали, знать не желала работать, а крестьяне не имели права заниматься буржуазной деятельностью. Таким образом, эту работу выполнять было некому, кроме как евреям, ставшим совершенно незаменимыми. Евреи были маслом для скрипевшего механизма феодального государства. Вот почему они получали привилегии и свободы от Папы, императоров и их вассалов. Вот почему они могли селиться, где им было угодно.

В эти «спокойные времена» и еврейская жизнь протекала спокойно. Широко распространенная — и неправильная — концепция этого периода гласит, что евреи были заперты в темных и сырых тюрьмах гетто на протяжении двенадцати веков средневековой истории. В действительности же еврейские средневековые гетто были лишь локальным явлением: между 1500 и 1800 гг. главным образом — в северной Италии, немецких государствах и некоторых польских городах. Эта неправильная концепция возникла прежде всего из-за огульного использования термина «гетто» вместо «еврейский квартал». Между этими понятиями существует большое различие. Еврейский квартал был добровольным, «изобретением изнутри». Гетто было насильно навязано снаружи. Еврейский квартал означал свободу; гетто означало тюрьму.

Сначала евреи были рассеяны в городах и дерев-

нях, среди христиан. Однако постепенно их жизнь приобретала все более урбанистический характер; евреи стали концентрироваться в больших европейских городах. Здесь они добровольно селились в еврейских кварталах. Они гордились своими кварталами и, прежде чем поселиться в каком-нибудь городе, требовали от короля специального указа о создании такого квартала. Еврейские кварталы не были исключительно еврейскими. Напротив, многие знатные люди и богатые бюргеры предпочитали жить среди евреев — по той же причине, по какой многие христиане и сегодня живут в еврейских районах: им нравился дух интеллектуального брожения в еврейской среде. Еврейские дома располагались между соборами и дворцами. Первое римское гетто было создано лишь в 1555 г. на левом берегу Тибра. Папа здесь не изобрел ничего нового, ибо еврейский квартал уже существовал. Главной проблемой было то, как выгнать христиан из еврейского квартала, а не то, как загнать туда евреев. Христианам там нравилось. Изгнать христиан удалось только при помощи инквизиции. Только через столетие римское гетто стало стопроцентно еврейским.

До 1500 г. большинство так называемых *Judenstädte* — еврейских городов в Германии, Австрии и Богемии — обладали той же свободой, что и еврейские кварталы на Западе. Особенно известным из них был пражский «еврейский город». Средний американец склонен думать, что это отцы-пуритане изобрели ратушу, куда колокол призывает граждан, чтобы они воспользовались своим неотъемлемым правом на голосование. Пражские евреи несколько опередили их — уже в 15 веке у них была своя ратуша и большой колокол, сзывавший евреев на специальные собрания по поводу принятия какого-нибудь нового закона.

Что представляла собой еврейская жизнь в первой половине еврейской средневековой истории? Жизнь евреев времен Возрождения можно приблизить к нам настолько, что можно будет разглядеть все ее детали.

Понятно, что то, что мы увидим, не является правилом для всех стран и времен. Но, допуская расхождения, следует признать, что в основном характер и образ жизни были одними и теми же.

Итальянцы считали евреев образованными людьми. Не прибегая к формальным приглашениям, они интуитивно абсорбировали евреев. Итальянцы переняли от евреев философию и науку, медицину и математику и далеко превзошли своих учителей в искусстве и архитектуре.

Евреи занимались, за исключением сельскохозяйственных работ, почти всеми профессиями и ремеслами, существовавшими в те времена. Они были врачами, хирургами, учеными, поэтами, астрономами, аптекарями, министрами финансов, главными министрами, мастерами серебряных и золотых дел, производили научные приборы и инструменты. Они были укротителями львов, фокусниками, торговцами скотом, солдатами, сапожниками, портными, моряками, корабейниками. Они продавали меха, одежду, шелк, были ростовщиками, торговцами пряностями, ткачами, импортерами, экспортерами. Они занимались также тяжелым физическим трудом: были кузнецами, работали по металлу, были чернорабочими. Однако евреи занимались и такими вещами, от которых волосы встали бы дыбом у польского еврея из гетто 18 века. Эти евреи Возрождения были драматургами и режиссерами, актерами и танцорами, художниками и скульпторами. Из еврейской среды не вышел какой-нибудь Корелли или Вивальди, однако евреи экспериментировали в области полифонической музыки и создавали сонаты и мадригалы, кацены и балеты. Они сочиняли мелодрамы, оставившие далеко позади все написанное впоследствии в Америке.

Женщины тоже достигали положения в обществе. Они становились врачами и банкирами, пользовались успехом как актрисы, певицы и танцовщицы. В

руках евреев сконцентрировалось большое богатство. Они, как и современная им знать, покровительствовали искусствам и конкурировали с дожами и принцами в коллекционировании произведений Челлини и Вероккьо. Евреи нанимали известнейших архитекторов для постройки своих домов и синагог. Сохранившиеся до наших дней здания демонстрируют красоту и величие духа Возрождения.

Еврейские нравы и обычаи времен Возрождения немедленно вызывают в памяти эллинистический период. Так же, как и тогда, еврейская молодежь колебалась между соблазнами гедонизма и зовом Талмуда. Ортодоксальные евреи точно так же обвиняли «развратных итальянцев» во всех смертных грехах, как это было с «развратными греками». Однако их негодование уже не имело непосредственной страсти прежних дней. Жизнь еврейской девушки уже не была невинной игрой девственности — с юности и до брачного ложа. Сесиль Рот в книге «Евреи во времена Возрождения» цитирует рабби, который, проезжая через Сицилию в 1487 г., с гримасой отметил, что «большинство невест становятся под брачный балдахин уже беременными». Число смешанных еврейско-христианских «специальных заведений» возрастало, не только вне еврейских кварталов, но и внутри них. Христианская и еврейская молодежь практиковалась в плотском смешении вер. Поскольку ни один еврейский или христианский Челлини, Казанова или Дон Жуан не отмечает в своих мемуарах каких-либо качественных различий в профессиональных навыках этих гетер Возрождения, можно думать, что по крайней мере на этом уровне серьезных религиозных разногласий не существовало.

Широко обсуждаемым «секретом» был тот факт, что многие видные евреи имели обожаемую жену в еврейском квартале и нежную любовницу в городе. Вспыхивавшие время от времени скандалы на гомосексуальной почве между известными еврейскими

интеллектуалами и учеными оживляли скучные званные обеды. Однако в одной области участие евреев было совершенно непропорциональным. Это была область преступлений. Конечно, иногда пылкий еврейский юноша, по моде Возрождения, утолял кинжалом вспыхнувшую в нем жажду мести. Но акты садизма, преднамеренные убийства, изнасилования, издевательства над детьми практически не существовали в еврейской среде. Приказ об изгнании евреев из Испании, например, обвинял евреев только в одном: они не были христианами.

Несмотря на сатирические произведения и оскорбительные намеки в литературе того времени, в массе евреи вовсе не презирались современниками. После сожжения книг Талмуда в Италии появился анекдот: дескать, теперь, когда законы Талмуда стали ересью, евреи могут жить по законам «Декамерона».

Этот образ жизни, достигший кульминации в Италии времен Возрождения, постепенно исчезал из той или другой страны Европы с изгнанием евреев из Англии (в 13 в.), из Франции (в 14 в.), из Испании (в 15 в.), из Италии (в 16 в.). В 16 веке, когда Возрождение сменилось Реформацией, церковь стала готовиться к предстоящей борьбе с лютеранством. Ставки были большие, а евреи были лишь случайными пешками в игре. Они не желали принимать католицизм, и их следовало изгнать либо запереть в гетто. Времена доброй дружбы кончились. Наступал век религиозных войн.

В Центральной Европе сложился новый образ жизни евреев: ашкеназское гетто. Германия сыграла роль главного конструктора. Именно в Германии беспомощным евреям были предъявлены самые страшные обвинения. Именно там, на маленьком клочке земли, в течение трех столетий создавался тип «униженного еврея из гетто».

Слово «гетто» родилось в Италии, но его происхождение все еще не ясно. Существует много объяснений: что это латинская форма слова *get* (ивр. развод); что оно произошло от итальянского *borghetto*, означающего «маленький квартал»; наконец, общепринятое толкование гласит, что оно происходит от итальянского *gheta*, пушечно-литейный цех, так как первое итальянское гетто в Венеции располагалось вблизи такого цеха.

Евреи жили в еврейских кварталах не с целью изолировать себя от христиан, а по чистой необходимости. Города разрастались, и евреи передвигались поближе к своим общественным учреждениям — синагоге и кладбищу, составлявшим неотъемлемую часть еврейской жизни и смерти. Когда Папа основал первое гетто, евреи впервые были насильно изолированы от христиан. Типичное гетто в Германии, Австрии, Богемии представляло собой, как правило, одну главную улицу, кончавшуюся с одной стороны синагогой, а с другой кладбищем. Размер еврейской общины колебался от ста до пятисот человек. Тысяча человек в общине было исключением. Гетто было окружено стеной с единственными воротами, служившими и входом и выходом. Современный человек видит в этом еще один пример средневековой дискриминации евреев, но в те времена все города были окружены стеной и ворота в ночное время запирались. Евреи не протестовали против этого до 1700 г., когда стены и ворота исчезли из жизни христиан, но все еще оставались в гетто.

Жизнь в гетто могла бы легко скатиться до уровня трущобной жизни, однако талмудические законы и предусмотрительные раввины предотвратили это. Точно так же, как в наши дни белые богачи владеют большинством негритянских трущоб, большинство домов в средневековых гетто были собственностью богатых христиан. Если бы евреи не сопротивлялись, цены на жилище в переполненных гетто согнули бы

их, как привязанные на шею мельничные жернова. Однако раввины распространили указы, в силу которых одному еврею запрещалось перебивать цены другому. Ни один еврей не мог выгнать из дома другого еврея, а хозяин-христианин не мог поднять плату, взяв другого арендатора или продав свое имущество другому христианину. Домовладельцы скоро поняли, что такими способами они ничего не добьются: изгнанные евреи перейдут жить к родственникам, но никакой другой еврей не снимет дома, и он будет стоять пустым до скончания века или до того момента, когда домовладелец примет условия общины. Папы понимали необходимость этих еврейских законов и санкционировали их. Евреи содержали гетто в чистоте и производили необходимый ремонт.

В негерманских государствах Восточной Европы, за исключением нескольких больших польских городов, гетто не было. Здесь большинство евреев обитало в деревнях или небольших городах, известных под названием штетл («местечко»). Здесь не было главных улиц, кончавшихся тупиками, не было стен и запертых ворот. Евреи могли разъезжать по своим делам по стране, при условии, что не будут заезжать в центральную часть России.

Евреи гетто были изолированы. В местечке евреи и неевреи жили вместе. В роли местечка мог выступать главный центр провинции либо главная улица в городке (как американская главная улица). Евреи, как и христиане, держали кур, коз, овец, коров, лошадей. Неевреи держали также свиней. Свиньи любили остатки кошерной еврейской пищи, и повсюду можно было видеть свинью, роющуюся в мусорной куче и пожирающую остатки субботней еды: гефилте фиш, чолнт, цимес. Так как крестьяне могли не беспокоиться, что маленький поросенок по ошибке попадет в еврейский котел, подобное питание свиней было принято повсеместно. Евреи избавлялись от мусора, неевреи даром получали пищу для свиней, а

свиньи разнообразили скучное хозяйское меню — борщ, картошку и селедку.

Израиль Абрахамс в книге «Жизнь евреев в средние века» перечисляет шестьдесят еврейских профессий в пражском гетто 1600 г. В перечне мы все еще видим врачей, ювелиров, печатников, книготорговцев, писателей, архитекторов, музыкантов и певцов. Однако преобладают здесь портные, сапожники, дубильщики, меховщики, мясники, плотники, парикмахеры и тому подобные. К 1700 г. список профессий значительно сократился: ограничения заставляли евреев заниматься все более и более скромными занятиями. К 1800 г. основным занятием евреев стала торговля в мелких лавках и вразнос.

У гетто и еврейского местечка есть нечто общее — *ихес*, непереваемое слово, означающее что-то близкое престижу или положению. Это качество похоже на женский шарм: если женщина обладает им, уже не важно, чего ей недостает, а если не обладает, неважно, что она имеет. *Ихес* — это смесь происхождения, традиций, знаний и занятия, обычно наследственного, но могущего также быть приобретенным путем усиленных трудов. Хорошее поведение было частью семейного *ихес*. Обладающий им должен всегда быть на высоте — в манерах, учености, благотворительности. Он не мог быть пьяницей или обманщиком. Слово такого человека было законом, и он скорее пошел бы на пытку, чем нарушил его. Такой человек смотрел на христианского клеветника с сознанием собственного достоинства, заставлявшем того отворачиваться. Простому человеку прощалось раболепие перед гоем, но человек-*ихес* потерял бы в таком случае уважение окружающих.

Каждый еврей, будь он самого низкого происхождения, мог путем прилежного изучения Закона достичь *ихес*. Поэтому наиболее существенную часть бюджета любой еврейской семьи составляли расходы на учебу. Мать заботилась об образовании своих сыновей даже больше, чем отец. Она сэкономила на всем

и откладывала, надеясь, что «и младший тоже будет учиться». Христиане очень уважали эту черту еврейского характера. Ученик Пьера Абеляра выразил это так: «Христианские дети получают образование не из религиозных побуждений. Они надеются, что старший брат, став клерком, поможет родителям и младшим братьям... Еврей, как бы он ни был беден, даже если у него десять сыновей, посылает всех их учиться, не ради заработков, как делают христиане, но ради познания Закона, и не только сыновей, но и дочерей тоже»*.

Еврейское образование достигло своей вершины в Западной Европе 12 века. Обычный круг познаний включал Тору, иврит, поэзию, Талмуд, философию и ее связь с откровениями, аристотелеву логику, элементы Эвклида, арифметику, математические работы Архимеда и других, оптику, астрономию, музыку, механику, медицину, естественные науки и метафизику. Вот как описывает У. Лекки, ирландский историк и моралист, интеллектуальное положение евреев в средние века: «В то время, как все окружающее ползало на четвереньках во тьме одуряющего невежества... в то время, как интеллект христианина, поработанный бесчисленными суевериями, впал в смертельную апатию, где жажда знаний и поиски правды были запрещены, — евреи шли по дороге познания, развиваясь с тем же постоянством, какое они уже показали в своей вере. Они были наиболее способными финансистами, искусными врачами и глубокими философами»**.

Но скоро маминых пфеннингов и копеек перестало хватать на приличное образование. К 14 веку еврейское образование ухудшилось, а к 15 веку христианское образование стало по качеству превосходить еврейское. К 17 веку круг еврейских знаний сузился

* «Великие евреи в древнее время и средневековье», ред. Симон Новек, стр. 240.

** «Рационализм в Европе», т. II, стр. 271.

до письма, чтения Торы и Талмуда. Для получения дальнейшего образования евреи были вынуждены посылать своих детей в христианские университеты.

Жизнь в гетто и местечке углубила пропасть между евреями и неевреями. Их разделяло то значение, которое придавалось каждой группой религиозным и культурным ценностям. Еврейские дети очень быстро начинали чувствовать разницу между собственными духовными ценностями и «ценностями» босоногих гойских мальчишек, игравших в сточных канавах и конюшнях. Все интеллектуальное, научное и духовное представлялось еврейским детям привилегией евреев; все чувственное, непристойное и холуйское стало атрибутом неевреев. Невзирая на ограниченное число изучаемых в гетто предметов, евреи как группа все еще оставались самыми образованными в Европе. Неевреи презирали евреев, но евреи презирали тех еще больше. Они не сомневались в превосходстве своей культуры, духовных ценностей, этики.

Самым ненавидимым в среде евреев дискриминационным мероприятием, исключая жизнь в гетто, был отличительный знак, который евреи обязаны были носить для идентификации и от которого были освобождены проживающие в местечках евреи. Евреев с этим знаком встречали ругань и хулиганские выходки. Но евреи носили его, часто в форме желтой шестиконечной звезды (форма и цвет знака менялись в различные времена и в различных странах), с таким мужеством, которое не могло не вызвать уважения христиан. Ведь христиане знали, что достаточно евреям креститься, и они стали бы равноправными гражданами.

Неверно думать, что христианское большинство ненавидело евреев. Наоборот, только малая часть христиан была антисемитской. Христиане и евреи, если их оставляли в покое, жили в мире и согласии. Большинство христиан видели в евреях странный и непонятный народ, но уважали их жажду знания и тесно связанные семейные сообщества. Нужно также

помнить, что обвинения в ритуальных убийствах и осквернении гостии, а также погромы рассеяны на протяжении огромного периода в 700 лет и на огромном пространстве целого континента. Большинство гетто и местечек никогда не были затронуты погромами и грабежами.

Несмотря на кажущееся сходство, жизнь в гетто и местечке отличалась и психологически. Жизнь в гетто была городской и космополитической; жизнь в местечке была деревенской. Несмотря на ограничения связи с внешним миром, евреи гетто могли поддерживать с ним контакт, могли общаться с учеными, коммерсантами и финансистами. В то же время евреи из местечка имели дело лишь с невежественными крестьянами и глупыми, чванливыми и необразованными феодалами-землевладельцами. Евреи на Западе были в курсе последних достижений науки, участвовали в политических движениях. Восточные евреи погружались в бездну мистицизма и суеверия. Евреи в Голландии, Австрии, Германии, Франции и Англии мчались в карете, запряженной тройкой — наукой, промышленностью и экономикой; евреи в Польше, России и Литве были частью мира деревень и крестьян.

21

КАПИТАЛИСТ ИЗ ГЕТТО

В каждую эпоху еврейский гений выражал себя в разных областях. В древние времена то была религия, в период греко-римского влияния — гуманизм, во времена владычества мусульман — философия, в новое время — наука. В средние века еврейский гений выразил себя в экономике. Некоторые христианские ученые считают, что даже появление капита-

лизма — заслуга евреев. Евреи не очень охотно принимают христианство и коммунизм как свои «изобретения», однако яростно отнекиваются от капитализма и отрицают свое авторство в этой области. С тех пор, как немецкий экономист Вернер Зомбарт опубликовал весьма спорную книгу «Евреи и современный капитализм» (1911), в которой он выразил мнение, что путь к капитализму, возможно, начался в гетто, большинство еврейских ученых, вместо того чтобы подтвердить, пытались всячески опровергнуть его выводы. Только сравнительно недавно начался пересмотр наиболее ценных тезисов Зомбарта. Однако мы все еще не имеем ясных суждений в этой области.

Нетрудно найти основания для такого сопротивления евреев. Современные антисемиты и коммунисты изображают евреев как «хищников-капиталистов». Сам Зомбарт в 1933 г. примкнул к нацистам. Но нельзя забывать, что антисемиты стоят и по другую сторону баррикады и изображают евреев как «хищников-коммунистов», если им это нужно. Нацизм обвинял евреев в том, что они дали начало «такой болезни, как христианство». Это, конечно, пустословие психопатов и убийц, и им не нужно придавать особого значения. Создать что-либо или воспринять что-либо — это два совершенно различных действия. Какие бы «стигматы» ни приписывать христианству, капитализму и коммунизму, — это всегда будут более «христианские стигматы», чем еврейские, так как число христиан, исповедующих эти философии, в процентном отношении гораздо больше, чем число евреев.

Таким образом, не следует слишком легко отклонять идею о еврейском происхождении капитализма. Капитализм появился в Западной Европе в то время, когда там жили евреи, когда они торговали там и были банкирами. Так как эта книга есть история «идеи еврейской истории», нам вполне позволительно исследовать это утверждение, не торопясь с предвзя-

тыми выводами. Признать его правильным или неправильным — дело ученых будущего.

Бизнес, промышленность и торговля сопутствовали всем народам с древнейших времен. Почему же капитализм не появился в Индии, Китае, Египте, Греции, Риме — империях, обладавших бóльшим запасом серебра и золота, чем любая европейская страна? Другой вопрос: если, как предполагается, евреи изобрели капитализм, то почему они не ввели его раньше — в Греции или Риме, например, где столетиями жило сравнительно большое число их? Еще одна загадка: чем отличалась торговля в средние века от торговли в другие времена? Чем столь уникален еврейский вклад в средневековую цивилизацию?

Мы уже обсуждали вопрос о создании евреями особых культур в рамках той культуры, в которой они находились, принимая вместе с тем колорит «культуры-хозяйки». До средних веков евреи считались равноправными членами чужой культуры. Культура средневековья была первым исключением. Евреи находились вне рамок феодальной системы. Мы должны снова подчеркнуть, что феодальная система имела только три сословия: духовное, дворянское и крепостное; роль торговцев досталась евреям. Евреи не были винтиком в машине феодального государства, не владели землей, их не поддерживала мощь государства (только в отдельных случаях — как королевских слуг). Поэтому евреи должны были создать «абстрактную экономику», действовавшую вне государственного механизма — в противоположность их прежней «конкретной экономике», действовавшей в рамках другой культуры, функционировавшей вместе с ее государственным организмом.

Исторически евреи были вполне подготовлены для выживания в «абстрактном мире». Внешние условия благоприятствуют такому переходу. В ситуации рассеяния экономические форпосты евреев были разбросаны по трем континентам, среди трех различных культур. Евреи могли заниматься коммерцией в ме-

ждународных масштабах. Но этого было недостаточно. Свободно-конкурентный капитализм требует и других условий для своего развития и укрепления. Каких же именно? Некоторые экономисты используют термин «капитализм» весьма свободно и неточно, определяя им практически любую форму экономической деятельности и признавая, таким образом, что капитализм существует с незапамятных времен. Накопление богатств, ростовщичество, обогащение посредством войны — такой «капитализм» действительно всегда был рядом с нами. Но все это не представляет капитализм в настоящем, экономическом смысле этого слова. Капитализмом в экономическом смысле обычно считается специфическое использование средств для получения «добавочных средств», которые, в свою очередь, используются для дальнейшего обогащения, и все это согласно нескольким определенным принципам. Такой капитализм нуждается в существовании класса наемных рабочих, подвижности труда и капитала, свободном рынке, международных законах, нерушимости контрактов, в наличии кредита, ссуд, ценных бумаг.

В прежние времена торговля была «конкретной», по принципу «деньги на бочку». Купец покупал товары в одной стране и продавал их за большую цену в другой. В начале средних веков евреи ввели новые методы торговли, основанные на кредите и ценных бумагах. В настоящее время это кажется элементарно простым, но в средние века это были странные, «грешные» идеи. В римском законе о долгах и основанных на нем средневековых законах говорилось, что любая задолженность должна быть персональной. Таким образом, кредитор даже в случае нужды в деньгах не имел права продать кому-нибудь долговую расписку на свое имя. Особо специфичен в этом отношении был немецкий закон. Должник не должен был платить никому, кроме первоначального кредитора; в случае смерти кредитора долг аннулировался. В Англии, например, приблизительно до

1850г. иск не мог быть переведен от одного лица к другому. С другой стороны, законы Талмуда признают «неперсональные» кредитные соглашения: долг должен выплачиваться по требованию любого лица, точно так же, как это происходит в современных банках. Не вдаваясь в скучные доказательства преимуществ этой системы, представим себе современный мир, в котором все финансовые операции регулируются римским или средневековым законодательством. В таком мире нельзя было бы выписать чек или получить по нему, в нем не было бы акций, выплат в рассрочку, финансирования.

Новые, облегченные методы кредита способствовали развитию международной торговли, ведущей к международному капитализму. В такой концепции нет ничего зловещего. Это означает всего лишь свободно-предпринимательскую международную торговлю. Однако для существования и процветания международного капитализма нужны и другие условия: правительства должны завязывать международные соглашения, разрешать обмен валютой и заключение контрактов, должны защищать иностранные капиталовложения и гарантировать собственность от экспроприации. Для евреев подобные условия были созданы рассеянием. Талмуд обеспечил для них законное оформление.

Евреи, разбросанные по трем континентам, все же представляли собой единый народ, с одной религией, языком и законами. Они организовывались в «государство в государстве» — с разрешения властей стран проживания. «Еврейские государства» управлялись согласно законам и этике Талмуда; Талмуд превращал эти «государства» в содружество. Для евреев Талмуд играл роль международного законодательства, регулирующего их моральное, этическое и деловое поведение, а также религиозную жизнь. Четвертый раздел Талмуда обсуждает вопросы, касающиеся правонарушений, торговых законов, убытков, земельной собственности, коммерции, нерушимости

обязательств. Благодаря всему этому Талмуд стал идеальной системой международных законов, регулирующих деятельность широко разбросанных еврейских предприятий. Раввины должны были быть знакомы не только с религиозными предписаниями и запретами, но и с торговыми операциями. Ученые и философы занимались вопросами экономики. Между прочим, Маймонид считал, что ссуда денег в рост на справедливых условиях может служить основой для современных (1300) деловых сделок.

Таким образом, положения Талмуда были интернациональным законом во всех сделках между двумя евреями, евреем и государством, евреем и неевреем. Согласно Талмуду, еврей должен был строго выполнять все обязательства по отношению к нееврею. Сама феодальная система способствовала развитию капитализма в среде евреев. Евреи, как уже было сказано, не принадлежали ни к одному из трех сословий феодализма, и подавляющая часть еврейской рабочей силы была занята в области торговли, промышленности и в различных ремеслах.

Широкая сеть еврейской торговли существовала уже в десятом веке. Евреи жили в Европе, Северной Африке и на Ближнем Востоке; их торговые центры были и в Индии, и даже в далеком Китае. Высокое положение, занимаемое в торговле тамошними евреями, было отмечено еще Марко Поло во время его путешествия по стране (13 век). Для облегчения торговых сделок у евреев существовали расчетные конторы, где можно было получить ссуду либо приобрести ценные бумаги. К примеру, подобная расчетная контора существовала в Монпелье — порте на юге Франции. Биньямин из Туделы, еврейский Марко Поло 12 века, говорит, что здесь «вы встречаете купцов-христиан и купцов-мусульман со всего света: из Португалии, Ломбардии, Римской империи, из Египта, Палестины, Греции, Франции, Англии». Кроме большой, процветающей еврейской общины, в

Монпелье находилась и знаменитая иешива, в которую стекались ученики со всего мира.

В 11—13 веках почти все портовые города на побережье Средиземного моря были центрами еврейской торговли. Биньямин из Туделы описывает еврейские стеклодувные предприятия и верфи, где строились торговые суда. К 1500 г., до изгнания евреев из Испании, они играли там видную роль в торговле шерстью и шелком и были главными импортерами сахара, перца и пряностей. В Италии — до изгнания или заключения в гетто — евреи доминировали в области производства и окраски тканей; они также имели широкие торговые сношения с Индией. Евреи, эмигрировавшие в Восточную Европу, принесли туда и свои деловые способности. После поселения евреев в Польше, прежде не имевшей налаженной торговли, развилась торговля и промышленность. Вскоре евреи наладили внутриконтинентальные торговые связи. Варшава, Прага и Вена превратились в важнейшие торговые центры. У. Лекки* утверждает, что исключительно или почти исключительно благодаря евреям могла развиваться в течение столетий международная торговля. Так получилось потому, что у евреев имелась организованная система международного денежного обмена, евреи знали нужды различных стран, были знакомы с их товарами и не боялись рисковать своим капиталом. В этом нет ничего постыдного. Мир всего лишь следовал их примеру.

В раннее средневековье эта деятельность не пользовалась особым уважением. Христиане презирали евреев-торговцев; однако в конце концов они вторглись и в эту область и стали заниматься бизнесом сами. Наиболее презираемым занятием была ссуда денег в рост. Но именно этот способ финансирования был и наиболее ценным вкладом евреев в средневековую экономику. Без него могла бы разрушиться вся феодальная система.

*У. Лекки. «Рационализм в Европе», т. II, стр. 272.

Феодалный человек обращался к евреям за помощью — в случае неудачной жатвы, когда требовалось купить зерно для нового посева, в случае падежа скота или болезни, или нужды в деньгах, или нехватки денег, чтобы заплатить налоги. Знати тоже нужны были деньги — для покупки новых замков, для оплаты дорогостоящих турниров и для того, чтобы вести подобающий ей феодально-светский образ жизни. Церковь использовала еврейские деньги для строительства новых соборов, оплаты фресок, финансирования монастырей. Эта функция евреев представлялась тогда настолько важной, что когда Равенна просила разрешения присоединиться к Венецианской республике, одним из условий было приглашение евреев. Они должны были открыть ссудные кассы для оказания помощи беднякам, находившимся на грани полного обнищания. Флоренция даже в расцвете Ренессанса просила евреев поселиться в городе и сохранить его «столичный блеск».

Почему же банковское дело было по преимуществу функцией евреев? Почему этим не занимались христиане? Почему евреев презирали за это занятие? Ответ здесь зависит исключительно от определений. Церковь называла ссуды денег в рост не «банкирством», а «ростовщичеством». Для современного человека это означает ссуду на очень больших процентах; в средние века под этим термином понималось просто одалживание денег под проценты, будь эти проценты даже довольно низкими. Любой христианин, получающий сегодня 3%-й прирост на свои сбережения или государственные ценные бумаги, был бы определен средневековой церковью как бессердечный ростовщик. В ссуде денег под проценты церковь видела смертный грех. Как же можно позволить христианам ссужать деньги, зная, что из-за этого души их попадут в ад? А с евреями дело обстояло по-другому. Евреи не были христианами и так или иначе должны были попасть в ад, еще один грех ничего не прибавил бы к их будущим мукам. Можно

предположить, что церковь предназначила евреям роль «банкиров», точно так же, как евреи отвели некоторым христианам функцию *шаббат-гоим*, т.е. людей, исполняющих различные запрещенные в субботу работы.

Отношение евреев к ссуде денег в средние века было таким же, как у христиан современного западного мира. Талмуд запрещает ростовщичество в современном смысле этого слова, т.е. предоставление денежных ссуд за большие проценты, и приравнивает ростовщиков к убийцам. Талмуд, оказывается, уже 2000 лет назад был таким же чувствительным, как и сегодняшние, этичные христианские банкиры. Талмуд поощрял одалживание денег как вид помощи в делах и торговле. Размер процентов определялся раввинами в зависимости от наличного запаса денег, точно так, как современные банки устанавливают размер прироста в зависимости от величины кредитного капитала на рынке. В действительности же проценты на ссуды христианам устанавливались в средние века не раввинами, а самим Папой, императором или королем.

С вытеснением евреев из ссудного дела христианами проценты за ссуды подскочили так, что сами папы были вынуждены осудить ростовщиков-христиан. Те были ростовщиками в самом современном смысле этого слова. Их жадность была столь широко известна, что Данте в «Божественной комедии» поместил их в самом нижнем кругу ада. Французские, английские и немецкие общины писали государям петиции с просьбами о возвращении еврейских банкиров. Но было уже поздно. Банковское дело стало доходным предприятием христиан-ростовщиков, которых защищали государи, получавшие, в свою очередь, жирный кусок пирога. Кроме того, евреи уже переместились на Восток, в Польшу, где их услуги благосклонно принимались государством.

С Реформацией для евреев и неевреев настали но-

вые времена. Реформация началась в западной части Европы; именно здесь и произошли наиболее серьезные изменения. На развалинах, оставленных Тридцатилетней войной, поднялся новый класс, создавший новую социальную систему. Экономисты датируют возникновение капитализма именно этим временем.

Каким образом религиозное движение превратилось в социальную революцию? Появился ли капитализм из протестантизма, как считает Макс Вебер, или, наоборот, капитализм породил протестантизм, как утверждают диалектики-материалисты? Изобрели ли евреи капитализм, как говорит Зомбарт, или он просто создал сам себя, как написано в некоторых учебниках экономики? Или, может быть, все эти факторы принимали участие в его создании? Возможно, что философ-материалист сможет разрешить эту загадку.

Философ-материалист убежден, что способы производства и торговли формируют нашу политику и религию. Он утверждает, что люди, занятые в сфере производства, вступают друг с другом в специфические отношения. Эти отношения возникают помимо желания самих замешанных в дело людей. Совокупность новых отношений, появляющихся благодаря использованию новых средств производства, формирует экономическую структуру общества. Методы бизнеса, говорит материалист, определяют наше поведение в экономическом смысле этого слова, а наше поведение есть лишь отражение способов бизнеса.

Здесь мы подходим к решающему пункту в системе доводов материалиста. Он утверждает, что экономическая структура есть тот фундамент, на котором мы строим наши социальные, юридические, политические и религиозные организации. Эти организации существуют как для защиты того, что мы делаем, так и для защиты самого способа делать это. Например, американская экономика построена на системе «свободного предпринимательства». Законы Америки считают эту систему законной, ее политики

защищают систему, ее религия считает систему единственно моральной. Но в случае изменения средств производства изменились бы и социальные, политические и религиозные идеологии и появилось бы новое общество.

Можно привести простой пример. В те времена, когда для создания экономической базы требовался большой капитал, особое внимание уделялось экономии и накоплению, что выражено во фразе Франклина «Сэкономил пенни — заработал пенни». В наши дни вопросом первостепенной важности является то, что мы не можем использовать товары, производимые американской промышленностью. Следствием этого факта является взгляд, что трата денег, а не их сбережение, становится добродетелью. Трата денег означает теперь не «расточительство», а «доверие к экономике». Материалист говорит в таком случае, что социальное бытие определяет наше сознание, а не наоборот.

Таким образом, в материалистической теории экономической эволюции нет героев или злодеев. Новый капитализм, возникший вслед за протестантской революцией, сначала не был общепринятой формой жизни. Брань Торговой палаты США по адресу коммунистов показалась бы детским лепетом по сравнению с католическими и лютеранскими проклятиями по адресу ранних капиталистов. Для того чтобы стать уважаемым, капитализму пришлось бороться две сотни лет.

Тридцатилетняя война была не только религиозной войной, но и социальной революцией. После этой революции возникла новая концепция государства, которая идеально подходила к нуждам нового среднего класса. Социальный идеал изменился: вместо верности религии появилась верность государству. Быть французом, англичанином, датчанином стало более почетным, чем быть христианином, протестантом или католиком. До Реформации король получал власть из рук знати. После Реформа-

ции он стал опираться на новый, постоянно растущий средний класс. Это был медленный, незаметный, но неизбежный процесс. В прошлом знать поддерживала короля солдатами, оружием, деньгами и должна была сама покрывать расходы на управление собственными провинциями. Теперь же это стало функцией государства, перед которым встала необходимость изыскивать средства на содержание армии и административного аппарата. Без них современное государство не может существовать. Оказавшись в затруднительном положении, властители неизменно обращались за помощью к евреям. Как говорит Вернер Зомбарт: «Достаточно беглого взгляда, чтобы увидеть влияние евреев на создание современных государств. Ни один из государственных деятелей, о которых мы вспоминаем в связи с этим, не был евреем — ни Карл V, ни Людовиг XI, Ришелье, Мазарини, Кромвель, Фридрих-Вильгельм Прусский, Фридрих Великий. Однако, говоря об этих современных государственных деятелях и правителях, мы волей-неволей вынуждены вспомнить и евреев... Евреи и государственные деятели шествуют по современной истории рука об руку. Их интересы и симпатии совпадали. Евреи создали современный капитализм, и государи использовали эту силу для достижения либо сохранения своих позиций. Таким образом, когда я говорю о той роли, которую сыграли евреи в создании современного государства, я имею в виду не столько их прямое влияние, сколько их не прямое участие в этом процессе. Я думаю, что евреи снабжали развивающиеся государства средствами, необходимыми для их дальнейшего существования и развития, евреи поддерживали армию в каждой стране, а армии служили оплотом современных государств»*.

Государи 17—18 веков очень быстро оценили еврейский финансовый гений. Евреи были пригла-

* В. Зомбарт. «Евреи и современный капитализм», стр. 49—50.

шены на Запад — и там они создали исторически важные банковские организации. Но эта фаза еврейской западной истории относится уже к Новому времени.

А вот интереснейший феномен, о котором речь пойдет ниже, безусловно принадлежащий к еврейской средневековой истории. Речь идет о так называемых «придворных евреях», которые появились в Центральной Европе, особенно в немецких государствах. Только в недавнее время историки начали должным образом оценивать их роль. Современные историки, изучающие придворных евреев и их функции, обнаруживают все новые и новые интересные факты.

Придворные евреи были скорее прототипами современных министров финансов или государственных казначеев, нежели международных банкиров 1900-х годов. Они служили государям как главные квартирмейстеры армии, финансовые агенты; они заведовали монетным двором, создавали новые источники дохода, заключали договора о займах, изобретали новые налоги. Короче говоря, придворные евреи заложили основу для освобождения государей от знати с помощью современных финансовых методов. Почти все двести основных графств, княжеств, палатинатов* в Священной Римской империи после Тридцатилетней войны имели своих придворных евреев. Даже Карл V, наиболее католический из всех императоров, многим обязанный иезуитам, имел придворного еврея, Иосефа из Росгейма, который был начальником монетного двора и министром финансов, столь могущественным, что император никак не мог обойтись без его услуг.

Придворные евреи были абсолютно лояльны к государю, защищавшему их. В отпращивании своих обя-

* После Вестфальского мира Священная Римская империя насчитывала 2000 независимых «государств», причем некоторые из них имели площадь всего в несколько квадратных километров.

занностей они были абсолютно свободны. Они пиرو-вали с главами государства. Часто они обладали различными титулами. Однако придворные евреи никогда не забывали своих братьев в гетто, которым они служили посредниками и на благо которых они старались действовать. Примечательно, что придворные евреи могли бы достичь самых высоких постов в государстве, если бы они упорно не отказывались от крещения. Однако отнюдь не отказ от крещения вызывал в сердцах знати горячую ненависть к ним. Придворный еврей был революционером, провозгласившим приход совершенно нового, капиталистического государства, уничтожившим власть и привилегии знати. В придворных евреях знать верно предвидела свою погибель.

Трехсотлетняя история придворных евреев знавала немало ярких личностей и головокружительных карьер. Но, пожалуй, наиболее яркой и полной приключений была жизнь Иосефа Зюса Оппенгеймера (1698—1738), министра финансов при дворе графа Карла I (Карла Александра) Вюртембергского. Сегодня мы видим в Оппенгеймере прототип современного финансово-государственного деятеля, который искусными нововведениями заложил основу для освобождения короля от знати. Из-за этого Оппенгеймера ненавидела вся знать Вюртемберга, не понимавшая, что история уже подписала смертный приговор ее привилегиям, и считавшая Оппенгеймера виновником всех своих бед.

Драматическая карьера Оппенгеймера стала темой исторического романа Фейхтвангера. Согласно Фейхтвангеру, Иосеф Зюс Оппенгеймер был сыном красивой еврейки-актрисы Михаэлы Зюс и христианина Хейдерсдорфа, герцога Вольфенбюттельского. Муж актрисы, Оппенгеймер, был владельцем еврейского разъездного театра. Согласно еврейскому закону, Иосеф был евреем, так как любой ребенок, законно или незаконно рожденный еврейской матерью, считается евреем, независимо от вероисповедания

отца. По христианскому закону, он был христианином, отпрыском знатного герцогского рода.

Молодой Иосеф, не зная о своем происхождении, изучал языки, математику и юридическое дело в Тюбингенском университете. Он любил водить компанию с аристократами, и поскольку он был богат, красив и умен, те скорее искали его дружбы, нежели просто терпели ее. Солидная часть его свободного времени была посвящена любовным интрижкам с замужними и незамужними аристократическими дамами, с которыми он встречался как в спальнях, так и в салонах. После того, как он провел серию удачных финансовых соглашений и добился выгодного денежного контракта для своих клиентов, на него обратили внимание при дворе и стали искать его услуг. Стечение обстоятельств привело его на службу царствующему дому Вюртемберга.

При дворе Оппенгеймер быстро завоевал популярность у общества и дам. Однако, несмотря на непрерывное общение с христианской аристократией, он постоянно посещал гетто, помогал евреям как только мог и ненавидел своего двоюродного брата, который крестился, чтобы сохранить за собой высокий государственный пост.

Зная, заметившая ослабление своей власти и уменьшение своих привилегий, со всей ненавистью обрушилась на еврея Зюса. Смерть Карла Александра предоставила им возможность отомстить Зюсу. В тюрьме, куда он был заключен по обвинению в государственной измене, Зюс, ожидая приговора, узнал о своем происхождении. Все, что ему нужно было сделать для освобождения, — это объявить себя сыном Хейдерсдорфа. Вместо этого он молча принял смертный приговор. Он жил, как еврей, и умер, как еврей. В снежный день 1738 г. Зюс взошел на эшафот. Христиане бросали в него навозом, а евреи читали «Шма Исраэль».

В ту же ночь, рискуя жизнью, евреи сняли с виселицы тело сына герцога Хейдерсдорфа и заменили

его другим трупом. Тело было переправлено в другое герцогство, облачено в дорогие одежды и погребено по еврейскому обряду, с молитвами Богу Авраама, Исаака и Иакова.

Смерть Зюса знаменовала собой не смерть капитализма. С ним умер дух Средневековья.

22

КАББАЛА И КИНАНХОРА

Мы проследили физическое существование евреев в средневековую фазу их истории, когда они двигались по феодальной шахматной доске из опасного района в безопасный, пока у них не осталось в запасе ни времени, ни пространства. А как же сохранился еврейский дух? Был ли в этой фазе еврейской истории общий элемент, который дал иудаизму духовное единство? Если «спасение души» было лозунгом христианских средних веков, то обращение к каббале* отражает господствующее духовное настроение еврейского средневековья.

Мистицизм не был чем-то абсолютно новым в еврейской жизни. Он возник с самим иудаизмом и существовал еще до получения Торы на горе Синай в 12 веке до н.э. С получением Закона, однако, еврейский мистицизм занял подчиненное положение. Согласно каббалистам, каббала была дарована еврейскому народу одновременно с Торой, но Тора была дана всем, а каббала — только нескольким избранным святым. В соответствии с традицией она передавалась от одной небольшой группы мистиков к другой.

* Слово «каббала» происходит от иврит. слова *кабел*, т.е. «получать», в смысле «получать откровение». Так называлась еврейская мистическая философия.

Столетиями учение мистицизма существовало параллельно Торе и Талмуду, но никогда не достигало их высоты. Каббала считалась вторым Устным законом, подчиненным Писанию. Она развивалась с Торой, но как бы в тени ее, в темных глубинах еврейской оккультной философии. Ее корни уходили в зороастризм, греческую науку, нумерологию, гностические ереси. На этом материале еврейские святые и ученые работали веками, очищали его, вдыхали в него жизнь.

До 8 века н.э. еврейский мистицизм не был известен миру. В 8 веке был опубликован «Сефер-иецира» («Книга создания»), составленный в южной Италии. В 13 веке с книгой Зохар, написанной в Испании, в еврейскую средневековую жизнь проникло другое мистическое течение. «Книга создания» говорит в основном об экстатическом познании Бога. Зохар можно охарактеризовать как энциклопедию оккультизма и метафизических рассуждений о Боге, вселенной и науке. Эти две книги составили фундамент каббалы, чисто еврейской метафизической философии.

С появлением Зохара каббализм недолго существовал как единое течение и вскоре разделился на два русла. Первое стремилось к рационалистическому и научному и стало метафизическим по своей ориентации. Оно привело к Спинозе и рационалистической школе в западной философии и науке, находя последователей как среди евреев, так и среди христиан. Второе появилось в Германии и в течение столетий шло по Центральной Европе. Оно началось с мистицизма и дегенерировало в суеверие с кинанхорой в виде главной темы*.

И Зохар, и «Книга создания» были переведены на латынь и другие западные языки, и сочинения еврей-

* Слово *кинанхора* — идишистский вариант комбинации одного слова на идиш и двух слов из иврита *кэйн аин ха-ра* («как бы не сглазить»), что символизирует еврейские средневековые суеверия.

ских и христианских ученых-гуманистов, инспирированные каббалой, были широко распространены в университетах. Эта часть каббализма могла повлиять и на внезапный расцвет науки в 17 веке. В том веке каббализм достиг наибольшего распространения и влияния и проявил первые признаки упадка, возможно, потому, что с возрождением науки он был уже бесполезен.

Одной логикой невозможно объяснить каббалистическую доктрину «экзальтированного познания Бога». Поэтому каббалисты ввели символическое мышление и символический язык. Они отказались от обычных значений слов, дали буквам цифровые значения и приписывали мистический смысл как буквам, так и числам. Этот символический язык состоял из первых десяти цифр и всех букв ивритского алфавита, которые вместе составляли тридцать две каббалистические дороги к познанию. С помощью этой абстрактной стенографии каббалисты создали фантастический метафизический мир, где один элемент переходил в другой, цифры символизировали качества объектов и мир вращался вокруг собственной оси. Эти каббалисты также хорошо знали языки и были большими стилистами. Они писали великолепные стихи, до сих пор сохранившиеся в еврейской литургии и литературе.

Возможно, нам удастся несколько прояснить внезапный расцвет науки в 17 веке, если мы рассмотрим средневековых каббалистов в роли ученых. Их работы остаются в тени рядом с такими великими мыслителями, как Галилей и Ньютон, однако мы все же попытаемся определить размер вклада ранних еврейских ученых. Новые идеи не появляются на пустом месте. Они возрастают только на хорошо подготовленной интеллектуальной почве.

В 12 веке Аврахам бар Хия, один из ранних еврейских ученых, не только переводил на латынь греческие и арабские научные сочинения, но и написал несколько самостоятельных работ по географии, астро-

номии, математике и научной методологии. Все они были переведены на латынь. Именно он развил первую ивритскую научную методологию.

Испанский еврей Аврахам ибн Лати́ф (1220—1290) пытался соединить каббализм с наукой. Он объединил каббализм, аристотелизм, математику и естественные науки в единую систему. Его работы также были переведены на латынь и замечены Раймондом Луллийем, выдающимся христианским ученым Испании 13 века. Луллий, ища способ освободить науку от удушающей хватки схоластики*, использовал каббалу и работы ибн Латифа как основу для своей книги по логике «Ars Magna», весьма популярной в средневековых европейских университетах. Мусульмане забили его камнями за проповедь Евангелия в Северной Африке.

Французско-еврейский математик и астроном Иммануэль Бонфис считается первым, кто ввел в употребление в 14 веке, за 150 лет до принятия ее европейскими учеными, десятичную систему счисления. Его работы изобиловали новыми математическими концепциями, а его астрономические таблицы повсеместно использовались мореплавателями. В том же столетии Леви бен Гершом (Герсонид) критиковал ошибочную методологию тогдашних научных теорий и ввел новую тригонометрическую систему, ставшую основой современной тригонометрии. Он также изобрел квадрант, получивший название «Посох Иакова». Этот квадрант использовался такими навигаторами, как Магеллан, Колумб и Васко да Гама.

Однако наибольшее распространение в христианском мире каббализм получил в 15—16 веках. В конце 15 века, к примеру, Пикко делла Мирандола, гума-

* Средневековая система, пытавшаяся объединить ортодоксальное христианство и новооткрытую науку Аристотеля. Вместо либерализации христианства схоластика подавляла развитие науки.

нист и философ Возрождения, перевел «Зохар» на латынь. Ученым же, который больше всех популяризировал каббалу, был, несомненно, Иоханн Рейхлин. В начале 16 века он заявлял, что его теологическая философия базируется на каббале.

Ицхак Лурия (1534—1572), один из величайших каббалистов, ввел в каббалу новую метафизическую философию. Лурия считал, что всё, и материя, и мысль, проходит через трехступенчатый цикл: *цим-цум* («сокращение», или тезис), *швират ха-келим* («разбивание сосудов», или антитезис) и *тиккун* («восстановление», или синтез).

Западная философия и наука, погибшие с греками и римлянами во 2 веке н.э., возродились в 16—17 веках. Философская и научная тьма протяженностью в пятнадцать веков лежит между Эпиктетом и Марком Аврелием, с одной стороны, и Бэконом, Декартом, Лейбницем, Коперником, Кеплером, Галилеем и Ньютоном — с другой. Что-то должно было вызвать это возрождение, но что же? Может быть, каббалистические метафизические рассуждения таких еврейских и христианских ученых, как ибн Латиф, Луллий, Пикко делла Мирандола, Рейхлин (1300—1600), и работы таких еврейских ученых, как бар Хия, Бонфис, Леви бен Гершом (1200—1500), заложили интеллектуальный фундамент возрождения философии и основания научной методологии в Западной Европе 17 в.?*

*«Удивительно, что наиболее важные этапы научной революции состоялись до изобретения новых измерительных приборов — телескопа, микроскопа, термометра и точных часов, которые впоследствии стали незаменимыми для получения точных научных ответов на вопросы, поставленные наукой. В своей первой стадии научная революция выразилась скорее в систематическом изменении интеллектуальных взглядов и типе выдвигаемых проблем, чем в создании технического оборудования. Все еще неясно, как произошла такая революция в системе мышления» (А. К. Кромби. «Средневековая и ранняя современная наука», т. II, стр. 122).

Здесь мы снова видим одно из любопытных исторических совпадений. Взрыв христианской философской и научной активности не произошел между 1100 и 1500 гг. и не совершился в Восточной Европе. Он имел место именно в 17 веке и именно в Западной Европе, где вот уже четыреста лет действовали еврейские каббалисты и ученые. Нет сомнения, что Коперник, Бэкон, Кеплер, Галилей, Декарт, Ньютон, Лейбниц и другие были знакомы с каббалистическим мышлением и научными работами евреев. В 17 веке все эти работы в переводе на латынь можно было получить в университетских библиотеках.

Конечно, такое совпадение еще не доказательство. Но почему же западная наука и философия расцвели именно в 17 веке? Ученые называют такой метод доказательства *post hoc ergo propter hoc* (что означает «после этого, следовательно, вследствие этого», или «ложный вывод из предположительно ложной предпосылки»), но мы все же утверждаем, что в этой области стоило бы поискать более серьезные ответы, чем предлагавшиеся до сих пор.

В Восточной Европе, как мы уже упомянули, каббала развивалась в совершенно другом направлении. Вспомним, что в период 13—16 веков еврейство переместилось в Восточную Европу, и еврейская история была теперь историей восточных евреев. Здесь каббала должна была облегчать страдания народа. Каббала с ее доктриной близости прихода Мессии была надеждой еврейского народа.

С самого появления «Книги создания» в 8 веке мистики пытались использовать тайные формулы и ускорить приход Мессии. Если человек может приблизиться к Богу, говорили каббалисты, так почему же он не может упросить Его поскорее послать Мессию, поскорее покончить с еврейскими страданиями и наказать угнетателей? Такие рассуждения воспламеняли воображение и готовили людей к приходу Мессии. И они не были разочарованы. «Мессия» поя-

влялся почти в каждом столетии, но не так, как надеялись пророки-каббалисты.

Каббала постоянно, и как раз при помощи наиболее горячих приверженцев, отдалялась от народа. На Западе она попала в руки метафизиков, философов и ученых, использовавших ее для рассуждений о сущности материи и вселенной. На Востоке она попала в руки ученых и мистиков, использовавших ее для рассуждения о Боге и небесном мире. Каббалистические ученые, философы и мистики не могли дать народу то, в чем он нуждался. Поэтому постепенно место ученых заняли шарлатаны и сумасшедшие. Они принесли народу каббалу в своей обработке, но так, что народ смог их понять. Так были созданы суеверия и подготовлена деградация каббалы.

Еврейская история так насыщена пророками, раввинами и учеными, что приятно прервать скучное повествование о них рассказом о наиболее блестящих психопатах, искателях приключений и шарлатанах. Они были продуктом каббалы и, следовательно, частью еврейской истории.

Аврахам Абулафия (1240—1291) был одним из наиболее значительных каббалистических лжепророков. Он родился в известной и знатной испанско-еврейской семье и с ранних лет посвятил себя каббале. Во время паломничества в Святую землю (1260) он услышал голос, приказывающий ему вернуться в Испанию и объявить себя пророком. Никто не поверил ему; все знали его как сына местного богача. В 1280 г. он услышал другой голос, повелевающий ему обратиться к папе Николая III в иудаизм. Голос есть голос, и следовало к нему прислушаться. Абулафия обратился к Папе, который дал ему аудиенцию. Услышав о миссии Абулафии, Папа приговорил его к сожжению на костре. Однако, не выдержав волнения, Папа скончался через три дня. Абулафия «каббализировал» судей и избежал костра, что было довольно нелегко для еврея в то время, и отправился затем в Сицилию, где очередной голос объявил его Мессией.

Однако Абулафия не смог выдержать ненависти раввинов, считавших его самозванцем. Он отправился в путешествие, в течение которого последний голос завершил его историю.

Весенним утром 1502 г. Ашер Леммлейн, молодой студент, изучавший каббалу в Венеции, проснулся и понял, что он есть воплощение пророка Илии, вернувшегося для того, чтобы провозгласить приход Мессии еще до конца года, при условии, что люди будут поститься и очищать себя. Евреи приходили к нему, целовали края его одежды, чествовали его как пророка и подозревали даже, что Леммлейн и есть Мессия и что только скромность удерживает его от оглашения этого. Даже его дед, несмотря на изречение, говорящее, что нет пророка в собственном доме, разрушил печь для выпечки мацы: он был уверен, что в будущем году будет печь ее в Палестине вместе с новым Мессией.

В том же 1502 г. многие евреи перешли в христианство. Разочарованные тем, что обещанный Мессия задерживается, отцы семейств, очистившие себя для великого праздника, решили, что лучше креститься, нежели еще раз проходить «очищение».

В том же веке еще один яркий искатель приключений выступил в роли святого. Его далеко идущие планы включали Папу, королей и императоров словно пешек в игре. В один прекрасный день 1524 г. в Венеции появилась странная фигура, восседающая на гарцующем белоснежном арабском жеребце необыкновенной красоты. Похожий на гнома карлик Давид Реувени провозгласил себя братом царя колена Реувен, предводителя тысяч еврейских воинов в Аравии, в самом тылу турецких войск. Он направлялся к Папе с дипломатической миссией от своего брата, надеясь получить его поддержку в деле еврейского крестового похода против неверных. Речи гнома казались столь убедительными, что папа Клемент VII дал ему аудиенцию. Папа хотел, чтобы его убедили. Католичество переживало кризис. Протестантская

ересь открыто объявила войну католицизму. Турки вторглись в Европу. Армия в тылу турок, армия евреев, народа Христа! Даже астрологи Папы видели на небе благоприятные знаки. Папа проконсультировался с португальским королем, известным авторитетом в восточных делах, который удостоверил, что Реувени — настоящий посланец настоящего королевства, и предложил свою помощь. С благословением Папы Реувени отправился в Португалию. На мачте его корабля развевался еврейский флаг. Евреи ликовали. Сам Папа дал аудиенцию представителю короля одного из исчезнувших десяти колен! Португальский король признал его. В глазах своего народа Реувени был, возможно, самим Мессией!

Тем временем в Лиссабоне шли переговоры между королем и Реувени. Обсуждалось, какое оружие нужно послать еврейским солдатам колена Реуевен в Аравию. Король был настолько предупредителен, что даже прекратил на это время преследования марранов. Но в Португалии началось столпотворение. Марраны стали открыто чествовать Реувени как Мессию. Инквизиторы деловито записывали имена для будущих процессов. Христиане начали переходить в иудаизм. Король и священники встревожились, и Реувени, чувствуя, что вызывает подозрения, уехал назад в Италию. Король возобновил преследования марранов, и новообращенные христиане отправились на костер.

В Италии к Реувени присоединился Диего Пирес, португальский марран. Перед Диего внезапно божественным образом открылись все тайны иудаизма, он совершил обряд обрезания и переименовал свое имя на Шломо Молхо. Но инквизиции это вовсе не понравилось, и Молхо бежал в Палестину, где к внешне познанному талмудизму он присоединил схоластический каббализм. Через несколько лет он вернулся в Италию, проповедуя близость Судного дня с такой уверенностью, что вскоре убедил самого себя в том, что является Мессией. В духе старых традиций

он проповедовал беднякам, излечивал парализованных, слепых, прокаженных. Его слава распространилась настолько широко, что Папа счел нужным обещать ему безопасность от инквизиции.

Реувени и Молхо объединили свои силы в Венеции и под развивающимися знаменами отправились в Регенсбург (Ратисбон), чтобы предложить императору Карлу V союз против турок. Сомнительно, что они изменили бы свои планы, даже если бы лучше знали императора. Карл V, чья мать была слабоумной, добился избрания на престол с помощью огромных взяток и был коронован Папой после того, как ограбил Рим. Он был последним из немецких императоров, коронованных Папой. Император так никогда и не научился читать или писать, но зато рано проявил яростную нетерпимость. С увеличением числа протестантов Карл V стал поощрять инквизицию лозунгами типа: «Те из протестантов, кто будет упорствовать в своих заблуждениях, должны быть сожжены живьем. Те, кто раскаются, должны быть обезглавлены». Каждую пятницу и во время великого поста император в компании монахов стегал себя бичом до крови.

После того как Карл V выслушал рассказ Реувени и Молхо, он заковал их в оковы и передал инквизиции. Молхо мог бы вновь обратиться в христианство и таким образом спасти себя от аутодафе, но, убежденный в том, что является Мессией, он предложил себя в жертву во искупление грехов человечества и был сожжен в 1532 г. Много веков его приверженцы верили в его возрождение, но затем секта Молхо развалилась, не имея руководства.

Судьба Реувени нам неизвестна. Некоторые говорят, что он кончил жизнь на плахе, другие — что он сумел убедить судей в своей правоте. Никто так и не знает, кем он был и откуда взялся. Из дневника Реувени как будто следует, что он происходил из польских евреев. Как бы то ни было, он был искателем приключений в стиле Возрождения. Из всех «мессий», порожденных каббалой, наиболее интересной и

наиболее сложной и важной для еврейской истории фигурой был Саббатай (Шабтай) Цви (1626—1676). Он появился, когда Европу охватила апатия после Тридцатилетней войны, когда христиане и евреи по горло насытились убийствами. Когда Саббатай Цви объявил себя Мессией, это показалось ответом Бога на молитвы людей. Более миллиона евреев из всех слоев общества, богатые, бедные, ученые и рабочие, от Турции и до Англии стали прославлять его как долгожданного освободителя. Саббатай родился в Смирне, в Турции, где его отец служил комиссионером у английского купца. Он учился в лучших школах, хорошо знал иврит и арабский. Саббатай рано подпал под влияние каббалы и рано стал выказывать признаки того, что сегодня назвали бы паранойей, но тогда считалось святостью. Ему слышались небесные голоса, повелевавшие ему спасти Израиль. Повинуясь этим голосам, он богохульствовал, называя невыразимое имя Бога, отменил все еврейские посты и обрушился на Талмуд в манере караимов 8 века.

Дорога его проповедей привела Саббатая в Египет, и здесь состоялся один из наиболее обсуждаемых браков этого столетия. Саббатай был обручен с Сарой, известной во многих странах бродячей проституткой. В возрасте шести лет ее взяли в монастырь, после того как ее родители-евреи погибли во время одного из погромов в Польше. Еще до того, как ей исполнилось двадцать лет, она сбежала оттуда и решила посмотреть Европу, прежде чем осесть где-нибудь. Ее ум, буколическая красота и доступное тело сохранили ей жизнь во время ее путешествия из Польши в Амстердам. Здесь дважды она слышала голос свыше: один голос рассказал ей о Саббатае Цви, а другой приказал ей стать его невестой. Подобное сожителство святого с проституткой не редко в Писании, а в одной из легенд прямо утверждается, что Мессия женится на нечистой невесте.

После свадьбы Саббатай направился в Палестину, где массы истерически поклонялись ему как Мессии.

Раввины почувствовали, что пришло время действовать, и наложили на него *херем**. Саббатай вернулся в Турцию, где был как спаситель радостно принят евреями. Прошел слух о еврейской армии, которая ожидает в Аравии приказов от Мессии и готовой ударить по туркам. Саббатай поверил этому слуху. Он провозгласил, что атакует Константинополь и сбросит султана. Султан, не зная, что делать с этим сумасшедшим, и боясь, что, казнив его, он превратит его в святого, заключил Саббатая в тюрьму. Тысячи людей приходили к Саббатаю, который из тюрьмы руководил движением и продолжал влиять на умы. Встревоженный султан предложил ему выбрать между смертной казнью и переходом в мусульманство и свободой. Саббатай выбрал последнее.

Переход руководителя в другую веру потряс основы саббатанского движения, но не уничтожил его. Знающие каббалисты говорили, что так примерно и предсказано в каббале — Мессия будет «хорошим внутри и плохим снаружи». Но обращенный Саббатай не желал отказаться от роли еврейского Мессии, и, едва только движение вновь набрало силу, султану пришлось снова заключить его в тюрьму. Так он и просидел там до самой смерти. Приверженцы Саббатая приходили в его камеру и молились на него. Но у саббатанского движения не было своего Павла или Абу Бекра, и после смерти вождя оно постепенно заглохло.

Хотя еще и по сию пору продолжаются споры, был ли Саббатай Цви заблуждающимся святым или просто шарлатаном, насчет Якова Франка, человека, претендовавшего на его мантию, никаких сомнений не возникает. Франк, несомненно, был обманщиком. На его портрете мы видим выразительное лицо, блестящие черные глаза, длинный орлиный нос, черные усы над чувственными губами и турецкую феску, лихо одетую набекрень. Франк был коммивояжером.

* *Херем* (ивр.) — анафема.

Он родился в 1726 году на Украине. Деловые разъезды привели его в Турцию, где он изучил каббалу и стал членом саббатианской секты Дёнме. Здесь Франк предложил новую концепцию саббатианства. Достичь искупления через очищение от грехов, говорил он, может каждый; особенный же способ достичь искупления — это впасть в грех. Поэтому мистические сеансы Франка сопровождались сексуальными оргиями.

Раввины, узнав о сексуальной практике под маской религии, наложили и на Франка *херем*. Высланный из Турции властями в качестве подозрительного, нежелательного чужеземца, Франк направился в Польшу, где объявил себя новым воплощением Саббатая Цви и проповедовал свой символ веры, напоминающий христианскую троицу и состоящий из Отца, Св. Духа и Саббатая.

Золото и серебро рекой лились в сундуки Франка, и его аппетит возрастал. Он жил в графском замке, одевался, как принц, ездил в великолепном экипаже и представлялся как барон де Франк. Еврейская община отлучила его за ересь и разврат. Франк обратился к местному епископу, утверждая, что его секта не евреи, а «зохаристы», находящиеся в смертельной вражде с талмудистами. Епископ созвал стороны на религиозный диспут, после которого в Польше в первый и последний раз был сожжен Талмуд. Второй диспут кончился крещением франкистов. Их крестными отцами были польские аристократы; крестным отцом Франка был сам король.

Многие из крещеных франкистов, происходившие из отличающихся ученостью еврейских семей, не утратили свои знания в купели. Они достигли высоких государственных постов в Польше и России, и, возможно, именно от них произошли либеральные элементы в последующей истории обеих стран.

Франк продолжал жить в еще большей роскоши, но его счастьем скоро пришел конец. Церковь узнала о его «троице» и бросила его в тюрьму, не решаясь

сжечь этого новообращенного, чьим крестным отцом был сам король. Здесь Франк просидел тринадцать лет. В конце концов он был освобожден во время русского вторжения в страну. Он уехал в Австрию, где стал любимцем венского общества. Его люди одевались как уланы, скакали, размахивая длинными острыми копьями и вымпелами с каббалистическими знаками.

Франк умер в 1791 г. от апоплексического удара. Франкизм угас через несколько лет после его смерти. Традицию отца продолжала его очаровательная дочь Ева. На портрете мы видим ее в платье с глубоким декольте, обнажающим ее обширную грудь. Она сохранила дух франкизма, соединив схоластику Зохара и тайны своей спальни в прибыльную религию, позволившую ей жить в стиле ее отца. Но каббала не смогла помочь ей вернуть утраченную молодость. Наша еврейская Феодосия умерла в 1817 г. в диккенсовской бедности. Ее едва помнили те, кто знал ее в прежние дни как «святую».

Что же именно в каббале и саббатрианском движении так притягивало евреев? Нет сомнения, что эти течения использовались многими шарлатанами в своих интересах. Однако под маской комедии нам видится глубокая трагедия, ищущая пути самовыражения и, несомненно, повлиявшая на жизнь евреев. Мистические элементы в каббале, возможно, символизируют возвращение к примитивизму чувства, способ вырваться из тисков ригористичной талмудической логики. Каббалистическая философия отличалась от талмудической тем, что Талмуд искал правды с помощью рационализма, тогда как каббала пыталась прочувствовать правду путем интуиции. Это было возвращение к мифологии, где правду и видения можно символизировать. В мифе еврейский народ мог найти убежище от унижений средневековой жизни. Каббала позволила евреям проникнуться сознанием, что они снова держат свою судьбу в руках. С

помощью каббалы евреи могли повлиять на приход Мессии, вместо того чтобы просто ожидать его.

Саббатианство подходило к людям с другой стороны. На грани бессознательного это было возвращение к прежней стадии еврейства, где иудаизм был не понятием, а чувством. Караимизм был борьбой за свободное вмешательство в Тору, против талмудического ига. Саббатианство пошло еще дальше и обнаружило истоки иудаизма за Торой и Талмудом, ибо, по мнению саббатиан, не Тора и Талмуд создали иудаизм, а иудаизм создал Тору и Талмуд. Вполне логично, что Саббатай Цви отвергал все 613 заповедей, ибо, по его мнению, евреев объединяла сама «идея иудаизма». Невольно вспоминаешь, что такое уже случилось однажды в еврейской истории, во время исхода из Египта и путешествия по пустыне. И здесь евреи восстали против требований нового Бога и вернулись к древним, примитивным обрядам, вернулись к мифологии. Франкизм завел эту бессознательную революцию слишком далеко, к дням первобытных обрядов, рассчитанных на обеспечение плодородия. Это потрясло евреев.

Но дух саббатианства было не так-то легко забыть. Полусознательно восточноевропейские евреи ждали кого-нибудь, кто смог бы выразить эти чувства, кто объединил бы душу и мистицизм. На этой психологической почве возросло новое еврейское религиозное движение. Это случилось в 18 веке, в конце еврейского средневековья. Спаситель, которого ожидала эта часть еврейского народа, появился совершенно незаметно. Его именовали Б́аал-Шем-Тов. С ним зародилось движение хасидизма*.

В некотором смысле Западная Европа 1700 г. напоминала древнюю Палестину в I веке н.э., то есть времен Иисуса. Жизнь тогда превратилась в ежедневную борьбу за существование под тираническим

* Хасидизм не имеет ничего общего с движением хасидеев периода восстания Маккавеев, и их не следует смешивать.

правлением римлян. Одно течение в иудаизме боролось с другим. С суровой моралью иудаизма спорили другие течения — зороастризм, варварские обряды плодородия, культы умирающего сына (Адониса или Озириса), восточный мистицизм — в общем смесь верований. В христианстве все эти неясные томления, расходящиеся мировоззрения нашли свое единение. Христианство вобрало все лучшее из культов воскресения, мистицизма, мифов, обрядов и объединило их в новую религию — религию воскресения и небесной жизни.

Хасидизм вырос на подобной почве политического угнетения, социального беспокойства, саббатизма, франкистских сексуальных оргий, мистических культов. Хасидизм воспользовался всем этим так же, как христианство воспользовалось восточными религиозными культами. Он объединил все смутные чаяния народа в новое течение, отменяя все недостойное, грязное, сексуальное в саббатизме и франкизме. Новое религиозное движение стремилось возвысить дух человека. Но точно так же, как христианство в своей ранней стадии было нереалистичным по отношению к государству, хасидизм был нереалистичен в вопросе о двойной роли человека: в его отношении к Богу и в его отношении к государству.

Хасидизм — это сложный синдром. Это был триумф невежества над знанием. В Талмуде говорится, что невежественный человек не может быть богобоязненным. Хасидизм проповедовал обратное: он признавал еврейский дух без еврейской традиции. Хасидизм создал свою собственную традицию, объявив себя более еврейским, чем сам иудаизм.

Хасидизм находил силу в радости, он утверждал экстатическое начало, но не экстаз чувств, как у франкистов, а экстаз познания Бога. Одним ударом Баал-Шем-Тов превратил слабость в силу, поражение в победу. Как Иисус против интеллектуалов-фарисеев, Баал-Шем выступал против интеллектуалов-

талмудистов. Хасидизм и раннее христианство были братьями по духу.

Израэль бен Элизер, известный как Ба́ал-Шем-Тов, основоположник хасидизма, был современником Франка. Он родился около 1700 г. в том же районе Украины. Его жизнь, описанная учениками, удивительно напоминает жизнь Иисуса. К родителям Ба́ал-Шема в пожилом возрасте явился ангел и сообщил, что Бог собирается благословить их сыном, как он благословил Авраама и Сару, и что этот сын будет распространять по земле учение Бога.

Родители Ба́ал-Шема умерли, когда он был еще маленьким. В шесть лет старейшины общины по закону Талмуда стали бесплатно учить его. Его юность проходила в глуши, в бедности. Он творил чудеса, о которых до сих пор с восторгом рассказывают его последователи, излечивал больных прикосновением, ходил по воде, зажигал дерево взглядом, изгонял привидения, произнося тайное «Имя». Однажды он выступил против населения целого города, заступившись за проститутку. Ба́ал-Шем дотронулся до нее, и она стала невинной и святой. Он мог общаться с самим Богом. По одному слову Ба́ал-Шема грешная душа могла освободиться от ада. Над ним стояло сияние.

Так рассказывают его ученики. Другие говорят, что Ба́ал-Шем был ленив и глуп, любое его начинание было обречено на провал, его выгоняли с любой работы. Его ученики отвечают, что Ба́ал-Шем спал целыми днями потому, что он тайно занимался по ночам. До того, как Бог объявил ему о его миссии, Ба́ал-Шем производил впечатление неудачника. Чудо произошло, когда ему было 42 года.

Ба́ал-Шем не оставил после себя никаких трудов, и мы вынуждены верить его ученикам. Большинство его проповедей уцелело в виде аллегорий и иносказаний. Ко времени смерти Ба́ал-Шема в 1760 г. у него было около 100 000 последователей. В годы высшего

расцвета хасидизма половина евреев Восточной Европы были хасидами.

Ученик Баал-Шема — Дов Бер распространял и проповедовал хасидизм по всей Восточной Европе. Однако резкая оппозиция хасидизму возникла довольно рано, и через сто лет после смерти своего основателя хасидизм потерял силу — не столько из-за внешних причин, сколько из-за внутренней слабости. Новые религии, как и революции, должны быть как можно быстрее институализованы, ибо они содержат в себе корни собственной гибели. Хасидизм не был исключением. Так как не было никакой организации, которая могла бы закрепить традиции или указать направление, движение стало развиваться без нормативных рамок во всех направлениях. Каждый хасидский *цаддик* захватывал определенную территорию, и скоро карта хасидизма стала напоминать карту Священной Римской империи с сотнями хасидских «графств» и «княжеств». В каждой из них государем был *цаддик*. Эти посты скоро стали наследственными, и мудрость уступила место кумовству и политиканским интригам.

Христианство нашло в Павле организатора и стало «респектабельной» религией со своими установлениями. У хасидского движения не было такого человека, и, как следствие этого, оно почти совсем заглохло через 150 лет после появления. Но его влияние осталось: из хасидизма возникла Хаскала, еврейский Ренессанс, и современная школа еврейских теологических экзистенциалистов с Мартином Бубером в качестве наиболее выдающегося представителя.

Мы видели, что двенадцать столетий еврейской средневековой истории были тяжелыми как для евреев, так и для христиан, хотя, может быть, и не такими тяжелыми и кровавыми, как их любят описывать. Перед нами все еще стоит вопрос: как же евреи это выдержали? На этот вопрос один историк отвечает так: «Секрет стойкости нации — в ее готовности

принять поражение». Евреи выдержали, потому что они никогда не думали сдаваться. Иудаизм — это не пораженческая религия. В ней нет доктрины Страшного суда. Иудаизм учит, напротив, что отчаиваться и терять веру в будущее — грех. Есть только одно место, где человек может жить, — здесь, на земле, в радости, во имя Бога.

На всем протяжении еврейской истории не прекращался диалог между народом и Богом; менялся только его тон, отражая перемены в еврейской философии, в которой всегда господствовала тенденция вырваться из-под власти талмудизма. Но через столетие или два эти течения обычно вливались обратно в талмудизм. Были только три исключения, и, по мнению талмудиста, все они — ереси.

Трижды на протяжении еврейской истории философия, отклоняющаяся от традиционного иудаизма, осмеливалась бросать вызов Талмуду. Первым было христианство в греко-римский период. Отгородив себя от этой еврейской секты, талмудизм сумел сохранить независимость. Вторым в исламский период явился караимизм. Включив в себя его достоинства, талмудизм ликвидировал и эту угрозу. В средние века талмудизму стал противостоять каббализм, с отклонением такого размаха Талмуд ничего не мог поделаться: ни отрубить, ни поглотить его. Несколько веков каббализм существовал параллельно с талмудизмом, и часто невозможно понять, какое из течений играло большую роль в еврейской жизни. Сила каббализма была такова, что, хотя он сегодня и не влияет на еврейское мышление, неясно, сохранится ли ослабленный им талмудизм. В настоящее время талмудизм — это второстепенная сила, хотя он все еще силен и его источники еще не высохли.

Средневековый период вовсе не был бесполезным для евреев. Он подготовил их к Новому времени. Евреи не были частью феодальной системы, не были привязаны к ее учреждениям и поэтому стали космополитами в жизни и универсалистами в мышлении.

У евреев не было предвзятых мнений по отношению к той или иной другой культуре, и они могли переносить идеи от одной нации к другой. Еврей был образованным, не принадлежащим к нееврейским кругам человеком и мог со стороны наблюдать различные общества, объективно отмечая их достоинства и недостатки. Евреи стали социальными критиками и пророками новой социальной справедливости.

Папы и государи средневековья могли бы полностью уничтожить евреев, но они вовсе не хотели этого делать. Они понимали, что евреи им необходимы. Евреи были их врачами, послами, финансистами, деловыми, образованными людьми в эпоху Мрака. Но будет несправедливо утверждать, что если бы евреи были бесполезны, они были бы уничтожены. Когда из социальных, религиозных или политических соображений присутствие евреев становилось нежелательным, их изгоняли, а не убивали. Церковь знала, что у всех людей есть душа, и отнимала у человека жизнь, только чтобы спасти его душу. Лишь когда религия потеряла власть над людьми, западное общество выдвинуло идею убийства миллионов просто потому, что для них «не было места».

Когда-нибудь, возможно, история покажет нам истинную роль евреев в средние века. Тогда на евреев уже не будут смотреть как на людей с желтыми отличительными знаками, чье двенадцативековое пребывание в средневековье есть не больше, чем незначительная деталь богатого средневекового гобелена. Тогда на евреев будут смотреть как на помощников в просвещении Европы, как на яркую и органичную часть великого орнамента истории средних веков.

VII
ПО ВОЛНАМ
НОВЕЙШИХ «ИЗМОВ»

Второй еврейский Исход превратил евреев в премьер-министров и генералов, королей торгового мира и почетных членов интеллектуального авангарда, но сделал сохранение еврейства столь же сомнительным, как и во времена Вавилонии.

ВОТ КОГДА ЭТО ПРОИЗОШЛО

НОВЕЙШИЙ ПЕРИОД

Мировая история

Еврейская история

Открытие Америки; исследование и заселение ее южной части испанцами и португальцами, северной — англичанами и французами. Нидерланды становятся протестантской страной и добиваются независимости от Испании. Англия побеждает Испанскую Армаду. Начало торгового расцвета Голландии	1500 н.э. до 1600	Бегство евреев из Испании и Португалии. Евреи среди первых американских колонистов. Нидерланды первыми среди европейских стран приглашают евреев вернуться в страну
Голландия возрождает Европу. Век Рембрандта и торговли. Правление Кромвеля в Англии, установление капитализма. Англия отбирает у голландцев их превосходство на море и колонии в Северной Америке. Рас-	1600 до 1700	Евреи на высоких финансовых и торговых должностях в Нидерландах. Возрождение еврейской учености. Сочинения Спинозы встречены молчанием. Евреи возвращаются в Англию. Евреям разрешено оставаться во

ширение английских колоний в Северной Америке. Основание Тринадцати колоний

Австрия, Россия и Пруссия становятся сильнейшими державами Европы. Французская революция. Наполеон перекраивает карту Европы. Конфликт между колониями и Англией ведет к американской революции и появлению Соединенных Штатов

Романовы останавливают Россию на самом пороге просвещения. Поражение Наполеона. Священный союз реставрирует свергнутые монархии, но революции приводят к восстановлению свобод. Подъем национализма в Европе. Греки завоевывают независимость. Объединение Италии. Объединение немецких государств. Промышленная революция перекраивает экономические границы Европы. Биржа набирает силу. Захват Африки европейскими империали-

Франции. Первые евреи в Тринадцати колониях

Выход евреев из австрийских и немецких гетто. Начало массового крещения. Моисей Мендельсон кладет начало реформированному иудаизму. Распространение хасидизма в России и Польше. Во Франции евреям даны гражданские права. Времена Цунца и Виленского гаона. Переселение немецких евреев в Америку

Положение евреев в России меняется по капризам монархов, но в конце концов их уделом становятся бедность и разгром. Распространение хасидизма приостановлено. Зарождение Хаскалы. Расцвет светской литературы на иврите и идиш. В Западной Европе евреи на видных местах в литературе, экономике и политике. Они становятся частью европейской элиты и интеллектуального авангарда. Антисемитизм превращается в политическое движение.

стами. Война Франции и Пруссии. Америка расширяется до Тихого океана. Миллионы иммигрантов в Соединенных Штатах

Учреждение Нобелевских премий. Восемь миллионов погибших в Первой мировой войне. Победа коммунизма в России. На обломках империй возникают новые «демократии». Основана Лига Наций. Италия становится фашистской. Гитлер приходит к власти в Германии. Манчжурия, Эфиопия, гражданская война в Испании — прелюдия ко Второй мировой войне, величайшей катастрофе в истории человечества. Создание ООН. Победа коммунизма в Китае. Америка становится мировой державой, а Россия — ее конкуренткой

1900
до
наших
дней

К. Маркс основывает коммунизм. Дело Дрейфуса. Герцль закладывает основы политического сионизма. Массовая эмиграция немецких и русских евреев в США

Розенцвейг и Бубер создают еврейский экзистенциализм. Фрейд и Эйнштейн революционизируют современную науку. Декларация Бальфура. Мандат на Палестину передан Англии. Сионизм увлекает сотни тысяч евреев в Палестину для освоения пустыни. Нацисты истребляют 12 миллионов человек, в том числе 6 миллионов евреев. 300 тысяч евреев находят спасение в США. Еврейские беженцы из Германии. Провозглашение Государства Израиль. Евреи отражают нападение пяти арабских армий, обеспечивают свои границы. Центр еврейской интеллектуальной жизни переходит из Европы в Америку

В начале средних веков Европа представляла собой следующую картину: могущественная церковь, послушные монархи, покорный народ. В начале нового времени картина выглядела уже иначе: могущественный монарх, раболепствующая церковь, бунтующий народ. Средневековое государство базировалось на определенной концепции отношения человека к Богу. Оно стремилось к универсальному всечеловеческому братству, объединенному одной верой — католической. Современное государство базируется на понятии «общественного договора» между человеком и государством. Политическая власть в нем перешла от духовных вождей к светским, от аристократа к банкиру, от веры к разуму.

Средневековая история евреев закончилась в Англии в 1300, во Франции в 1400, в Испании в 1500 году. Из всех этих стран евреи были изгнаны. Новейшая история еврейства началась в 17 веке, когда евреи были приглашены вернуться в эти страны. В Германии она началась в 18 веке, когда первая волна Просвещения, достигшая немецких городов, разрушила стены гетто. В Восточной Европе те же процессы развернулись столетием позже.

В средние века еврейская история развертывалась в обратном соотношении с историей христианской. В новое время оба процесса идут параллельно. Евреев и христиан воодушевляют одни и те же идеи. Сомнения в ценности религии находят своих приверженцев и там и тут. И христиане и евреи борются за демок-

ратию. Их одинаково угнетают одни и те же тираны. Они одинаково склоняются перед новым божеством — Наукой. Изменившиеся отношения между человеком и Богом — рамка, внутри которой отныне разворачивается величественная и трагическая драма еврейства в западной цивилизации.

Современная еврейская история напоминает экзистенциалистский синдром. В нем можно насчитать пять симптомов: западноевропейскую иллюзию, восточноевропейскую регрессию, американскую амнезию, нацистский кошмар и израильское пробуждение. Обратимся к истокам этой драмы — в 17 век. Проследим за событиями, которые привели евреев обратно на Запад. Двинемся за ними на Восток, чтобы исследовать «анатомию» эмансипации, виновниками которой были не сами евреи, а изменившееся отношение христиан. Нам придется разбить единую еврейскую историю на отдельные произвольные части и исследовать каждую из них. Лишь после этого мы сможем воссоединить их в Израиле — государстве, созданном самими евреями.

След, ведущий на Запад

Со смертью Карла Великого карта Европы гораздо чаще менялась в королевских постелях, чем на полях сражений. От того, кто на ком женился, зависело, кто кем будет править. Особенно отличилась Испания. Отпрыски испанского королевского дома числились в каждой европейской королевской семье, даже в Нидерландах. Филипп II Испанский, габсбургский самодержец, мстительный религиозный фанатик, унаследовал власть над протестантскими и капиталистическими Нидерландами в 1556 году. Чтобы покончить разом с обеими ересями — протестантством и капитализмом, Филипп, ревностный католик и феодал, ввел в Нидерландах инквизицию и назначил туда правителем герцога Альба. Альба рассуждал точно так же, как римские прокураторы Иудеи. Он

был убежден, что идеи можно искоренить только вместе с их носителями. Голландцы ответили восстанием. Королева Англии, пуританка Елизавета I, опасаясь католицизма и роста испанского могущества, пришла на помощь голландцам. Филипп II решил сломить их союз и выслал против Англии свою непобедимую армаду, состоявшую из 132 кораблей, вооруженных 3165 пушками. На историю эти цифры не производят ни малейшего впечатления. На английского флотоводца сэра Френсиса Дрейка — тоже. В 1558 г. он разгромил Непобедимую армаду. Остатки испанского флота были потоплены штормом у Гебридских островов. Сотни испанских моряков были выброшены на ирландский берег. Там их гостеприимно встретили ирландские девушки, чем, видимо, объясняется обилие черноволосых ирландцев с испанскими именами.

История Нидерландов демонстрирует одно из тех необъяснимых совпадений, над которыми так не любят задумываться историки. Через двадцать лет после своего освобождения эта маленькая страна уже претендовала на экономическую гегемонию в Европе. В 1602 г. здесь была создана Голландская Ост-Индская компания, главное оружие ее империализма. К 1650 г. Голландия стала торговым центром Европы. Ее главный город Амстердам превратился в финансовую столицу мира. Случайно или нет, но этот расцвет совпал с возвращением в Голландию евреев. Случайно или нет, но именно в это время евреи в Голландии начали преуспевать в торговле и финансовых делах.

Первыми прибыли в Голландию в 1593 г. потомки тех евреев, которые за 100 лет до того не захотели покинуть Испанию и приняли крещение, сделавшись марранами.

Легенда утверждает, что первые евреи, поселившиеся здесь, вызвали подозрение голландских протестантов. Их службы несли тайный характер, и голландцы приняли их за папских заговорщиков. Одна-

жды в Судный день голландские власти нагрянули в еврейскую синагогу в Амстердаме во время молитвы, полагая, что здесь находится гнездо католических заговорщиков. Поскольку евреи не могли объясниться по-голландски, им грозила серьезная опасность. К счастью, их представитель, знаток латыни, нашел голландского коллегу и объяснил ему ситуацию на языке Святейшей Римской церкви. Он обещал, что если власти разрешат евреям остаться, те уговорят других марранов, людей богатых и образованных, тоже переселиться в Амстердам и помочь голландцам в их борьбе с Испанией. Сбитые с толку голландцы обратились за советом к своим знатокам-юристам. Те заключили, что евреи не являются ни католиками, ни папистами, а принадлежат к особой, еврейской религии. После этого евреям было разрешено остаться, если они пообещают, что не будут жениться на христианках и не будут оскорблять государственную религию. Поскольку оба условия совпали со стремлениями самих евреев, соглашение было достигнуто. Евреи Испании, Португалии и близлежащих немецких гетто устремились в Нидерланды.

Вскоре Амстердам стали называть «Новым Иерусалимом». Испанские и португальские марраны принесли с собой свои деньги, свои знания и свои связи. Они основали торговые филиалы во всех морских портах — на Средиземном море, в Индии, в Османской империи, в Южной и Северной Америке, а также в Нью-Йорке, который первоначально назывался Новым Амстердамом. Евреи основали новые виды производства и проложили новые торговые пути. Они создали знаменитые банкирские конторы. Они восседали в совете директоров Ост-Индской компании и превратили Амстердам в центр мировой торговли алмазами. Их рисовал Рембрандт. К концу 17 века в Амстердаме проживало около 10 тысяч евреев.

Но в середине 17 века торговая гегемония голландцев начала приходить к упадку. В Англии пришел к

власти Оливер Кромвель, невзрачный человек в мешковато сидевшей одежде, который объединил восстание, Реформацию и капитализм в один победоносный кулак. Кромвель сделал для победы капитализма в Англии столько же, сколько Лютер для Реформации в Германии. С ним в английскую жизнь вошел дух свободного предпринимательства. Кромвель присвоил себе титул лорда-протектора Англии. По существу, он был ее диктатором. В средние века евреи были лишены своих высоких должностей в угоду поднимающемуся христианскому среднему сословию. Потом то же самое произошло с английскими и ирландскими католиками. Их высокооплачиваемые должности перешли к заслужившим награду протестантам. Капитализм стал основой нового порядка. Все нечестно нажитые богатства перешли к новым владельцам. Вскоре Англия взялась за торговлю, ее суда начали бороздить моря и океаны всего мира.

Голландские евреи быстро поняли преимущества нового английского курса. Амстердамская община направила в Англию эмиссара, чтобы выяснить, каковы шансы евреев на возвращение в страну, откуда они были изгнаны в 1290 г. Кромвель встретил евреев, как хозяин встречает хороших работников, готовых служить его растущему делу. Он знал об активности евреев в Амстердаме. Он видел, что они заняли там многие важнейшие посты и деловито распространяют культ коммерции. Еврейского посланника, рабби Менаше бен-Исраэля, ожидали в Лондоне с нетерпением.

На гравюре Рембрандта Менаше бен-Исраэль больше похож на одного из мушкетеров Дюма, чем на привычный образ еврея 17 века. Вандейковская борода и такие же усы, накрахмаленный белоснежный воротник, широкополая шляпа, лихо заломленная над ухом. Кажется, что этот человек лучше владеет шпагой, чем Талмудом. В 18 лет этот вундеркинд стал главным раввином Амстердамской общи-

ны. Он был также основателем первой еврейской типографии в Голландии. Его сочинения были переведены на испанский и латынь. Для своих современников-христиан рабби Менаше был воплощением еврейской мудрости.

Менаше правильно оценил склад пуританского ума. Он обратился к протестантским чувствам англичан. Кромвель и его приближенные ожидали, что он начнет убеждать их, что евреи могут оказать большую помощь английской торговле. Вместо этого Менаше рассказал им, как они могут приблизить свой долгожданный день искупления. Для этого нужно было всего-навсего разрешить евреям вернуться в Англию. Рассуждения Менаше были предельно просты. Разве не сказано в книге Даниила, что День искупления не наступит, пока евреи не будут рассеяны по всей земле? Как же ему наступить, если евреев еще нет в Англии?

Доводы были услышаны. Почтенные нотабли не были уверены, что английское общество примет новых конкурентов. Но они теперь были уверены, что евреи необходимы Англии вдвойне — и для развития торговли, и для спасения души. Они не приняли никакого официального решения, но велели намекнуть евреям, что те могут возвращаться в Англию, не ожидая особого приглашения.

И снова невероятное совпадение. В Англии закон запрещает евреям заниматься розничной торговлей. Поэтому они устремляются в банковское дело, финансы и международную торговлю. Вскоре, как и в Нидерландах, они поднимаются до высших должностей. Еще немного, и они уже восседают в королевской бирже, владеют разветвленными коммерческими конторами, становятся обладателями больших состояний. Именно к этому времени Британия начинает конкурировать с Голландией. Ее флот побеждает флоты державы-соперницы. Британия превращается в главного купца Европы.

Правители Британии возлагали большие надежды

на то, что евреи избавят их от алчных христианских ростовщиков. Со времени изгнания евреев в 13 веке эти кровопийцы полностью завладели английским денежным рынком. В этой борьбе евреи действительно добились таких успехов, что Вильгельм III Оранский возвел еврейского банкира Шломо Медину в рыцарское достоинство. Во время Семилетней войны Англии против Франции английский премьер Уильям Питт снова обратился за помощью к евреям. Он также просил их оказать помощь в борьбе правительства с группой могущественных христианских банкиров, которые монопольно хозяйничали в казначействе и драли с государства бешеные проценты. Евреи преуспели и на сей раз. Они могли бы воспользоваться своим положением и потребовать высоких процентов; вместо этого они сочли нужным бороться за проведение законодательства, которое ограждало бы экономику от разрушительных вымогательств. С течением времени конкуренция со стороны еврейских банкиров привела к снижению уровня долговых процентов.

Через сто лет после приезда марранов в Англии появились первые выходцы из немецких и русских гетто. Но евреи — выходцы из Испании и Восточной Европы — никогда не смешались. Каждая «ветвь» пошла своим путем. Испанские евреи (сефарды) были уверены в своем превосходстве над немецкими собратьями (ашкеназами). Две эти ветви одного и того же народа не только не смешались, но даже еще больше разошлись. По мере того, как сефарды поднимались по ступеням образованности и богатства, они все больше усваивали английскую культуру. То, чего испанцы не могли добиться от евреев силой, англичане получили благодаря своему безразличию к ним. Сефардские евреи начали переходить в англиканское вероисповедание. Церковь, разумеется, принимала их с распростертыми объятиями. Вместе со свидетельством о крещении евреи приобретали дворянские грамоты. Евреи из Германии и России про-

должали между тем жить в своих кварталах. Им предстояло проделать свой путь в английское высшее общество только в XIX в.

Во Францию евреи вернулись во времена Людовика XIV. Их возвращение было косвенным результатом французской истории. После подписания Вестфальского мира (1648 г.) Франция получила от Австрии Эльзас и вместе с ним внушительных размеров еврейское гетто. Этим евреям предстояло ближайшие 150 лет пребывать в полном забвении. Они не оказали никакого влияния на французскую культуру, науку и экономику. В большинстве своем они оставались мелкими ростовщиками и торговцами поддержанным платьем. Впрочем, несколько придворных евреев прославились при дворах всех четырех Людовиков — от XIII до XVI. Мы вправе спросить: почему с французскими евреями не случилось то, что произошло с их английскими и голландскими собратьями? Ответ очевиден. В те времена Франция не нуждалась в евреях и в их особых талантах. Она не была ни протестантской, ни капиталистической страной.

Из гетто в купель

На Западе еврейский вопрос состоял в том, как «войти», на Востоке в том, как «выйти». Здесь евреи никак не могли выйти из гетто, в которые были заключены с 1600 г. В Австрии их исход начался с воцарением уроженки Испании Марии-Терезии. Эта проницательная и амбициозная, образованная и суеверная императрица вырастила шестнадцать детей, переписывалась с Вольтером, имела лучшую в Европе артиллерию и смертельно боялась евреев и протестантов. По примеру греческих эллинизаторов она пыталась натянуть австрийскую Kultur на своих подданных, жителей Богемии и Силезии, мадьяр, поляков, румынов, евреев. В отличие от греков она в этом не преуспела. Тогда она обратилась к политике

кнута и пряника. Она ликвидировала ряд феодальных ограничений и улучшила положение своих крестьян. Что касается евреев, то она изгнала их из Вены и Праги, но только с тем, чтобы через несколько лет призвать их обратно. К этому ее склонили такие соображения, как стесненные финансы, давление мировой общественности и собственное чувство справедливости. Все годы своего правления она пользовалась услугами лучших придворных евреев Европы. Они заботились о снабжении ее армии обмундированием, а казны — деньгами.

Насколько Мария-Терезия боялась некрещеных евреев, настолько она любила евреев крещеных. Обращенный еврей мог достичь при ее дворе любой ступеньки власти. Карьера родившегося в гетто Иосефа фон Зонненфельдса иллюстрирует то культурное и гуманистическое влияние, которое крещеные евреи оказали на Австрию в 18 веке. Фон Зонненфельдс был крещен еще в детстве. Он служил рядовым в австрийской армии, изучал юриспруденцию, составил законы, отменявшие в Австрии пытки, основал Национальный театр, стал президентом королевской Академии наук, управляющим литературными делами и личным другом Марии-Терезии и ее преемника Иосифа II.

Взойдя на престол, Иосиф II провозгласил: «Я безгранично предан гуманизму». Услышав это, европейские монархи заерзали на тронах. Исповедывать гуманизм было модно, практиковать его считалось вульгарным. Год спустя Иосиф издал декрет о веротерпимости, который распространялся на евреев и протестантов. Он вовсе не намеревался полностью уравнивать их в правах с католиками. Тем не менее для многих евреев декрет означал, что они могут покинуть гетто, снять отличительную одежду, заняться любым видом торговли, стать коммерсантами, открывать фабрики, посылать своих детей в школы и университеты.

Во времена веротерпимого Иосифа II в австрий-

ском обществе появился новый тип еврея — «салонный еврей». Как при римлянах и мусульманах, евреи использовали образование как способ достижения успеха. Поскольку они были талантливы, блестящи, остроумны, ценили театр, музыку, литературу, а главное, имели деньги, австрийская интеллигенция потянулась в их салоны. После воскресной мессы было приятно отдохнуть в утонченной атмосфере еврейского салона, где можно было встретить особ королевской крови и аристократов, знаменитых артистов и музыкантов, певцов и писателей.

Однако далеко не все евреи жили таким образом. К 1800 г. австрийское еврейство состояло из трех групп. В первую входила огромная масса евреев, по-прежнему живших в гетто. Формально они могли уйти, но на практике этому препятствовала бедность. Вторую группу составляли немногие салонные евреи. Третья была еще более немногочисленна: в нее входили те крещеные евреи, которые пробились в аристократию, в духовенство и правительственные круги.

Судьба евреев в протестантской Пруссии была аналогична их судьбе в католической Австрии. Новую Пруссию выпестовали четыре Фридриха из рода Гогенцоллернов. Расчетливо сочетая гуманность с жестокостью, они создали прусское государство и защитили свое детище самой мощной в Европе армией, которая насчитывала 83 тысячи солдат при населении страны в 2,5 миллиона. Гогенцоллерны ликвидировали пыточную систему, дали некоторые свободы крепостным, ввели обязательное начальное образование и даровали религиозную свободу католикам и евреям.

В Берлине первые евреи появились во времена Великого регента Фридриха-Вильгельма (1640—1688 гг.). В 1712 г. берлинские евреи основали свою первую синагогу. Историки все еще спорят о причинах, заставивших регента заинтересоваться евреями. Фрейдисты утверждают, что это было вызвано ро-

мантической страстью к очаровательной и сговорчивой жене придворного ювелира-еврея. Марксисты считают, что регент рассчитывал на те несомненные выгоды, которые евреи принесут экономике страны. Какова бы ни была подлинная причина, она оказалась недостаточной, чтобы дать свободу всем евреям. Лишь некоторым из них посчастливилось или удалось покинуть гетто и переселиться в быстро растущие немецкие города. Эти эмансипированные евреи проявили свои способности в коммерции и науке. Вскоре они достигли в этих областях таких же вершин, как и во всех других странах, где с них были сняты ограничения.

В Пруссии и в других германских государствах появились свои салонные евреи. Началось добровольное крещение. У евреев не было духовных вождей, которые могли бы придать смысл иудаизму за стенами гетто, и поэтому они ассимилировались в тот самый момент, когда эмансипировались. Евреям снова необходим был спаситель. И поскольку он был необходим, он появился.

Ни один режиссер не выбрал бы уродливого горбуна из гетто на роль главного героя этой еврейской «культурной драмы». На это отважилась только история. Она предназначила Моше Мендельсону (1729—1786), горбуна из гетто в городе Дессау, стать главным защитником иудаизма среди христиан и главным проповедником христианской культуры среди евреев. Мендельсон разрушил устоявшееся убеждение, будто жизнь в гетто и есть еврейская жизнь. Он вернул в еврейскую школу светское образование. И он, больше чем кто-либо другой, подготовил немецких евреев к свободе, которая уже притаилась за углом истории.

В четырнадцатилетнем возрасте Моше Мендельсон бежал из гетто и добрался до Берлина. Его манило светское образование. В Берлине он погрузился в атмосферу немецкого Просвещения. Вдохновленное Вольтером и Руссо, оно восстало против всех

традиционных авторитетов. Мендельсон подружился с Кантом. Он стал другом Готхольда Лессинга, который считался тогда величайшим немецким драматургом. Подсказанная Мендельсоном пьеса Лессинга «Натан мудрый» с триумфом обошла все европейские театры. Она изменила традиционное представление о еврее. Вместо жалкого обитателя гетто на сцене появился горделивый еврей прежних дней, наследник богатой и древней культуры. Философские работы Мендельсона принесли ему славу «немецкого Сократа». Его критические обзоры выдвинули его в число ведущих немецких стилистов. Его статьи об искусстве заложили основы современной эстетической критики.

Мендельсон стал «салонным евреем». Путь просвещения вел его в объятия христианской церкви. Его возвратила к иудаизму не рука провидения, а ирония судьбы. Ему был брошен публичный вызов — прекратить сидеть на двух стульях сразу. От него требовали либо опровергнуть христианство, либо принять крещение. Вступив в борьбу со своей совестью, Мендельсон заново открыл для себя иудаизм.

Мендельсон ясно видел дилемму и опасность еврейской ситуации. Остаться в гетто означало продолжать бессмысленное существование. Выйти из гетто неподготовленным к Просвещению означало быть поглощенным христианским большинством. Мендельсон увидел перед собой двуединую задачу: дать евреям орудие для автоэмансипации и выработать новые еврейские ценности на смену обветшавшим старым. Подобно тому, как Геракл повернул речной поток в авгиевы конюшни, Мендельсон повернул поток Просвещения в улицы и переулки еврейских гетто.

Орудием освобождения евреев Мендельсон считал немецкий язык. Поэтому он перевел Пятикнижие на простой и красивый немецкий язык, сохранив для написания ивритские буквы. Он полагал, что когда евреи овладеют этим языком, они начнут читать на

нем светские и научные книги. Предположение Мендельсона оправдалось. По мере того как еврейская молодежь знакомилась с западной наукой, математикой, литературой, стремление к религиозному образованию начало спадать. Еврейская молодежь стала покидать гетто, но она отнюдь не вступила в неогороженное поле. Мендельсон заложил основы будущего реформированного иудаизма, который призван был объединить эмансипированных евреев. В серии книг и брошюр он набросал основы построения современного иудаизма. Он переформулировал «Общественный договор» Руссо применительно к евреям. При этом он сохранил место для Бога.

Мендельсон утверждал, что светские законы, предназначенные для одной эпохи, не могут рассматриваться как нерушимые в другую эпоху. Бессмысленно цепляться за «еврейское государство» внутри феодального общества, если это общество само умирает. Каждый еврей имеет право расторгнуть свои связи с «правительством гетто» и «заключить контракт» с нееврейским государством, как это сделали христиане. Эмансипация евреев может быть осуществлена только посредством расторжения уз, связывающих евреев к их прошлому. Еврейская религия должна посвятить себя вечным истинам, а не мелочам повседневного существования.

Мендельсон утверждал, что сохранение еврейства не требует вечной оглядки на преходящие национальные ценности. Ориентироваться нужно на те заповеди, которые связывают евреев с их божественным прошлым.

До сих пор аргументация Мендельсона представляла собой современный вариант аргументации фарисеев, которые в свое время добивались либерализации Мишны и Гемары. К этому Мендельсон добавил два новых утверждения. Во-первых, он заявил, что нарушение религиозного закона является индивидуальным, а не государственным преступлением. Во-вторых, он потребовал, чтобы право отлучения от об-

щины не использовалось для установления насильственного религиозного единomyслия.

Мендельсон оказался пророком, опередившим свое время. Поднятые им вопросы отношения современного еврея к современному государству были тридцать лет спустя снова подняты Наполеоном. Ответ еврейства на вопрос Наполеона совпал с ответом, который предлагал Мендельсон.

История русского еврейства в 18 веке не получила даже заголовка. Русское Просвещение совершенно не затронуло евреев. Впрочем, оно весьма мало затронуло и самих русских. Русские евреи от Литвы до Румынии влачили жалкое существование в то же самое время, когда их голландские и английские собратья процветали, «салонные евреи» Австрии и Пруссии собирали знать в свои гостиные, а Мендельсон пропагандировал свои идеи в Германии. Из этой спячки их вырвало событие, значение которого они не смогли тогда до конца осознать. Повлиял на них человек, о котором написано больше книг, чем о Иисусе. Этим событием была Французская революция, а человеком этим — Наполеон Бонапарт.

Наполеоновский империализм и еврейская эмансипация

История Европы 19 века, а с нею и история евреев была предопределена еще в 18 веке во Франции. В те времена то, что происходило во Франции, отзывалось во всей Европе. Как выразился историк: «Когда Франция чихает, у Европы насморк». В свою очередь, история Франции к тому времени перестала быть делом королей. Ее начали вершить интеллектуалы. Французами правил теперь не голод, а идеи. Четыре человека (неевреи) изменили образ мышления всей Европы. Язвительное остроумие Вольтера подорвало основы церкви. «Энциклопедия наук и искусств» Дидро подорвала основы веры. «Общественный договор» Руссо подорвал прежнюю концепцию госу-

дарства. Философия «бесконечного совершенствования человека» Кондорсье вселила надежды на возникновение нового, разумного человеческого существа.

Наибольшую роль сыграл «Общественный договор». Он разжег не только пламя Французской революции, но и пожар европейского национализма 19 в. В нем утверждалось, что власть первоначально родилась из взаимного соглашения между народом и правителями для взаимного блага обоих. Однако затем, вследствие воздействия науки, искусства и политики, этот договор был искажен, а потом и вовсе разорван. Государство, по Руссо, должно быть выразителем воли народа, а не правителя. Подданные должны жертвовать частью своих прав ради всеобщего блага. Но они имеют право разрывать контракт, если правитель узурпирует власть, врученную ему народом.

Можно и тут задать древний вопрос: что чему предшествует? Новые ли идеи подрывают старые установления или крушение старых установлений порождает новые идеи? Новый ли способ производства делает установленный порядок изжившим себя или изживший себя старый порядок порождает новые идеи? Как бы то ни было, очевидно одно: вожди Французской революции подхватили эти новые идеи французских рационалистов и использовали их лозунги, чтобы увлечь массы. Мушкеты швейцарских наемников Людовика XVI оказались бессильны против идей свободы, равенства и братства.

Французская революция началась как восстание против короля, которого народ не мог понять, и превратилась в истерию, которая вышла из-под контроля вождей. Разум оттеснил человечность. Террор стал орудием разума. События разворачивались с невероятной стремительностью. Бастилия была взята штурмом. Франция была провозглашена Республикой, король и королева были казнены. Был введен террор, 350 аристократов ежемесячно шли на гильотину. В ноябре 1793 г. был официально низло-

жен Бог, а в июне 1794 г. Робеспьер был объявлен Верховным жрецом.

Один за другим вожди революции погибали в ее же собственных жерновах: Марат был убит в ванне Шарлоттой Корде за измену революции, Дантон был казнен Робеспьером за то, что мешал революции, Робеспьер был обезглавлен собственными сторонниками за то, что его развратила революция.

В начале революционных событий евреи рассматривались как один из главных врагов Республики. Это был чисто логический вывод. Церковь была, несомненно, врагом Республики. Но церковь и евреи верили в один и тот же Ветхий завет. Следовательно, евреи тоже были врагами Республики. Если бы не тень Мендельсона и вполне реальная фигура графа Мирабо, евреи могли быть уничтожены в ходе революции. Мирабо, этот знаменитый оратор и один из немногих вождей революции, умерших в собственной постели, некогда встречал Мендельсона в Берлине. Благодаря этой встрече Мирабо познакомился с тридцатипятивековой культурой еврейского народа.

Тотчас после штурма Бастилии евреи предстали перед революционным трибуналом. Им надлежало отстаивать свое право быть гражданами Республики. Мирабо встал на их защиту. Шли жаростные дебаты. В конце концов вопрос был передан на всенародный референдум. Антиеврейская фракция, уже уверенная в своей победе, потерпела жестокий удар. Из 60 районов Парижа 53 подавляющим большинством проголосовали за предоставление евреям равных прав. В 1791 г. 70 тысяч французских евреев стали равноправными гражданами Республики.

Новой Французской республике и новым еврейским свободам угрожала одна и та же опасность. Еще недавно европейские монархи с ужасом следили за восстанием американских простолюдинов против английского короля. На их глазах народ взял власть в свои руки и основал революционную радикальную республику. Ее подстрекательская конституция, из-

вестная под названием «Декларации независимости», была явно списана с левацкой книжонки «Общественный договор», созданной похотливым мегаломаньяком Руссо. Теперь с еще большим ужасом они наблюдали за аналогичными событиями во Франции. На сей раз они происходили у них под носом. Бунт следовало немедленно подавить, даже силой. Армии Австрии, Пруссии, Испании и Англии вторглись во Францию, чтобы задушить еретическую идею свободы.

В помощь вторгшимся армиям французская знать создала внутри страны «пятую колонну». Она развязала свой собственный, белый террор. Она намеревалась совершить переворот и вернуть себе власть в Париже. Но аристократы не предусмотрели появления 24-летнего генерала артиллерии по имени Наполеон Бонапарт. Одним залпом картечи, как говорил Наполеон, он подавил восстание знати. Отныне и до 1815 г. история Европы была не чем иным, как страницей биографии этого маленького корсиканца, отпрыска бедных дворян из Аяччо. Он присоединял к своим владениям одно европейское государство за другим. Их короны он раздавал своим многочисленным родичам как свадебные подарки. «Я не преемник Людовика XVI, — провозгласил он. — Я наследник Карла Великого». В этот момент он возлагал знаменитую железную корону Милана на собственную голову.

Наполеон возвел себя на трон. Он присвоил себе функции свергнутого короля и низложенного Бога. Объектом человеческого поклонения стал теперь не Бог, а богатство. Он приручил духовенство, узаконил в своем Кодексе социальные и материальные завоевания революции, ввел государственный контроль за образованием и создал орден Почетного легиона, чтобы вознаграждать буржуазные добродетели.

А что с евреями? Вспомним, что в средние века евреи представляли собой отдельную корпоративную

общность. Они обладали почти полным самоуправлением. Бессмысленно говорить, что они были неравноправны. В средние века все были неравноправны. Зато они имели свои суды, свою полицию и свои налоги. Они были государством в государстве. Они пользовались такой свободой и такими правами, каких не знали христиане в феодальном обществе. Их социальный статус был ниже статуса знати и высшего духовенства. Но он был много выше статуса крепостного, деревенского землевладельца, йомена и бюргера. Все это, однако, было до изгнания евреев в гетто. Теперь во Франции феодального строя больше не существовало. Наполеону предстояло решить, что делать с «еврейскими государствами» в границах самой Франции и всех тех стран, которые он присоединил к империи.

Склонный к театральности Наполеон созвал национальную ассамблею еврейских нотаблей. Изумленным евреям было задано двенадцать на первый взгляд бессмысленных вопросов. Одобрят ли евреи полигамию? Разрешают ли они развод? Дозволено ли еврею жениться на христианке? Считает ли себя французский еврей французом? Согласны ли евреи исполнять французские законы? Какой административной властью обладают раввины? И так далее. Нотабли кипели от возмущения. Они не понимали смысла происходящего. Тем не менее у них хватило ума отнестись к вопросам с серьезностью, которой они как будто и не заслуживали. В течение нескольких недель они представили Наполеону ответы, которых тот ожидал. Нет, евреи не одобряют полигамию. Да, они разрешают разводы. Да, Франция — это родина французских евреев. Они готовы защищать ее от всех врагов. Нет, раввины не обладают административной властью. Нет, ограничения в браке относятся только к язычникам, а христиане не язычники, следовательно... И так далее, все двенадцать ответов.

После этого Наполеон выложил свою козырную карту. Он создал первый за восемнадцать столетий

Великий еврейский синедрион. Тот самый Синедрион, который не созывался со времен разрушения Храма римлянами. Наполеон потребовал, чтобы евреи подтвердили свои ответы перед этим Синедрионом. Он хотел, чтобы эти ответы стали обязательными для всех евреев. Теперь еврейские руководители поняли весь его замысел. Тем не менее они не могли сдержать радостных слез при мысли о восстановлении святейшего Синедриона. Эта весть мигом облетела весь еврейский мир. Имя Наполеона стало известно каждому еврею. В синагогах Европы и Америки в его честь служили специальные службы.

Великий Синедрион перестал существовать в ту же минуту, как удовлетворил требования Наполеона и подтвердил ответы ассамблеи нотаблей. Тем самым он провозгласил, что Моисеевы законы являются законами религиозной, а не гражданской жизни. Он постановил, что евреи обязаны подчиняться гражданским законам государства. Он подтвердил, что юрисдикция раввинов не распространяется на гражданские и уголовные дела. Он признал, что отныне евреи не являются государством в государстве, а образуют часть общей нации. Тем самым все оставшиеся еще в Европе еврейские феодальные общины становились анахронизмом. Им оставалось лишь ждать, пока история расправится и с ними.

Свое окончательное военное поражение Наполеон потерпел под Ватерлоо. Свое политическое поражение он потерпел на Венском конгрессе в 1815 г. На этом конгрессе австрийский император Франц играл роль хозяина, принимавшего у себя всех реакционных монархов Европы. Монархи прибыли с целыми обозами несметных гардеробов, окруженные блистательными фаворитками и преисполненные твердой решимости повернуть ход истории обратно. Они подписали пакт, который получил название Священного союза. Пакт предусматривал восстановление всех старых порядков. Монархи сказали «нет» всем социальным и экономическим нововведениям. Они

покаялись поспешить на помощь любому из тех, кому будет угрожать очередная революция.

В результате вспыхнула серия революций, каких Европа никогда не видывала. Ветер свободы разнес искры восстания по всему континенту. За революцией 1820 г. последовала революция 1830-го, затем 1848 года. Демократия терпела поражение за поражением, но она выстояла и в конце концов победила. Французы восстали против реставрации Бурбонов. Греки свергли своих турецких поработителей. Италия была объединена. Бисмарк создал единое немецкое государство. Повсюду евреи выступали бок о бок с христианами. Иногда они выступали на стороне реакции. Гораздо чаще они выступали на стороне демократии. Они воевали как французы, немцы, австрийцы, итальянцы, англичане. Как и все, они были заражены идеями национализма.

Между тем, пока враждующие лагеря размахивали своими флагами, толковали о всеобщем братстве и стреляли друг в друга, пар и электричество потихоньку преобразовывали лицо мира. Промышленная революция вознесла биржевого маклера выше венценосного монарха. Новая германская держава бросила вызов английскому всемогуществу. Мир, сам не зная того, на всех парах мчался навстречу Первой мировой войне.

Эмансипация евреев в Италии в 19 веке была типичным примером их эмансипации в западноевропейских странах. Освобождение Рима наполеоновскими армиями было впечатляющим событием. При свете факелов французский генерал зачитал ликующей толпе манифест Наполеона, который даровал итальянцам и евреям свободу, равенство и религиозную веротерпимость. Во всех гетто были выломаны ворота. Итальянцы приветствовали еврейских раввинов словами «гражданин раввин». Они жали руки остолбеневшим евреям, вместе с ними радостно распевали песни освобождения. Повсюду сажали Деревья свободы.

Поражение Наполеона под Ватерлоо было одновременно поражением итальянцев и евреев. Свергнутые правители тотчас извлекли из гардеробов свои заплесневевшие мантии. С помощью Священного союза они восстановили свою прежнюю власть. Деревья свободы были выкорчеваны. Папа римский вернулся на престол Ватикана. Евреи были загнаны обратно в гетто. Гражданские права итальянцев были перечеркнуты. Но было уже слишком поздно. Идея свободы пришлась по вкусу итальянскому народу. Революционные настроения продолжали расти. Число тайных обществ, поднявших на борьбу с реакцией, множилось. Самым влиятельным из них было общество карбонариев. Это движение вдохновлялось христианскими идеями, содержалось на еврейские деньги и состояло из представителей обеих религий. В 1820 г. карбонарии подняли свое первое восстание. Оно потерпело неудачу из-за вмешательства Священного союза. Пули и штыки были ответом на требования свободы и дешевых овощей. Битва была проиграна, но война продолжалась. Джузеппе Мадзини основал новое общество. Целью его было освобождение Италии от власти Папы и чужеземных хозяев. Раввины в синагогах служили патристические службы. Евреи толпами устремились под знамена «Молодой Италии» Джузеппе Мадзини. Так началась вторая революция 1830—1831 гг. Она тоже потерпела жестокое поражение.

Затем на сцене появился новый национальный герой — Джузеппе Гарибальди. В 1849 г. Гарибальди и Мадзини впервые удалось объединить Италию. Евреи со всех концов страны устремились в Рим приветствовать освободителей, провозгласивших создание Итальянской республики. Их преданность делу революции была вознаграждена высокими постами в правительстве нового государства. Республика, однако, просуществовала недолго. Она снова была раздавлена Священным союзом, а Италия снова была разъединена. Борьба за объединение опять ушла в

подполье. Евреи вступали в ряды Рисорджименто графа Кавура. Вместе с тысячью краснорубашечников Гарибальди они шли на освобождение Сицилии и Неаполя. Они воевали в новых легионах Мадзини. Они до хрипоты оралы вместе с итальянцами, пока, наконец, одержали победу и в 1861 г. провозгласили новое, конституционное Итальянское королевство.

В этой новой Италии евреи были избраны итальянцами на ведущие и почетные посты, что явилось громогласным подтверждением доверия к еврейскому народу. Луиджи Луццатти, основатель итальянского Народного банка, пять раз был министром финансов Италии и ее премьер-министром. Генерал Джузеппе Оттоленги, первый еврей в итальянском генеральном штабе, доблестно сражался в рядах Рисорджименто и стал министром обороны. Еще один еврей, Сидней Соннино, дважды был премьер-министром. В качестве министра иностранных дел во время Первой мировой войны он сыграл важную роль в расторжении Тройственного союза Германии, Австрии и Италии и переходе Италии на сторону союзников. Католический Рим избрал Эрнесто Натана своим мэром. Людовико Мортара, упорядочивший итальянский гражданский кодекс, стал президентом Верховного суда и первым министром юстиции.

История евреев в Германии немногим отличалась от их истории в Италии. В 1798 г. пало первое немецкое гетто в Бонне, городе Бетховена. Ликующие немцы окружили гетто и разрушили его стены. Гетто исчезали одно за другим, и немецкие евреи становились равноправными немецкими гражданами. Как и в Италии, они принимали участие в последовавших за этим революциях и контрреволюциях. Вместе с немцами они боролись за современное государство и свободу для всех. В Пруссии они стали офицерами и солдатами, государственными деятелями и чиновниками. Вместе с кайзером и Бисмарком они боролись за объединение Пруссии с федерацией немецких государств, основанной на Венском конгрессе. Когда в

1870 г. Наполеон III объявил Пруссии войну, 7000 евреев вступили во Францию в составе немецких армий. Лозунг «Германия превыше всего» овладел умами немецких евреев в такой же степени, как и умами немецких христиан. Праздную победу, немецкие евреи обнимали немецких христиан, меж тем как французские евреи вместе с французскими христианами клялись, что возьмут реванш.

В Австрии еврейская эмансипация вначале натолкнулась на препятствия. Затем, однако, она пошла по проторенному пути. Декрет Иосифа II о веротерпимости был похоронен вместе с ним. Эпоху веротерпимости сменила эпоха торжествующей реакции. Все демократические завоевания евреев и христиан были заперты под замок, охранять который взялись учредители Священного союза. Упрятанные за решетку, еврейские и христианские либералы сумели разжечь революцию 1848 г., которая смела не только их узы, но и австрийский трон. Демократические свободы были восстановлены. Ироническим примечанием звучит судьба князя Меттерниха, руками которого был создан Священный союз. Спасаясь от революционной виселицы, Меттерних обратился за помощью к барону Соломону Ротшильду, одному из последних придворных евреев Европы. Ротшильд помог Меттерниху бежать и долго еще продолжал поддерживать его в изгнании.

Крепостные, славянофилы и евреи

В то время, когда к западу от Вислы шла стремительная эмансипация евреев, к востоку от нее они столь же стремительно деградировали. После раздела Польши евреи оказались замкнутыми в черте оседлости. Они были изолированы от просвещения и жили среди безграмотных русских крестьян и невежественных русских помещиков. Их жизнь становилась все более застойной. Их культурное наследие было похоронено под тяжким грузом монотонного и

бессмысленного деревенского существования. Их дети были лишены светского образования. Это был физически безопасный тупик, в котором притаилась духовная смерть. Затем совершенно внезапно в 19 веке все перевернулось. Жизнь стала физически опасной, зато духовно насыщенной и содержательной.

Пять Романовых правили Россией в 19 веке. Они ухитрились приостановить в России развитие просвещения и благополучно вернуть страну в лоно феодального деспотизма. Их политика не была последовательной. Она представляла собой прихотливую смесь жестокости и патернализма. Они освободили крепостных, но не дали им земли. Они отменили пытки, но учредили полицейское государство. Они прославляли просвещение, но лишали массы образования. Их политика в отношении евреев была столь же противоречивой. Они ликвидировали еврейское «общинное государство», но отказали евреям в гражданстве. Они поощряли занятия евреев земледелием, но не позволяли им владеть землей. Они пытались интегрировать евреев в общерусскую массу, но ограничивали их жительство чертой оседлости. В конце концов все их добрые и дурные намерения возбудили против них дружную ненависть и русских, и поляков, и евреев.

Миллион русских евреев приветствовал в 1801 г. вступление на трон либерального Александра I. Он даровал амнистию политическим заключенным, отменил пытки, разрешил всем желающим отпустить своих крепостных на свободу. Евреям было разрешено заниматься любыми видами деятельности. Им разрешалось поступать в русские школы и университеты. Им даже разрешалось жить вне черты. Большая часть этих свобод на самом деле осталась на бумаге. Тем не менее многие евреи ухитрились сделать своих детей купцами и фабрикантами, учеными и специалистами. Хотя большинство евреев продолжало жить в черте оседлости, уровень их благососто-

яния был выше, чем средний уровень русских крестьян. Те и в 19 веке продолжали еще жить в крытых соломой грязных избах вместе с домашним скотом. Они по-прежнему оставались в полной власти хозяйского кнута, в плену невежества и суеверий.

На Венском конгрессе вино реакции ударило Александру I в голову. Он понял, что зашел слишком далеко в своих освободительных реформах. Он поспешил напаять на свою державу смирительную рубашку полицейского режима и отправить евреев в еще более урезанную черту оседлости. Он умер, не успев довести свое дело до конца. Но его преемник, Николай I, оказался достойным последователем своего брата. Он зажал русских, поляков и евреев в своем тираническом кулаке.

Евреям была запрещена всякая профессиональная деятельность. Они были выселены из городов в черту оседлости. В одну ночь 100 тысяч евреев оказались без крова и денег. Специальный закон обязал еврейских детей в возрасте от 12 до 18 лет отбывать 25-летнюю воинскую повинность. Когда такого парня забривали в армию, это означало, что родители уже никогда его не увидят. Одни умирали до окончания срока службы, другие обращались в христианство, не вынеся мучений и издевательств. Попытки скрыть детей от армии породили новую русскую профессию — похитителей еврейских детей. Банды похитителей рыскали по еврейским местечкам, похищая детей на армейскую службу, точно так же, как англичане до войны 1812 г. похищали американцев для службы на своем флоте.

Очередной царский указ поставил под угрозу само существование евреев. Их спасла только находчивость. Согласно этому указу еврейское самоуправление распускалось. Все евреи подчинялись непосредственно русской администрации. Нечто подобное совершил во Франции Наполеон. Но во Франции евреи, лишившись общинного самоуправления, приобрели гражданские права. Россия продолжала оста-

ваться феодальным государством. Ни о каких гражданских правах для евреев не могло быть и речи. Доверять российской администрации и российской юстиции у евреев тоже не было ни малейших оснований. Попастъ в зависимость от российских судов означало для них верную гибель. Продажность и взяточничество разъедали российский суд, подобно тому как венерические болезни — наполеоновскую армию в Испании.

Как же русские евреи ухитрились выжить? Они изобрели портативные сиюминутные формы самоуправления — так называемые *хеврот*, или товарищества. Они разбили функции самоуправления на составные части и основали отдельное товарищество для исполнения каждой функции. Были созданы товарищества, которые занимались сиротами, похоронами, образованием, бедными невестами на выданье, дешевыми столовыми, искусством и ремеслами. Каждое товарищество имело собственные правила и постановления, которым подчинялись все его члены. Если возникал конфликт, евреи обращались за его разрешением в соответствующее товарищество. Каждая *хевра* имела одного-двух раввинов, которые могли утвердить вердикт. Поводов обращаться в русский суд у евреев было немного.

К 1850 г. черта оседлости сократилась до половины своих первоначальных размеров. Евреи находились на грани голода, вымирания и отчаяния. Со смертью Николая I, встреченной вздохом всеобщего облегчения, кончилось первое действие Романовской драмы.

С изумлением созерцала Россия начало второго акта этого непредсказуемого царского сценария. Александр II смелым декретом освободил 40 миллионов рабов, ограничил власть православной церкви, отнял многие прерогативы у знати и расчистил авгиевы конюшни продажного судопроизводства. Он закончил с насильственным призывом в армию еврейских подростков, сделал образование доступным для

всех и открыл двери России для трех миллионов евреев, проживавших в черте.

История евреев снова стала приобретать знакомые формы. Зная о еврейских связях с европейскими банкирами, Александр II обратился к ним за помощью в деле индустриализации страны. Он поручил евреям создать русскую банковскую систему. Самуил Поляков, которого называли русским железнодорожным королем, соединил восточную и западную части империи стальными артериями. За это он был пожалован в дворянство. Банковское дело, юриспруденция, архитектура, медицина и промышленность стали профессиональными занятиями русских евреев. Однако все это касалось лишь 5% еврейского населения России. Остальные 95% продолжали жить в черте оседлости. И все-таки 25-летняя служба в армии больше не угрожала детям. Перед ними открылась возможность учиться. Все это вселяло в их сердца новые надежды.

Затем, словно по мановению волшебного жезла, эпоха либерализма внезапно кончилась. Действие снова развернулось на подмостках, но декорации просвещения уже исчезли со сцены. Обстановка третьего действия повторяла обстановку первого. Россию затопила волна реакции. Евреи были снова загнаны в черту. Всякий, кто смахивал на либерала, шел под расстрел или за Урал. У Александра II все пошло кривь и вкось. Поляки восстали. Русская земля стонала от несчастий обнищавших крестьян, безземельных крепостных, голодных рабочих, поработанных национальных меньшинств. Русская душа была переполнена страданиями.

Александр II никогда не отличался оригинальностью мышления. Все болезни он лечил аспирином. Больной славянской душе была прописана новая, русская разновидность национализма — славянофильство. Славянофилы утверждали, что Россия должна перестать подражать Западу и обратиться к источнику своего величия — к загадочной «славянс-

кой душе». Это было движение, которое пыталось добиться народного единства посредством отрицания реальности. Славянофилы создали образ России, в котором не было и следа ее невежества, безграмотности, нищеты. Те, кто указывал на эти факты, немедленно объявлялись антипатриотами. «Одна Россия, одна вера, один царь» — таков был лозунг эпохи. Повиновение царю-батюшке и церкви — святой матери — вот тот мистический цемент, который должен был удержать от распада великую панславянскую империю, разумеется, не без некоторой помощи тайной полиции и наемных громил. Русские демократы ответили на террор террором. В один прекрасный день революционеры разнесли Александра II в клочки с помощью самодельной бомбы. Вместо того, чтобы добиться удовлетворения своих отчаянных требований, они добились всего лишь воцарения Александра III. Этот новый царь был игрушкой в руках аристократии, которая заботилась только о своих привилегиях. Ее лидером стал Победоносцев — глава Святейшего синода, человек, для которого демократия была равносильна проказе, а выборы — смертоубийству. Он явился главным вдохновителем еврейских погромов, которые призваны были отвлечь народные массы от их собственных несчастий. Победоносцев предложил новую формулу решения еврейского вопроса, которая гласила: «Одна треть евреев должна креститься, одна треть — эмигрировать, одна треть — сдохнуть с голоду». Инспирированные им погромы напоминали цирковые представления, которые римляне устраивали на потеху плебсу. На этот раз роли христиан и львов исполняли соответственно евреи и погромщики. Волна таких погромов прокатилась по России и вызвала протесты всего цивилизованного мира. Двадцать тысяч евреев были в одну ночь изгнаны из Москвы. Сотни тысяч других эмигрировали в Соединенные Штаты, где не было ограничений на иммиграцию. Но миллионы остальных, не имевших никакого выхода, продол-

жали жить в страхе и нищете. Возможно, они вымерли бы вообще, не будь помощи добровольных еврейских филантропических организаций Европы и Америки.

Романовы, подобно Бурбонам, ничему не научились. Николай II, этот последний из русских автократов, тоже встретил пулями требующий хлеба народ. Пришедшие в отчаяние массы хлынули в ряды революционных партий — от парламентских реформистов до коммунистов. День расплаты был не за горами.

Только на Западе Первая мировая война шла под лозунгом «спасения демократии». На Востоке каждое очередное отступление русских армий означало наступление русской реакции. Либералы, обуреваемые патриотическими чувствами, готовы были поддерживать правительство, но Николай II презрительно игнорировал их желания. Военные поражения следовали одно за другим. Царь заявил, что лично возглавит русскую армию. Россия приняла это заявление с недоумением. Даже самые льстивые придворные не осмеливались приписывать царю хоть крупицу военных познаний.

Николай II занялся военными делами. Императрица Александра, не умевшая даже выговорить слово «демократия», взяла в свои руки дела внутренние. Сама она находилась в полной власти безграмотного и распутного монаха Григория Распутина. Говорили, что он с помощью гипноза останавливает кровотечения у наследника, страдавшего гемофилией. Распутин был членом хлыстовской секты. Хлысты считали, что путь к спасению души лежит через удовлетворение плоти. Судьба России оказалась в похотливых руках с черной каймой грязи под ногтями.

Россия погибала. Эпидемии, голод и смерть косили ее население. Размеры военных потерь стремительно росли. Организационный развал, всеобщие забастовки, нехватка продовольствия и товаров по-

дрывали государственный организм. Прежде многие русские полагали, что Россию можно спасти парламентскими реформами. Теперь все считали, что единственный выход состоит в свержении существующего режима. Придворные заговорщики убили Распутина. Его тело было брошено в прорубь под невиский лед. Дума захватила власть и вынудила царя к отречению. Большевики свергли Временное правительство и установили советскую власть. Царь Николай и вся его семья были расстреляны в Екатериненбурге. Трехсотлетнему правлению Романовых пришел конец.

Правление двух последних царей преобразило русских евреев. В местечки, в черты оседлости проникли новые веяния. В течение ста лет русских евреев бросало то в жар, то в холод. В течение ста лет их единственным желанием было чем-нибудь заработать на жизнь и как-нибудь выжить. В течение ста лет они держались в стороне от всякой политики. Но еврейская молодежь устала хоронить своих сверстников. Она устала от осторожности. Вековая покорность не дала евреям ничего, кроме унижений, голода и погромов. Терпение евреев кончилось. Они были готовы сражаться. Они перестали вымаливать свободу, — они начали требовать ее. Они ринулись в политику, они присоединялись к подпольным партиям, их расстреливали и ссылали вместе с другими русскими революционерами. Когда пять белых армий вторглись в советскую Россию, чтобы восстановить власть царя, евреи вступили в Красную армию, созданную Львом Троцким.

История восточных евреев пришла в соприкосновение с историей евреев западных. На полях военных сражений евреи в русских мундирах стреляли в евреев в мундирах немецких. На полях политических битв евреи, принадлежавшие к левому лагерю, выступали против евреев «правых». На полях теологических боев ортодоксы схватывались с реформиста-

ми. И только в синагоге евреи еще обнимали друг друга, как братья.

Современная еврейская история начинается со скромного стука евреев в двери восемнадцатого века. Французская революция походя подарила им эмансипацию. Наполеоновские армии мимоходом разрушили еврейское гетто.

К счастью, эмансипированные евреи даже не подозревали о приближении нового человеческого безумия — расизма. Нам предстоит сейчас познакомиться с расистским антисемитизмом. Нам предстоит увидеть, как еврейская жизнь снова разделилась на два потока — западный, искавший отождествления с окружающей нееврейской культурой, и восточный, стремившийся к возрождению еврейских ценностей. Ирония судьбы слила эти потоки в трагически величественное триединство: тезис, антитезис, синтез. Западный поток прошел через горнило иммигрантской Америки; восточному было назначено randevu со смертью в гитлеровских концентрационных лагерях; обоим суждено было воссоединиться во вновь созданном Государстве Израиль.

24

РЕПЕТИЦИЯ РАСИЗМА

В конце 19 века на исторической сцене впервые возникает феномен, которому суждено было сильнее всего повлиять на еврейскую историю 20 века. То был феномен антисемитизма. Необходимо понять не только его природу, но и происхождение. Ведь именно слияние антисемитизма, национализма и расизма породило варварство нашей эпохи и привело к гибели шести миллионов евреев. Когда же и где он зародился? Каково его происхождение? Как он распространялся?

Многие считают, что антисемитизм существует с самого начала еврейской истории. Повинны в таком понимании историки, которые зачастую задним числом применяют этот термин ко всем сходным явлениям прошлого. Всякий акт враждебности к евреям они автоматически классифицируют как антисемитский. В действительности эти акты следовало бы классифицировать как-то иначе, может быть, как «антиеврейские». Вопреки распространенному мнению антисемитизм возник не раньше 1800 г. Само слово «антисемитизм» возникло только в 1879 г. Оно было придумано немцем и должно было обозначать совершенно новый феномен в истории иудео-христианских отношений. Этим немцем был крещеный еврей-полукровка Вильгельм Марр. Он впервые применил новый термин в своем антиеврейском памфлете «Победа иудаизма над германизмом», опубликованном в 1879 г. Снова — в который раз? — еврейская история запятнана отступничеством.

Мы сталкиваемся здесь с чисто семантической проблемой. Можно ли подгонять различные акты насилия, продиктованные различными причинами, под одно и то же название? Вряд ли это поможет понять специфический характер новейшей истории. Это не поможет понять и ее отличие от еврейской истории других столетий. Очевидно, следует различать действия «антисемитские» и «антиеврейские». Каждое из них требует своей моральной оценки.

Важность терминологических различий может быть проиллюстрирована на простейшем примере. Что, если мы станем применять слово «убийство» ко всем случаям, когда один человек лишает жизни другого? Тогда убийством окажется и случайно причиненная смерть, и акт самообороны, и все другие виды насильственной смерти. Закон, однако, различает все эти виды. Мотивация каждого из них предопределяет степень наказания. Антисемитские и антиеврейские действия тоже имеют различную мотивировку. В чем же состоят эти различия?

Четыре особенности отличают антисемитизм от антиеврейских действий. Антисемитизм алогичен, иррационален и продиктован подсознанием. Сначала следует предубежденность, потом ей подыскивается рациональное оправдание. Антиеврейские действия, напротив, продиктованы вполне логичными, рациональными и осознанными причинами. Сначала следует мотивировка, затем расправа. Во-вторых, антисемитизм обращен против «еврейской расы» как целого. Он не интересуется отдельно взятым евреем, его достоинствами или недостатками. Антиеврейские чувства направлены против индивидуальных евреев. Они имеют те же причины, что враждебные чувства к индивидууму во всех других религиях и национальностях. В-третьих, антисемитизм намеренно избирает евреев и только евреев в качестве своей единственной мишени. Он исключает всех других, которые могут быть «виноваты» в преступлениях, приписываемых евреям. Антиеврейские действия зачастую являются побочным продуктом общей волны насилия. Наконец, антисемитизм не ищет решения. Он не предусматривает никакого выхода для евреев. Он не предлагает им никакой альтернативы. Антиеврейские действия прошлого были зачастую направлены на обращение евреев из одной религии в другую.

Не следует смешивать людей, которые не любят евреев, с антисемитами. Нет никаких причин, по которым евреев следовало бы любить больше, чем англичан, американцев или французов. Вольтер не любил евреев, но это не делало его антисемитом. Он считал, что все евреи невежественны и суеверны, но не требовал, чтобы за это их всех сожгли. В этом состоит вся разница. Если нам кто-либо не нравится, мы можем попросту избегать его общества. Это не обязывает нас требовать его унижения или уничтожения. Для подлинного антисемита «преступлением» евреев является то, что они евреи. Это «преступление» не может быть искуплено или прощено, даже

если еврей откажется от своей религии. Между тем в средние века еврей, отказавшийся от своей религии, немедленно становился уважаемым гражданином. Антисемитизм — это психологическая проблема. Ее источник находится не в реальности, а в мозгу антисемита. Несколько исторических примеров помогут нам это понять.

В свое время Катон призывал римлян уничтожить карфагенян. Катонем руководил обыкновенный страх. К тому времени Карфаген трижды бросал вызов римскому могуществу. В конце концов римляне сравняли Карфаген с землей, а всех его жителей продали в рабство. Но все это было предпринято, чтобы предотвратить четвертую Пуническую войну. Подойдем с той же объективностью к событиям, касавшимся евреев. Когда римляне разрушили Иерусалим и изгнали евреев из Палестины, ими руководили отнюдь не антисемитские предубеждения. Подобно карфагенянам, евреи трижды восставали против римлян. Подобно карфагенянам, их следовало раз и навсегда отвадить от этой дурной привычки. В предпринятых римлянами политических действиях не было и тени антисемитских чувств. Это доказывается хотя бы тем, что некоторое время спустя евреи получили возможность стать полноправными римскими гражданами.

Другим примером является история евреев в Испании. Испанская инквизиция преследовала не евреев, а христиан, подозреваемых в ереси. Марраны, эти обращенные евреи, рассматривались церковью как христиане. Поэтому инквизиция преследовала их, как преследовала всех прочих христиан-еретиков. Евреи, на которых не распространялась власть инквизиции, были просто изгнаны. Костры инквизиции продолжали пылать еще триста лет после их изгнания. Те, кто корчились в их пламени, были в основном христианами. Евреи могли оказаться случайными жертвами, но никогда не были «козлами отпущения».

избранными на эту роль только из-за их «преступной» врожденной принадлежности к еврейству.

Чем мотивируются нынешние враждебные чувства арабов к евреям? Являются ли они следствием иррациональных, алогичных мотивов или продиктованы объективными политическими соображениями? Справедливо это или нет, но арабы полагают, что имеют все основания опасаться евреев. Они убеждены, что евреи захватили их землю. Арабы ведут обычную политическую игру. Они ведут ее теми же методами, которыми ведутся все политические игры. Они используют страх, чтобы с его помощью объединить свои разрозненные ряды. Их отношение, несомненно, можно назвать антиеврейским. Но его нельзя назвать антисемитским.

Сопоставим эти действия и чувства, продиктованные страхом, с преследованием евреев в гитлеровской Германии, продиктованным предубеждениями. Евреи никогда не восставали против Германии. Они не распространяли ересь. Они не захватывали немецких земель. Напротив, они внесли большой вклад в ее культуру. Они воевали бок о бок с немцами во время Первой мировой войны. «Преступление» евреев существовало только в воображении нацистов. «Вина» евреев состояла только в том, что они были евреями. Для нацистов «преступником» был даже человек, в жилах которого присутствовала хотя бы одна десятая еврейской крови. Нацистская идеология предусматривала «очищение» от евреев всей Европы, а не только Германии, превращение ее в «юденрайн». Она хотела достичь этого не крещением евреев, как в средние века, а их уничтожением. Такие чувства уже нельзя рассматривать как равноправные в ряду других человеческих чувств. Это, несомненно, отклонение от психической нормы.

Иррациональный расистский антисемитизм был неизвестен язычникам, грекам, римлянам, мусульманам и средневековым культурам, среди которых евреи жили от 2000 г. до н.э. до 1800 г. н.э. На протя-

жении этих 3800 лет евреев многократно истребляли, вырезали, мучили, продавали в рабство. Но кого не вырезали, не мучили, не продавали в рабство в те времена? Антиеврейские действия ничем не отличались от действий, направленных против других национальных меньшинств и групп. Достаточно вспомнить, сколько народов вообще исчезло с лица земли за эти 38 веков. В средние века история антиеврейских преследований несколько усложняется, но и тогда ее нельзя назвать историей иррационального антисемитизма. В ней нет ни одной из четырех особенностей нашего определения. Средневековые преследования евреев были вызваны их отказом стать христианами. Антисемитизм вызван прямо противоположными причинами. Антисемит ненавидит само существование еврейства, а не отдельного еврея. Поскольку он ненавидит абстрактную идею, обращение евреев в христианство ничего не меняет в его мозгу.

Как произошло превращение антиеврейских чувств в антисемитскую предубежденность? Эта трансформация совершилась в три этапа. Они следовали друг за другом, друг на друга налагаясь. Питательной средой современного антисемитизма стал новый социально неустойчивый класс, порожденный изменившимися экономическими условиями. Превращение национализма в расизм обеспечило этот класс необходимым чувством своего превосходства. Наконец, недовольство этого класса было умело направлено в русло антисемитизма.

Реформация нанесла смертельный удар по феодальной системе. На волне протестантизма к власти пришли представители свободного предпринимательства и торговли. Новый дух времени оказал влияние на мораль эпохи. Прежние религиозные убеждения ослабли. Религия была отделена от государства. Вера в то, что государством должна руководить церковь, была утрачена. По мере падения авторитета религии вопрос об обращении евреев также терял свое

значение. Казалось странным, что это могло когда-то кого-либо серьезно интересовать.

К 1800 году капитализм и колониализм были в полном расцвете. Началась промышленная революция. Сегодня трудно себе представить, что она произошла всего сто лет назад. Еще в 1850 г. среднее число рабочих на фабрике не превышало пятидесяти. По мере роста индустрии прежние личные отношения между рабочим и предпринимателем становились невозможными. Между ними теперь стояли мастера и чиновники. Рабочие были отчуждены от хозяев, от своего труда и друг от друга. Пять тысяч человек, работавших на одной и той же фабрике, составляли «одинокую толпу».

Одновременно произошло еще одно отчуждение. Исчезло ручное ремесло. В прошлом человек гордился делом своих рук — подковой, башмаками, сюртуком. Он был создателем законченной вещи. Через нее он ощущал свою связь с обществом. Появление конвейера положило конец этому личному отношению. Теперь рабочий производил лишь частицу конечного продукта.

Экономические изменения повлекли за собой глубокие социальные и психологические последствия. Машины вытесняли рабочих. На смену им появлялся совершенно новый социальный класс. Он «производил» не товары, а услуги. За последнее столетие этот класс неизмеримо вырос. В то же время число тех, кто кормит все общество, становилось меньше. Общество вступило в эпоху, когда число непосредственных производителей непрерывно уменьшается, а число людей, занятых канцелярским трудом, непрерывно увеличивается.

Новый и непрерывно растущий социальный класс состоит из делопроизводителей, компиляторов, всякого рода советников, функционеров, работников рекламы. Снизу этот класс граничит с рабочими, сверху — с администраторами. Эта группа составляет ядро аморфной массы современного общества.

Ханна Арендт в своей книге «Происхождение тоталитаризма» назвала эту группу «деклассированной». Они действительно утратили свой прежний классовый статус и прежнее чувство безопасности и стабильности. Их можно назвать «потертыми белыми воротничками» — в отличие от просто «белых воротничков», как называют профессионалов и руководителей производства. Эта деклассированная социальная прослойка дает наибольшее число приверженцев современного антисемитизма. Именно из этой группы Гитлер вербовал наиболее страстных своих приверженцев.

С ослаблением религиозных чувств, скреплявших общество, ослабевали психологические узы, сдерживавшие подсознательную человеческую агрессивность. Социальная ломка породила чувство неуверенности. Психологическая ломка породила озлобление. Эти изменения сильнее всего ударили по группе «потертых белых воротничков». Они были начисто отчуждены от прежних ценностей и символов своего социального статуса. Превратившись в самую нестабильную группу современного общества, они стали и самой озлобленной. Их чувства требовали выхода. Их взгляд обращался к лидерам, которые обещали вернуть им прежний престиж и прежнюю безопасность. Их привлекали идеологии, которые могли дать разрядку их ненависти. Когда-то эту роль играла религия. Теперь требовалось что-то новое.

Закон Шарля* приложим не только к газам, но и к политике. Политические деятели начали заигрывать с этой группой в прямом соответствии со своими интересами. Современное общество предоставило этой группе равное со всеми избирательное право. Это превращало ее в важный фактор для политиков, стре-

* Закон Шарля гласит, что давление газа прямо пропорционально его температуре; автор имеет в виду, что высокая психологическая «температура» группы деклассированных породила их высокое давление на общество.

мящихся к власти. Западная Европа стала ареной новой политической борьбы. С одной стороны выступали силы, стоявшие за сильное централизованное государство. Они боролись с зарождающимся пролетариатом точно так же, как феодальное общество боролось с зарождающимся третьим сословием. По другую сторону стояли либеральные и демократические силы. Они выступали за допущение пролетариата в новое общество. Они требовали для него большего участия в делах государства и большей доли в распределении благ. Депрессии то и дело оттесняли группу «потертых белых воротничков» на периферию общества. Им угрожало превращение в рабочих, которых они презирали. И новые учения социализма и коммунизма внушали им страх. Эти учения угрожали передать всю власть в руки рабочих.

Середина прошлого века была периодом повсеместного распространения революционных идей в Европе, периодом зарождения коммунизма и социализма. Именно в это время политики открыли новое применение для деклассированных, а также для евреев. Деклассированных можно было использовать как ударную силу. Правые политические деятели двинули их в контрнаступление против левых. Нестабильность положения деклассированных они начали объяснять не экономическими или социальными причинами, а существованием «еврейского засилья». Если деклассированные страшились капитализма, то евреев выставляли в образе капиталистических эксплуататоров. Если деклассированные опасались коммунизма, то евреев представляли в образе коммунистических заговорщиков. Все зло объявлялось делом рук евреев. Мол, если бы не они, деклассированные нашли бы свое место в обществе.

Это было началом антисемитизма. Он был не столько политическим движением, сколько политическим орудием. Антиеврейские чувства, сохранившиеся со средних веков, исподволь направлялись по новому руслу. Мало-помалу они трансформировались

в антисемитские предрассудки. Религиозные деятели средних веков требовали изгнания евреев, чтобы те не оскверняли своим присутствием христианскую веру. Светские политики новейшего времени не требовали изгнания евреев. Это не принесло бы им никакой пользы. Стоило изгнать евреев, и деклассированные элементы немедленно увидели бы, что их положение нисколько не изменилось. Евреев нужно было сохранять в обществе в роли постоянных козлов отпущения. Однако создатели антисемитизма не предвидели дальнейшего развития событий: появления новой разновидности политиков тоталитарного склада, которые призовут к действительному уничтожению евреев. Они не предвидели, что их собственная безответственная пропаганда будет использована безумцами и садистами и превращена в идеологию массового уничтожения.

Этот процесс начался незаметно. Он был подобен раковой опухоли. По мере того, как деклассированные элементы внимали антиеврейским проповедям политиков, их настроения приобретали все более тревожный оттенок. Те, кто проповедовал антисемитизм, тоже забеспокоились. Они стали понимать, что эта ненависть к евреям не имеет ничего общего с самими евреями. Она выражала нечто внутри самих «деклассированных». Им нужны были вожди, которые сумели бы успокоить их тревогу. Им нужны были политики, которые сумели бы придать респектабельность этому беспокойному чувству беспричинной ненависти. И вскоре такие вожди нашлись!

Три теоретика расизма выработали новую «расистскую религию», как нельзя лучше отвечающую потребностям деклассированных групп. Эта религия возвышала жалкие достоинства «потертых белых воротничков» до ранга высоких общественных добродетелей. Три сочинения придали антисемитизму квазинаучный престиж и объявили животную ненависть к евреям достойным уважения чувством. Этими теоретиками были граф Артур де Гобино, француз; Фри-

дрих Ницше, немец; Хьюстон Стюарт Чемберлен, англичанин по происхождению. Авторами упомянутых псевдонаучных сочинений были Эдуард Дрюмон, француз; Сергей Нилус, русский; Альфред Розенберг, немец.

Расовая теория родилась не в Германии. Она зародилась в начале 19 века на удобренной почве европейского национализма. Первоначально эти теории не воспринимали всерьез. К концу века они стали вызывать уважение. Так изменился дух времени. Национализм имел вполне достойных родителей. У его колыбели стояли Руссо, Бурке, Джефферсон, Фихте, Локк, Мадзини. Никто из них не был евреем. В центре их учений стоял человек как подданный национального государства — в противоположность человеку — подданному вненационального Бога. Эти учения послужили пищей псевдоинтеллектуальным паразитам, которые отбросили их гуманизм и заменили национализм, основанный на равноправии, национализмом, замешанным на расовых предрассудках. Проповедники расизма провозгласили «кровь» основой всех человеческих качеств. Культ «высшей расы» сменил культ Евангелия.

Первым в ряду философов расизма был граф Гобино, незначительный французский дипломат, вечно раздраженный своими служебными неудачами. В 1853 г. он опубликовал книгу «Неравенство человеческих рас». Здесь была сделана первая попытка систематического обоснования расового превосходства белых людей. По словам Ханны Арендт, «Гобино представлял собой курьезную смесь разочарованного аристократа с интеллектуалом-романтиком. Его расизм был делом чистой случайности». Гобино объяснял крах всех предшествующих цивилизаций одной-единственной причиной. Этой причиной было постепенное разбавление «высококачественной» крови аристократов «плохой» кровью простолюдинов. Точнее, он утверждал, что кровь арийской элиты непрерывно разбавлялась кровью неарийских народ-

ных масс. Виной тому был процесс демократизации общества. Гобино не упоминал евреев. Его ненависть была обращена против средних и низших классов. В них он видел носителей нечистой крови, которая угрожала французской знати. Эта знать, по мнению Гобино, вела свое происхождение непосредственно от арийцев. Французы на первых порах игнорировали сочинение Гобино. Зато немцы немедленно подхватили его теорию. Своей книгой Гобино завоевал расположение Фридриха Ницше — создателя концепции «сверхчеловека».

В последнее время возникла целая школа апологетов Ницше. Они производят этого немецкого философа в этического преемника французских гуманистов. Можно с должным почтением относиться к желчному блестящему стилю Ницше. Нельзя, однако, не признать, что он был духовным отцом нацизма. Его этика не имела ничего общего с этикой Торы и Талмуда. То был фанатически узкий этический кодекс нацистов. «Пишите кровью, — призывал Ницше, — тогда вы поймете, что кровь есть дух». В своей книге «По ту сторону добра и зла» Ницше изложил основы философии «сверхчеловека» в таких афоризмах: «Тебе назначено не трудиться, а воевать» и «Тебе назначено не умиротворять, а побеждать». Он говорил: «Мужчину нужно воспитывать как солдата, женщину — для утехи солдату». Он советовал: «Идешь к женщине? Не забудь взять плеть!» Его «сверхчеловек» — уже по ту сторону добра и зла, ибо «ложность тезиса не должна нас смущать... Самый лживый тезис — самый необходимый». Его философия вела к полному отрицанию христианства. Она отвергала Евангелие и Десять заповедей. Его книги легли в фундамент нацистского государства. Они были написаны за десять лет до того, как Ницше обезумел. В безумии он и умер. Возможно, что Ницше и не стал бы выступать в защиту собственных взглядов, но он с ясностью пророка предвидел мораль приближаю-

шейся эпохи. Он не был человеком, творящим историю. Однако ее творили его книги.

Хьюстон Стюарт Чемберлен был англичанином, но жил в Германии. В своей книге «Основы девятнадцатого века» он объединил социальные теории Гобно, философию Ницше и доктрины антисемитизма. Эта книга была опубликована в 1899 г. по-немецки и в 1911 г. — по-английски. У Чемберлена превосходство белой расы превратилось в превосходство расы нордической. Псевдонаучная социология крови и расы стала основанием для заключения об избранности арийского «сверхчеловека». Подобно многим другим расистам, Чемберлен изменил своей родине, бежав в Германию во время Первой мировой войны.

В то время, как теоретики расизма создавали философию, антисемиты занимались практикой. В своих книгах они вульгаризировали, извращали и приспособляли к своим потребностям еврейскую историю. Первой из подобных книг была «Еврейская Франция» Дрюмона, изданная в 1886 г. Она помогла антисемитам обосновать свой антисемитизм.

Впервые за всю еврейскую историю в этой книге появился новый образ еврея — еврея-заговорщика. В средние века еврея изображали невежественным, неопрятным, завшивевшим существом. Этот неприглядный образ должен был отвратить христиан от соблазна еврейской веры. В новом, антисемитском катехизисе еврей был наделен интеллектом, образованностью, хитростью, умственным превосходством. Но все эти его качества были, однако, объявлены отвратительными — по той простой причине, что «деклассированные» ими не обладали. Объявив эти достоинства мерзостью, Дрюмон провозгласил посредственность добродетелью. Он доказывал, что евреи с их интеллектом, образованностью и хитростью вскоре подчинят себе Францию и превратят ее в еврейское государство. Дрюмон правильно оценил психологическую потребность «деклассированных». Жалкий и ничтожный еврей средневековья, горбатый

нищий с желтой звездой на груди был устаревшим средневековым символом. Такой еврей никого не мог испугать. Дьявольски хитрый еврей с изощренными замыслами — вот настоящий враг! В одну ночь символ, созданный воображением Дрюмона, приобрел права гражданства. «Еврейская Франция» стала библией «деклассированных».

К неудовольствию антисемитов других стран еврейский заговор в книге Дрюмона имел лишь специфически французские масштабы. Он мог напугать только французов. А что же немцы, австрийцы, румыны, венгры? Сергей Нилус поторопился исправить это упущение. Он расширил дрюмоновский «заговор» евреев до всемирных масштабов.

Происхождение знаменитых нилусовских «Протоколов сионских мудрецов», изданных в 1903 г., столь фантастично, что даже правда о них кажется неправдоподобной. К этому времени уже и русскому царю стало трудно внушать своим крестьянам, что именно евреи являются виновниками всех их несчастий. Поэтому царь поручил Нилусу — печально известному монаху — придумать какое-нибудь новое обвинение против евреев. Нилус изготавил множество фальшивых документов, основанных на забытом французском романе, не имевшем, кстати, к евреям никакого отношения. Фальшивка Нилуса преследовала цель показать, что группа евреев-заговорщиков («сионских мудрецов») разработала планы завоевания всего мира. Нилус не сумел убедить русских крестьян, зато он убедил всех антисемитов. Его фальшивка удовлетворяла их давно назревшие потребности.

Выдумки Дрюмона и Нилуса о всемирном еврейском заговоре дали в руки антисемитам орудие самооправдания. Отныне они могли говорить: «Мы вовсе не ненавидим евреев. У нас даже есть друзья евреи. Это сами евреи вынуждают нас защищать себя и свою страну от их заговора». Адольф Эйхман, уничтоживший миллионы евреев, тоже считал необходи-

мым распространяться насчет своих «еврейских друзей».

Рассуждения антисемитов похожи на рассуждения параноиков. Параноику тоже кажется, что его преследуют. Он не в состоянии объяснить, что его гложет, и это лишь усиливает его гнев. Поэтому он ищет оправдания своему гневу. Он выбирает определенных людей или группы людей, которые якобы «сговорились» против него. Его логика безупречна. Но поскольку она построена на самообмане, собственные выводы никогда его не удовлетворяют. Чтобы убедить самого себя в их справедливости, ему нужно «защитить» себя от «преследователей», жестоко покарвав их. Параноик способен дойти до такой ярости, что может убить ни в чем не повинных людей, если его вовремя не начать лечить. Но западный мир не сумел вовремя остановить распространение параноидального антисемитизма в своих странах. В результате социальная паранойя кончилась взрывом массового уничтожения.

Книги Дрюмона и Нилуса снабдили антисемитов схемой, которой они пользуются и по сей день. Но этой схеме недоставало философской основы, которая облагородила бы антисемитизм и возвысила бы ненависть до ранга гражданской добродетели. Такую удобную философию создал Альфред Розенберг, убежденный член нацистской партии, в своей книге «Миф двадцатого века», изданной в 1930 г. Эта книга открыла путь к тотальному антисемитизму газовых печей. Даже католики и протестанты, оглушенные ревом «Бей жидов!», не сумели вовремя понять всю опасность, таящуюся в этой философии. Когда же они ее осознали, было уже поздно.

Розенберг утверждал, что Германия должна быть воссоздана не на базе христианства, а на тезисах Ницше. Она должна стать государством без принципов — государством «сверхчеловека». Христианство, утверждал Розенберг, должно быть искоренено, ибо это еврейская зараза. Немцы и присущий им «немец-

кий дух» должны покончить с такой «христианской гнилью», как понятие вины, греха и морали. Ее следует заменить «новым христианством», в котором не будет места для прежнего Христа и апостола Павла. Новый Христос Альфреда Розенберга — это ариец, в жилах которого течет кровь язычников — сирийской матери и римлянина-отца. Таковы были основы нового мифа — мифа о мистической арийской крови.

Поначалу то были химеры нацистского безумца. Но 15 миллионов немецких штыков превратили этот бред в жестокую реальность. Однако мир был настолько равнодушен к псевдонаучным расистским и антисемитским бредням, что и убийства во имя этих безумных идей не вызывали протеста.

Так, незаметно, национализм — эта надежда гуманистов 18 века — трансформировался в 19 веке в открытый расизм. Так религиозные и антиеврейские настроения Средневековья превратились в расистский антисемитизм. В 1870 г. в Германии были созданы первые открыто антисемитские политические партии. Политики стали искать их поддержки, нагнетая их опасения и превращая эти опасения в страхи. Их сила возросла настолько, что даже Бисмарк, первоначально их презиравший, стал с ними заигрывать, чтобы удержаться у власти. Так антисемиты приобрели респектабельность. Немецкий антисемитизм перебрался в Восточную Европу, а затем во Францию, где знаменитое «Дело Дрейфуса» стало генеральной репетицией тотального антисемитизма 20 века.

Первоначально главной фигурой в «Деле Дрейфуса» был сам капитан Дрейфус — еврей, боровшийся против проявленной по отношению к нему лично несправедливости. Вскоре, однако, он отошел на второй план, а на авансцену выдвинулись два христианина — армейский полковник и романист, которые поняли, что «Дело Дрейфуса» — не что иное, как заговор государства против личности. Они выступили не только против несправедливости, проявленной по

отношению к Дрейфусу. Они выступили вообще против права государства ставить себя над правом. В 1894 г. несправедливое обвинение одного человека еще могло возмутить весь мир. О «Деле Дрейфуса» заговорили в суде и в избирательных участках, в уличных кафе и на страницах газет.

«Дело Дрейфуса» началось в 1893 г. с похождения некоего французского аристократа венгерского происхождения, франтоватого и промотавшегося волокиты — майора Фердинанда Эстергази, светского подлека, который походя топтал чужие жизни, даже не замечая этого. Эстергази служил в папской армии во времена воссоединения Италии, воевал вместе с французами против пруссаков в 1870 г. и был награжден за храбрость. Он женился на женщине сомнительной красоты, но несомненно аристократического происхождения, богачке, чье состояние он вскоре промотал. Тогда он стал совладельцем фешенебельного дома терпимости. Но поскольку и этого было недостаточно, чтобы вести тот образ жизни, который он полагал для себя необходимым, он решил подрабатывать, продавая французские военные секреты германскому генеральному штабу.

Французская контрразведка в поисках затесавшегося в ее среде шпиона натолкнулась на документ, написанный Эстергази и содержащий пять военных секретов, которые он сообщил немцам. Полагая, что документ написан кем-либо из французских офицеров, контрразведка изучила личные дела сотрудников, сличая их почерки с почерком документа. Едва лишь на столе появилась папка с личным делом капитана Дрейфуса, предварительное расследование немедленно прекратилось. Альфред Дрейфус был единственным евреем среди офицеров французского генерального штаба. В штабе, где все еще господствовали антиреспубликанские и роялистские настроения, давно хотели избавиться от еврея, навязанного республиканским правительством.

О самом Дрейфусе мало что можно сказать, кроме

того, что история признала его невиновным. Бледный, голубоглазый, сдержанный, подтянутый, малообщительный, он казался высокомерным, чванным, самоуверенным. Он был женат и имел двух детей. Друзей у него не было. Он вступил в армию по глубокому призванию и благодаря незаурядным способностям и огромному трудолюбию быстро миновал звание лейтенанта артиллерии и поднялся до капитана. Это был человек зажиточный, воспитанный, добродетельный — короче, скучный. Наверно, он был бы идеальным штабистом, если бы не один недостаток — его еврейское происхождение.

Дрейфус был арестован по обвинению в шпионаже. Вскоре после его ареста в штабе обнаружили, что шпионом был не Дрейфус, а Эстергази. Но обвинить французского аристократа и блестящего офицера в шпионаже французский генеральный штаб не мог решиться. Это означало бы потерю престижа. Тогда было принято решение пожертвовать Дрейфусом. Он был осужден и приговорен к пожизненному заключению на Чертовом острове. Перед отправкой на остров он прошел через позорную процедуру публичного разжалования. Решение суда означало торжество Эдуарда Дрюмона, возглавлявшего демонстрантов, требовавших осуждения Дрейфуса. Приговор подтверждал, что евреи действительно злоумышляют против Франции. Армия была удовлетворена — она отстояла свою честь. Массы были довольны — армия защитила их от предателей. Евреи были в замешательстве: они не знали, что это предвещает.

Кто мог бы подумать, что возмездие явится в виде невысокого, худощавого, глубоко верующего офицера-католика, полковника Жоржа Пикара — главы французской разведки? Пикар был назначен на эту должность уже после осуждения Дрейфуса. Совершенно случайно он открыл, что пресловутый документ был написан не Дрейфусом, а Эстергази. В огромном волнении он поделился этим открытием со своим начальством; начальство холодно рекомендо-

вало ему успокоиться. Как выразился один генерал: «Что вы волнуетесь из-за этого еврея?»

Бросить вызов армии означало перечеркнуть всю карьеру; заступиться за еврея означало уронить свой престиж. Пикар, однако, понимал, что дело здесь не в евреях и даже не в армии. Речь шла о государстве, способном злоумышлять против индивидуума. Справедливость для Пикара была выше личных соображений. Он выступил публично и потребовал пересмотра дела и нового суда. Армия реагировала на это понижением его в должности и переводом на Тунисский фронт. Армейское начальство надеялось, что случайная пуля из арабского ружья избавит его от беспокойного искателя справедливости.

Но публичные выступления Пикара взволновали определенную часть общественности. За одну ночь Франция разделилась на два лагеря. В одном были «дрейфусары», убежденные в невинности Дрейфуса, в другом — «антидрейфусары», считавшие его предателем. На стороне последних была армия, церковь, государство и пресса. Газеты были переполнены антидрейфусовскими заголовками, на улицах завязывались драки, а евреи, не понимавшие, что толпу никогда нельзя задобрить, пытались сделать это, держась в стороне от споров и драк.

Волнение не утихало. Когда доводы «дрейфусаров» стали пробивать себе дорогу, армия решила провести эффектную демонстрацию своей невинности. Был организован фальсифицированный процесс майора Эстергази. Против доказательств полковника Пикара были двинуты тонны бессмысленных материалов, якобы доказывающих невинность Эстергази. Недовольные присяжные пытались задавать майору неприятные вопросы. Им заткнули рот, заявив, что эти вопросы грозят раскрытием военных секретов. Майор Эстергази был единогласно оправдан. Полковник Пикар, которому не суждено было погибнуть в Тунисе, был арестован по обвинению в клевете на Эстергази.

Однако многие из тех, кто был убежден в вине Дрейфуса, начали теперь сомневаться. Стало выясняться, что за «Делом Дрейфуса» стоит кучка реакционеров, использующих антисемитскую истерию для борьбы с республиканским режимом. Одними из первых разгадали истину всемирно известный романист Эмиль Золя и редактор газеты «Орор» Жорж Клемансо, бывший военный корреспондент генерала Гранта. Их совместные действия вскрыли всю изнанку этого отвратительного дела.

В январе 1898 г. на страницах газеты Клемансо появилось письмо Золя «Я обвиняю». Было напечатано свыше 500 тысяч экземпляров, но не хватило и этого. Парижане расхватывали газету. Золя открыто обвинил правительство и армию в сознательном сговоре против Дрейфуса, имеющем целью скрыть собственную вину. Он обвинил их в подлоге и нарушении законности. Он назвал «Дело Дрейфуса» «величайшим преступлением против человечества».

Правительство пыталось подавить протесты, арестовав Золя. Писатель бежал в Англию, но его письмо сломило хребет «антидрейфусарства». Люди, которые раньше по неведению присоединялись к «антидрейфусарским» толпам, теперь стали «дрейфусарами». Полковник Анри, который помог сфабриковать доказательства вины Дрейфуса, покончил самоубийством. Майор Эстергази в конце концов сознался, что пресловутый документ написан его рукой. В 1898 г. новый суд в Ренне начал повторное слушание «Дела Дрейфуса». Однако и на этот раз он был осужден — пятью голосами против двух. Впрочем, «ввиду смягчающих обстоятельств» на этот раз он был приговорен всего лишь к десяти годам заключения.

Но самым большим ударом по «дрейфусарам» был даже не сам приговор. Этим ударом было поведение Дрейфуса на повторном суде. Дрейфус явно не противоречил генералам, старавшимся осудить его, и высокомерно относился к Пикару, стремившемуся

его спасти. Когда Клемансо спросили, понимает ли Дрейфус скрытый смысл своего процесса, Клемансо ответил: «Он не понимает ничего. Это единственный человек, который не разбирается в «Деле Дрейфуса». Он бесконечно далек от понимания этого дела». Многие полагали, что если бы Дрейфус был одним из судей, он, несомненно, сам осудил бы себя ради спасения чести армейского мундира.

Но Дрейфус уже стал символом. Его собственная ограниченность не играла никакой роли. Весь мир был возмущен комедией суда в Ренне. Новый президент Франции приказал пересмотреть «Дело Дрейфуса» еще раз. В 1906 г. Верховный суд Франции освободил Дрейфуса, оправдав его по всем пунктам. Он получил звание майора и был награжден орденом Почетного легиона. Дрейфус умер в 1935 г. Смерть его прошла совершенно незаметно. Символ вытеснил живого человека. Жизнь полковника Пикара сложилась более удачно. Он стал генералом, а затем министром обороны. Золя приобрел всеобщее уважение. Клемансо стал президентом республики и возглавлял французскую делегацию на мирных переговорах в Версале.

Судьба одного из самых яростных «антидрейфусов» заслуживает отдельного примечания. Речь идет об Анри Филиппе Петене. В Первую мировую войну он стал начальником генерального штаба. В 1918 г. ему было присвоено звание маршала Франции. В 1940 г., после поражения Франции во Второй мировой войне, он возглавил коллаборационистское правительство в Виши. В 1945 г. он предстал перед французским судом по обвинению в измене родине. Он был приговорен к смертной казни, которая затем была заменена пожизненным заключением.

Так провалилась первая попытка современного государства использовать антисемитизм в политических целях. Мир еще не стал совершенно безразличен к справедливости. Но то, что провалилось во Франции, вскоре удалось в Германии. Механизм был уже

опробован. После небольшого усовершенствования он был доведен до автоматизма. К началу 1900-х годов антисемитизм стал частью политической жизни в Восточной Европе. Германия превратилась в центр, вырабатывающий антисемитские доктрины на экспорт.

Разыгравшаяся в 19 веке во Франции репетиция грядущего расизма стала также причиной пробуждения еврейского интеллектуализма. Для евреев 19 век был примерно тем же, что для европейцев — век итальянского Возрождения. В рамках западной цивилизации еврейские интеллектуалы создали два новых культурных течения. Одно из них внесло уникальный вклад в господствующую христианскую культуру. Другое позволило евреям как нации выжить в эпоху насилия и хаоса.

25

НОВОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ

Девятнадцатый век кончился не на тихой ноте, а громоподобным ударом. Его подлинным завершением был не 1900-й, а 1918 год — год окончания Первой мировой войны. Век был похоронен в развалинах Вердена и засыпан щебнем, в который обратились ценности европейской культуры на фламандских полях. Из развалин поднялась новая Европа — агрессивная, прагматичная, научно ориентированная. Такой же стала и культура западноевропейских евреев. Восточная Европа пошла противоположным путем. Она обратилась внутрь себя, к исследованию собственного духа, к своему прошлому, в котором надеялась почерпнуть силы для будущего. Тем же путем пошли восточноевропейские евреи. Евреи Запада создали западную культуру, евреи Востока — куль-

туру еврейскую. Обе краски легли на палитру современной цивилизации.

До сих пор мы следили за современной историей западноевропейского еврейства, не касаясь его интеллектуальной жизни. Какой же вклад сделало оно в западноевропейскую культуру?

Народ, лишенный исторического духа, покорно следует за событиями. Исторически активный народ сам является творцом событий. В течение веков евреи были исторически активным народом. Они всегда создавали события, а не оставались их пассивными созерцателями. Новое время не было исключением. Евреи были не только объектом приложения исторических сил. Они сами были силой, активно воздействовавшей на историю. Они породили новые идеи, которые сформировали облик современности и предопределили облик грядущего.

Новое время в Западной Европе было одним из самых блестящих периодов в истории человечества. Возможно, оно было самым значительным за всю его историю. В этот период человечество создало больше, чем за все предшествующие тысячелетия. В эту эпоху поднялись гигантские фигуры Гегеля, Шопенгауера, Милля, Дарвина, Спенсера. Искусство было обогащено живописью Гойя, Тёрнера, Делакруа, Ренуара, Сезанна, Гогена, Ван-Гога, музыкой Бетховена, Шуберта, Шопена, Вагнера, Верди, Брамса, произведениями Гёте, Китса, Бальзака, Шоу, Иитса. В 19 веке была изобретена паровая машина, открыты рентгеновские лучи и введена в широкую практику пастеризация.

Эта картина будет неполной, если не упомянуть еврейские имена. Среди титанов эпохи были Маркс, Фрейд, Бергсон, Эйнштейн. Среди ее живописцев — Писсаро, Сутин, Шагал, Модильяни. Среди музыкантов — Мендельсон, Оффенбах, Малер. Среди поэтов и писателей — Гейне, Пруст, Моруа, Ромен Роллан. 19 век был свидетелем развития теоретической физики, которую в Германии прозвали «ев-

рейской физикой»; он с любопытством следил за достижениями медицины, путь к которым проложили работы Вассермана, Эрлиха и Шика. Работы еврейских ученых помогли раздвинуть горизонты математики, биологии и химии. Они составили самую многочисленную группу среди Нобелевских лауреатов. Евреи вошли в интеллектуальный авангард, который формировал лицо Европы, и определили пути ее будущего развития. И всё это при том, что численность евреев была менее одного процента от общей численности населения западноевропейских стран. В 1870 г. суммарное число евреев Германии, Австро-Венгрии, Франции, Англии, Голландии, Испании, Португалии, Италии и Швейцарии составляло меньше одного миллиона, а общее население этих стран было чуть больше двухсот миллионов. И все это при том, что то были евреи, которые только-только вышли из гетто на суровый ветер зарождающегося антисемитизма.

Можно возразить, что многие из этих достижений не были «еврейскими» по своей сути. Можно сказать, что многие из названных выше людей были евреями лишь наполовину, или евреями, обращенными в христианство, или евреями, которые сами не считали себя евреями. Но нас не интересует здесь «еврейский» или «нееврейский» характер их достижений. Нас интересует только, был ли евреем тот или иной титан эпохи. Он мог быть полуевреем или даже евреем-отступником. Существенно то, что корни его духа уходили в почву еврейского, а не китайского, индусского или христианского культурного наследия.

Еврейское просвещение напоминает луч света, развернутый призмой в спектральную череду ярких интеллектуальных красок. Этой преломляющей призмой было наследие одного из величайших умов человечества, еврея, родившегося в Амстердаме в 1632 г., но до сих пор опережающего нашу эпоху уровнем своего мышления. Спиноза был отлучен от общины евреями 17 века. Его ненавидели христиане 18 века.

Его признали великим просвещенные европейцы 19 века. Возможно, его не поймут до конца и в 21 веке. Но к тому времени его учение, быть может, станет фундаментом новой мировой религии грядущего человечества.

Отец Спинозы был преуспевающим дельцом. Но сам Спиноза был начисто лишен деловых способностей. Его увлекала не торговля, а изучение Торы, Талмуда и Каббалы. Вскоре он превзошел своих учителей. От Маймонида он перешел к греческим философам, а от них — к Декарту и рационалистам. Его учителем был Франсис ван-ден Энден. Этот человек соединял глубокую ученость с темпераментом политического заговорщика. Такая комбинация привела его к участию в неудачном заговоре против французского короля и стоила ему головы. Спиноза ухаживал за дочерью своего учителя, но другой, более богатый и менее скромный ухажер без труда отбил у него красавицу и женился на ней. Эта история положила конец любовным увлечениям Спинозы. Он так никогда и не женился.

Интерес Спинозы к философам-безбожникам встревожил еврейских бюргеров. Они опасались, как бы голландцы не сочли, что все евреи склонны к атеизму. Еврейская община Амстердама предложила Спинозе соблюдать хотя бы внешнюю почтительность к синагоге. Спиноза отказался и был отлучен от общины. Остаток своей жизни Спиноза провел в одиночестве, зарабатывая на жизнь шлифовкой оптических линз. Он оставил после себя четыре труда, которые принесли ему мировую славу. Хотя Спиноза в совершенстве владел ивритом и испанским, книги свои он написал по-латыни и на голландском. Его слог отличался отточенностью и ясностью талмудического мышления. Но суть его мыслей все еще трудно постичь, ибо они всегда выражены с предельной краткостью.

Здесь не место излагать всю философию Спинозы. Достаточно отметить лишь несколько ее аспектов.

Спиноза пытался заложить основы нового, свободного общества, построенного на законах разума и в то же время согласующегося с божественными законами. С одной стороны, Спиноза трактовал религию как продукт воображения. С другой, — он утверждал, что разум и интуиция позволяют человеку приблизиться к источнику всего сущего. Этим источником является интеллектуальная любовь к Богу. Бог, по утверждению Спинозы, — это природа. Бог — это все, что *есть*. Познавая Его, мы проникаемся любовью к Нему. Эта любовь делает человеческий разум бессмертным. Учение о бессмертии разума было опасным прегрешением в те времена. Оно могло быть легко извращено и осуждено как ересь, несмотря на то, что Бог является на каждой странице трудов Спинозы. Один из комментаторов так и назвал его: «Богом опьяненный человек».

Спиноза сформулировал ряд теорем относительно влечений и поведения людей. Эти теоремы он доказывал на евклидов манер, словно имел дело с прямыми, плоскостями и точками. Это была дерзкая попытка создать унифицированный метод всеобщей науки. Если бы Спиноза прожил дольше своих 44 лет, он, несомненно, применил бы свой метод не только к этике, политике и религии, но и к физике и математике, как сам намеревался.

Философия Спинозы обнаруживает следы прямого влияния Талмуда и Каббалы, Маймонида, христианской схоластики и картезианства. Когда он умер (это произошло в 1667 г.), его философия, казалось, умерла вместе с ним. Но в 1882 г. на церемонии открытия его памятника в Гааге Эрнест Ренан сказал: «Если существовало когда-либо наибольшее приближение к Богу, то оно, видимо, существовало в душе этого человека. Забавно подумать, что если бы Спиноза родился христианином, он был бы, вероятно, сожжен как еретик. Но если бы он родился на пять столетий раньше, в мусульманскую эпоху, его, навер-

ное, признали бы тем, чем он был, — величайшим философом своего времени».

В учении Спинозы можно выделить несколько основных идей: идея благочестия, страстная приверженность к свободе и справедливости, всепроникающий рационализм и концепция всеобъемлющей закономерности мирового порядка. Эти идеи, в свою очередь, воодушевили четырех великих еврейских мыслителей современности — Леопольда Цунца, Карла Маркса, Зигмунда Фрейда и Альберта Эйнштейна.

Первой из идей Спинозы, которая дала себя почувствовать в еврейской жизни, была идея «рационального благочестия», или «научной веры». По мере того, как эмансипация распространялась по Европе, все больше евреев соблазнялось рецептами Мендельсона. Но расплывчатый и идеалистичный реформированный иудаизм Мендельсона не был достаточно практичен и гибок, чтобы удовлетворить всех эмансипированных евреев. Толпы у купелей начинали густеть. Дух времени требовал научного обоснования иудаизма. Необходимо было представить иудаизм в духе Спинозы — как развивающуюся систему мышления, как форму универсального «рацио».

Решение этой задачи выпало на долю Леопольда Цунца (1794—1886). Этот еврей из немецкого гетто со своими седыми бакенбардами и высоким стоячим воротником напоминает висящие в американских школах портреты Ральфа Уолдо Эмерсона. Цунц родился в нищете и образование получил, живя на стипендии. Даже обретя славу, он еще долго ощущал горький вкус унижений. Но ему посчастливилось еще при жизни, длившейся 92 года, увидеть успех своей «Науки иудаизма». Его работа началась с небольшой монографии, в которой он высмеивал нелепицы, написанные о евреях христианами, выдававшими себя за знатоков иудаизма. Цунц настаивал на признании огромного вклада, сделанного евреями в различные культуры. Он основал первую еврейскую «Научную и культурную ассоциацию» и опубликовал биогра-

фию Раши — первое систематическое исследование об этом великом еврейском ученом. Но наибольшую славу принесла ему его фундаментальная «История еврейских синагогальных проповедей». Это, возможно, вообще одна из крупнейших «еврейских книг» 19 века. В ней прослеживалась история синагоги и убедительно доказывалось, что евреи начали практиковать молитву задолго до христиан. Она намечала хронологию и освещала происхождение еврейских верований и ритуалов. Цунц показал, что иудаизм не стал окаменелостью после возникновения христианства. Он доказал, что иудаизм и в последующие столетия оставался живой верой, развивающейся этикой и содержательным учением.

Следующим делом Цунца была интерпретация еврейской литературы и комментирование Библии. В одном из своих сочинений он проследил еврейскую генеалогию многих имен, которые прежде почитались христианскими. Более чем кто-либо другой Цунц расшатал стереотипные, средневековые христианские представления о евреях. Его научный иудаизм дал реформистам не только орудия обороны, но и средства наступления для интеллектуальных вылазок на вражескую территорию.

Деятельность Цунца приостановила поток евреев, устремившихся к купели. В отличие от хасидизма реформированный иудаизм не остался религией бедных и невежественных. Он стал религией богатых, культурных и образованных. В синагоги вернулось художественное оформление. Богослужения были модернизированы. Музыка стала частью службы. Было разрешено молиться на языке страны проживания. Мужчинам и женщинам было разрешено сидеть вместе. Покрытие головы во время молитвы перестало быть обязательным. Все это стало возможным, потому что Цунц доказал, что ортодоксальный ритуал, практиковавшийся в гетто, не был извечной формой иудейского ритуала. Он показал, что этот ритуал был продиктован особыми условиями гетто. Он

продемонстрировал, что музыка, молитва на разговорном языке, иной порядок молитв и многие прочие «нововведения» были в те или иные времена законной частью еврейской религии и синагогальной практики.

Точно так, как Леопольд Цунц создал научные формы современного иудаизма, Карл Маркс разработал научные формы социальной справедливости. Всякое обсуждение наследия Маркса неизбежно упирается в вопрос о влиянии его доктрин на мировую историю. Но мы постараемся избежать подобных оценок, подобно тому, как мы их избегали, говоря о деятельности апостола Павла и пророка Мухаммеда.

Карл Маркс, сын зажиточных еврейских родителей, родился в 1818 г. в Трире в Германии. Он был крещен в возрасте шести лет. Воспитанный в двух культурах, он отбросил обе — и христианскую, и еврейскую, — увидев в обеих порождение несправедливой социальной системы. Изгнанный из Пруссии за нападки на государство, он переехал во Францию, затем в Англию. Некоторое время он работал корреспондентом «Нью-Йорк дейли трибюн». Однако большую часть своей жизни он провел в залах Британского музея. Здесь он написал «Капитал», ставший секулярной библией мирового коммунизма.

История, утверждал Маркс, движется не религиозными или психологическими, а экономическими силами. Религия и психология суть только производные от экономической борьбы. Стоит изменить социальную структуру, как изменятся религиозные и психологические представления человека. Социальное неравенство, по мнению Маркса, вызвано не врожденными недостатками человека или предустановленной доктриной «греха и наказания», а природой эксплуататорского общества. Замена капиталистических порядков на социалистические приведет к возникновению нового общества.

С марксизмом произошло то же, что с христианством. Он был подхвачен «язычниками» и распростра-

нен среди народов, в которых Маркс никогда не видел ничего общего с коммунизмом. Маркс полагал, что коммунизм победит в странах развитого капитализма, ибо создание нового общества требует развитой технологии. Но капиталистические страны так и остались капиталистическими. Причина этого вполне очевидна. Во времена Маркса еще не существовало больших корпораций с их программами социальной помощи. Не существовало еще и мощных рабочих профсоюзов. Мысль о том, что рабочие когда-нибудь смогут получать зарплату, достаточную, чтобы покупать производимые ими товары, показалась бы Марксу утопичной. Но именно это и произошло. Зато коммунизм пришел к власти в отсталых, феодальных странах с неразвитой экономикой, наподобие России и Китая. Новое коммунистическое общество пришлось создавать с помощью порабощения народов. Идеи социальной справедливости, воодушевлявшие Маркса, были отброшены. Истории еще предстоит показать, исчезнет ли диктатура пролетариата с достижением благосостояния или останется постоянной особенностью коммунистических держав.

Маркс умер в 1883 г. К этому времени коммунизм был так же слаб, как христианство после смерти Павла. Христианству понадобилась тысяча лет, чтобы обратить язычников Европы. Коммунизму хватило ста лет, чтобы обратить один миллиард христиан и азиатов. Как и раннее христианство, коммунизм пролагал себе путь с помощью насилия, завоевания и прозелитизма. Сегодня почти треть мира объединена верой, что коммунизм принесет ей посюстороннее спасение. Это снова иллюстрирует, насколько влияние глашатаев идей превосходит влияние проповедников прагматизма.

Нет отбоя в желающих приписать все коренные изменения марксизму. Но мало кто отдает должное психоанализу. Между тем психоанализ изменил представление человека о самом себе не менее глубо-

ко, чем марксизм его представление об обществе. Зигмунд Фрейд (1856—1939), австрийский еврей, получивший образование в Париже и Вене, революционизировал всю современную психиатрию. «Будучи евреем, — писал Фрейд, — я был свободен от многих предвзятых мнений, которые сковывают мышление других людей. Будучи евреем, я был также предрасположен к оппозиции и отказу от согласия с единодушным большинством».

Во времена молодости Фрейда психические болезни были отданы на откуп философам, священникам да особой школе психиатров — так называемым «нозологам». Нозологи определяли душевные болезни, в которых они ничего не понимали, согласно симптомам недугов и не интересуясь их причинами. В результате пациенты, страдавшие галлюцинациями по разным причинам: сифилиса, сенильного маразма или паранойи, — оказывались в одном больничном отделении. Фрейд первым провел разграничение между органическими болезнями, порожденными физическими факторами, и болезнями функциональными, причина которых была психической. Так родилась современная психиатрия. С психических болезней было снято клеймо дегенерации или греха. Больных стали трактовать как больных, а не как одержимых.

Фрейдовская «Интерпретация снов» была встречена обескураживающим молчанием. Это молчание было нарушено громкими протестами, вызванными его следующими книгами — о детской сексуальности и роли секса в психических заболеваниях. Из замалчиваемых Фрейд перешел в разряд известных, а затем знаменитых. Он стал известен всему миру. Сегодня психоанализ играет важнейшую роль в криминологии, культурной антропологии, а также в нашем понимании религии, искусства и гуманистических ценностей.

Когда в 1938 г. нацистские штурмовики ворвались в дом Фрейда в Вене, их встретил задумчивый, от-

существующий взгляд его глаз. Культурная пропасть в миллионы лет разделяла этих людей — цивилизованного человека и нацистское зверье. Слава Фрейда была столь велика, что даже нацисты не решились его тронуть. Фрейду с семьей было разрешено выехать в Лондон. Там год спустя он скончался.

Четвертый участник спинозианского квартета, Альберт Эйнштейн (1879—1955), также был продуктом немецко-еврейского просвещения. Он завершил дело Спинозы, разрушив ту механистическую концепцию Вселенной, под которую Спиноза заложил свою мину. Эйнштейн отчетливо сознавал свою идейную связь со Спинозой. Однажды кардинал Бостона предостерег американскую молодежь от вредного влияния «атеиста» Эйнштейна. Тогда ньюйоркский раввин обратился к Эйнштейну с вопросом: «Верите ли вы в Бога?» Эйнштейн ответил: «Я верю в Бога Спинозы, который открывается нам в гармонии всего сущего». Сегодня этот взгляд приобретает в мире бóльшую популярность, чем идеи Маркса и Фрейда.

Имя Эйнштейна становится известным в 1905 г., когда он опубликовал ныне знаменитую теорию относительности. Его теория броуновского движения и объяснение фотоэлектрического эффекта принесли ему еще бóльшую славу и Нобелевскую премию по физике. Во всех своих теоретических построениях Эйнштейн оставался «каббалистом». Он полагался не на поверхностные эксперименты, а на разум, логику и интуицию. «Логика теории, — говорил Эйнштейн, — состоит в ее внутренней связности, а не в том, что внешние доказательства делают ее более логичной, чем другие теории».

В 1933 г. арийские «сверхчеловеки» изгнали Эйнштейна из Германии. Он переехал в США. Там он стал профессором Принстонского института высших исследований. Он умер в 1955 г.

Примеры Фрейда и Эйнштейна типичны. Свой наибольший вклад в западную цивилизацию евреи сде-

ляли в науке. Это был вклад теоретиков, а не «практиков». Они были создателями методов, творцами новых идей, основателями научных журналов. Они вдохновляли закладку новых научных учреждений.

В медицине евреи еще в 1850 г. доказали существование микроорганизмов, вызывающих заразные болезни, заложили основы современной терапии, бактериологии и клинической патологии. Они первыми выдвинули теорию химической природы внутренней секреции, предложили метод сывороточной иммунизации, открыли фагоцитоз, были пионерами в науке о мышечной деятельности и сделали возможным переливание крови благодаря установлению различных групп крови. Открытие гонококков Нейссером, Вассермановский способ раннего обнаружения сифилиса и средство лечения сифилиса в его ранний период, найденное Эрлихом, вселило надежду на возможность победы над этой жуткой болезнью.

Почему евреи, только что вышедшие из гетто, еще недавно изучавшие Талмуд, внезапно стали математиками и физиками, творцами медицинских теорий и создателями биологических концепций? Единственный ответ на этот вопрос содержится в словах, сказанных Фрейдом по собственному адресу. Здесь мы можем привести лишь еще несколько примеров, подтверждающих размах их творческой активности. Карл Якоби заложил основы современной математической физики своими работами по частным дифференциальным уравнениям, эллиптическим и абелевым функциям и функциональным детерминантам, которые впоследствии получили название «якобианов». Георг Кантор ввел понятие иррационального числа, наметил подход к теории множеств и проложил дорогу логическому позитивизму и витгенштейновской школе математической философии. Герман Минковский был родоначальником арифметизированной геометрии и концепции относительности времени и пространства. Леопольд Кронекер приобрел известность своей теорией чисел и теорией уравне-

ний. Луиджи Кремона был отцом синтетической геометрии и создателем теории бирациональных трансформаций. Туллио Леви-Чивита вместе с Грегорио Риччи сформулировал основы абсолютного дифференциального исчисления, которое позволило Эйнштейну разработать общую теорию относительности.

Евреи ухитрились приобретать славу, даже разглядывая небо. Сэр Вильям Гершель, первым измеривший расстояние до звезд, не только открыл планету Уран, но и сформулировал теорию двойных звезд. Карл Шварцшильд внес огромный вклад в науку о внутреннем строении звезд. В утешение тем, кто обвиняет евреев в создании как коммунизма, так и капитализма, назовем в дополнение к Карлу Марксу Давида Рикардо. Он считается отцом капитализма благодаря работам о ренте, собственности и заработной плате, а также количественной теории денежного обращения. Необходимо, однако, предостеречь антикапиталистов — антисемитов: отец Рикардо справил по сыну символическую еврейскую похоронную службу, когда тот перешел в христианство и женился на англичанке.

Современная химия основана на достижениях немецких евреев. Они первыми синтезировали индиго, открыли фталеиновые красители и создали синтетический аммиак (габеровский процесс, названный по имени Фрица Габера). Еврей основал немецкое производство поташа. Еврейские химики разработали методы определения плотности паров, исследовали коэффициенты расширения газов, создали теорию валентностей, развили молекулярную теорию и классифицировали органические вещества. Нобелевский лауреат Рихард Вильдштеттер определил структуру хлорофилла и выяснил роль ферментов в химических процессах жизнедеятельности.

Еврейский вклад в физику настолько огромен, что здесь мы вынуждены ограничиться только самым беглым перечислением. В физике евреи открыли герцевское излучение, исследовали явление фотоэф-

фекта и были участниками открытия гамма-излучения. Они впервые изолировали изотопы, разработали кинетику электронов и посягнули на тайны атома. Они были основателями всей релятивистской физики, которая проложила путь к расщеплению атомного ядра. Путь этот начался, разумеется, с Эйнштейна, затем эстафету подхватила Лизе Майтнер, соучастница открытия протоактиния (элемента 91) и теории ядерного расщепления. На следующем этапе вперед вышли Энрико Ферми и Лео Силард, которые создали теорию цепных реакций, а затем знамя перешло к Нильсу Бору, исследовавшему структуру атомов и закономерности атомных спектров. Все это заложило теоретические и психологические предпосылки для разработки атомной бомбы. Все эти ученые были изгнаны Гитлером из Европы. Все они переехали в США. И, словно бы замыкая круг, Эйнштейн, теперь уже американский гражданин, поручился своим научным авторитетом перед президентом Франклином Рузвельтом за безумную идею Силарда. Он убедил Рузвельта в возможности создания сверхбомбы, основанной на принципе расщепления ядра. С этого момента остальное было уже только вопросом техники, доступной любой стране, имеющей достаточно денег. Что это было именно так, подтвердили события последующих десятилетий.

Не меньшее число евреев было в искусстве и гуманитарных науках. Не было такого западноевропейского салона в 19 веке, где нельзя было бы встретить еврея. Они выступали на лучших европейских сценах, дирижировали оркестрами, были режиссерами известнейших театральных постановок, создавали новые формы в искусстве. Задолго до прихода к власти нацистов Макс Рейнхардт властвовал в европейском театре, Сара Бернар была королевой сцены, а Лотта Леман, Йозеф Сигети и Артур Шнабель — кумирами любителей музыки.

В политике, финансах и индустрии успехи евреев

были феноменальными. По всему миру, от Рима до Лондона, от Парижа до Вены, христиане голосовали за евреев — кандидатов в парламенты и правительства, верховные суды и военные штабы.

В Англии самым известным из всех евреев был, вероятно, Бенджамин Дизраэли. Он начал свою карьеру как писатель, но стал основателем и лидером консервативной партии и премьер-министром. Ему, больше чем кому-либо другому, обязана своим процветанием Британская империя. Он заслужил благодарность королевы Виктории, сделав ее императрицей Индии. Финансовый советник той же Виктории, сэр Мозес Монтефиоре, основал Ирландский банк. Он был выдающимся борцом за права человека. Его имя было на устах всех угнетенных мира, как евреев, так и христиан, ибо и те и другие в равной мере пользовались его филантропией. Сэр Руфус Айзекс, первый верховный судья еврейского происхождения в Англии, был одним из вице-королей Индии.

Французский министр юстиции Адольф Кремье уничтожил рабство во французских колониях и ввел законодательство, которым отменялась смертная казнь для политических преступников. Изак и Эмиль Перейре разработали принципы современного банковского кредита и построили первую во Франции железную дорогу. Ахилл Фульд был министром финансов Второй империи. Леон Блюм несколько раз был премьер-министром.

Еврейское влияние обеспечило возникновение и развитие того, что называлось в Германии «духом эпохи». Именно в Германии Фердинанд Лассаль создал первое в мире профсоюзное движение. Лассаль был реалистом в политике и романтиком в частной жизни. Более искушенный в полемике, чем в фехтовании, он погиб на дуэли из-за какой-то баронессы, ради благосклонности которой, может быть, стоило жить, но никак не стоило умирать. Габриэль Риссер был глашатаем всеобщего избирательного права и равных прав для евреев. Он был избран в парламент,

собранный во Франкфурте, и стал первым немецким судьей-евреем. И в Германии евреи были членами кабинетов, депутатами рейхстага, судьями, банкирами и промышленниками.

Фигура придворного еврея сошла со сцены. Ее место заняла фигура банкира. С ростом масштаба кредита и системы международных займов современный банкир получил возможность финансировать большие государственные мероприятия, поддерживать планы промышленного развития и вкладывать огромные суммы в дела государства. Прототипом современных еврейских банкирских домов, появившихся по всей Европе, может служить дом Ротшильдов. Вряд ли нужно пересказывать его историю.

Мы не собираемся утверждать, будто евреи доминировали в финансовой структуре стран своего обитания. Ничего подобного. Еврейские банки и еврейский капитал составляли лишь незначительную часть экономики Германии, Англии или Франции. Столь заметная роль евреев в экономической жизни Европы объясняется не их многочисленностью или господством их финансовых учреждений. Она объясняется новаторством тех идей, которые они ввели в европейское банковское дело.

Еврейские банкиры были новаторами, генераторами идей. Вернер Зомбарт в своей книге «Евреи и современный капитализм» утверждает, что евреи были изобретателями системы страхования и учетных векселей. Он полагает, что они сыграли значительную роль в становлении биржи и развитии системы банковских бумаг. Уже в 1812 г. евреи задавали тон на берлинской бирже, и два из четырех ее первых президентов были евреями. Ротшильды сделали биржу международной. Современному человеку трудно представить себе, что когда-то это ставилось евреям в вину. В начале 19 века биржа казалась многим европейцам чем-то сверхъестественным. Впервые стало возможным оперировать иностранными капиталами. В те времена эти еврейские новшества

иногда квалифицировались как бесчестная конкуренция. Сегодня они стали нормой международной торговли и банковского дела.

Политические причины порой понуждали европейские правительства уступать требованиям антисемитских групп. Но в минуту финансовых затруднений они всегда обращались к еврейскому чувству лояльности. Они рассчитывали на изобретательность еврейских банкиров, на их лояльность, на их умение держать язык за зубами. И — что важнее всего — они полагались на их честность. За столетие через руки еврейских банкиров прошли миллионы. Но финансовые скандалы, в которых были бы замешаны евреи, были единичны. Это влияние евреев продолжалось до самого конца века. Лишь затем, мало-помалу, правительства начали перенимать в свои руки многие из функций, прежде осуществлявшихся частными банками.

Таков был истинный образ западного еврея в новое время. Но правде этой трудно поверить. Ведь евреи составляли поразительно малочисленное меньшинство. Еще совсем недавно они были лишены всех прав. Еще недавно на них смотрели как на темную, фанатичную, невежественную массу. Как стала возможной их внезапная гегемония в политике, в промышленности, в науке, в искусстве, в гуманистике?

Ответ на этот вопрос сложен. Но в нем можно выделить три главных пункта. Евреи использовали то же орудие, которым пользовались во все века и во всех культурах, — предназначенное для самосохранения орудие еврейского образования. Отстав на три столетия, проведенных в гетто, они оказались аутсайдерами. Чтобы преодолеть отставание, им нужно было быть вдвое лучше всех остальных. Они не отставали перед изучением любого дела, какой бы безнадежной ни казалась попытка закрепиться в нем. Они способны были учиться дни и ночи, годы напролет, пока не овладевали новой профессией. Университеты не могли не оценить их ученость, их выдаю-

щиеся научные достижения. Правительства не могли не оценить их вклад в развитие науки, промышленности и торговли. По мере того, как они овладевали своими профессиями, все больше и больше христиан обращалось к ним как к своим адвокатам, врачам, архитекторам, маклерам.

Откуда же у евреев это научное чутье, эта способность к теоретической мысли, это стремление к справедливости, это понимание сложных общественных процессов? Все это не приходит за одну ночь. Эти особенности составляли самую суть еврейской программы самосохранения. Живя в гетто, лишённые образования, доступного всем остальным, евреи создали собственную систему просвещения. Хотя Талмуд и не отвечал всем требованиям современной жизни, хотя это был все тот же Талмуд времен греков, римлян и мусульман, — он все же был школой абстрактной мысли и юридической логики, оттачивающей разум. Страстное стремление к справедливости всегда было частью еврейской традиции. Но если национальное наследие основано на принципах преклонения перед ученостью, стремления к справедливости, уважения к абстрактной мысли, мудро ли, что народ добивается успехов на интеллектуальном поприще?!

Напрашивается еще один вопрос. Евреи дали миру Спинозу в области философии, Маркса в области экономики, Фрейда в области медицины и Эйнштейна в области физики. Но почему они не породили таких же титанов в области литературы, музыки, живописи? Видимо, ответ можно найти, если вспомнить, что евреи были вне тех обществ, среди которых жили, что они были исключены и исключали сами себя из духовной жизни стран их проживания. Такие гиганты, как Гёте и Китс, Бетховен и Брамс, Ренуар и Ван-Гог, были выразителями христианской культуры. Эта связь с прошлым придавала их творчеству неповторимый индивидуальный оттенок. Гений делал их творчество общечеловеческим достоянием.

Евреи были духовно связаны с другой культурой. Они не могли отождествить себя с христианским наследием Европы. Абстрактные построения Спинозы, Маркса, Фрейда и Эйнштейна были универсальными. На них не было индивидуального отпечатка вероисповедания.

Интересно, что евреи добились известности лишь в современной живописи, отказавшейся от реализма в пользу абстракции. Здесь древний запрет создавать подобия уже не приложим. К тому же абстрактное искусство универсально. Оно позволяет евреям быть универсальными, не отождествляя себя с другими религиями и культурами.

Евреи, несомненно, еще породят своих Гёте и Китсов, Бетховенов и Брамсов, Ренуаров и Ван-Гогов. Это произойдет тогда, когда их гении обратятся к сорокавековой драме еврейской истории и перевоплотят ее в универсальную мифологию человечества.

26

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА: НОВЫЙ ГУМАНИЗМ

Подобно отливам и приливам, еврейская история то накатывалась на Западную Европу, то откатывалась в Восточную. В средние века она началась на западе и медленно и неуклонно двигалась на восток. В новое время она началась на востоке и с такой же неспешностью и неуклонностью катилась на запад. Здесь, на Западе, эмансипированные евреи создали культуру, основанную на западных ценностях. Западное еврейство нашло свое самовыражение на языках народов-хозяев — немецком, английском, французском, итальянском. На Востоке непросвещенное еврейство создало иную культуру. Она получила название Хаскалы и была неразрывно связана с еврейскими ценностями. Хаскала не породила ни ученых,

ни музыкантов, ни художников*. Зато она произвела на свет замечательную гуманистскую литературу на двух языках. То не были польский или русский язык. Одним из этих языков был классический еврейский язык — иврит, другим — разговорный язык народа: идиш.

Восточноевропейский еврейский гуманизм имел большее значение для сохранения еврейства, чем западноевропейское еврейское просвещение. Достижения западных евреев порой напоминали декоративные колонны в солидном здании европейской христианской культуры. Достижения еврейских гуманистов Востока были мощными столбами, поддерживавшими все здание еврейской диаспоры. Когда приливная волна просвещения накатилась на восточные местечки, эти еврейские гуманисты преобразовали западное просвещение в еврейскую Хаскалу. Просвещение было философией зажиточных слоев. Хасидизм был религией бедняков. Хаскала же была выражением культурного национализма средних классов. Это было еврейское Возрождение, запоздавшее на три столетия.

Хаскала возникла в недрах иудаизма. Она была связана с вечными еврейскими ценностями, но создала и новые культурные ценности. Она породила новую литературу, неразрывно связанную с еврейскими языками. Из ее связи с религией возник еврейский экзистенциализм. Из ее связи с политикой возник сионизм. Сионизм, в свою очередь, объединил евреев всей Европы с евреями Соединенных Штатов и создал Государство Израиль. Вся эта огромная перестройка и объединение начались с малозначительного, казалось бы, движения — борьбы нескольких молодых талмудистов против хасидов, провозгласивших возврат к примитивной чувственности единственным путем приближения к Богу.

* Восточноевропейские евреи, обладавшие живописным талантом, подобно Марку Шагалу или Хаиму Сутину, перебирались в Париж, а одаренные ученые, подобные Герману Минковскому, — в Германию.

Хасидизм не умер со смертью своего основателя Бешта (1760). Ученик Бешта Дов Бер неутомимо распространял среди восточных евреев идеи учителя. Вскоре каждый второй еврей в Восточной Европе был членом той или иной хасидской группы. Раввины, опасавшиеся, что новое учение подорвет их авторитет, тщетно пытались подавить его. Они преуспели только в Литве. Этим они были обязаны усилиям Элияху бен Шломо Залмана (1720—1797), человека, сыгравшего весьма противоречивую роль в еврейской истории. Сам того не желая, он стал тем мостом, по которому талмудисты перешли в лагерь просветителей. Овладев их современным оружием, они обратили его против хасидизма.

В 12 веке Элияху бен Шломо (более известный под именем «Виленского гаона») был бы великим философом. В 18 веке он был живым анахронизмом, разрывающимся между ортодоксальным иудаизмом и современной наукой. Элияху родился, как это видно из его прозвища, в Вильно, в Литве. Вторая часть того же прозвища, «гаон», указывает на его выдающуюся ученость. Действительно, он овладел Торой в возрасте восьми лет, а Талмудом — в возрасте девяти. Но вот чего никак не подсказывает его уважительное прозвище, что в десять лет его потянуло к современной науке. Перепуганный отец приложил все усилия, чтобы выбить у него из головы эту «дурь». Элияху продолжил занятия Талмудом и со временем стал самым выдающимся талмудистом своей эпохи. Однако свое детское увлечение наукой он не забыл.

Уже в юности он был вовлечен в споры о хасидизме. Не будучи раввином, он, тем не менее, тоже выступил против хасидов. Его репутация как знатока Талмуда была столь высока, что высказанное им мнение возымело большое влияние. Виленский гаон, однако, не сумел понять психологические мотивы, лежавшие в основе хасидизма. Он рассматривал это движение всего лишь как продукт еврейского невежества. До самой смерти он оставался последним знаменосцем ортодоксального иудаизма. Ему не

дано было увидеть будущее. Он не сумел **предуга**дать, что его собственный интерес к науке побудит молодых талмудистов обратиться к западному просвещению. Он не знал, что, поощряя своих и чужих учеников переводить научные труды на язык пророков, он сеет семена грядущей Хаскалы.

История любит повторяться. Некогда, соприкоснувшись с греко-римским миром, еврейская молодежь была увлечена им. Теперь, в 18 веке, эта молодежь впервые соприкоснулась в идеями европейского Просвещения. И снова события пошли по тому же пути. От увлечения наукой она перешла к увлечению западной философией, от философии — к литературе и социальным проблемам. Западные идеи оказали на нее огромное влияние, но не сумели оторвать от еврейских корней. Стремлением этих молодых талмудистов стала эмансипация без перехода в христианство. Они хотели найти компромисс между ортодоксами, которые не признавали ничего нового, и ассимиляторами, которые готовы были отдать все свое за чужое. Им хотелось создать еврейскую культуру, которая была бы интересна и для Запада, а не просто заимствовать западную культуру на потребу евреям.

Вокруг себя эти первые просветители видели восточноевропейское еврейство, увлеченное хасидской доктриной спасения души. Они поняли, что главный их враг — хасидизм. В борьбе с этим врагом они объединились с раввинами. В отличие от Виленского гаона эти еврейские интеллектуалы не считали хасидизм порождением безграмотности. Они видели в хасидизме «опиум для народа» — иллюзорную попытку бегства от ужасов повседневного существования.

Для распространения своих идей просветители нуждались в аудитории. Пытаясь привлечь слушателей, они начали с развлекательных повестей и романов, столь популярных в 19 веке. Чтобы не превратить эту литературу в простое продолжение русской или польской, они решили писать на иврите. Главной их целью было подорвать влияние хасидизма.

Действие этих повестей и романов происходило главным образом в Палестине. Героями, героинями, влюбленными, злодеями были евреи. Со времен заката золотого века в мусульманской империи образы евреев в еврейской литературе приобретали все более схематичные черты. Они стали образцами беспорочной добродетели, существами, для которых физические влечения вообще не существуют, а половые различия упоминаются разве что в медицинских книгах. В новой литературе еврейская история выглядела состоящей из двух резко отличающихся периодов. С одной стороны, романтическое прошлое, когда евреи радостно предавались любви и наслаждениям, с другой — жалкое настоящее с его длинными, унылыми, невзрачными одеяниями, скрывавшими всякую красоту. Эти развлекательные романы сослужили весьма полезную службу. Они разрушили то представление, которое сложилось у евреев о самих себе. Они показали, что евреи отнюдь не всегда были пленниками гетто. Были времена, когда они были романтическими возлюбленными, храбрыми воинами, отважными авантюристами. Эти романы исподволь внушали мысль о том, что если евреи не будут пассивно ждать Мессию, а предпримут активные политические действия, то они смогут изменить свое нынешнее положение.

К середине 19 века хасидизм начал терять свою прежнюю силу. Его влияние стало падать. Это было обусловлено главным образом его неспособностью самоорганизоваться. В результате движение стало распадаться на ряд враждующих между собой групп. Но определенную роль в подрыве влияния хасидизма сыграла и новая еврейская литература. Многие евреи начали видеть в хасидизме не возврат к иудаизму, а отклонение от него. Образ храброго, романтического еврея, созданный новой литературой, был им более по душе, нежели образ распевającego молитвы, приплясывающего хасида.

По мере того, как читатель становился все более разборчивым и требовательным, писатели Хаскалы начали обращаться ко все более серьезным темам.

Они стали интересоваться смыслом иудаизма и реальной жизнью еврейства. Новая литература разделилась на два языковых потока: идишитский, рассчитанный на широкие массы, и ивритский, предназначенный для интеллектуалов. В течение каких-нибудь ста лет в Восточной Европе появилось множество замечательных еврейских писателей. Подобно гуманистам эпохи Возрождения, они оказали заметное влияние не только на литературу, но и на жизнь.

За пять тысяч лет своего существования мировая литература знала всего четыре великие литературные эпохи. Первой была эпоха книг пророков в библейские дни. Второй — период греческой трагедии времен Перикла. Третьей — расцвет английской поэтической драмы при королеве Елизавете. Наконец, четвертой была эпоха русского психологического романа 19 века. Всего за пятьдесят лет Пушкин, Гоголь, Тургенев, Достоевский и Толстой создали одну из величайших литератур мира. Культура еврейской диаспоры всегда развивалась параллельно окружающей культуре. Поэтому и русское еврейство породило в то время замечательную литературу. Правда, ее нельзя сравнивать с достижениями русских литературных гениев, но тем не менее она представляет собой уникальное культурное явление.

Герои русских романов носят русские имена, но в действительности — это действующие лица универсальной общечеловеческой трагедии. Точно так же герои новой еврейской литературы носили еврейские имена, но были представители универсальной, общечеловеческой драмы. Великие русские писатели заглянули в глубины русской души в поисках подлинных человеческих ценностей. Писатели, творившие на языках иврит и идиш, также обратились к потаенным глубинам еврейской души. Между ними было одно отличие, чисто жанровое. Писатели на идиш работали в основном в жанре романа, избравшие иврит — в жанре публицистики и поэзии. Авторы на идиш отошли от романтизма ранней еврейской литературы и обратились к психологическому реализму: писатели на языке иврит посвятили творения своего

пера сионизму — этому новому еврейскому политическому движению за возвращение евреев в Палестину.

Одним из первых и наиболее значительных публицистов этого времени был Ахад-ха-Ам (1856—1927). Он родился в богатой и ортодоксальной еврейской семье на Украине. Свое традиционное образование он дополнил занятиями в университетах Вены, Берлина и Бреслау. Впрочем, он так и не получил законченного университетского образования. Он жил сначала в Одессе, затем в Лондоне. В 1922 г. он переехал в Палестину и поселился в Тель-Авиве. Своими статьями он вдохнул в зарождающийся политический сионизм чувство исторической культурной ответственности. Задача сионизма, в его понимании, состояла не только в том, чтобы решить политические проблемы еврейства, но и в том, чтобы решить его основную духовную проблему. Такой проблемой, по Ахад-ха-Аму, было сохранение развивающейся и объединяющей еврейской культуры. По мнению Ахад-ха-Ама, не государство, а именно культура связывает индивидуума с его народом. Евреи в диаспоре, утверждал он, нуждаются в объединяющей их культуре, которая свяжет их в единый национальный организм. Только наличие духовного центра мирового еврейства в Палестине может решить эту задачу. Израиль Фридлендер подытожил («Прошлое и настоящее», сборник статей о еврействе, стр. 421) его учение следующими словами: «по Ахад-ха-Аму, сионизм начинается с культуры и кончается культурой, создание которой является центральной задачей еврейства».

В отличие от Ахад-ха-Ама Хаим Нахман Бялик (1873—1934) был прежде всего поэтом. По масштабу он сравним разве что с Иехудой ха-Леви. Бялик был величайшим поэтом на языке иврит. В детстве Бялик прогуливал уроки Талмуда, в юности он вставал против традиционализма, вся его зрелая жизнь была нескончаемым бунтом против остатков местечковой ортодоксии. Свое образование он получил самоучкой. Некоторое время он жил в Одессе, где тор-

говал древесиной и преподавал в школе, потом переехал в Берлин и, наконец, осел в Тель-Авиве. В своей поэме «Сказание о погроме» Бялик в стиле библейских пророков изобразил погром 1903 г. в Кишиневе как прелюдию к грядущему массовому истреблению еврейства. Точно так же Пикассо в своей «Гернике» предугадал в уничтожении немцами испанского городка ужасы будущей тотальной войны. Влияние поэмы Бялика на еврейскую молодежь было огромно. Тысячи юношей и девушек отказались от своей прежней пассивности и устремились в русское подполье для борьбы с царской тиранией. Среди многочисленных переводов Бялика — трагедии Шекспира, «Вильгельм Телль» Шиллера и «Дон Кихот» Сервантеса. Более чем кто-либо иной Бялик способствовал возрождению и обогащению современного иврита.

Совершенно иной была жизнь крымчанина Шаула Черниховского (1875—1943). Он никогда не посещал школу Талмуд-Тора. Хотя его родители были верующими, они позволяли сыну дружить с русскими мальчишками. Вместе с ними он скитался по крымским степям. Идиш он не учил — в семь лет его начали учить сразу ивриту. Через язык вошла в его душу любовь к родному народу. В 1899 г. он поступил на медицинский факультет Гейдельбергского университета. Его учеба постоянно прерывалась любовными историями. Красивая внешность и отличное воспитание открыли ему путь в высшее еврейское и нееврейское общество. Многие из его замечательных поэм на иврите были посвящены христианским женщинам, которыми он увлекался. В конце концов он женился на гречанке. Во время Первой мировой войны он служил врачом в русской армии, затем принимал участие в русской революции, но вскоре переехал в Германию, а в 1931 г. — в Палестину.

Как ни странно, но именно этот высокообразованный и космополитически настроенный еврей своими страстными стихами пробудил в еврейской молодежи стремление «освободить» Яхве, которого ортодоксальные талмудисты «опутали филактериями». Подобно всем остальным авторам нового времени на

иврите Черниховский был также филологом. Он перевел на иврит Мольера и Гёте, «Илиаду» и «Одиссею». Его переводы столь совершенны, что читаются как оригинальная литература. Он ухитрился также изучить финский язык с его пятнадцатью падежами и перевел на иврит удивительную, нерифмованную, полную аллитераций финскую народную поэму «Калевала». Кроме того, он перевел другую знаменитую поэму, написанную под влиянием и в подражание «Калевале», — «Песнь о Гайавате» Лонгфелло. При всем при том Черниховский был прежде всего еврейским националистом. Его поэзия концентрируется на теме пробуждения еврейского народа и его возвращения на свою историческую родину.

Бок о бок с этой светской литературой на иврите росла первая в истории еврейской культуры литература на идиш. Иврит был языком Торы и пророков. То был классический еврейский язык, насчитывавший четыре тысячи лет. Идиш был разговорным языком народа и насчитывал едва лишь семьсот лет. Он зародился в 12 веке в долине Рейна. Идиш был незаконным детищем немецкого языка и еврейского алфавита. Немецкие евреи говорили между собой на немецком языке. Но когда они писали, то употребляли еврейские буквы. С течением столетий немецкие слова постепенно изменялись добавлялись слова из иврита, создавался особый синтаксис. По мере того, как евреи двигались на восток, они уносили с собой этот новый язык. Селясь в Польше, Литве, на Украине, они добавляли к этому языку слова из окружающих местных языков. Так образовался идиш. К 18 веку подавляющее большинство евреев Европы говорило только на нем. Ивритом пользовались лишь в школах да синагогах, учебниках и молитвах.

Чтобы привлечь к себе народные массы, писатели Хаскалы обратились к языку идиш. Будучи народным языком, подвижным и недисциплинированным, идиш имел свои литературные ограничения и свои преимущества. Он не был пригоден для героического эпоса или выражения тонких душевных переживаний. Зато он идеально подходил для лирических из-

лияний и сатиры. На нем трудно было передать философскую неоднозначность, зато можно было прекрасно выразить душевную симпатию и сочувствие. Как Данте создал народный итальянский, Чосер — английский и Лютер — немецкий язык, так писатели Хаскалы сформировали народный язык еврейства — идиш.

Литература, созданная гениальными писателями Хаскалы, не погибла, несмотря на гибель носителей языка в гитлеровских концлагерях. Она родилась на отгороженном клочке земли, называвшемся «чертой оседлости». Она была предназначена для трех миллионов евреев, которых христианский мир считал в те времена историческим анахронизмом. И тем не менее эта литература создала образы, которые живы и по сей день, тогда когда подобных местечек нет и в помине. Этим своим героям, этим «униженным и оскорбленным» литература на идиш возвысила до ранга общечеловеческих типов.

По чистой случайности первые три писателя Хаскалы на идиш были и тремя величайшими. То были Менделе Мойхер Сфорим, Шолом-Алейхем и Перец.

Менделе Мойхер Сфорим (1836—1917) был типичным талмудистом, соблазненным Хаскалой. Он родился в литовской еврейской семье, в которой предков-раввинов было больше, чем гербов в ином английском аристократическом замке. Образовываясь на Талмуде, в однокомнатной школе «штетеле», и снова на Талмуде в разных иешивах, он в конце концов взбунтовался и обратился к литературе Запада. Сначала он писал на иврите, но затем перешел на идиш. Многие интеллектуалы того времени презирали идиш, считая его варварским жаргоном. Менделе создал на этом языке пламенные инвективы против ограниченных и догматичных евреев местечка. Но в его сарказме неизменно ощущалась глубокая любовь к своему народу. В своих произведениях Менделе пытался воссоздать присущую евреям подсознательную общность чувств. Его еврейские типы отмечены такой печатью общечеловечности, что, воз-

можно, когда-нибудь, когда появятся адекватные переводы, его слава сравняется со славой великих русских писателей. Менделе умер в 1917 г., восьмидесяти одного года от роду.

Местечковые еврейские папы и мамы прошлого века свысока смотрели на профессию литератора. «О чем тут еще писать? Разве не все уже написано?» Отец Шолом-Алейхема был редким исключением. Он поощрял литературные занятия своего сына. В семнадцать лет Шолом-Алейхем (1859—1916), воспитывавшийся в обычных местечковых традициях, взбунтовался, начал писать на иврите и преподавать русский язык, чтобы заработать на жизнь. Его первым литературным произведением был словарь цветистых и сочных идишистских ругательств его мачехи. Он женился на дочери богатого землевладельца, управлял большим имением, проиграл все свое состояние на бирже и снова взялся за перо — на этот раз на языке идиш. Он переселился из России в Швейцарию, затем в Данию и, наконец, в Соединенные Штаты — в самом начале Первой мировой войны.

В Шолом-Алейхеме сочетались дар художника и изумительный талант юмориста. Он был еврейским Марком Твенем. Он любил свой народ, поэтому он позволял себе высмеивать его. Он насмехался над гетто и его обычаями. Он создал комический образ «избранных людей» и заставлял евреев смеяться над собой. Одна из фраз его излюбленного героя, Тевье-молочника, суммирует все жалобы местечковых евреев. «Я, — говорит Тевье, — с Божьей помощью, родился бедняком». Шолом-Алейхем писал о простых людях и выступал в защиту униженных и оскорбленных. Евреи местечка вполне могли согласиться с Тевье, когда он продолжал: «Ну, а если Он так захотел, значит, так и должно быть, только я вас спрашиваю, что Ему мешало, чтобы было иначе?» И отсмеявшись вместе с Тевье, евреи замолкали и задумывались.

Уроженец Польши И.Л. Перец (1852—1915) воспитывался и на хасидском наследии и на Хаскале.

Он получил университетское образование, в течение десяти лет занимался адвокатской практикой, потом стал писателем и редактором. Первой его книгой был том стихов на иврите. Вскоре, однако, в его творчестве стала преобладать написанная на языке идиш проза. Перец приблизил к жителям местечек окружавшую их современность. Во многих его рассказах речь идет о еврейской жизни в больших городах, об урбанизированном, пролетаризированном еврействе. Современным был и его утонченный стиль.

Почти столетние усилия писателей Хаскалы не пропали даром. Евреи черты оседлости уловили основную мысль их произведений. Они осознали, что их нынешние условия жизни вовсе не являются чем-то predetermined от века или положенным за грехи. Они поняли, что ортодоксальный иудаизм не есть синоним иудаизма как такового. Они разочаровались в хасидизме. Чем больше евреев восставали против ортодоксии, тем слабее становилась сила раввината. Евреи начали понимать, что путь к освобождению лежит не через молитву, а через самоорганизацию.

Хаскала сумела выработать такие еврейские ценности, которые запали в душу молодому поколению. Перед русскими и польскими церквями не стояли очереди торопящихся креститься. Восточноевропейских евреев больше привлекала проблема собственной религии — ее судьбы в век разума. Они искали ее решения не на научных путях, как некогда Цунц, а на путях философских. В этих поисках их союзниками были те западные еврейские интеллектуалы, которые убедились, что крещение не решает еврейского вопроса. Восточная Хаскала и западное Просвещение стали незаметно сближаться. Где-то на рубеже столетий произошло их символическое слияние. Из этого слияния родился еврейский экзистенциализм. Символично, что два наиболее выдающихся его провозвестника — Мартин Бубер и Франц Розенцвейг — родились на границе Востока и Запада. Оба они были воспитаны на европейском Просвещении. Оба

в поисках нового, современного подхода к иудаизму обратились к психологическим корням хасидизма.

Франц Розенцвейг (1886—1929 гг.) родился в ассимилированной немецкой еврейской семье. Он окончил университеты Фрейбурга и Берлина, получив дипломы по философии и медицине. Не видя рационального начала в иудаизме, он решил перейти в протестантство. Он не получил никакого еврейского образования. Поэтому он решил, что будет честнее, если он придет в христианство не простым агностиком, а образованным евреем. День накануне его крещения совпал с еврейским Судным днем. Розенцвейг отправился в ближайшую синагогу, чтобы там «встретиться» с еврейским Богом. Во время службы он пережил глубочайшее душевное потрясение. Вместо того, чтобы уйти в христианство, он вернулся в иудаизм.

Свою главную книгу Розенцвейг написал в годы Первой мировой войны на Восточном фронте. «Звезда искупления» была написана в промежутках между боями, наступлениями и отступлениями, на почтовых открытках и клочках бумаги. Эти записи Розенцвейг отправлял своей матери. Та переписывала заметки сына. В этой и других работах Розенцвейг пытался спасти иудаизм от трех главных его «врагов». Этими врагами, по его мнению, были: ортодоксальное еврейство, которое подменяло Тору своей талмудической казуистикой; хасидизм, который принимал свою экстатическую любовь к Богу за близость к Нему; и политические сионисты, которые видели в иудаизме всего лишь одну из форм национализма. Прежде Розенцвейг видел в религии конфликт между человеческим разумом и Божественными заповедями. Теперь он пришел к выводу, что веру можно обрести только в непосредственной встрече с Богом. Ибо вера, по Розенцвейгу, есть дело души, а не разума.

Последние дни Розенцвейга были трагичны. Он был полностью парализован. Подвижность сохрани-

лась только в одном пальце одной руки. Он был прикован к специальному креслу. Тем не менее он продолжал «писать». Указывая жене пальцем на нужные буквы, он составлял из них слова, фразу, абзацы и книги.

Взгляды Розенцвейга формировались под сильным воздействием Мартина Бубера — ученого, который еще при жизни почитался пророком. И евреи, и христиане считали его одним из величайших философов-теологов 20 века. Бубер (1878—1965 гг.) внес значительный вклад в развитие философии еврейского экзистенциализма, оказавшей большое влияние на протестантского теолога Пауля Тиллиха и православного философа-гуманиста Николая Бердяева. В наше время идеи Бубера, подобно идеям Фрейда, продолжают оплодотворять западную культуру. Они вдохновляют многих педагогов, социологов, психиатров, психологов, философов, теологов и поэтов.

Бубер родился в семье богатых венских евреев. Он воспитывался в доме деда в Галиции. Там он познакомился с хасидизмом. Закончив традиционное еврейское образование, он поступил в Венский университет. Затем он перешел в Берлинский университет, где получил степень доктора философии. Он присоединился к сионистскому движению. Вместе с группой католических теологов и протестантских психиатров он издавал социально-религиозный журнал. Но мировую славу ему принесли его работы по хасидизму и еврейской теологии.

Согласно Буберу, люди способны на два типа общения. Первый тип, «объективный», помогает человеку упорядочить свое окружение. Второй, «реализация», дает ему возможность постичь внутренний смысл своего существования, или, как говорили немецкие философы, «экзистенции». Бубер, как и Розенцвейг, считает, что религию так же невозможно объяснить в терминах науки, как науку — в терминах религии. В своем анализе человеческого сознания Бубер следует психоаналитическим идеям Фрей-

да. Однако в отличие от Фрейда он не отбрасывает религию как «иллюзию», а принимает ее как существующую реальность.

Человек, считает Бубер, обладает бессознательной национальной душой. Эта бессознательная душа еврея является точным отражением коллективной души еврейского народа, концентрирующей в себе четыре тысячелетия еврейской истории. Поэтому, чтобы познать себя, еврей должен все время сознавать себя наследником истории народа. Библия, по Буберу, есть свидетельство некогда состоявшейся коллективной встречи народа Израиля с Богом. Каждый еврей может заново пережить эту встречу на индивидуальном уровне, ибо его еврейское наследие хранится в его подсознании. В этом и состоит смысл знаменитой буберовской формулы «встреча Я—Ты». Следовательно, путь к спасению, по мнению Бубера, лежит через коллективную и индивидуальную встречу с Божеством. Эта встреча становится возможной через веру — веру, которая не нуждается в догмах и ритуалах. Буберовская концепция не противоречит ни разуму, ни науке. В то же время она удовлетворяет потребность человека в вере.

Философия Бубера была в то же время протестом против отчуждения и обезличивания человека в современном мире. Это обезличивание происходит в силу господства отношений типа «Я—Оно» между человеком и окружающими его вещами. Подлинная же близость может возникнуть только в «Я—Ты» общении с Богом, говорит Бубер. «Существование остается бессмысленным, если мы сами не входим в него с активной любовью и если мы не открываем на этом пути его смысла для нас самих. Ответ на безмолвный вопрос, задаваемый современным миром, находится именно здесь. Но угадает ли мир этот ответ? И угадает ли сам еврейский народ, что его собственная жизнь зависит от возрождения его религиозного существования? Еврейское государство может обеспечить будущее еврейской нации, даже буду-

щее ее культуры; иудаизм же сможет выжить лишь тогда, когда он снова возродит первоначальное отношение еврейства к Богу, к миру и к человечеству» («Безмолвный вопрос», в сб. «Произведения Мартина Бубера», ред. Уилл Герберг, стр. 314).

В 1938 г., в возрасте шестидесяти лет, Бубер был вынужден покинуть нацистскую Германию. Он поселился в Палестине, где стал профессором философии Еврейского университета в Иерусалиме.

Хаскала умерла вместе с 19 веком в развалинах Первой мировой войны. Возникшая на Западе, порожденная немецким Просвещением и взращенная на Востоке усилиями еврейских интеллектуалов, Хаскала была еврейским гуманизмом эпохи западного рационализма. Возвеличив еврейское прошлое, писатели Хаскалы заставили еврейский народ ощутить ничтожество своего настоящего. Возродив иврит в качестве мирского языка и возвысив идиш в ранг литературного языка, они обогатили еврейскую культуру. Западное Просвещение и восточная Хаскала возродили еврейскую волю к самосохранению.

Новым выражением этой воли к жизни, к сохранению своего еврейства стал сионизм. Именно сионизм объединил евреев Европы с евреями Соединенных Штатов, которые доселе играли далеко не первенствующую роль в еврейской жизни. Отныне история американского еврейства неразрывно переплетается с историей еврейства европейского. Американское еврейство вступает в соревнование за лидерство в еврейских делах. Мы должны пересечь Атлантику, чтобы ближе познакомиться с американской ветвью диаспорного еврейства.

История евреев в Америке представляет собой причудливую смесь знакомого и совершенно чуждого. Евреи появились в Южной Америке вместе с испанскими завоевателями. Это было в 16 веке. В следующем столетии вместе с англо-голландскими колонизаторами они стали заселять Северную Америку. В течение 250 лет, с 1650 по 1900 г., американское еврейство духовно и интеллектуально зависело от европейского. Оно не породило никаких оригинальных идей. Европейские интеллектуалы 19 века смотрели на Америку как на отсталую страну. Отсталыми считали еврейские интеллектуалы Западной Европы и американских евреев. Но как только Америка после Первой и Второй мировых войн стала выдвигаться на первое место в западном мире, американское еврейство стало претендовать на лидерство в делах мирового еврейства.

Различия в развитии еврейского интеллекта в Европе и Америке очевидны. Чем их объяснить? Некоторые историки проводят параллель между Римом и Грецией, с одной стороны, Америкой и Европой, — с другой. Они утверждают, что американцы по самой своей природе антиинтеллектуалы в образе мышления, эпигоны в литературе, подражатели в искусстве и прикладники в науке. Европейцы же — это новаторы в литературе, революционеры в искусстве и теоретики в науке. Подобная концепция действительно может прояснить отношение между американским и европейским еврейством. Все, что американские евреи произвели до 1900 г., было слабым подражанием европейским еврейским образцам. Такое объяснение согласуется также с общим правилом развития еврейской культуры в диаспоре: культура еврейской общины отражает культуру окружающей среды. Американская еврейская культура была столь же антиинтеллектуальной и прагматичной, как американс-

кая христианская культура. Эта концепция подтверждается различием судеб четырех волн еврейской иммиграции в Штаты. Первые две волны, с 1650 до 1880 г., были культурно бесплодны. Две последние, между 1880 и 1950 гг., оказались творчески плодотворными.

Испанские евреи, прибывшие в Америку в 1621 г., ничем не выделились в истории колоний. Они почти не участвовали в американской революции. Из их рядов не вышли ни замечательные философы, ни ученые и политики, как это было в Европе. Они были торговцами и купцами. Та же судьба постигла немецких евреев, прибывших в период 1825—1880 гг. Они прекрасно абсорбировались, приспособились и стали процветать. Но вплоть до 1900 г. они играли незначительную роль в американской истории. Они не участвовали в создании американской индустрии. Они не возглавляли борьбу за справедливое законодательство. Они не числились в списке интеллектуальной, литературной и художественной элиты Новой Англии.

Между 1880 и 1920 гг. история выбросила на американский берег около двух миллионов нищих и отсталых русских евреев. Произошло нечто неожиданное: в Америке стала зарождаться еврейская интеллектуальная жизнь. Четвертая волна иммиграции состояла из 300 тысяч бездомных и бесправных немецких евреев, изгнанных нацистами. С ними еврейская интеллектуальная жизнь в Америке достигла расцвета. Центр всей еврейской интеллектуальной жизни переместился из Старого Света в Новый. Так в библейские времена интеллектуальный центр еврейского народа после завоевания Иудеи переместился в Вавилон.

История евреев в Западном полушарии начинается с открытия Америки. Евреи играли в этом открытии значительно большую роль, чем принято думать. Работы еврейских математиков и ученых в течение предшествующего столетия сделали возможным осу-

ществование всемирно известных экспедиций. Авраам Крескас, картограф с Мальорки, которого в Европе называли «Мастером карт и компаса», начертил карты, помогавшие европейским мореплавателям прокладывать свои маршруты. Его сын Иехуда, известный как «еврей-картограф», руководил морской обсерваторией в Сагресе. Другой ведущий картограф с Мальорки, Мастер Яков, был приглашен принцем Генрихом Мореплавателем на должность руководителя знаменитой португальской Академии мореплавания. После изгнания евреев из Испании еврейский астроном Аврахам Закуто, труды которого были переведены на испанский и латынь, стал придворным астрономом португальского короля Жуана II. С ним консультировался Васко да Гама перед своим плаванием в Индию. Работы этих еврейских картографов, астрономов и ученых были, по выражению Шарля де ла Ронсьера, «основой всех великих открытий, начиная с путешествия вокруг Африки и кончая открытием Америки».

История евреев Америки начинается в тот же год, что и путешествия Колумба. На кораблях Колумба были евреи — матросы, штурманы, переводчики и врачи. Любопытно, что когда экспедиция Колумба пристала к берегам Антильских островов, туземцев приветствовал переводчик с флагманского корабля — еврей Луис де Торрес. Он обратился к индейцам на иврите и на арабском. Великий адмирал был уверен, что туземцы должны говорить на одном из этих языков. Между прочим, впоследствии тот же де Торрес случайно открыл кукурузу и вывез ее в Европу. Кукуруза вместе с картофелем обогатила меню европейцев. Рискую навлечь на себя обвинения в приписывании евреям «всех открытий», отметим все же, что и табак был завезен в Европу де Торресом и его христианским приятелем Родриго де Херес, а не лордом Рэлеем.

Первое поселение евреев в Америке было результатом договора между португальским королем Мануэ-

лем Великим и марраном Фернандо де Лоронья. В обмен за разрешение поселиться в Бразилии Лоронья обещал ежегодно исследовать по триста лиг бразильского побережья и строить крепости по пути своего следования. В 1502 г. пять кораблей Лоронья с экипажем из марранов, бежавших от инквизиции, вышли в море по направлению к Бразилии. Среди многочисленных христиан—спутников Лороньи был Америго Веспуччи, имя которого было вскоре присвоено новому материку. Это было его второе путешествие в Америку. Именно после него Америго опубликовал книгу, в которой утверждал, что новая земля — это не Индия, а неизвестный доселе материк. Географ Мартин Валдземюллер предложил назвать этот материк «Америкой». Любопытно, что Америго так никогда и не побывал в Северной Америке.

В 1503 г. марраны де Лороньи построили свою первую крепость в Бразилии. С этого момента еврейские поселения в Южной Америке стали непрерывно расти. Изгнание евреев из западноевропейских стран продолжалось. Все большее их число искало убежище в Новом Свете. К концу 16 века они уже владели здесь многочисленными сахарными и табачными плантациями. Заметное число евреев насчитывалось и среди торгово-финансовой верхушки — экспортеров американского сырья и импортеров европейских товаров. Но по пятам за евреями следовала инквизиция. Она основала свои филиалы на американской земле. Она не позволила южноамериканской экономике встать на путь свободного развития. Поддерживаемая испанским и португальским монархами, инквизиция утверждала на американской земле феодальные порядки. Может быть, если бы не инквизиция, на американском континенте сейчас задавала бы тон южноамериканская цивилизация.

Испания и Португалия не смогли удержать Новый Свет в своих руках. Золото, струившееся в испанские и португальские сундуки, привлекло внимание англ-

личан, французов и голландцев. Они снарядили собственные флотилии в поисках новых Эльдorado. Голландцы, видя своих естественных союзников в бразильских евреях, бежавших от инквизиции, обратились к ним за помощью в борьбе с португальцами. Вскоре голландцы захватили часть бразильской территории. К сожалению, это продолжалось недолго. В 1654 г. они были изгнаны португальцами. Вместе с голландцами бежали евреи. В сентябре того же года 23 таких беженца прибыли в Нью-Йорк, тогда Новый Амстердам. Они обратились к губернатору города, желчному Питеру Стейвезанту, с просьбой разрешить им остаться.

Маленький Новый Амстердам был космополитическим городом. 750 его жителей говорили на 18 языках. Но среди этих языков не было иврита. Стейвезант был отличным администратором и не ощущал нужды в евреях в пределах управляемого им города. Он запросил у правления Вест-Индской компании, вице-президентом которой являлся, разрешения выгнать непрошенных гостей. Евреи, в свою очередь, обратились к правлению с петицией, в которой просили разрешить им остаться в Новом Амстердаме, указывая на то, что помогли голландцам в борьбе с португальцами в Бразилии. Их просьба была удовлетворена. В 1657 г. они получили права голландских подданных. Не успели они привыкнуть к новому статусу, как он изменился. В 1664 г. англичане изгнали голландцев из Северной Америки. Бывшие беженцы из Бразилии стали подданными британской короны.

Еврейская история в английских колониях — это история индивидуумов, а не общин. В этот период из Европы иммигрировали не общины, а одиночки и семьи. Иммигранты, прибывая группами, рассеивались по огромному американскому континенту и вживались в американскую социальную структуру.

Абсорбция евреев была облегчена двумя обстоятельствами: природой американской социальной структуры и пуританизмом. Колонии никогда не

знали феодального корпоративного общества. Они не испытывали поэтому потребности в особом еврейском среднем сословии. Колонисты сами были таким средним сословием. Поскольку никто и ничто не угрожало еврейскому существованию, евреи не испытывали потребности в самоуправлении. Находя защиту в американских судах, они не испытывали потребности в собственных судах и судьях. Идея еврейского самоуправления не привилась на американской почве.

Другой причиной быстрой абсорбции евреев был иудейский характер американского пуританизма. Пуритане считали себя духовными наследниками Библии. Они рассматривали Новый завет всего лишь как историю Христа. Бога они искали в Ветхом завете. Не случайно в Англии их называли «еврейскими попутчиками». Пуритане сравнивали свое переселение в Америку с исходом евреев из Египта. Они видели в Массачусетсе Новый Иерусалим. В основанном ими Гарвардском университете наряду с латынью и греческим преподавался иврит. Было даже внесено предложение объявить иврит официальным языком колоний. Джон Коттон предлагал принять кодекс Моисея за основу законов Массачусетса. Американская конституция обязана пуританам многими заимствованиями из Пятикнижия.

В колониальный период американские еврейские общины возникали случайно и развивались медленно. В 1621 г. евреи появились в Вирджинии, в 1649 — в Массачусетсе, в 1658 — в Мэриленде. К 1733 г., когда они поселились в Джорджии, еврейские общины существовали уже во всех тринадцати колониях.

Американская революция положила конец колониальному периоду. Революция разделила евреев, как и всех остальных колонистов, на два лагеря. Большинство из них, как и в Европе, объединилось со сторонниками свободы. Генерал Вашингтон пользовался услугами еврейских финансистов не в меньшей

степени, чем услугами христианских. Они снабжали его армии и обеспечивали его бумажные деньги своим достоянием.

Первая волна иммигрантов-евреев в Америку была испанского происхождения. В начале 18 века в сплоченные ряды испанских евреев начали проникать евреи немецкие. К 1750 г. немецкие евреи уже превосходили испанских по численности. Однако «испанцы» еще около полувека оставались социально доминирующей группой. Новые еврейские иммигранты нашли новые области приложения сил. Некоторые из них стали судовладельцами. Другие начали конкурировать со своими христианскими соседями в работоторговле. Часть двинулась на запад, в неисследованные земли. Лишь немногие стали подлинными «джентльменами». Такие посылали своих сыновей учиться за границу. Большинство, однако, так и кануло в историческое небытие. Они не участвовали в создании Американской конституции. Их не избирали в Конгресс. Они не занимали никаких значительных постов. Первый еврейский конгрессмен был избран только в 1841 г., первый еврейский сенатор — в 1845, оба во Флориде.

К 1825 г. первый период еврейской иммиграции, продолжавшийся 175 лет, закончился. В Штатах насчитывалось к тому времени около 10 тысяч евреев. Только вероисповедание отличало их от других американцев. Их не выделяли ни желтые отличительные знаки, ни причудливые шапки, ни пейсы, ни черные лапсердаки. Их имена были переделаны на американский лад. Они утратили свой испанский, немецкий, иврит и идиш и говорили теперь на английском. До 1730 г. в колониях не было ни одной синагоги. Влияние религии на этих евреев мало-помалу ослабевало. Их подстерегал американский вариант «ползучей ассимиляции». В Европе евреи обращались в христианство. В Америке они попросту отпадали от иудаизма посредством смешанных браков, без всяких торжественных отречений от веры предков. Тем не

менее естественный прирост и постоянная струйка иммиграции поддерживали численность еврейского населения Америки на одном уровне вплоть до 1825 г.

Вторая волна иммиграции увеличила численность американского еврейства с 10 до 250 тысяч. Евреи бежали в Америку вместе с несколькими миллионами христиан, искавших спасения от бурь европейских революций и контрреволюций. К счастью прибывающих, рост иммиграции оказался выгоден Штатам. Осваивавшая свои просторы страна нуждалась в фермерах, рабочих и торговцах. Запад страны заселялся и становился сельскохозяйственным. Восток вкладывал доходы от сельского хозяйства в промышленность. Стране нужны были фермеры для заселения Запада и торговый класс для нужд Запада и Востока. Иммигранты-христиане, в основной своей массе крестьяне, двигались на запад и становились фермерами. Иммигранты-евреи, главным образом представители среднего сословия, становились свободными предпринимателями.

Многие из этих евреев, основная часть которых эмигрировала из Германии, не остались на восточном побережье. Вскинув ружье на плечо и котомку за спину, они двинулись на юг и запад. Они пришли в Луисвилл и Нью-Орлеан, Цинциннати и Кливленд, Чикаго и Сент-Луис. Те, кто прибыл во времена золотой лихорадки, устремились еще дальше на запад. Они были среди первых поселенцев Сан-Франциско, и их потомки ныне среди аристократической элиты западного побережья. Новые иммигранты работали день и ночь, жили впроголодь и экономили каждый пенс. Они копили деньги, чтобы открыть собственное дело. Бродячие торговцы становились владельцами лавчонок. Владельцы лавчонок становились хозяевами универмагов. Вся огромная система современных американских универмагов и супермаркетов родилась благодаря труду и предприимчивости этих

бродячих торговцев. Но «карабкаясь» к богатствам, они забывали о науках.

Вопрос о рабстве разделил евреев точно так же, как и страну. Некоторые евреи по-прежнему занимались работоторговлей. Большинство, однако, были сторонниками аболиционизма. Южные евреи сражались на стороне южан не потому, что отстаивали рабовладение, а потому, что любили Юг. Еврейская элита Юга симпатизировала южной аристократии. Эта аристократия была, как правило, более либеральна и более образованна, нежели чистокровные северяне. Когда вспыхнула Гражданская война, южные равнины призывали евреев вступать в армию конфедератов, а северные — в армию Гранта. К концу войны в армии Гранта насчитывалось девять генералов-евреев и сотни евреев-офицеров. Немало было их и в армии конфедератов.

После войны началось стремительное развитие американской промышленности. Евреи, однако, в нем участия не принимали. Они были вытеснены в розничную торговлю. Большая часть американских еврейских состояний нажита именно в этой области. Последующие поколения вложили значительную часть этих состояний в искусство и филантропию. Фамилии Гугенхаймов, Варбургов, Штраусов, Шиффов, Розенвальдов стали символами американской филантропической и культурной деятельности. Эти семьи пожертвовали в музеи богатейшие коллекции произведений искусства. Они покрывали дефицит симфонических оркестров и оперных трупп. Они жертвовали миллионы на строительство концертных залов и музеев. Они основали фонды для поощрения научных исследований и кафедры по искусству и научным дисциплинам.

Первые еврейские поколения выдвинули замечательных коммерсантов и выдающихся филантропов. Но они не внесли никакого вклада в социальное и культурное развитие Америки. Среди них по-прежнему не было государственных деятелей, юри-

стов, ученых или исследователей. Ни один еврей не участвовал в литературном движении 1800—1860 гг., которое Паррингтон назвал «романтической революцией». Такой же безрадостной была картина еврейского образования. Никакие просветительские идеи не воодушевляли его. Ничто не стимулировало еврейского вклада в американскую культуру. Не было Хаскалы, которая обогатила бы духовную жизнь американских евреев.

Но наступили 80-е годы 19 века, и картина резко изменилась. В Америку хлынули массы русских евреев. И снова благожелательное провидение приурочило волну иммиграции к экономическим потребностям страны.

История сплывала в своей алхимической реторте два разных события и получила совершенно неожиданный результат. Крушение феодальной системы в Восточной Европе заставило миллионы иммигрантов искать убежище в Соединенных Штатах. Два миллиона из них составляли евреи. Сжимающиеся тиски голода и погромов вытесняли евреев из России Александра III и Николая II. В Америке в то время заканчивался период освоения земель. Стране предстояло переварить то, что она торопливо проглотила. Ей предстояло укрепить свои экономические основы и обновить социальную структуру. Начинался период политической гегемонии больших городов. Наступали времена гегемонии индустрии. Стучалась в двери эпоха администраторов и бизнесменов.

Еще предстояло залатать огромные дыры в экономике. Америка нуждалась в миллионах неквалифицированных рабочих, чтобы обслужить ту громадную промышленность, которую она создала. Она нуждалась в миллионах людей, которые могли бы накормить, одеть и обслужить население разбухавших городов. Иммигранты 1880—1920 гг. удовлетворяли этим требованиям так, будто их специально подбирало какое-нибудь иммиграционное агентство. Поляки, русские, румыны — потомственные крестьяне и

неквалифицированные рабочие — нашли места в сталелитейных цехах Питсбурга и Янгстауна, на заводах Детройта и Кливленда, в бурно растущей промышленности Среднего Запада. Иммигранты-евреи были торговцами и ремесленниками, учеными и специалистами. Они поселились в городах. Здесь они быстро обнаружили, что их выбор ограничен. Командные посты в промышленности находились в руках христианских конкурентов. В торговле же хозяйничали евреи, принадлежавшие к коренному населению. Свободные вакансии были лишь в профессиональных сферах: в искусстве, в науках, в управлении.

Разумеется, все это были дальние цели. По прибытии требовалось попросту заработать на жизнь. Эти русские евреи были «луфтменшн» — людьми, которые за неимением других средств существования ухитрялись делать деньги «из воздуха». Они сумели выжить в царской России, где цари лишили их земли и работы, а затем обложили налогом на то, чего лишили. Ведя отчаянную борьбу за существование, они стали портными, продавцами папирос, торговцами мелочью. Если для выживания требовалось быстро овладеть новой профессией, они овладевали ею. Их объединяла общая нужда и общая неприязнь к неквалифицированному труду.

Те, у кого была профессия, пользовавшаяся спросом в Америке, например портные, нашли работу немедленно. Люди с редкими профессиями занялись мелкой торговлей. Если им удавалось наскрести немного денег, они тотчас открывали «лавочку в стене» — находили удобный угол, окошко и начинали торговлю или конфетами, или поддержанным платьем, или мороженым. Мало кто верил, что это навсегда. Большинство надеялось на лучшие времена, если не для себя, то для своих детей. Работа была тяжелой, доходы скудными, но на жизнь хватало.

Большая часть этих иммигрантов прибыла в Америку без гроша. Все их пожитки умещались в маленьком узелке. Но пока у них оставался последний

шанс, они не просили помощи. Им была отвратительна сама мысль об этом. Благотворительность они понимали как обязанность помогать другим, а не выпрашивать для себя. Только болезнь, житейская катастрофа или самая настоятельная необходимость могли заставить их обратиться к благотворительным организациям. Но даже и тогда они считали своим долгом отложить из полученной помощи немного денег для бедных в России или в Палестине. Стоило им найти работу, пусть самую скромную, они немедленно просили вычеркнуть их из списка нуждающихся. И даже те, кто просил о помощи, обращались, как правило, в еврейские организации, созданные немецкими братьями. Поначалу американские евреи немецкого происхождения в ужасе отшатнулись от своих нищих, бородатых, ортодоксальных русских «трущобных» братьев. Они полагали, что если их не замечать, то они сами собой исчезнут. Но американская печать, заговорившая о нуждах этих людей, заставила немецких евреев устыдиться и срочно организовать помощь иммигрантам. Их щедрость не знала себе равных. Они основали филантропические организации, школы, госпитали, центры переобучения и дома призрения. Социальные службы и агентства, созданные тогда, послужили образцом для многих нововведений Рузвельта во времена «нового курса».

Большая часть иммигрантов осела в Нью-Йорке, хотя некоторые двинулись в Филадельфию, Бостон, Детройт, Чикаго. Те, что остались в Нью-Йорке, поселились в Манхэттене, в нижней его восточной части, которая когда-то считалась фешенебельным районом, но давно уже превратилась в убежище бедноты. Социологи нарисовали нам достаточно мрачную картину этих трущоб. Они подсчитали количество уборных, число жильцов в комнате и доход на душу населения. Но они упустили из виду некоторые специфические особенности. Еврейские трущобы порождали туберкулез и ревматизм, но они не порождали

преступности и венерических заболеваний. Здесь не было безграмотности, незаконных детей и брошенных жен. Здесь почти каждая семья пользовалась абонементом в библиотеке. Здесь почти в каждой семье покупали книги — не для декора и не в твердых переплетах, а для чтения, пусть даже то были книги из вторых рук, с растрепанными бумажными переплетами, и пусть они стояли на простых, неструганных и некрашеных полках.

Еврейские дети хлынули в государственные школы, и вскоре первые награды за учение стали ускользать из-под носа нееврейских детей. Маленькие евреи приносили эти награды в свои бедные жилища. Родители экономили каждый грош, чтобы их дети могли поступить в колледжи и университеты, в юридические и медицинские школы. На протяжении жизни всего лишь одного поколения характер еврейских профессий неузнаваемо изменился. В наше время нет почти евреев среди неквалифицированных рабочих. Лишь 25% американских евреев служат клерками и продавцами. Кто же остальные? Свободные предприниматели или специалисты-промышленники, менеджеры, владельцы магазинов, администраторы, врачи, адвокаты, писатели, артисты, учителя, профессора университетов, ученые и исследователи.

В 20-е годы начался исход евреев из трущоб. По мере улучшения своего благосостояния евреи переселялись в лучшие кварталы, а нееврейское население покидало их и устремлялось в пригороды. В 40-е годы евреи тоже устремились в пригороды. На этот раз соседи уже не бежали от их присутствия. Теперь евреи были образованными людьми и преуспевающими бизнесменами. Теперь уже не отличишь, кто из двух джентльменов с сигарой за рулем роскошной машины еврейский бизнесмен, а кто христианский директор фирмы.

Как они сумели за одно поколение совершить такое превращение? Ответ на этот вопрос следует искать в составе еврейской и христианской иммигра-

ции. Собственно русские, польские, румынские, венгерские иммигранты были крестьянами и рабочими. Богатые и образованные русские, поляки, румыны, венгры не покидали своих стран. С евреями дело обстояло иначе. Гнет распространялся на всех. Поэтому бежали все — богатый и бедный, рабочий и ученый, ортодокс и радикал. С ними уходила их культура. Ее не выкорчевывали. Ее пересадили на новую почву.

Первая мировая война положила конец иммиграции. Правда, некоторое время после войны она еще продолжалась. Но вскоре настроение средних американцев изменилось. Восточную Европу заполонил коммунизм. В каждом иммигранте американцы видели бородатого большевика с «Коммунистическим манифестом» в одной руке и бомбой в другой. Каждого подозревали в намерении уничтожить американский образ жизни. Страну охватила антикоммунистическая истерия. Давление снизу вынудило Конгресс запретить дальнейшую иммиграцию. Случилось так, что к этому времени американский рынок труда был уже насыщен. Все это привело к серии законов 1921—1924 гг., которые воздвигли всевозможные препятствия на пути массовой иммиграции.

Антикоммунистическая истерия послевоенного периода не была антисемитской. Она была направлена только против русских большевиков, восточноевропейских иммигрантов, университетских интеллектуалов и рабочих лидеров. Когда планы мировой революции Льва Троцкого окончательно обанкротились и Сталин решил строить социализм в «отдельно взятой стране», волна истерии стала спадать. Америка снова стала нормальной страной и в доказательство своего выздоровления произвела на свет ту забавную эпоху сумасбродства и замечательной литературы, которая известна под названием «Грохочущих двадцатых». Но наступила депрессия 1929 г., и антисемитизм появился во всей своей красе.

До 1880 г. антисемитизм в Америке практически не существовал. Не следует смешивать отдельные

случаи проявления несправедливости по отношению к евреям с действительным антисемитизмом. Несправедливость не была в те времена привилегией одних лишь евреев. Антисемитская волна поднялась ненадолго в 1880—1890 гг., во время сельскохозяйственного кризиса. Но с подъемом сельского хозяйства исчез и антисемитизм. Он не был тогда общеамериканским явлением и ограничивался лишь районами, которые затронул кризис. В сущности, это была доморошенная ненависть, вызванная страхом, искавшим выхода.

Антисемитизм кризиса 1929 года был совершенно иным. Он был немецкого образца. Его импортировала в Соединенные Штаты немецкая пятая колонна. Он был рассчитан на то, чтобы подорвать волю американского народа к противостоянию фашизму. Многие американцы, не способные понять, каким образом в богатейшей стране мира стал возможным жесточайший кризис, пали жертвой платных гитлеровских пропагандистов. Как и в Германии, этот антисемитизм привился в основном среди деклассированных элементов. Ни состоятельные слои, ни рабочий класс не поддались ему. В конце концов антисемитизм в Америке пошел на убыль. Это произошло не потому, что его носители в нем разуверились. Просто кончился кризис.

Немецкий антисемитизм косвенным образом сослужил Америке добрую службу. Его следствием было обогащение американской культурной и духовной жизни. После 1935 г. Конгресс облегчил правила иммиграции, чтобы предоставить убежище тремстам тысячам евреев и тысячам христиан, которые бежали от нацистских преследований. Многие из этих беженцев были учеными, исследователями, писателями. Вакуум, возникший в Европе вследствие их эмиграции, сместил центр культурных сил. Для иллюстрации достаточно привести один пример. За 38 лет, с 1901 по 1939 г., Нобелевские премии по физике, химии и медицине получили 35 немцев и всего 14 аме-

риканцев. За последующие 13 лет, с 1943 по 1955 г. (в 1940—1942 гг. премии не присуждались), — уже 29 американцев и всего пять немцев.

Вклад новых иммигрантов был столь же американским, по своему духу, насколько культурный вклад евреев 19 века в европейскую жизнь был европейским. Но при всей своей внушительности он не был таким блестящим, как европейский. Там евреи обогащали интеллектуальную жизнь, здесь они устремлялись в основном в область прикладных наук.

Современная американская сцена была обогащена искусством Фромана и братьев Шуберт, Абрахама Эрлангера и Давида Беласко. Евреи были основателями таких экспериментальных театров, как «Групптеатр» и «Театральная гильдия». Пьесы Джорджа Кауфмана, Лиллиан Хелман, Артура Миллера, Элмера Райса, Клиффорда Одетса, Сиднея Кингсли и Ирвина Шоу получили международное признание. Американская киноиндустрия была создана евреями. Многие из ее лучших режиссеров, артистов и сценаристов были евреями. Современная музыкальная комедия получила права гражданства благодаря таланту Ричарда Роджерса и Оскара Хаммерштейна-второго. Мелодии Зигмунда Ромберга, Джерома Керна, Ирвинга Берлина и Джорджа Гершвина стали чуть ли не классикой. Бени Гудман придал джазу такую респектабельность, что он был допущен на сцену Карнеги-холл.

В 20 веке американские евреи стали проникать также в науку, юриспруденцию, издательское дело, администрацию. Альберт Абрахам Майкельсон, прославившийся своим измерением скорости света, был первым американским Нобелевским лауреатом в области науки. Изидор Айзек Раби получил известность и Нобелевскую премию за работы по квантовой механике и исследование магнитных свойств атомов и молекул. Джейкоб Липман, биолог и химик, содействовал развитию американского сельского хозяйства своими исследованиями химии поч-

вы. Герман Джозеф Мюллер получил Нобелевскую премию за основополагающую работу по искусственной мутации генов под воздействием рентгеновского излучения. Залман Ваксман получил чистый стрептомицин, Казимир Функ открыл витамины. Джонас Солк разработал первую вакцину против полиомиелита.

Бенджамен Кардозе, Феликс Франкфуртер и Луи Брандайс были первыми евреями — членами американского Верховного суда. Бернард Барух был советником многих президентов — от Вудро Вильсона до Дуайта Эйзенхауэра. Оскар Штраус был первым евреем — членом кабинета министров. Герберт Леман четыре раза был губернатором штата Нью-Йорк. Адольф Окс основал «Нью-Йорк таймс», которая стала одной из ведущих газет мира. Джозеф Пулитцер основал в Сент-Луисе «Пост-диспэтч», создал школу журналистики в Колумбийском университете и завещал фонд Пулитцера для премии за выдающиеся достижения в области журналистики, литературы и музыки. Социальные идеи Самуэля Гомперса, Давида Дубинского и Сиднея Хиллмэна стали частью американского понимания социальной справедливости.

Америка завоевала первенство на концертных эстрадах благодаря выступлениям таких натурализованных американцев, как пианисты Владимир Горовиц, Александр Браиловский и Артур Рубинштейн, скрипачи Миша Эльман, Ефрем Цимбалист, Яша Хейфец, Натан Мильштейн и Айзек Стерн, виолончелист Григорий Пятигорский. Мир долго будет помнить Сергея Кусевицкого, бывшего дирижера Бостонского симфонического оркестра и основателя Беркширских фестивалей. Имена дирижеров Бруно Вальтера и Фрица Райнера знакомы всем любителям классической музыки, равно как и имена родившихся в Америке дирижера Леонарда Бернстайна и скрипача Иехуди Менухина.

Третья и четвертая волны иммиграции вписали

блестящие страницы в историю американской культурной жизни, вторая волна произвела радикальные преобразования в религиозной жизни евреев Америки. Она принесла с собой идеи реформированного иудаизма Мендельсона, Цунца и Гейгера — инициатора первой конференции раввинов-реформистов в Висбадене (1837 г.), где реформированный иудаизм обрел свои организационные черты. Америка не знала традиций гетто. Поэтому реформированный иудаизм быстро утвердился среди американских евреев. Этому способствовала деятельность выдающегося человека — уроженца Богемии раввина Айзека Майера Вайза (1819—1900). Когда в 1846 г. ортодоксальная община в Олбани пригласила Вайза в свою синагогу, она не подозревала, что в лице этого 27-летнего раввина впускает в свою среду бунтаря. Всего лишь за неделю до того Вайз прибыл в Америку с женой и ребенком, но без паспорта. Вскоре Вайз начал реформировать свою синагогу. Последовали бурные протесты. Вайза это не остановило. Он принял приглашение от другой ортодоксальной общины, в Цинциннати. Наученный горьким опытом, он не поднял здесь открытый бунт. Реформированный иудаизм он ввел через черный ход. Вместо ультиматумов он прибег к дипломатии. В 1875 г. он основал Объединенный еврейский колледж — первую американскую раввинскую семинарию. Вайз умер признанным отцом американского реформистского иудаизма.

С этим-то реформистским иудаизмом столкнулись новые иммигранты—ортодоксальные русские евреи. Американизированные, говорящие по-английски, гладко выбритые, без пейсов, забывшие про ермолку реформистские евреи казались ортодоксам вероотступниками. Американские же евреи немецкого происхождения, в свою очередь, смотрели на бородатых, в лапсердаках, говорящих на идиш русских евреев как на гостей из средневековья. Для молодых русских евреев столкновение с американскими евреями

было подобно столкновению еврейской молодежи эпохи Второго храма с греческим миром. Вскоре они уже начали подражать американцам в манерах, одежде и поведении. Их родители не соглашались отказаться от своих ортодоксальных традиций из страха потерять иудаизм. В результате они теряли своих детей. Дети уходили в реформистские синагоги, вступали в брак с неевреями или меняли иудаизм на агностицизм. Тогда ортодоксальные евреи изменили тактику. Они решили сохранить детей ценой модернизации своей ортодоксии. Как и многое другое в американской еврейской жизни, этот «неортодоксальный иудаизм» тоже имел европейское происхождение.

До появления Мендельсона, Цунца и Гейгера существовал только один иудаизм — иудаизм Торы и Талмуда. До заточения евреев в гетто этот иудаизм был достаточно гибок. Великие раввины непрерывно перелицовывали его, подгоняя по моде меняющихся времен. Но за три столетия жизни в гетто иудаизм окостенел. Раввины больше не пытались и не позволяли его изменять. Поэтому когда раввинат отказался приспособливаться к требованиям и идеям европейского Просвещения, значительная часть евреев откололась от ортодоксального иудаизма и основала реформистское движение. К 1850 г. оно стало ведущим течением иудаизма в Германии. Старому иудаизму гетто угрожала гибель.

Раввины гетто поступили точно так же, как католическая церковь в эпоху Реформации. Испуганная успехами Реформации, церковь на Трентском соборе (1545—1563) модернизировала и либерализировала внешние формы католицизма, не меняя его существа. Раввины, испуганные «еврейской реформацией», также предприняли «контрреформацию». Они модернизировали внешние формы ортодоксального иудаизма, не трогая его основных догматов.

Так в конце 19 века в иудаизме возникли два течения — реформистское и неортодоксальное, которое

мы будем впредь называть просто ортодоксальным. Оба исповедуют веру в одного и того же Бога, в одну и ту же Тору, в одних и тех же пророков. Ортодоксальный иудаизм рассматривает религию как Божественное откровение. Реформистский убежден в том, что она может эволюционировать. Повседневное различие между этими течениями касается законов кашрута, субботы и правил богослужения. Некогда фарисеи утверждали, что жрецы и жертвоприношения не так уж необходимы для сохранения иудаизма. Сегодня реформисты полагают, что иудаизм не ослабевает оттого, что евреи едят сэндвичи с ветчиной, равно как и не усиливается, если они молятся только на иврите.

Неоортодоксы противопоставили соблазну реформизма ряд нововведений на западный манер. Они серьезно повысили уровень образования в иешивах и ввели в их программы ряд светских дисциплин. Они разрешили хоровое пение в синагогах. Они согласились, чтобы синагогальные проповеди произносились на разговорном языке. Многие русские иммигранты-евреи обратились к этому неоортодоксальному иудаизму в попытке сохранить своих детей и в то же время сохранить то, что они считали основами своей веры. Русский еврей 18 века, вероятно, счел бы современного американского ортодоксального еврея вероотступником.

Но и реформистский иудаизм не остался на месте. В своем реформаторском рвении его основоположники отбросили так много традиционных еврейских элементов, что остаток с трудом можно было уже отличить от какой-нибудь протестантской секты. Последний шаг, сделанный в этом направлении Феликсом Адлером в 1876 г., едва не вывел реформаторов за рамки иудаизма вообще. Адлер основал «светскую религию» — так называемое «Общество этической культуры». Его кредо, объединявшее принципы еврейской и христианской морали, претендовало стать общей этической базой для евреев и христиан.

Результат был неожиданный. Все больше евреев стало просто переходить в протестантство и католицизм. Реформисты спохватились и стали возвращаться к некоторым элементам еврейской традиции. Этот поворот оказался благодетельным для американского реформизма. Сегодня он окреп. Он объединяет в своих рядах около пятисот общин с 250 тысячами семей в них.

Америка стала также родиной самого последнего по времени течения в иудаизме — консервативного. Консервативный иудаизм был основан рабби Шломо Шехтером (1850—1915). Шехтер родился в Румынии в хасидской семье. Он учился в иешивах Лемберга (Львов) и Вены. Там он познакомился с Хаскалой. Он забросил Талмуд ради Гегеля и иешиву ради университета. Его ученость стала известной, и в 1890 г. он был приглашен преподавателем Талмуда в Кембриджский университет. Здесь он приобрел славу не только тем, что анализировал Талмуд с чисто английским остроумием, но и тем, что нашел древний текст Экклесиаста, опознав его по одному фрагменту. Эта работа Шехтера повлекла за собой открытие остальных фрагментов, находившихся в Каирской генизе. В 1901 г. Шехтер был избран президентом Еврейской теологической семинарии в Нью-Йорке. Его слава привлекла в Америку много выдающихся исследователей еврейской религии.

Еще в Германии Шехтер попал под влияние немецкого социолога Макса Вебера. Он пришел к выводу, что в становлении иудаизма сыграло роль не только его внутреннее саморазвитие, но также социальные и экономические условия времени. Отсюда следовало, что для своего сохранения иудаизм обязан взаимодействовать с окружающей его цивилизацией и выработать собственные культурные ценности. Это нетривиальное сочетание Торы с современной социологией легло в основу шехтерского консервативного иудаизма. Шехтер объединил консервативные элементы реформизма и либеральные элементы орто-

доксии. Он упростил некоторые из законов кашрута, отменил некоторые из правил соблюдения субботы, ввел в синагогальную службу орган и санкционировал употребление разговорного языка в определенных молитвах. Он разрешил своим последователям перенимать многие манеры, обычаи и привычки окружающего нееврейского общества. Сегодня все три течения иудаизма — ортодоксальное, реформистское и консервативное — представляют собой взаимосвязанное целое, не разделенное в отличие от католичества, протестантства и православия какой-либо глубокой пропастью.

Чем можно подытожить историю евреев Америки? Как оценить итоги истории евреев в Америке? Вплоть до 20 века она представляла собой банальное течение событий. До 1900 г. американский «иудаизм сытости» был культурно столь же бесплоден, как русский «иудаизм нищеты» до периода Хаскалы. Затем два исторических события — эмиграция русских евреев и уничтожение европейского еврейства Гитлером — увеличили число американских евреев до пяти миллионов и превратили страну в центр всемирной диаспоры.

Что это? Всего лишь сходство событий или подлинное повторение? В шестом веке до нашей эры вавилоняне разрушили палестинский центр иудаизма. Но идея иудаизма сохранилась. Когда история предоставила вавилонским евреям возможность вернуться в Палестину, они не воспользовались ею. Американские евреи также не торопятся переселяться в Израиль. Своим отказом от переселения вавилонские евреи положили начало диаспоре. Американские евреи своим отказом сохраняют диаспору. Иудаизм диаспоры со временем превзошел палестинский по своему интеллектуальному значению. В 20 веке звание знаменосца новых веяний в иудаизме перешло к Америке.

Способно ли американское еврейство породить те новые интеллектуальные идеи, которые необходимы

сегодня, чтобы сохранить иудаизм в диаспоре? До 1900 г. на этот вопрос следовало бы ответить отрицательно. Сейчас, когда американский иудаизм обогащен европейской интеллектуальной элитой, на него можно, пожалуй, ответить утвердительно. Если это обогащение сведется всего лишь к прививке европейского интеллектуализма к дереву американского прагматизма, тогда нынешнее интеллектуальное превосходство американского еврейства будет преходящим и вскоре исчезнет. Но если вместо механического смешения произойдет химическая реакция, то Соединенные Штаты могут стать для иудаизма 21 века новым Вавилоном.

Некогда в Вавилоне были похоронены институты жертвоприношений и жречества. Взамен них возникли раввинат, молитва и синагога. Намечается ли что-нибудь подобное в современной американской еврейской жизни? В американском реформизме три перечисленных еврейских института начинают играть новую роль. Раввин становится не столько толкователем Талмуда, сколько доверенным лицом и посредником. Молитва перестает быть личной просьбой к Богу и становится восхвалением Творца. Теперь синагога уже не только место для богослужения, но и социальный центр, посредством которого находит выражение связь члена общины с иудаизмом и еврейством. Некогда фарисеи отбросили треть Торы и Талмуда, где речь шла о жрецах и жертвоприношениях*. В прошлом веке реформизм отбросил вторую треть, касающуюся диетических и ритуальных правил. Он оставил последнюю треть, которую считает ядром иудаизма, — его кодекс этики, морали и правосудия. Не состоит ли историческая роль американского еврейства в переходе к «спинозовской» — универсальной — фазе иудаизма?

* Автор допускает ошибку. Целый раздел Талмуда, составленного, как известно, именно фарисеями, посвящен жертвоприношению и Храмовой службе (*Примечание изд.*).

Ответ на этот вопрос не может быть дан без учета трагических событий середины века, наложивших свой отпечаток на всю еврейскую историю, запятнавших достоинство человечества и оставивших Каиново клеймо на немецком народе.

28

УБИЙЦЫ В КОРИЧНЕВЫХ РУБАШКАХ

30 января 1933 г. история сыграла злую шутку над человечеством. В этот день Адольф Гитлер стал рейхсканцлером Германии. Восторженные немцы высыпали на улицы городов. Они орали «хайль» штурмовикам в коричневых рубашках. Мало кто мог предвидеть, что спустя несколько лет эти коричневорубашечники зальют мир кровью и войдут в историю как жесточайшие из варваров. Спустя несколько лет им предстояло задыхаться в песках Сахары, тонуть в волнах Атлантики, замерзать в степях России, быть заживо погребенными под развалинами собственных домов.

В апреле 1945 г. в горящем Берлине Гитлер покончил собой, выстрелив себе в рот. С момента его прихода к власти прошло всего 12 лет. За эти 12 лет немцы успели методически и хладнокровно истребить свыше 12 миллионов человек. Шесть миллионов жертв нацизма были евреи, другие — христиане*. Поскольку нацисты орали «Бей жидов», мир проморгал гибель христиан.

* Обычно число евреев, истребленных нацистами, оценивается в шесть миллионов. Факты, однако, свидетельствуют, что число еврейских жертв не превышает 5 миллионов. Американский судья Джексон на Нюрнбергском процессе указывал цифру 4,5 миллиона. Самая высокая оценка составляет 5,6 миллиона, са-

Как могло это безумие произойти в Германии — колыбели западной цивилизации? Дело в том, что существовали две Германии. Одна — Германия Бетховена и Брамса, Гёте и Шиллера, возвышенного идеализма и широких горизонтов. Эта Германия породила и взлелеяла свой гуманизм, искусство, музыку и литературу.

Была и другая Германия — авторитарных философов и воинствующих милитаристов, Бисмарка и кайзера. Она породила человека толпы и газовые камеры.

Первая мировая война обозначила поворотный пункт в немецкой истории. Верх взяли авторитарные тенденции. После четырех лет войны Германия капитулировала. Немецкие матросы взбунтовались. Немецкие солдаты бросали свои винтовки. Кайзер бросил свой народ в минуту поражения и бежал в Голландию. В Версале был подписан мирный договор. Германия начала жаловаться на свои трудности, выпрашивать деньги и обвинять евреев в своем поражении.

Война принесла разорение не только Германии, но и всей Восточной Европе. Судьба евреев была особенно ужасной. Они ухитрились жить именно в тех местах, где немцы и русские в течение четырех лет вели ожесточенные бои. И русские, и немцы, отступая, убивали евреев — за то, что те якобы симпатизировали их противнику.

С окончанием войны наступил короткий период надежд на лучшее будущее для миллионов европейцев. Эти надежды вскоре оказались похороненными вместе с другими иллюзиями такого же рода. На Версальской конференции по настоянию американс-

мая низкая — 4,2 миллиона. Это различие обусловлено неточностью данных о числе еврейских жертв на территории СССР. Рейтлингер, приводя цифру 5 миллионов, пишет: «Не думаю, что вина немцев станет меньше, если окажется, что эта цифра завышена» («Окончательное решение», стр. 469).

кого президента Вудро Вильсона были выданы метрические свидетельства новым «демократиям» — Латвии, Литве, Эстонии, Польше, Венгрии, Югославии, Албании. Все они были созданы из обломков бывших Российской, Австро-Венгерской и Германской империй. Все эти страны немедленно приняли антисемитизм на вооружение и сделали его принципом своей внутренней политики. Исключение составляли созданные тогда же Финляндия и Чехословакия.

Почему Восточная Европа с такой готовностью приняла антисемитизм? Ответ находится при анализе экономического положения этих стран. Первая мировая война разрушила феодальную экономику новообразованных государств. Искусственно проведенные границы рассекли исторически сложившиеся экономические артерии. Раздел Австро-Венгрии, например, отдал Австрии промышленную «упаковку», а Венгрии — ее угольное и железорудное «содержимое». Землевладельцы и аристократия, презиравшие труд и считавшие приобретение профессии делом, достойным одних лишь евреев, были поставлены перед выбором: найти работу или умереть с голоду. Средние классы были разорены. Рабочие, обреченные на голодное существование ничтожной зарплатой в «демократическом» обществе, почти лишенном социального законодательства, косили завистливые глаза в сторону коммунизма, видя в нем решение своих проблем.

Вместо того, чтобы противопоставить этим угрозам инъекцию подлинной демократии, как это сделали Финляндия и Чехословакия, правители других восточноевропейских стран обратились к успокоительным пилюлям фашизма. Для запугивания деклассированных на сцену был вытащен призрак коммунистической опасности. Им твердили вновь и вновь, что решение «еврейского вопроса» решило бы и их проблемы. Испуганные и обнищавшие, они охотно прислушивались к этим утешительным ре-

чам. Евреям была запрещена профессиональная деятельность. Они были изгнаны из индустрии. Все это делалось для того, чтобы аристократы могли занять места, которые они прежде презирали. С ухудшением экономических условий жестокость антисемитских законов возрастала. Забавно, что все эти страны, пытавшиеся спасти себя от коммунизма сотрудничеством с нацистами, сегодня находятся под властью коммунистов.

В хаосе, возникшем после бегства кайзера, родилась Веймарская республика. Ею управляли циничные политики. На словах они распинаясь в своей преданности демократическим идеалам, на деле они позволяли убийцам разрушать устои республики. С 1918 по 1925 г. правые террористические организации убили более трехсот выдающихся либеральных деятелей — католиков, протестантов и евреев. Правящая клика молчаливо поощряла эти убийства, ограничиваясь более чем милостивыми приговорами пойманым убийцам.

В этой обстановке политического террора отставной генерал Эрих фон Людендорф и безработный маляр Адольф Гитлер организовали весной 1923 г. «пивной путч» в Мюнхене. Целью путча было свержение баварского правительства. Путч провалился. Мюнхенский суд оправдал Людендорфа и осудил Гитлера на пять лет тюрьмы. Он отсидел меньше одного года.

Так началась карьера немецкого фюрера. Она была бы невысказанной без помощи юнкеров, промышленников и милитаристов, чьим орудием он был. Его путь к власти был стремителен. Он проповедывал самую примитивную политическую программу. В несчастьях Германии виноваты коммунисты, евреи и Версальский договор. Чтобы вернуть Германии былое величие, необходимо объявить вне закона коммунистов, уничтожить евреев и расторгнуть Версальский договор. Деклассированные элементы толпами валили в гитлеровскую партию. С каждым выбо-

рами ее представительство в Рейхстаге росло. В 1929 г. правящие круги вытаскивали из забвения престарелого фельдмаршала Гинденбурга, чтобы противопоставить его Гитлеру в качестве президента страны. Гинденбург выиграл выборы и через четыре года, уступая угрозам Гитлера, пригласил его занять пост рейхсканцлера Германии. За десять лет, прошедших со времени «пивного путча», Гитлер проделал путь от маляра до единоличного хозяина Третьего Рейха, как стала теперь называться Германия. Его партия, национал-социалистическая рабочая партия Германии, стала единственной легальной партией страны.

Отец Гитлера, Алоиз Шикльгрубер, незаконный сын служанки и случайного бродяги, был женат трижды. Третья жена была на 23 года моложе его. От этого брака в 1889 г. родился Адольф Гитлер. В биографии Гитлера нет ничего достопримечательного. Он был плохим учеником, ничем не примечательным солдатом, неудачливым художником. Он делал смешные попытки стать человеком искусства. У него никогда не было таланта. Государственные деятели, которым приходилось с ним сталкиваться, поражались его невежеству и вульгарности.

В чем состоял секрет его власти над своими приверженцами? Чем он отличался от всех других расистов? Свести все дело к массовому гипнозу означало бы не сказать ничего. Суть дела в том, что другие расисты только носились с идеей превратить убийство в добродетель. Гитлер реализовал эту идею. Он выпустил на свободу все, что таилось в человеческом подсознании. Он освободил силы зла, которые человек испокон веков подавляет в себе во имя цивилизации. Не случайно при нем поднялись до вершин власти наркоман Геринг, гомосексуалист Рем, садист Гейдрих, убийца Гиммлер.

Гитлер заполучил власть, и теперь уже ничего не могло его остановить. Вся страна была перестроена по закону насилия. В 1935 г. рейхстаг утвердил так называемые «Нюрнбергские законы». По этим зако-

нам все, в чьих жилах текла еврейская кровь, лишались гражданских прав. Евреем считался даже тот, у кого только дедушка был евреем*. «Нюрнбергские законы» лишили евреев должностей и бизнеса; шантаж и вымогательство лишили их денег. Еврейские магазины и предприятия перешли в алчные руки немцев. Деньги осели в карманах нацистских должностных лиц. Сотни евреев были отправлены в концлагеря. Там их приветствовали христиане, которые были сосланы туда еще раньше.

«В высшей степени знаменательно, что немецкий антисемитизм перерос в антихристианство», — пишет русский философ Николай Бердяев. Историки и журналисты зачастую упускают из виду это антихристианство немецкого нацизма. Нацистская партия провозглашала антихристианские доктрины с момента своего образования в 1919 г. Однако мировая печать подхватывала только ее антисемитские лозунги. Нацисты хотели уничтожить христианство точно так же, как они хотели уничтожить иудаизм. В их глазах оно представляло собой опасность, потому что кровь новообращенных неарийцев примешивалась к арийской крови. Нацисты утверждали, что апостол Павел предал «арийское христианство». Они заявляли, что христианская церковь — это обман и подлог. Они провозглашали, что католицизм заражен иудаизмом и интернационализмом. Нацисты твердили, что национальный социализм — единственно верное учение, надежда и спасение немецкого народа. А спасителем был, конечно, не кто иной, как Гитлер.

В 1933 г. Германия подписала конкордат с Ватиканом. Этот договор обеспечивал свободу католической церкви в Германии. Спустя год руководитель немецкой католической организации доктор Эрих Клаузнер был убит гитлеровскими штурмовиками. Был организован процесс над католическими мона-

*Любопытно, что таким образом еврейскую примесь Гитлер считал вчетверо сильнее арийской.

хами, которых обвинили в аморальном поведении. Целью этого процесса было дискредитировать церковь. В 1935 г. над протестантской церковью был установлен государственный контроль. Посмевших возразить монахов и священников отправили в концлагеря. Их объявили «подрывными элементами» наряду с евреями и коммунистами. Папа Пий XI, разгадавший антихристианскую природу нацизма, обвинил Гитлера в подготовке «разрушительных религиозных войн... не имеющих иной цели... кроме уничтожения». Нацистский вопль «Бей жидов» заглушил предостережение Папы.

Первые концлагеря были предназначены для людей, которых гестапо — немецкая тайная полиция — хотела принудить к покорности. Первыми их узниками были так называемые «политики» — коммунисты, социалисты, либералы, республиканцы, обыкновенные немцы, выступавшие против гитлеровской политики насилия. Среди них были, разумеется, и личные враги нацистских функционеров.

В первое пятилетие нацистского режима узниками концлагерей были в основном немцы-христиане. Евреи появились там сравнительно поздно. Немецкий антисемитизм достиг своего апогея в пять этапов. Первый из них начался в 1933 г. с приходом нацистов к власти. В это время нацисты еще ограничивались тем, что громили еврейские магазины, избивали отдельных евреев и бойкотировали еврейских бизнесменов. Второй этап был ознаменован введением «Нюрнбергских законов» в 1935 г. Третий этап начался в 1939 г. с массового ареста 20 тысяч евреев и высылки их в концлагеря.

До 1939 г. евреям разрешалось покидать Германию при условии уплаты выкупа. Более 300 тысяч из 500 тысяч немецких евреев покинули страну. В 1939 г. размер выкупа был повышен до стоимости всего принадлежавшего семье имущества. К этому времени нацистские заправилы сообразили, что оставшихся евреев можно держать в качестве заложников.

Они потребовали за них с мирового еврейства полтора миллиарда рейхсмарок. В Женеве начались переговоры. Они были сорваны вторжением немецких войск в Чехословакию и Польшу. Четвертый этап начался в 1940 г. с депортации всех немецких и австрийских евреев в специальные гетто, организованные в Польше. Там евреям разрешалось умереть либо от голода, либо от болезней.

Пятый и последний этап, так называемое «окончательное решение», был запланирован самим Гитлером. После вторжения в Россию лагеря превратились из мест концентрации в места уничтожения. Убийство стало круглосуточным занятием немцев. «Окончательное решение» предусматривало уничтожение не только всех европейских евреев, но также порабощение «христианских недочеловеков» — поляков, русских, румын, венгров и югославов. Затем эти народы предполагалось разредить посредством планомерного истребления. Порабощение должно было сопровождаться угоном этих народов в Германию в качестве рабочего скота. Их последующее истребление возлагалось на особые подразделения, носившие название «*Эйнзатцгрупп*»*.

Миллионы немцев были взяты с полей и фабрик и посланы на русский фронт. Миллионы порабощенных христиан из оккупированных стран были отправлены в Германию, чтобы их заменить. Когда они заболели или ослабевали, их отправляли дальше — в лагеря уничтожения. Нескончаемый поток этих рабов лился в Германию. За пять лет было отправлено семь с половиной миллионов. В лагерях уничтожения, расплодившихся за годы войны в Германии и близлежащих странах, несколько миллионов русских, поляков, бельгийцев, югославов, датчан и других европейцев погибли от голода, болезней и пыток.

* Специальные органы гестапо, действовавшие в составе гитлеровской армии в годы Второй мировой войны и осуществлявшие массовые убийства и насилия над мирным населением оккупированных территорий и военнопленными (*Прим. изд.*).

Несколько сот тысяч европейских евреев также были отправлены в Германию в качестве рабов и разделили участь своих христианских собратьев. Но большинство евреев было ликвидировано четырьмя эйнзацгруппами, распределенными по четырем немецким фронтам в России. Каждая эйнзацгруппа состояла из 500—900 человек. Каждой командовал генерал. В их задачу входило двигаться вслед за регулярной немецкой армией, сгонять в одно место население — евреев и христиан — и расстреливать их. Эйнзацгруппы состояли в основном из членов нацистской партии, которые вызывались добровольцами на эту опасную работу.

Процедура уничтожения была следующая. Безоружных евреев, или чехов, или русских, или поляков сгоняли в большую толпу, выводили в уединенное место, заставляли рыть рвы или траншеи, потом приказывали раздеваться, ставили в ряд перед траншеями и расстреливали из пулеметов. Тех, кто не падал вниз, сталкивали лопатами или бульдозерами, потом всех вместе засыпали землей — мертвых и живых, взрослых и детей, стариков и женщин. Эйнзацгруппы имеют на своем счету несколько миллионов расстрелянных христиан и около одного миллиона евреев.

«Мужество» эйнзацгрупп вызывало одобрение нацистских лидеров, но их методы казались им неудовлетворительными. Не потому, что они были бесчеловечны, а потому, что они были громоздки и дороги. Изыскать новые методы было предложено нацистской науке. Освободившись от «еврейской заразы», она показала, на что способна. Нацистские ученые провели эксперименты (на живых людях, разумеется) по впрыскиванию воздуха в вены, прокалыванию артерий, вливанию всевозможных ядов и так далее. Все эти методы, однако, были забракованы, поскольку требовали затраты времени и сил. Там, где отказала изобретательность, помог случай. Какой-то

торжествующий нацист доложил, что он наткнулся на идеальный метод. Ему было поручено ликвидировать 600 русских военнопленных. Он испробовал на них дешевый, простой в изготовлении газообразный цианистый водород, известный под названием «циклон Б». Через несколько минут все 600 военнопленных были уничтожены. Искомый метод быстрого уничтожения нескольких миллионов человек был найден.

Осуществление «окончательного решения» судьбы евреев было доверено человеку по имени Адольф Эйхман — худошавому, похожему на сову, незадачливому торговцу бензином, который за годы нацизма поднялся до звания полковника, обзавелся сварливой женой и очаровательной любовницей, обнаружил качества хвастуна, подхалима и мерзавца. Через 15 лет после конца войны израильские разведчики выкрали его из Аргентины. На суде он скромно отказывался от своих заслуг. Они, однако, заслуживают достойной оценки.

Перед Эйхманом была поставлена огромная задача. Нужно было переоборудовать старые концлагеря и превратить их в лагеря уничтожения. Нужно было построить дополнительные бараки для содержания сотен тысяч евреев. Нужно было обеспечить средства доставки миллионов евреев в эти лагеря со всех концов Европы. Нужно было построить новые железнодорожные ветки, потому что лагеря лежали в стороне от основных магистралей. Нужно было набрать и обучить кадры лагерных надсмотрщиков. Нужно было вести бухгалтерию и учет. Мало-помалу значительная часть немецкого населения была занята планированием, строительством и обслуживанием лагерей уничтожения. Немецкие генералы на русских фронтах жаловались, что зимнее обмундирование для их солдат запаздывает, потому что составы отправляются по иному назначению. Промышленники жаловались, что у них забирают квалифицированных

рабочих, но исполнение «окончательного решения» было важнее всех жалоб.

Не хватало стали для строительства танков и самолетов. Но когда речь заходила о строительстве печей для сжигания еврейских трупов, сталь всегда находилась. Выдержка из делового письма директора завода «Дидьер» в Берлине показывает, что немецкие промышленники знали назначение производимого ими оборудования: «Для помещения тел в печь мы рекомендуем использовать простые металлические подносы, движущиеся на катках: каждая печь будет снабжена топкой размером 24 на 18 дюймов... Для транспортировки трупов из места хранения к печам мы предлагаем использовать легкие тележки на колесах. Чертежи прилагаются...»

Газовые камеры были построены со свойственной немцам старательностью в виде огромных душевых. Прибывшим объявляли, что им придется пройти через душ. Им приказывали раздеваться. Затем их загоняли в «душевые». Детей зачастую швыряли вслед за взрослыми. Стальные двери «душевых» закрывались. Через отверстия «душей» в герметически замкнутые помещения выбрасывались синеватые кристаллы «циклона Б». Цианистый водород медленно испарялся из кристаллов, поднимаясь к потолку. Люди задыхались не сразу. Они умирали в конвульсиях. Их тела превращались в ярко-розовые, покрытые зелеными пятнами скорченные трупы. В потолке и стенах были сделаны наблюдательные глазки. Через них нацистские надсмотрщики могли наблюдать за агонией обнаженных мужчин и женщин — несколько представлений ежедневно.

Всякая новая отрасль производства требует новых профессий. Немецкая индустрия массового уничтожения не была исключением. Служители из «зондеркомандо» научились использовать вилы для растаскивания трупов. Специальные техники наловчились широко открывать рты мертвецов, чтобы выдирать золотые зубы и коронки. Парикмахеры искусно отре-

зали волосы с женских черепов. Шесть дней в неделю новые специалисты работали, не покладая рук. В воскресенье они отдыхали, шли с женами и детьми в церковь, затем обсуждали жестокость русских, которые убивают немецких солдат на восточном фронте, и варварство американцев, которые бомбят мирные немецкие города.

В одном только Освенциме было занято свыше 7000 таких трудолюбивых немцев. Они собрали 17 тонн золота, они настригли тонны волос, из которых были изготовлены парики и матрацы. Они приготовили сотни тонн человеческого пепла, который использовался как удобрение на немецких полях. Они вытопили из еврейских трупов тысячи тонн жира, из которого производилось дешевое мыло. Если верить занимавшейся этим производством данцигской фирме, то рецепт такого мыла очень прост: «12 фунтов человеческого жира, 10 кварт воды и 8 унций каустической соды, варить два-три часа, потом остудить...»

Почему евреи не сопротивлялись? Ответ не так сложен, как пытаются представить некоторые психологи и социологи. Они объясняют еврейский «пацифизм» множеством причин. Тут и еврейский инстинкт смерти, коллективный комплекс вины, и ненависть к самим себе, и мазохистские устремления. Подобные объяснения больше говорят о том, что происходит в душе их авторов, нежели проливают свет на поставленный вопрос.

Евреи, как и все остальное человечество, находились вначале в полном неведении относительно пресловутого «окончательного решения». Нацисты содержали его в строжайшем секрете. Когда ужасная истина стала выходить наружу, евреи, как и все остальное человечество, не в состоянии были в нее поверить. До 1943 г. евреи не верили слухам о лагерях уничтожения. К тому времени было уже поздно пытаться организовать сопротивление. Все еврейские общины были уничтожены. Еврейские связи были разрушены. Еврейское руководство было ист-

реблено. Евреи так же не были способны на сопротивление, как американские солдаты на Батаане, после того как сдались в плен. В тех немногих случаях, когда они сохранили общинную организацию, связи и руководство, они восставали и сражались с немцами.

Самым впечатляющим из таких восстаний было восстание 1943 г. в Варшавском гетто. Варшава служила одним из мест концентрации европейских евреев. Немцы построили вокруг еврейского гетто стену, отделяющую его от города. На территории, рассчитанной на 50 тысяч жителей, размещалось 450 тысяч. Там их держали до отправки в газовые камеры Трехблинки, Бельзена, Майданека, Освенцима.

В январе 1943 г. в гетто оставалось только 40 тысяч евреев. Боеспособных было всего 7 тысяч. Используя любые средства — хитрость, подкуп, кражи, — они сумели скопить небольшой запас оружия: винтовки времен Первой мировой войны, пулеметы, бутылки с зажигательной смесью. Восстание вспыхнуло, когда в гетто вошли 800 штурмовиков, чтобы собрать людей на очередной транспорт в лагерь уничтожения. Их встретил свинцовый дождь. Перепуганные штурмовики бросились искать укрытия. Бой продолжался три дня. На четвертый день нацисты вынуждены были отступить.

Немцы были разъярены, но не настолько, чтобы потерять голову. Задача подавить сопротивление евреев была возложена на генерала Юргена Струпа, который двинулся на гетто во главе специального отряда, имеющего и артиллерию.

Евреи готовились встретить противника. Они превратили подвалы в бункеры, заминировали улицы и проложили сеть коммуникаций по трубам подземной канализации. Они надеялись продержаться хотя бы неделю. Так же оценивал их шансы нацистский министр пропаганды Йозеф Геббельс. В своем дневнике он записал: «Евреи сумели укрепиться в гетто. Идут тяжелые бои, и еврейское командование даже издает собственное коммюнике. Разумеется, вся эта

забава продлится недолго...» И евреи, и Геббельс ошибались. Евреи продержались шесть недель.

После тщательной подготовки генерал Струп начал контрнаступление. Стоял март. Немецкие артиллерийские батареи обрушили на гетто огневой вал. Снаряды сметали дом за домом, квартал за кварталом, загоня евреев в подвалы и подземные каналы. Затем в атаку пошли штурмовики, поддержанные артиллерией и танками. Евреи, вооруженные старыми ружьями, несколькими пулеметами и бутылками с зажигательной смесью, сначала остановили немцев, затем вынудили их отступить. Еврейские юноши ложились с бутылками под танки, а еврейские снайперы в упор расстреливали пытавшихся спастись танкистов.

Немцы возобновили артиллерийский обстрел. Гетто превратилось в пылающий ад. Напрасно евреи взывали о помощи к польской подпольной армии. Поляки надеялись, что немцы решат за них «еврейский вопрос» в Польше. Они не предвидели, какой сюрприз готовит им самим история. Когда в июле 1944 г. польское подполье вело неравную битву с немцами в той же Варшаве, оно обратилось за помощью к русским. Подобно тому, как поляки отказались помочь евреям, русские отказались помочь полякам. Отлично вооруженная 150-тысячная польская подпольная армия была уничтожена. Немцы решили за русских их «польский вопрос».

Мир почти не обратил внимания на восстание в Варшавском гетто. Он был занят сообщениями с двух фронтов мировой войны. Но Адольф Эйхман отметил в своем дневнике, что весть о восстании вызвала у многих немцев страх. Даже Геббельс вынужден был признать: «Это показывает, чего можно ожидать от евреев, когда они располагают оружием».

Немцы распорядились, чтобы отныне евреев не собирали в большие группы. Но их истребление должно было продолжаться до самого конца, ускоренными темпами. Оно продолжалось даже тогда,

когда немецкие армии уже отступали из России и Франции. Лишь когда союзные войска вступили в Германию, начались лихорадочные попытки скрыть следы преступлений. Но наступление союзников было столь стремительным, что миру, не верившему слухам, пришлось поверить собственным глазам.

В лагерях уничтожения погибли три миллиона евреев. Большинство из них были из Восточной Европы, небольшая часть — из Западной. К чести Голландии, Бельгии, Франции и Италии следует отметить, что они отказались сотрудничать с немцами в депортации своих евреев. Норвежские патриоты под самым носом Квислинга переправили своих евреев в Швецию. Датский король демонстративно надел желтую звезду, которую немцы предписали носить евреям, и помог студенческим и бойскаутским организациям вывести евреев на рыбацких лодках в Швецию. Финский фельдмаршал Маннергейм, невзирая на союз с Германией, предупредил немцев, что если хоть один из 1700 финских евреев будет арестован, Финляндия порвет союз и объявит войну Германии. Финны, заявил фельдмаршал, не потерпят убийства своих сограждан.

Иначе обстояло дело в Восточной Европе. Самым постыдным было поведение поляков. Они безропотно выдали немцам 2 миллиона 800 тысяч евреев из 3 миллионов 300 тысяч, проживавших в стране. Польше предстояло узнать, что немцы презирали ее не меньше, чем евреев. Они вырезали, как баранов, около полутора миллионов поляков. В Румынии и Венгрии картина была не менее мрачной. Около половины местных евреев погибло. Лишь вступление советских войск спасло остальных.

Сотни тысяч евреев бежали в СССР из пограничных с ним государств. Эйнзатцгруппы, вошедшие в Россию вслед за войсками вермахта, готовили этим беженцам точно так же как коренным евреям и русским партизанам, такую же участь. Но это не значит, что советское правительство бросило евреев на про-

извол судьбы. Народы Югославии, Греции и Болгарии сочли, что человеческое достоинство выше личной безопасности. На Югославию немцы обрушили особенно жестокие репрессии. Они уничтожили 1380 тысяч югославов — почти десятую часть населения страны. Греки, никогда не знавшие антисемитизма, оказали героическое сопротивление немцам, хотя те угрожали смертной казнью всякому, кто укрывает евреев. Архиреакционный болгарский король Борис II охотно лишил своих евреев болгарского гражданства по первому требованию немцев, но когда болгары узнали, какая судьба ожидает их соотечественников, они провели мощные демонстрации протеста. В защиту евреев выступила церковь. Из Болгарии не ушел больше ни один эшелон смерти. В сентябре 1944 г. немцы были изгнаны из страны.

Весной 1945 г. Вторая мировая война закончилась. Она была самой кровопролитной в истории человечества. За шесть лет войны 17 миллионов человек погибли в боях, 18 миллионов погибли в тылу и в оккупации, еще 12 миллионов были истреблены нацистами. За свои восторженные «Хайль Гитлер!» 1933 года немцы заплатились 3250 тысячами погибших в бою, 3350 тысячами погибших в тылу и 5 миллионами раненых. Из 20 миллионов немецких домов 7 миллионов было полностью уничтожено или тяжело пострадало. Немцы, которые все время жаловались на свою бедность и выпрашивали денежную помощь у Америки и Англии, ухитрились где-то найти и потратить на войну 272 миллиарда марок. Гитлеры обходятся недешево.

История подвела черту под этой постыдной главой. Как определить чувства евреев к этому страшному явлению? По отношению к нацистам: презрение за то, что они унизили человеческое достоинство и низвели человека до уровня животного. По отношению к немцам: сожаление о том, что у них не хватило мужества бороться с разъедавшей их язвой. По отно-

шению ко всему миру: стыд за то, что он не встал на защиту человеческого достоинства, пока его не вынудили сражаться за свою собственную жизнь. Но горькая мораль кроется в этом круговом предательстве евреев: те, кто поощрял нацистов, предали не только евреев, но и собственные народы. Те, кто сотрудничал с нацистами, оказались в конце концов их жертвами.

История европейских евреев будет не более чем бессмысленным каталогом убийств, если рассматривать ее изолированно. Мертвые должны быть похоронены с честью, их достоинство должно быть восстановлено, их гибель должна быть правильно истолкована. В противном случае грядущие поколения забудут о них, как забыли о миллионах людей, уничтоженных Аттилой. Необходимо осознать, что нацизм — это не только антисемитизм, но и антигуманизм. Он предоставлял право жить только немецким арийцам. Это означало, что все остальные народы должны быть уничтожены. Когда русские войска захватили концлагеря в Польше, они обнаружили там такой запас циклона Б, которого было достаточно, чтобы умертвить 20 миллионов человек. А в Европе к тому времени оставалось не более 3 миллионов евреев. Это означало, что отныне отношение уничтоженных христиан к уничтоженным евреям должно было составлять 5:1. Немцы планировали истреблять 10 миллионов неарийцев ежегодно.

Вероятно, мир опять не поверит этому, как однажды он не поверил в существование газовых камер и лагерей смерти. Западное воображение не в силах представить себе подобную бесчеловечность. Западный мир воспитан на иудейском и христианском гуманизме и занят проблемами духа. У немцев все это вытравили нацисты. Какой-нибудь христианин, пожалуй, сочтет, что случившееся в Германии касается только нескольких миллионов евреев. Он не только проявит этим свое пренебрежение к миллионам христиан, истребленных нацистами. Он проявит прене-

брежение к христианским ценностям вообще. То же можно сказать о еврее, который забудет о миллионах христиан, уничтоженных нацистами. Его забывчивость означает не только согласие с утверждением, что 6 миллионов евреев умерли совершенно бессмысленно. Она означает также измену своему еврейскому наследию — принципам сострадания и справедливости. На карту поставлена не только судьба еврейского народа. На карту поставлена судьба всего человечества.

29

ВОЛЯ К ПОБЕДЕ: ОТ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СИОНИЗМА ДО СОЗДАНИЯ ГОСУДАРСТВА ИЗРАИЛЬ

15 мая 1948 г. был недобрым днем для Организации Объединенных Наций. В этот день армии пяти арабских государств — Египта*, Иордании, Сирии, Ирака и Ливана — вторглись в Израиль. Их целью было уничтожить новое государство, всего лишь день назад гордо провозгласившее свою независимость. Было ясно, что ООН ничем не может помочь. Она беспомощно развела руками и приготовилась к неизбежному. Несчастные евреи! В который раз их ожидает трагедия! Увы, такова, видимо, их судьба...

Прошло несколько недель, и в грохоте выстрелов стали отчетливо различимы звуки еврейской победы.

* Строго говоря, Египет не арабская страна, хотя 90% его населения исповедуют мусульманство. Основная масса современных египтян хамитского происхождения; арабские бедуины составляют лишь крупнейшее национальное меньшинство. Только копты — подлинные потомки древних египтян.

Обеспокоенная ООН приоткрыла глаза и увидела, что арабские армии проигрывают войну. ООН всполошилась и энергично принялась за дело — спасти арабов. Для этого у нее нашлись и средства, и желание. Тотчас была созвана Генеральная Ассамблея, и граф Бернадотт был отправлен во главе мирной миссии в Израиль, чтобы, упаси Боже, евреи не отпраздновали свою победу в Каире.

Откуда-то из тайников истории евреи извлекли и щит Давида, и меч Бар-Кохбы. Они снова шли боевыми колоннами под водительством еврейских генералов, отдававших свои приказания на языке пророков. Куда девался кроткий, робкий еврей — стереотип, к которому привыкли на Западе? Что произошло?

Действительно, что произошло? Со времен восстания Бар-Кохбы, с 135 г. н.э., у евреев не было армии. Откуда же взялись те еврейские армии, которые сейчас двигались на Каир? С 6 века евреи были в Палестине меньшинством. Теперь они быстро становились господствующим большинством. Еще в начале века Палестина была бесплодным, каменистым, поросшим кактусами клочком пустыни. Сейчас она превратилась в сельскохозяйственную и индустриальную страну. Плодородные поля и молодые города вклинились в самую глубь пустыни. Откуда взялись эти образованные фермеры, эти промышленные рабочие, эти менеджеры и специалисты, осуществившие такое преобразование? Словно по волшебству, на краю света возникло современное демократическое государство с парламентом и Верховным судом, с независимой юрисдикцией. Как это все могло так мгновенно свершиться? Мир уже видывал революции. Но ничего подобного этой революции он не видел.

Вопреки распространенному мнению революции совершаются не угнетенными массами. И совершаются они не за одно мгновение. Их начинают интеллектуалы — выходцы из буржуазных или аристокра-

тических семей. У революции долгий инкубационный период. Порой проходит почти полвека, прежде чем бунтарские идеи превратятся в пламя бунта.

Всякая успешная революция проходит три этапа развития. Каждый этап возглавляется своим типом руководителей. Мы назовем их интеллектуалами, политиками и бюрократами. Сначала появляются интеллектуалы. Они критикуют существующий порядок вещей, обнажают его недостатки и намечают структуру нового общества. Во Французской революции эту роль сыграли Вольтер, Руссо, Монтескье, Кондорсе. Американскую революцию возбудил квартет английских философов — Локк, Гоббс, Бэкон, Бэрк. Интеллектуальными отцами русской революции были Маркс и Энгельс. Они не были детьми рабочих или крестьян. Все они происходили из аристократических или буржуазных семей.

Идеи интеллектуалов постепенно «заражают» других людей. Так появляются политики. Их функция состоит в том, чтобы донести новые идеи до масс и создать новое государство. Политики, как правило, — горячие головы, которые стараются подогреть атмосферу и препятствуют установлению стабильного порядка. Такими людьми были Робеспьер, Дантон и Марат во Франции, Адамс, Джефферсон, Гамильтон, Медисон и Франклин в Америке, Ленин, Троцкий и Сталин* в России. Ни один из них тоже, кстати, не происходил из рабочих или крестьян.

Успешное завершение революции требует вытеснения политиков. Рано или поздно их сменяют бюрокр

* Сталина можно с равным правом отнести и к бюрократам. Хотя он был одним из тех, кто осуществил русскую революцию, он был также тем, кто начал процесс ее институционализации. Он, однако, так и не создал устойчивого нового порядка, поскольку сам постоянно и радикально взрывал его посредством своих «чисток». Характерно, что происхождение Сталина тоже двойственное. Его мать была крестьянкой, но отец — мелким ремесленником. Сам Сталин учился в духовной семинарии, откуда был исключен за революционную деятельность.

раты. В их задачу входит восстановить порядок и воплотить новые идеи в институты и учреждения нового общества.

События в Израиле имели все характерные признаки революции, сионистской революции, следовавшей классической схеме всякой революции, но с одним существенным добавлением. В ней действовала четвертая группа людей, которых можно назвать мотиваторами. Сионисты отдавали себе отчет, что в Палестине слишком мало людей, чтобы создать еврейское государство. Историческая задача сионистских мотиваторов состояла в том, чтобы привлечь в Палестину достаточное число евреев диаспоры.

Сионистская революция также началась с интеллектуалов. Сионисты-просветители подвергли критике положение евреев в диаспоре и наметили пути создания еврейского государства. Затем за дело взялись мотиваторы, которые повернули поток европейских эмигрантов в сторону Палестины. Их, в свою очередь, сменили политики, которые распространили идеи сионизма среди широких еврейских масс. После того, как они создали Государство Израиль, им на смену пришли бюрократы — в полном согласии с исторической схемой.

Сам термин «сионизм» был новым названием старой идеи. Он означал попросту «возвращение в Сион»*, т.е. в Палестину. Идея возвращения присутствовала в еврействе с первых дней рассеяния. Потеряв Палестину, евреи никогда не переставали надеяться, что когда-нибудь вернуться в нее. В одном отношении, однако, современный сионизм отличался от этой мечты. Прежде большинство евреев связывало надежды на возвращение в Сион с появлением Мессии, который приведет их туда. Сионисты перело-

* «Сионом» первоначально называлась иевуситская крепость в Иерусалиме. После захвата города царем Давидом Сион стал символом самого Иерусалима.

жили эту задачу с плеч Мессии на плечи самих евреев. Они также подвергли пересмотру саму идею Сиона, этой будущей родины евреев.

История Палестины — это причудливая история последовательных завоеваний и разграблений страны, которая упорно отказывалась с достоинством покориться или с благоразумием умереть. После смерти Адриана евреи вернулись в Иерусалим, получили римское гражданство и наслаждались атмосферой всеобщей терпимости, которая характеризовала римскую империю в третьем веке. Символом этой атмосферы гражданского мира могли бы служить статуи Моисея и Христа, мирно соседствовавшие в домашней часовне императора Александра Севера. Эта эпоха кончилась в 325 г. с приходом к власти христиан.

Сорок лет спустя Валент и Валентиниан разделили между собой империю. После шестисот лет пребывания под западным, греко-римским влиянием Палестина, войдя в состав Византии (как стала называться восточная часть разделившейся Римской империи), возвратилась в восточный мир. В последующие два с половиной столетия еврейское население Палестины вследствие вымирания и эмиграции впервые превратилось в меньшинство в стране. Палестина стала ареной непрерывного вооруженного конфликта между Византией и Персией. К тому же ее раздирала вражда соперничающих христианских сект и непрерывно грабили искатели древних сокровищ.

Одной из самых яростных была распря двух христианских сект — Афанасия и Ария — из-за вопроса о природе Иисуса: был ли он «односущен» или «единосущен» Богу, т.е. была ли его природа божественна или только богоподобна. «Бешеная распря из-за различия в нескольких буквах», как определил ее Гиббон, повлекла за собой смерть десятков тысяч христиан и, разумеется, всех евреев, которые попадались под руку религиозным диспутантам.

С укреплением христианства укрепилось и поверие, будто церковь, в которой находятся останки какого-нибудь святого или мученика, становится святой. Поскольку большая часть святых и мучеников некогда проживала в Палестине, страна подверглась чудовищному наплыву всевозможных искателей святых останков и реликвий. Этот многовековой грабеж не имел равных в истории человечества. По всей стране рыскали христиане в поисках руки, пальца, ногтя, хотя бы косточки, которую можно было бы торжественно водрузить на алтарь.

В 614 г. еврейское и христианское население Палестины попало под власть персов. Не успели они привыкнуть к новым хозяевам, как власть снова сменилась. В 638 г. Палестину завоевали мусульмане. Они правили в течение пяти веков. В 1100 г. страной завладели крестоносцы. Почти двести лет крестоносцы удерживали драгоценный для них клочок Святой Земли, пока не были изгнаны мамлюками — так арабы прозвали турецких воинов-рабов в Египте.

Мамлюки восстали против своих египетских правителей, в 1250 г. захватили власть в Египте, нанесли поражение крестоносцам, превратили Палестину в египетскую провинцию, остановили вторжение монголов Чингис-хана и в течение 267 лет не подпускали никого к границам Египта. Мамлюки были прекрасными наездниками, но ничего не смыслили в политической организации общества. За эти 267 лет на троне Египта сменилось 47 мамлюкских султанов. Почти каждый был или невежествен, или безумен. Почти каждый правил не более пяти-шести лет. Почти каждый освобождал трон не по доброй воле или в результате естественной смерти. Тем не менее они построили замечательные университеты и мечети, превратили Каир в одно из чудес мира и без особых усилий сократили население Египта и Палестины на добрую треть. Их владычество пало в 1517 г., когда османские турки завоевали Египет и Палестину и включили их в свою империю.

Первое столетие турецкой власти вернуло мир на Ближний Восток и евреев в Палестину. Марраны, каббалисты и талмудисты устремились на родину, чтобы делать бизнес, строить школы, писать книги. Затем Османская империя, разьедаемая коррупцией и алчностью, стала клониться к закату. Надежды евреев на улучшение воспряли было в 1798 г., когда Наполеон высадился в Александрии со своими 32 тысячами солдат, — в точности то же число, с которым Александр Македонский начинал завоевание Востока. Наполеон захватил Иерусалим и двинулся на север, на Акко, но не смог взять эту крепость и вынужден был отступить. Турки снова вернули себе Палестину. К 1860 г. «земля, где течет молоко и мед», представляла собой безжизненную пустыню, в которой насчитывалось едва лишь 12 тысяч евреев. Именно в этот исторический момент в еврейской диаспоре зародилась мечта о том, чтобы снова превратить Палестину в «землю молока и меда». По призыву сионистов евреи снова активно включились в палестинскую историю.

Призыв сионистов прозвучал в необыкновенно подходящее время. Он направил в Палестину пять потоков иммиграции. Каждый из них вливался в страну в самый нужный момент. Они следовали друг за другом в необходимой последовательности. С первой волной (1880—1900) прибыли земледельцы, которые подняли целину. Со второй волной (1900—1914) прибыли образованные фермеры и сельскохозяйственные рабочие, которые создали образцовое сельское хозяйство. С третьей волной (1918—1924) прибыла энергичная молодежь, предприимчивые люди, бизнесмены, занявшиеся строительством городов, созданием промышленности, организацией армии и развитием системы образования. Четвертая волна (1924—1939) состояла из интеллектуалов, профессионалов, бюрократов, которые заложили основы демократии и государственности. С пятой волной, после Второй мировой войны, при-

были евреи со всех концов света, люди самых различных профессий, которым предстояло заполнить еще остававшиеся «дыры». К 1948 г. сионистские интеллектуалы, мотиваторы и политики завершили свое дело. У евреев была своя армия и планы устройства своего государства. Из мечты о спасении было выковано орудие спасения.

Эта цепная реакция событий началась около 1860 г. В это время мессианская концепция возвращения в Сион стала исподволь превращаться в политическую идею возвращения в Палестину. Это превращение совпало с перерождением прежних антиеврейских настроений в антисемитизм нового времени. Еврейские интеллектуалы заметили это перерождение и предупредили, что отныне евреи не могут рассчитывать, что бегство из одной страны в другую изменит их положение. Еврейский народ может защитить себя только в своей собственной стране.

Путь из диаспоры в Иерусалим был проложен чередой идей, содержащихся в книгах, опубликованных между 1860 и 1900 гг. Первая из них с пророческим названием «Рим и Иерусалим» была написана Мозесом Гессом (1812—1875) в 1862 г. Статный мужчина, человек пылкого темперамента, Гесс женился на проститутке-христианке, чтобы продемонстрировать свое пренебрежение к ортодоксальным еврейским традициям. Вопреки всем мрачным предсказаниям его супружеская жизнь сложилась весьма счастливо. Подобранная им гризетка обожала своего странного еврея со всеми его странными идеями, которые были ей абсолютно непонятны. Гесс находился под сильным влиянием рационалистической философии Спинозы. Уже в 1841 г. он выступил с идеей гуманистических Соединенных Штатов Европы, присоединился к социалистическому движению и какое-то время сотрудничал с Марксом и Энгельсом. Он участвовал в немецкой революции 1848 г., был приговорен к смертной казни, но спасся, бежав в Париж.

Гесс рассматривал социализм как гуманистический идеал. Он не мог принять материалистическое толкование истории или доктрину классово́й борьбы, лежавшие в основе коммунистического учения. Он порвал с левыми, вернулся к иудаизму и стал размышлять о проблемах еврейства. Результатом этих раздумий была его книга. Она предвосхитила многие основные идеи сионизма и оказала значительное влияние на его будущих создателей. Гесс призывал к возвращению евреев в Сион и созданию там духовного центра иудаизма диаспоры.

Эти идеи были развиты и уточнены уроженцем России Перцем Смоленским (1842—1885), Смоленский также принадлежал к тем, кто порвал с ортодоксальным иудаизмом. В одиннадцать лет маленький Перец был свидетелем того, как забрили в армию его не на много старшего брата. В двенадцать лет он уже знал Талмуд назубок. К моменту бармицвы он насытился местечковой жизнью по горло и бежал из дому. Двенадцать лет он странствовал по России. В двадцать пять лет он прибыл в Вену, где занялся литературной деятельностью. Он основал ежемесячный журнал на иврите и опубликовал в нем свою ныне знаменитую работу «Вечный народ». В ней он утверждал, что евреи — это народ интеллектуалов, объединенный общим языком иврит. Он предсказывал, что настанет время, когда еврейские интеллектуальные ценности будут признаны всем человечеством, а Палестина снова превратится в центр мира, где расцветет еврейский гений.

В 1880-е годы среди сионистских интеллектуалов стали появляться первые сионистские мотиваторы. Одним из них был рабби Шмуэль Могилевер (1824—1898), который организовал первую волну переселенцев в Палестину. Могилевер основал активную политическую организацию «Ховевей Цион» («палестинофилы»). Один из пунктов программы этой организации призывал ее членов покупать землю в Палестине. Лозунг Могилевера «В Палести-

ну!» был услышан во всех местечках России и Польши.

Одним из самых способных руководителей «Ховевей Цион» оказался просветитель из Хаскалы Леон Пинскер (1821—1891), бывший русский военный врач. Пинскер был одно время за интеграцию евреев с русским народом. Однако после еврейского погрома в Одессе он изменил свое мнение. Он пришел к выводу, что ассимиляция представляет собой не что иное, как тщетную попытку умилостивить антисемитов. В своей брошюре «Автоэмансипация» он призвал евреев добиваться территориальной независимости и возродить свое национальное самосознание. Невозможно избежать угрозы антисемитизма, говорил Пинскер, перейдя из меньшинства в одной стране в меньшинство в другой. Он напомнил древний боевой клич Хиллела: *«Им зйн ани ли, ми ли?!»* («Если я не за себя, то кто же за меня?!»). Это был призыв подняться с колен, отказаться быть жертвой, начать борьбу за свое освобождение.

Так был проложен путь к появлению Теодора Герцля (1860—1904), основателя нынешнего сионизма.

Герцль рос балованным ребенком в зажиточной полуассимилированной еврейской семье. Он родился в Будапеште и воспитывался в атмосфере немецкой культуры. Он был очень привязан к матери; единственным участником его детских игр была сестра, а обожаемыми героями — Гёте, Бисмарк и Наполеон. Он изучал право в Вене, но стал журналистом. С его поздних портретов на нас смотрит не улыбающееся лицо бородатого пророка. Трудно поверить, что в юности Герцль был преуспевающим драматургом, автором легкомысленных комедий, в которых жены непрерывно заводят шашни с молодыми и привлекательными повесами, а мужья становятся симпатичными рогоносцами. Статьи свои он писал в высокомерном и циничном стиле. Он был любимым автором венского общества. Считалось просто необходимым поу-

тру за чашкой кофе прочесть очередную ядовитую статью Герцля.

Переворот в жизни Герцля произвело «Дело Дрейфуса». Он был направлен во Францию, чтобы писать отчеты об этом шумевшем процессе. Поначалу он был убежден в виновности Дрейфуса. Позже, поверив в его невиновность, он присоединился к «дрейфусарам». Ходячее мнение утверждает, что именно тогда Герцль впервые осознал существование антисемитизма. В действительности же антисемитизм был одной из его постоянных тем. Одно время он даже подумывал о том, чтобы креститься. «Дело Дрейфуса» лишь снова вернуло его к этой проблеме.

Герцль впервые осознал, что антисемитизм — это социальная болезнь. Он понял, что крещение не может спасти еврея. Стоило Герцлю осознать свою принадлежность к еврейству и обратиться к его проблемам, как весь его напыщенный, претенциозный стиль мгновенно исчез. Вопли парижской толпы «Смерть евреям!» продолжали звучать в его ушах, когда он начал свою знаменитую работу «Еврейское государство» — книгу, которую он опубликовал в 1896 г. В этой небольшой книжке он изложил основы сионистской программы и превратил мессианское стремление в Сион в новую политическую силу. Его книга произвела впечатление разорвавшейся бомбы.

Герцль взял на себя задачу организации международного сионистского движения и в 1897 г. созвал в Базеле первый сионистский конгресс. Перед восторженной толпой делегатов Герцль провозгласил цели сионизма: «Создать для еврейского народа отечество в Палестине, признанное общественным законом». Сионизм не сводился к случайному индивидуальному переселению. Он предполагал массовое переселение в Палестину рабочих и земледельцев, предпринимателей и администраторов, ученых и специалистов.

Мир не одарил Базельский конгресс особым вниманием. Газеты увидели в сионизме еще одну поло-

умную еврейскую организацию, созвавшую еще один съезд. Они не придали значения и тому, что делегатам были розданы копии еврейской монеты времен Бар-Кохбы. Но среди евреев сообщение о конгрессе вызвало огромное волнение. Богатые и ассимилированные евреи отвергли Герцля вместе с его сионистскими идеями. Реформистские раввины организованно выступили против него. Ортодоксальное руководство объявило сионизм несовместимым с их верой в возвращение еврейского народа в Сион только под предводительством Мессии. Но бедные слои еврейства устремились под знамена сионизма.

Воздействие идей Герцля на эти слои еврейства можно объяснить трояко. Прежде всего замысел массового добровольного исхода — и не в пустыню, а в собственное государство — привлекал их своей грандиозностью. Во-вторых, им imponировала небрежная величественность этого подхода, нетерпеливое презрение ко всякой осторожности, царственное пренебрежение деталями. Сионизм Герцля представлял собой целостную концепцию, а не программу мелких мероприятий. Он предлагал евреям Европы уже сейчас отождествить себя с этим еще не существующим еврейским государством. Такой шаг немедленно повышал их в собственных глазах. И, наконец, был сам Герцль, его облик подлинного государственного деятеля, его внешность вождя, его повелительный стук, который открывал двери европейских королевских дворов. В глазах евреев Герцль сразу же стал главой их будущего государства. Он стал *Херцл хамелех* — «царь Герцль».

В дальнейшем Герцль допустил одну серьезную ошибку. Для всякого другого деятеля она была бы роковой, но его репутация была столь высока, что ему простили и это. В рядах сионистов возникло разногласие. Одни настаивали на том, что права на свое государство можно получить с помощью настойчивых дипломатических усилий. Другие доказывали, что эти права следует завоевать — не «со шляпой в

руке», а «с винтовкой на плече». На сионистском конгрессе в 1903 г. Герцль предложил отказаться от идеи еврейского государства в Палестине и вместо этого принять план переселения в Уганду, где английское правительство готово было предоставить место евреям. Это предложение вызвало взрыв возмущения. Великий Герцль был обвинен в измене собственным идеям. Поняв свою ошибку и стремясь во что бы то ни стало сохранить единство сионистской организации, Герцль присоединился к своим оппонентам. Год спустя в возрасте сорока четырех лет он умер.

Сионисты избрали оригинальный путь возрождения Палестины. Они стали в больших масштабах скупать землю для еврейских поселенцев. Бесплодная земля, пятнадцать веков пролежавшая в запустении, внезапно стала ценностью. Арабы и турки запрашивали немислимые суммы, но Еврейский Национальный Фонд платил не торгуясь. К 1948 г., к моменту образования государства, еврейские организации выплатили миллионы долларов за 250 тысяч акров пустыни. Они поселили там 83 тысячи евреев, создали 233 поселения, посадили 5 миллионов деревьев.

Первая мировая война едва не убила сионистское движение. Англичане рассчитывали, что турки присоединятся к ним в войне против Германии. Вместо этого Оттоманская империя присоединилась к Германии, усложнив тем самым положение и англичан, и евреев. Для Британии это означало угрозу их Суэцкому каналу. Для палестинских евреев это означало физическую угрозу. Каждому еврею, заподозренному в симпатиях к англичанам, угрожало повешение. Даже случайное знание крох английского языка рассматривалось как доказательство такой симпатии. Двенадцать тысяч евреев было депортировано, поскольку у них не было турецкого подданства. Сионизм был объявлен вне закона.

В ходе Первой мировой войны родилась знамени-

тая Декларация Бальфура. Она была выражением благодарности британского правительства евреям, принявшим активное участие в великой битве. Блестящий английский химик Хаим Вейцман был приглашен в британское министерство обороны. Ему предложили разработать новый способ производства взрывчатого вещества, которое раньше производилось из ацетона. Англия ввозила ацетон из Германии, и теперь ей требовался заменитель. Вейцман разработал такой процесс и безвозмездно передал его английскому правительству. Когда в 1917 г. тот же Вейцман — ревностный сионист, красноречивый оратор и человек большого личного обаяния — обратился к британскому правительству с просьбой взять протекторат над еврейским национальным очагом в Палестине, он получил благоприятный ответ. Через своего министра иностранных дел лорда Бальфура англичане уведомили Вейцмана, что «правительство Его Величества относится благосклонно к восстановлению национального очага для еврейского народа в Палестине». Евреи торжествовали.

По окончании войны Оттоманская империя была аккуратно поделена между Англией и Францией. Это было проделано с помощью ряда хирургических операций, которые скромно назывались «мирными конференциями». Ближний Восток был «нарезан», как сыр к ужину, на отдельные ломти, получившие названия Сирия, Ливан, Трансиордания, Ирак, Саудовская Аравия. Все они были прикреплены к Англии или Франции якорями договоров, зубья которых уходили глубоко в нефтеносную почву этих государств. Эта перекройка Ближнего Востока осложнила ситуацию Палестины. Но значительно больше осложнили ее сами арабы. Дипломатической бомбой было опубликование секретной переписки между королем Хиджаза и бывшим английским верховным комиссаром в Египте сэром Артуром Мак-Магоном. В этих письмах англичане гарантировали арабам определенные ближневосточные территории в обмен

на согласие восстать против турок. Арабы действительно восстали. Этим восстанием руководил английский разведчик знаменитый Лоуренс Аравийский. Теперь арабы требовали от англичан выполнения обещания. Они утверждали, что Палестина составляет часть обещанных им территорий, хотя Мак-Магон в своих письмах нигде не упоминал Палестину. Нет оснований сомневаться в добросовестности обеих сторон. Недоразумение возникло, по всей видимости, из-за недостаточной точности выражений, использованных в письмах. Эти неточности позволяют трактовать заключенные в письмах обязательства любым образом. Нет также смысла спорить, что чему предшествовало — Декларация Бальфура переписке Мак-Магона или наоборот. Оба документа имели равную законную силу. Если бы даже ни один из этих документов не существовал, все дальнейшие события разворачивались бы таким же образом. Сущность конфликта состояла не в этом. Арабы утверждали, что они являются единственными законными хозяевами Палестины на том основании, что она еще в 7 веке была завоевана мусульманами и что арабы составляют в ней большинство. Евреи утверждали, что они завоевали эту землю еще в 12 веке до н.э. и значительно дольше, чем арабы, составляли в ней большинство. Это суть, все остальное — вариации.

Выше мы упоминали цифру 83 тысячи поселенцев. Она относится только к тем евреям, которые поселились непосредственно на земле. Всего же только между 1896 и 1914 гг. в Палестину переселилось 115 тысяч евреев; между 1918 и 1936 гг. — еще 150 тысяч. Этот громадный поток совершенно преобразил страну. Поселения, заложенные в пустынных местах, выросли в большие города. Деревни, фабрики, школы, апельсиновые плантации протянулись пунктирной полосой от Хайфы на севере до Ашкелона на юге. Подобно Америке пионерских времен, Палестина строилась на вере, надежде и... спекуляции. В

погоне за барышом коммерсанты и спекулянты шли по следам еврейских поселенцев, скупая земли, торгуя недвижимостью, предлагая акции, обеспеченные будущим. Нам следует не обвинять, а скорее благодарить их. Их деятельность сделала возможными совершенно фантастические затеи. Эти рыцари легкой наживы твердили о роскошных отелях, громадных административных и жилых зданиях там, где придирчивый глаз унылого честняги не мог обнаружить ничего, кроме песка и кактусов. Тем не менее правы оказались спекулянты. Они внесли в строительство Палестины такой же вклад, как их христианские коллеги столетием раньше в строительство Америки.

Евреи принесли в Палестину западную науку и западную промышленность. Арабам это пошло только на пользу. До начала еврейской колонизации арабские крестьяне — феллахи — соревновались с китайскими кули за самое низкое место в мировой шкале доходов на душу населения. Чтобы заработать скудные гроши, им приходилось работать с утра до ночи на своих эффенди-землевладельцев, которые были хозяевами большей части земли. Из 650 тысяч арабов, населявших Палестину в 1922 г., более 100 тысяч были кочевниками. Остальные, за исключением кучки эффенди, были безземельными крестьянами. Их жизненный уровень был не выше, чем у крепостных времен крестоносцев. Они пользовались верблужьим пометом вместо топлива, спали в одном помещении с домашним скотом, умирали, как правило, не дожив до 35 лет, и вплоть до смерти не имели никаких надежд на лучшее будущее.

С приходом евреев их образ жизни начал резко меняться. Еврейские предприниматели значительно повысили зарплату арабских рабочих, так что эффенди уже не могли заставить феллахов работать за гроши. У арабских крестьян всегда была возможность перейти работать на еврейские фабрики и в учреждения, которые, как грибы, плодились в городах. Немалое значение для феллахов, страдавших от трахомы,

венерических болезней и рахита, имели введенные евреями методы современной санитарии и открытые ими больницы.

К 1930 г. новые тенденции стали угрожать основам феодальной системы на арабском Ближнем Востоке. Арабские феодалы, страшась за свои привилегии, решили во что бы то ни стало уничтожить еврейскую демократическую заразу. Они поступили весьма разумно, решив использовать для этого силы зарождавшегося арабского национализма. Англичане не стали им препятствовать. Они поступали так не потому, что были антисемитами (ибо они антисемитами не были), а потому, что им нужно было сохранить свою империю. Англичане действовали бы точно так же, будь на месте евреев французы или ирландцы.

В 1918 г. евреи допустили фундаментальную ошибку. Они проморгали брошенный им исторический вызов. Они недооценили значение зарождающегося арабского национализма и выступили против него на стороне англичан. Но еще до этого некоторые еврейские лидеры предвидели предстоящую борьбу за власть. Они поняли, что если даже евреи сумеют завоевать Палестину с помощью мотыги, отстаивать свои завоевания им придется с помощью винтовки. Они настаивали на необходимости создания еврейской армии.

Создателем такой армии был колоритный еврейский лидер русского происхождения Владимир Жаботинский (1880—1940). В форме офицера британской армии, с хлыстом в руках и в пенсне, он напоминал киплинговского сагиба. Он начал свой путь римским корреспондентом одесской газеты. В начале Первой мировой войны он организовал еврейский отряд погонщиков мулов и предоставил его в распоряжение генерала Алленби, командующего британскими силами на турецком фронте. В 1915 г. он создал Еврейский легион, который сражался вместе с англичанами против турок. Остатки этого испытан-

ного в боях легиона значительно увеличили ударную силу Хаганы — еврейской самообороны в Палестине. В 1920 г. Хагана впервые отбила атаку арабов на еврейских поселенцев. За эту победу Жаботинский был приговорен британским судом к 15 годам тюрьмы. Его выпустили через год. Он ушел от дел, сменил винтовку на перо, стал переводить Бялика на русский, Данте и Эдгара По на иврит. Ему еще раз пришлось взять в руки винтовку в 1934 г.

С приходом Гитлера к власти в Палестину стали прибывать евреи нового типа, словно бы нарочно выбранные, чтобы удовлетворить назревшие потребности экономического развития страны. К 1936 г. здесь уже было около 60 тысяч немецких евреев, среди которых находились столь необходимые Палестине ученые, инженеры, агрономы, администраторы, химики, исследователи. Но что еще важнее, учебные заведения страны пополнились выдающимися специалистами, а знатоки финансов, права и администрации обеспечили создание развитой системы самоуправления, хотя формально страна еще находилась под британским мандатом.

Верховный муфтий и арабский эффенди не были глупцами. Они прекрасно понимали, что происходит. Если избавляться от евреев, то это нужно было делать немедленно. Арабские руководители заключили секретный союз с нацистами. В обмен за военную и финансовую помощь они обещали поддержать Гитлера в случае его открытого конфликта с Британией. Англичане по-прежнему бездействовали, рассчитывая, что евреи и арабы взаимно ослабят друг друга и британский лев останется единственной реальной силой в Палестине. Но этому не суждено было случиться.

Давно назревавший удар обрушился в 1936 г. Вооруженные нацистами отряды муфтия повели бешеный огонь по городам и деревням, по автобусам и машинам, по взрослым и детям. Палестина превратилась в вооруженный лагерь. Сионистское руко-

водство придерживалось тактики, по которой Хагана должна была только обороняться и не предпринимать контратак. Жаботинский яростно возражал против этой тактики. Он призывал евреев нанести ответный удар по арабам и англичанам. Он организовал подпольные вооруженные силы, получившие название *Иргун цваи леуми* («Национальная военная организация, или, в сокращении на иврите, Эцел»). Задача Эцела состояла в том, чтобы остановить арабов, перенести войну на их территорию, вынудить англичан покинуть Палестину и решительно провозгласить палестинскую независимость. По мере усиления арабского террора ряды Эцела росли. Арабы были непреклонны в своем требовании прекратить иммиграцию евреев в Палестину. Они добивались, чтобы евреи остались в Палестине меньшинством и чтобы власть в стране была доверена арабам. Евреи были столь же непреклонны в своем требовании продолжать еврейскую иммиграцию. Все большее число европейских евреев бежало, спасаясь от Гитлера. Страны одна за другой закрывали перед ними двери. Палестина оставалась их единственной надеждой.

Напуганные растущими беспорядками, англичане назначили комиссию из шести человек во главе с лордом Пилем. Комиссия должна была разобраться в происходящем и дать свои рекомендации. Никто не предполагал, какими они окажутся. Комиссия разобралась и пришла к выводу, что британский мандат потерял свою эффективность. Она рекомендовала разделить Палестину на два государства — еврейское и арабское. Евреи приняли эти рекомендации скрепя сердце. Арабы отвергли их ружейным огнем. Пытаясь избежать раздела Палестины, англичане стали торопливо искать компромисс. Он был найден в виде «Белой книги» 1939 г., которая была нехотя принята арабами и отвергнута евреями. «Белая книга» рекомендовала ограничить еврейскую иммиграцию 15 тысячами человек в год в течение ближайших пяти лет, а затем вовсе прекратить ее.

Опубликование «Белой книги» привело к первому открытому столкновению евреев с англичанами. Еврейская молодежь устремилась в ряды Эцела, который заявил, что англичане, ограничивая еврейскую иммиграцию в Палестину, солидаризуются с арабами и потому становятся такими же врагами евреев, как арабы. Еврейские юноши дерзко прищемили хвост британскому льву. Лев взревел от боли и бросился ловить обидчиков. Эцел был неуловим, англичане неутомимы. Обе стороны оказались втянутыми в конфликт, которого ни одна из них не желала.

Когда Великобритания вступила в войну, 130 тысяч евреев заявили о своем желании вступить в английский африканский корпус. Осторожные англичане не решились вооружить такое количество евреев. Однако под давлением необходимости они все же приняли 30 тысяч человек. Евреев рассортировали по разным подразделениям. Англичане сдержанно восхищались их мужеством. Вояки Роммеля увидели, что по отношению к вооруженным евреям они вовсе не сверхчеловеки.

Как и предполагали англичане, евреи вступили в армию не только ради того, чтобы сражаться с Гитлером. Они хотели накопить военный опыт для неизбежной будущей схватки в Палестине. Едва война закончилась, враждующие стороны тотчас заняли исходные позиции. Когда в 1945 г. занавес опять поднялся над палестинской сценой, англичане снова держали в руках свою «Белую книгу», арабы, как и раньше, требовали запретить еврейскую иммиграцию, а евреи по-прежнему настаивали на отмене всяких иммиграционных ограничений.

В 1946 г. англичане отказались впустить в Палестину 100 тысяч немецких евреев вопреки предложению американского президента Трумэна. Это послужило сигналом к началу террора. Возмущенные британской политикой, лидеры Эцела решили провести показательную демонстрацию. Они взорвали отель «Царь Давид» в Иерусалиме, где располагались сек-

ретариат и главные департаменты мандатного правительства. При взрыве было убито 80 английских чиновников и штатских и ранено 70. В отместку англичане объявили о бойкоте всей еврейской торговли. Это, однако, не только не поколебало еврейское единство, но, напротив, лишь укрепило всеобщее возмущение британским управлением.

Англичане повторили ту же ошибку, которую они допустили некогда в своих американских колониях. Вместо того, чтобы пересмотреть свою политику и прислушаться к голосам умеренных в парламенте, они прибегли к тактике огромных штрафов, возлагавшихся на каждого, подозреваемого в помощи нелегальной еврейской иммиграции. Несмотря на это, евреи ухитрились за 5 лет тайком провести в Палестину еще 113 тысяч иммигрантов. Когда англичане выразили свой протест Еврейскому агентству, оно ответило, что англичане сами нарушают права человека, отказывая в законном убежище бездомным европейским евреям.

Англичане ответили разоружением евреев, массовыми арестами, повешением захваченных еврейских бойцов. Но евреи снова раздобывали оружие, массовые аресты усиливали массовое сопротивление, а на повешения лидеры Эцела ответили «законом возмездия»: они объявили, что будут вешать за каждого бойца одного английского солдата, за каждого офицера Эцела одного офицера британской армии. Страна превратилась в пороховую бочку. В 1947 г. англичане, у которых было много хлопот в других частях империи, объявили, что с них хватит. Они отказались от своего мандата на Палестину и вернули его ООН.

ООН назначила свою комиссию для расследования палестинской проблемы. Ее выводы совпали с выводами комиссии лорда Пиля. В сентябре 1947 г. ООН проголосовала за раздел Палестины. Евреи приняли это решение. Арабы отвергли его. Бурные годы британского правления в Палестине кончились.

14 мая 1948 г. по еврейскому радио было передано выступление Бен-Гуриона, провозгласившего создание независимого Государства Израиль. В этот вечер сотни тысяч израильтян праздновали обретение родины. На следующее утро им пришлось выступить на ее защиту.

Война за Независимость (1948—1949) содержала все элементы драмы, интриги и счастливой случайности, которые требуются канонам исторического романа. Столкновение национальных судеб началось в тот самый момент, когда англичане свернули свои палатки, спустили свой флаг и стали покидать страну. Пять арабских армий двинулись со всех сторон на Израиль. В первом же коммюнике арабы объявили, что через неделю война кончится и евреи будут сброшены в море.

Казалось, что они правы. Израиль насчитывал в этот момент 758 тысяч жителей. Боеспособных было всего 19 тысяч — на все пять фронтов. Многие из защитников страны никогда не держали в руках оружия, ничего, кроме Торы. Теперь им пришлось взять в руки автоматы. Евреи уступали арабам в количестве оружия. В первом же столкновении еврейские ряды дрогнули, затем отступили. 20 мая арабы заняли Старый город в Иерусалиме.

В 1918 г. англичане и евреи недооценили арабский национализм. Теперь арабы, в свою очередь, недооценили силу еврейского национализма. Воля к победе снова подняла евреев. В ходе боев обозначился перелом. Евреи осознали историческое значение этой войны. Они сражались на земле, где их предки боролись с ассирийцами, вавилонянами, египтянами, сасанидами, селевкидами, трижды восставали против римлян. Отчаяние неравной обороны сменилось уверенностью в победе. Арабы натолкнулись на стену психологического сопротивления. Они не могли понять, что произошло. Евреи остановили арабский натиск на всех пяти фронтах. Война, которую арабы думали выиграть за неделю, истощила их на второй

месяц. Одиннадцатого июня они с благодарностью согласились на условия перемирия, предложенные посланником ООН графом Бернадоттом.

Обе стороны использовали перемирие для укрепления своих рядов. Ни одна не намеревалась, конечно, прекратить войну. Под предлогом нейтральности западные страны наложили эмбарго на закупки оружия. Израильтяне предвидели опасность и заранее запаслись оружием в Чехословакии. По воздушному мосту, получившему название «Черного», поскольку полеты производились по ночам, израильские летчики переправили в страну ружья, пулеметы, 75-миллиметровые орудия и другое снаряжение, необходимое для следующего раунда схватки. Евреи, служившие во время войны в английской и американской авиации, вели в Израиль купленные где только можно самолеты, заправляя их на тайных базах, оборудованных в Англии, Франции, Югославии, на Корсике их бывшими товарищами по оружию. Евреи с нетерпением ожидали, когда арабы нарушат перемирие.

Арабы были еще более нетерпеливы. С помощью английской артиллерии и танков они значительно улучшили свое положение. Новая мобилизация увеличила количество их бойцов с 24 до 60 тысяч человек, против которых евреи могли выставить только 20 тысяч. Не было сомнений, что на этот раз победа будет на стороне арабов.

Когда месяц перемирия истек, арабы двинулись в стремительное наступление, которое в мгновение ока привело их в пределы досягаемости израильского оружия. Арабы в замешательстве отступили: израильская контратака заставила их бежать. Война перешла на арабскую территорию. Второй ее раунд длился всего десять дней. Арабы снова запросили перемирия, и услужливый Бернадотт оказался тут как тут — с белым флагом и условиями прекращения огня на неограниченный срок.

Эти условия были нарушены столь же открыто,

как и предыдущие. Евреи жаждали еще одной схватки для того, чтобы улучшить свои позиции. Арабы, уверенные, что произошла какая-то ошибка, жаждали еще одной схватки, чтобы покончить с евреями.

На египетском фронте арабы владели пустыней Негев. Отсюда они начали свое наступление на Иерусалим. Евреи только того и ждали. Их контратака была столь мощной, что они, не останавливаясь, перешли египетскую границу и подошли к главной египетской военной базе Эль-Ариш. Захват Эль-Ариша открывал израильтянам путь на Каир. Англичане дали понять, что если израильтяне не отступят, Британия ввяжется в войну. Израиль отступил. Египет запросил перемирия. Другие арабские страны одна за другой последовали его примеру. Война была окончена. Израиль был возрожден — на этот раз не ценой денег, а ценой крови его сыновей. Небо оказалось на стороне правых, а не на стороне сильных.

Еще гремели орудия, а еврейские государственные деятели уже намечали основы будущего израильского общества. В основу были положены древние принципы еврейской демократии. В 1949 г. были проведены первые всеобщие выборы. Был создан парламент — Кнесет. Хаим Вейцман был избран первым президентом страны. Давид Бен-Гурион стал ее первым премьер-министром.

Седовласый и загорелый, сентиментальный и хитрый, неуступчивый и добрый, он соединял в себе черты всех четырех типов руководителей революции и с одинаковой убежденностью выступал последовательно во всех четырех ролях, полагавшихся сионистскому революционному циклу. Он родился в 1886 г. в польском городке Плонске, рано взбунтовался против прозябания в местечке, ушел из него в Хаскалу и западное Просвещение, быстро и жадно воспринял сионистские идеи, вступил в движение и сам себя «мотивировал» переехать в Палестину в 1906 г. Здесь он стал земледельцем и в 1910 г. осно-

вал собственную партию и собственную газету. В 1912 г. он перешел в ряды «политиков», поступил на юридический факультет Константинопольского университета, но по возвращении в Палестину был изгнан турками как потенциальный возмутитель спокойствия. Во время Первой мировой войны он помог Жаботинскому набирать солдат в его Легион и вступил в него сам. После войны он стал одним из ведущих политиков Палестины. Его энергия и целеустремленность сыграли немалую роль в передаче Британии палестинского мандата в 1922 г. и в исходе голосования в ООН в 1947 г.

Как только Израиль провозгласил себя независимым государством, Бен-Гурион понял, что очередная фаза сионистской революции подошла к концу. Он перешел на роль государственного бюрократа. Пришло время, когда бюрократам предстояло упрочить завоеванный успех, установить новые порядки и ввести революционный пыл в русло нормальной жизни. Новая демократия «свободы и благоденствия» требовала подведения под нее прочной базы.

В Израиле не должно было быть граждан «второго сорта». Ни один еврей не должен был нуждаться в доказательстве своего права жить здесь. Все, что ему для этого требовалось, — это ступить на израильскую почву и объявить себя израильским гражданином. Право участвовать в выборах, право на образование и право на любой труд по способности были гарантированы всем жителям страны, независимо от религии, пола или социального положения. Впервые в истории право голоса получили также арабские женщины.

В соответствии с призывом Ахад-ха'Ама, Бялика и Черниховского — израильские лидеры видели в будущем Израиле не только «землю, где течет молоко и мед», но и страну высокой образованности и культуры. Школы открывались во всех уголках страны. Образование было объявлено обязательным. Вместе с деревнями, поселками и городами начали созда-

ваться музеи и консерватории, театры и оперные студии, художественные галереи и училища. Уже в 1960 г. в Израиле было больше газет, журналов, художественных галерей, музеев, школ и симфонических оркестров на душу населения, чем в любой другой стране мира.

Две цифры делают эти достижения еще более примечательными. В 1922 г. площадь Палестины имела 45 тыс. кв. миль, на этой территории с трудом существовали 750 тыс. человек. В 1948 г. вследствие следующих один за другим разделов (раньше британскими властями, а потом ООН) территория Израиля — всего лишь 8 тыс. кв. миль. Тем не менее в 1960 г. он обеспечивает существование 2 миллионов человек (из них 200 тысяч арабов). И хотя лишь незначительная часть этих двух миллионов была уроженцами страны, сила еврейской идеи единства народа оказалась столь велика, что евреи из Йемена и Германии, Марокко и России, Турции и Польши слились здесь в единый, новый израильский этнос. После двух тысячелетий рассеяния евреи снова воссоединились в один народ, в одну нацию.

Сионистская революция завершилась. Еврейское государство создано. Означает ли это исполнение еврейского предназначения или лишь очередной этап в безостановочном марше еврейской истории?

VIII
ЭПИЛОГ:
КУЛЬТУРНАЯ МОЗАИКА

Итог четырехтысячелетней одиссеи еврейского народа и попытка исторического объяснения причин удивительной живучести еврейства, которое и сегодня столь же современно и интеллектуально активно, как было четыре тысячи лет назад.

Воссозданием Государства Израиль мы заключаем наш рассказ о четырехтысячелетней одиссее еврейского народа. Сорок веков, с двадцатого века до нашей эры по двадцатый век нашей эры, этот народ боролся, сражался, умирал, возрождался, отступал и наступал. Он рассеялся по всем континентам, пережил шесть цивилизаций и выжил вопреки всему. После странствий в Ханаане, рабства в Египте, поражения в Иудее, пленения в Вавилоне; после контакта с греками, подъема при Маккавеях, угнетения при римлянах; пройдя купцами и банкирами через историю феодальной Европы, «народом Книги» через историю мусульманства, «сынами гетто» через историю средневековья, новой элитой общества и трагической жертвой гитлеровских лагерей через историю нового времени, этот народ снова вернулся на свою древнюю родину — как ее хозяин. В этой книге мы старались показать его историю не как череду династий, войн и преследований, а как последовательность идей, порожденных евреями в ответ на задачи, которые ставила перед ними жизнь.

Каков же итог этой величественной саги? Является ли выживание еврейства чистой случайностью, а их история — бессмысленным набором событий, «пустой болтовней», как говаривал Генри Форд? Была ли их судьба предопределена какими-то детерминистическими силами? Объясняет ли ее марксизм? Быть может, судьба еврейства была предопре-

делена материальными условиями его существования? Означает ли это, что способ обработки земли и формы обмена товаров вызвали появление к жизни концепции монотеизма? Что социальная система времен пророков вдохновила их пророческие произведения? Но может быть, правы историки психоаналитической школы? И тогда еврейская история выражает то, что скрыто в еврейском подсознании? Объясняет ли это возникновение Торы и Талмуда, каримства и Каббалы, хасидизма и сионизма? Не предложат ли нам ответ историки философской школы? Можно ли объяснить еврейскую историю шпенглеровскими «циклами эволюции»? Но почему тогда евреи не исчезли по завершении своего «цикла»? Способна ли теория «вызова и ответа», предложенная Тойнби, объяснить нам этот феномен? Тогда, может быть, он прав и еврейство — всего лишь окаменелость, сохранившаяся со времен сирийской цивилизации? А что, если вся еврейская история совершалась при поддержке некой Божественной силы, согласно некоему, пока еще скрытому плану? Может быть, искомый ответ даст нам теология?

Задача историка — не только регистрировать дела человеческие, но и пытаться дать им объяснение. Тем, кто не может принять концепцию Божественной воли, мы предложим иное объяснение, не требующее ссылки на сверхъестественные силы. И все же не следует забывать, что сквозь всю пеструю мозаику событий и идей еврейской истории непрерывно тянется одна общая, сквозная нить — иллюзия, мечта или вера Авраама в Божественную избранность евреев.

Нас учили делить историю на древнюю, средневековую и новую. Поэтому мы часто затрудняемся воспринимать ее в каком-либо ином делении — например, как возникновение и исчезновение цивилизаций, вызываемые не столько военными победами и неудачами, сколько круговоротом идей. За всю свою историю человечество сумело создать не более двадцати-тридцати цивилизаций. Большинство из них

уже исчезло, часть еще борется за существование, некоторые только формируются, и ни одна не находится сейчас на вершине творчества. Как возникали эти цивилизации? Что ими двигало? Историки могут только строить догадки. Самыми плодотворными из таких догадок кажутся мне две — «фаталистическая» теория Шпенглера и теория «свободной воли» Тойнби. По Шпенглеру, человек не способен изменить свою судьбу. По Тойнби, человек может на нее повлиять. В этих теориях скрыто объяснение еврейского парадокса, хотя их создатели не удостоили его более чем примечанием. Не может ли еврейская история быть вложена в рамки и объяснена на основе двух противоречащих друг другу теорий? Попробуем рассмотреть подробнее эти теории.

Шпенглер полагает, что раз народ оплодотворен определенной цивилизацией, вся его дальнейшая судьба становится столь же предопределенной, как течение и результат беременности. Можно заранее предсказать период вынашивания плода, его рождение и детство, юность и зрелость, наконец, старость и смерть. Каждый из этих периодов имеет свое соответствие в шпенглеровской схеме эволюции. В весенней фазе цивилизации рождается новая религия и мировоззрение, в летней — философские и математические концепции, в осенней — просвещение и рационализм, в зимней начинает преобладать материализм, культ науки и наступает деграляция абстрактного мышления, ведущая к вырождению и смерти.

Тойнби убежден, что природа непрерывно ставит перед человеком все новые задачи. Если народ не находит на них соответствующего ответа, он остается вне истории — как, например, эскимосы или готтентоты. Если народ какое-то время находит ответы, а затем начинает ошибаться, его цивилизации суждено превратиться в окаменелую или разлагающуюся. Сфинкс истории не подсказывает ответов. Если цивилизация сама находит правильные решения его загадок, она может существовать бесконечно.

Евреи успешно отвечали на загадки сфинкса в течение четырех тысяч лет. Тем не менее и Шпенглер, и Тойнби считают иудаизм «заторможенной цивилизацией» и исключают его из списка существующих. Почему? По той простой причине, что он не укладывается ни в одно из их определений. Но именно в этой «заторможенности развития» и таится секрет выживания еврейства. Этот парадокс может быть прояснен, если определить иудаизм не как «цивилизацию», а как «культуру». Различие между этими концепциями четко характеризует Амори де Ринкур в введении к своей книге «Грядущие цезари»: «Культура доминирует в молодых, пробуждающихся к жизни обществах. Она представляет собой новый взгляд на мир. Она предполагает творческое создание новых ценностей, новых религиозных символов и художественных стилей, новых интеллектуальных и духовных структур, новых наук, новых законов, новых моральных кодексов. Она предпочитает индивидуальное общественному, оригинальное творчество — сохранению и копированию, прототипы — массовой продукции, эстетический подход к жизни — этическому. Культура есть, в сущности, сплошное новаторство.

Цивилизация, напротив, представляет собой гигантскую кристаллизацию самых глубоких и значительных идей и стилей культуры. Она покоится на многослойном напластовании форм, созданных ее материнской культурой. Она принципиально лишена творческого начала, культурно стерильна, но весьма эффективна в массовой организации и массовом производстве. Она практична и этична. Она распространяется по большим пространствам земного шара, тяготея в конечном счете к превращению во всемирную державу...

Цивилизация направлена на постепенную стандартизацию все возрастающих масс людей в рамках жесткой механической системы — масс простых людей, одинаково думающих, одинаково чувствующих,

жаждущих конформизма, готовых преклониться перед гигантскими бюрократическими структурами, масс, в которых социальный инстинкт доминирует над творческой индивидуальностью».

Иными словами, культура в этом понимании соответствует шпенглеровским весне, лету и осени, а цивилизация — зиме.

Историческое существование евреев началось в точном соответствии со шпенглеровской схемой. Их весна была ознаменована возникновением новой религии и новых методов абстрактного мышления, заложивших основу формировавшейся иудаистской культуры. В понимании Тойнби это были ответы на вызов, поставленный перед евреями кочевым существованием, завоеванием Ханаана, созданием государства. Евреи сумели также встретить вызов вавилонского пленения. Они вернулись в Палестину, где развилась осенняя фаза их возникающей цивилизации. Но они так и не перешли в зимнюю фазу. Они не совершили переход от «культуры» к «цивилизации». Они остались заторможенными на вершине своей культуры, между осенней и зимней фазами. Что их затормозило? Как метко подметил Шпенглер, «войны Веспасиана, направленные против Иудеи, означали освобождение евреев». Эти войны освободили евреев от ожидавшей их судьбы, рассеяв их в диаспоре. Евреи были изгнаны на свободу. Они унесли в диаспору высоко развитую культуру в ее экспортной упаковке, подготовленной пророками, святыми и законодателями. В диаспоре они столкнулись со многими цивилизациями. Если они оказывались в таком месте, где цивилизация умирала, как мусульманская, они умирали вместе с ней. Но на смену одной цивилизации всегда появлялась другая, и евреи диаспоры возрождались вместе с ней. Так же, как они могли открыть лавочку в любом месте, они могли распаковать свою культуру в любой цивилизации. Твердая убежденность в своей избранности давала им волю к выживанию. Тора лелеяла эту волю,

а их ученые создавали орудия для реализации этой воли. Но главным условием их освобождения от времени, от истории, от цивилизационной смерти была сама диаспора. Евреи случайно открыли секрет вечной культурной молодости. Благодаря диаспоре они стали вечными спутниками истории.

Таким образом, наличие диаспоры явилось необходимым условием продления еврейской культуры за пределы срока жизни обычной цивилизации. Если бы не изгнание, они представляли бы сегодня не бóльшую культурную силу, чем остатки караимов. Сегодня, как и некогда, снова существуют Государство Израиль и диаспора. Но, как и в прошлом, Израиль сегодня — это цитадель иудаизма, его гавань спасения, центр еврейского национализма. В нем живут всего лишь два миллиона* евреев из двенадцати. Диаспора продолжает оставаться универсальной душой еврейства.

Сохранится ли еврейство в будущем? Если оно сохранит свою волю к выживанию, будет продолжать находить новые средства выстоять в изменившихся условиях и сохранит диаспору как постоянный фактор своей истории, то оно может сохранить и свою творческую активность. Но одна лишь воля к самосохранению и способность отвечать на вызов недостаточны для выживания. Для этого необходима диаспора, которая должна быть составной частью истории евреев.

Нам остается рассмотреть еще один вопрос. Были ли евреи избраны Богом для исполнения некоей миссии или же они сами избрали себя, чтобы исполнить Божественное предназначение? Не есть ли прообраз этой загадочной миссии пророчество Исаяи о грядущем братстве людей? Не является ли миссией евреев установление такого братства и не должны ли они затем, выполнив предназначение, исчезнуть из истории? Не была ли философия Спинозы этапом подго-

* В момент написания книги (Прим. изд.).

товки пантеистической религии грядущего универсального человека?

На это мы не можем ответить. Нам остается лишь гадать.

Еврейскую историю можно рассматривать в кабалистических терминах. Тогда перед нами развернется грандиозная трехактная драма, в которой каждый акт длится две тысячи лет. В первом акте *цим-цум*, или тезис, — процессия евреев, ведомая Божественным режиссером, выходит на сцену в том порядке, какой предписал Режиссер. Если бы не твердая вера Авраама в свою роль прародителя избранного Богом народа, он был бы трагической фигурой в этой процессии. Его вера в Режиссера делает его одним из величайших героев нашей драмы. По мере развития действия Режиссер продолжает поручать актерам все новые и новые роли. Моисею указывается вывести евреев из египетского рабства и дать им Закон. Иехошуа должен привести их в Землю обетованную. Пророкам поручается расширить понимание Бога до идеи универсального Божества. Эзра и Нехемия должны заботиться о том, чтобы евреи не захлебнулись в собственной универсальности. Сквозь все события проходит развертывание еврейского предназначения, связывающего евреев в единый народ. Это внутреннее единство оказывается поколебленным с возникновением христианства. Христиане утверждают, что их Иисус — это Мессия. Перед самым концом первого акта мы слышим, как христианская церковь провозглашает, что роль евреев как избранного народа уже кончилась.

Занавес снова поднимается. Начинается второй акт — *швират ха-келим*, или «разбивание сосудов». Иерусалим разрушен, и евреи изгнаны и рассеяны. За две тысячи лет пребывания избранным народом они не научились ничему иному и не хотят отказываться от своей прежней роли. По сцене движется новая процессия актеров — раввины, философы, ученые. Они разрабатывают все новые орудия для вы-

живания еврейства. Талмудизм, философия Маймонида, комментарии Раши, поэзия Галеви, мистика каббалы, гуманизм Хаскалы и, наконец, национализм сионизма, который вновь объединяет отдельные группы еврейства в Израиле. «Сосуды», ваявшиеся разбитыми в течение двух тысяч лет, снова склеены. Подходит к концу двадцатый век. Занавес опускается. Конец второго действия.

Кончился ли спектакль или это только перерыв между вторым и третьим действиями? Покажут ли нам *тиккун* (восстановление), как положено в каббалистическом цикле? Проживут ли евреи еще две тысячи лет, чтобы исполнить некую еще скрытую от нас миссию?

В ходе столетий союз Яхве, Торы и пророков породил два рода законов. Один из них предназначен сохранить евреев как евреев. Другой предназначен спасти человечество.

В течение первых двух тысяч лет евреи опирались в основном на ту треть Торы и Талмуда, которая говорила о священнослужении и жертвоприношениях. Она позволяла сохранить еврейство в мире языческих цивилизаций. Следующие две тысячи лет евреи использовали ту треть Торы и Талмуда, где говорилось об обрядности и кашруте. Это позволило им сохранить свое этническое единство наряду с распространением универсального, еврейского гуманизма. Сегодня неиспользованными остались те части Торы и Талмуда, которые имеют лишь универсальное содержание, — та треть, которая говорит о морали, этике и справедливости. Не просматривается ли здесь некая закономерность? Быть может, теперь евреи призваны проповедывать миру, уже подготовленному воспринять пророчество, свою благую весть? Не в этом ли состоит роль, приготовленная им в третьем действии?

Тот, кто рассматривает историю только в материалистическом плане и видит еврейство как крошечный народ на крохотном клочке земли, сочтет это, конеч-

но, невозможным. Это перестает быть невозможным, если отбросить предвзятость и увидеть в мире не «вещь», а «идею». Тогда можно понять, что две трети цивилизованного мира уже сегодня руководствуются идеями, впервые возникшими в иудаизме и еврействе, — идеями Моисея, Иисуса, Павла, Спинозы, Маркса, Фрейда, Эйнштейна. Быть может, в ближайшие две тысячи лет мир как целое воспримет мораль Торы, социальную справедливость пророков, этику еврейских патриархов? Если это произойдет, тогда, по словам Исаяи, наступит «мир, мир дальнему и ближнему».

КНИГИ ИЗД-ВА "БИБЛИОТЕКА-АЛИЯ"

1. Леон Юрис. ЭКСОДУС. Книга 1
2. Леон Юрис. ЭКСОДУС. Книга 2
3. Д-р А.И.Кауфман. ЛАГЕРНЫЙ ВРАЧ
4. Сарра Нешамит. ДЕТИ С УЛИЦЫ МАПУ
Афье (Лева) Элиав. НАПЕРЕГОНКИ СО
ВРЕМЕНЕМ
6. Д-р Е.Хисин. ДНЕВНИК БИЛУЙЦА
7. Макс Брод. РЕУВЕНИ, КНЯЗЬ ИУДЕЙСКИЙ
8. 6 000 000 ОБВИНЯЮТ (Процесс Эйхмана)
9. А.И.Гешель. ЗЕМЛЯ ГОСПОДНЯ
10. НА ОДНОЙ ВОЛНЕ. Еврейские мотивы в русской
поэзии
11. Натан Альтерман. СЕРЕБРЯНОЕ БЛЮДО
12. Шаул Черниховский. СТИХИ И ИДИЛЛИИ
13. Теодор Герцль. ИЗБРАННОЕ
14. Ахад-ха-Ам. ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ
15. Ахарон Мегед. ХЕДВА И Я
16. Яков Цур. И ВОССТАЛ НАРОД
17. Р. и У.Черчилль. ШЕСТИДНЕВНАЯ ВОЙНА
18. ПРИДЕТ ВЕСНА МОЯ. Стихи советского еврея
19. Говард Фаст. МОИ ПРОСЛАВЛЕННЫЕ
БРАТЬЯ
20. И.Домальский. РУССКИЕ ЕВРЕИ ВЧЕРА И
СЕГОДНЯ
21. Игал Аллон. ОТЧИЙ ДОМ
22. Юлия Шмуkler. УХОДИМ ИЗ РОССИИ
23. Хана Сенеш. ДНЕВНИК
24. ЕВРЕИ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ (1917 — 1967)

25. Ш.Й.Агнон. ИДО И ЭЙНАМ. Рассказы, повести, главы из романов
26. Элизер Смоли. ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ
27. Тувия Божиковский. СРЕДИ ПАДАЮЩИХ СТЕН
28. ОЧЕРК ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА. Книга 1
29. ОЧЕРК ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА. Книга 2
30. А.Итай и М.Нейштат. ЧЕРЕЗ ТРИ ПОДПОЛЬЯ
31. Эли Люксембург. ТРЕТИЙ ХРАМ
32. С.Г.Фруг. СТИХИ И ПРОЗА
33. Р.Губер. КНИГА БРАТЬЕВ
34. ЭРЕЦ-ИСРАЭЛЬ. Географический очерк
35. Дж. и Д.Кимхи. ПО ОБЕ СТОРОНЫ ХОЛМА
36. И.Башевис-Зингер. РАБ
37. Р.Бонди. ЭНЦО СЕРЕНИ
38. Иегуда Галеви. СЕРДЦЕ МОЕ НА ВОСТОКЕ
39. Шломо Цемах. ГОД ПЕРВЫЙ
40. Шаул Авигур. С ПОКОЛЕНИЕМ ХАГАНЫ
41. Ханох Бартов. ВОЗМУЖАНИЕ
42. Ружка Корчак. ПЛАМЕНЬ ПОД ПЕПЛОМ
43. Бернард Маламуд. ПОМОЩНИК
44. ДРУЗЬЯ РАССКАЗЫВАЮТ О ДЖИММИ
45. МОЙ ПУТЬ В ИЗРАИЛЬ. Сборник очерков
46. Моше Натан. БИТВА ЗА ИЕРУСАЛИМ
47. Ицхак Маор. СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ
48. Ицхак Шенхар. СЫНЫ ЗДЕШНИХ МЕСТ
49. Генри Рот. НАВЕРНО, ЭТО СОН
50. СОЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ И СОЦИАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА
51. Моше Шамир. ОН ШЕЛ ПО ПОЛЯМ
52. Ахарон Мегед. ЗА СЧЕТ ПОКОЙНОГО
53. Давид Маркиш. ПРИСКАЗКА
54. МАКОВЫЙ ХОЛМ. Рассказы о жизни в киббуцах
55. Джон Орбах. РИКША

56. Иосеф Гедалия Клаузнер. КОГДА НАЦИЯ БОРЕТСЯ ЗА СВОЮ СВОБОДУ
57. Исаак Бабель. "ДЕТСТВО" И ДРУГИЕ РАССКАЗЫ
58. Проф. И.Слуцкий. ИСТОРИЯ ХАГАНЫ. Книга 1
59. Проф. И.Слуцкий. ИСТОРИЯ ХАГАНЫ. Книга 2
60. Андре Шварц-Барт. ПОСЛЕДНИЙ ИЗ ПРАВЕДНИКОВ
61. Эммануэль Литвинов. ПУТЕШЕСТВИЕ ПО МАЛОЙ ПЛАНЕТЕ
62. Владимир (Зеев) Жаботинский. ИЗБРАННОЕ
63. Мартин Бубер. ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
64. Макс И.Даймонт. ЕВРЕИ, БОГ И ИСТОРИЯ
65. Сол Беллоу. ПЛАНЕТА м-ра СЭММЛЕРА
66. ЕВРЕЙСКАЯ ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ. Сборник:
И.Кауфман. Библейская эпоха
Л.Финкелстайн. Еврейская вера и претворение ее в жизнь
Ш.Эттингер. Корни современного антисемитизма
67. А.Суцкевер. ЗЕЛЕНЫЙ АКВАРИУМ
68. АНТИСЕМИТИЗМ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ. Сборник
69. СКОПУС. Антология поэзии и прозы писателей-репатриантов из СССР
70. Ури Дан. ОПЕРАЦИЯ ЭНТЕББЕ
71. Моше Шамир. СВОИМИ РУКАМИ
72. Л.Коллинз и Д.Лапьер. О, ИЕРУСАЛИМ!
73. М.Новомейский. ОТ БАЙКАЛА ДО МЕРТВОГО МОРЯ
74. М.Гесс. РИМ И ИЕРУСАЛИМ
75. Ф.Кандель. ВРАТА ИСХОДА НАШЕГО
76. Ф.Баазова. ПРОКАЖЕННЫЕ
77. А.Шлионский. ГОРЫ ГИЛЬБОА
78. Иехуда Бурла. ПОХОЖДЕНИЯ АКАВЬИ
79. Х.Н.Бялик и И.Х.Равницкий. АГАДА

80. ИСКУССТВО В ЕВРЕЙСКОЙ ТРАДИЦИИ
81. ДВЕ КОНЦЕПЦИИ ЕВРЕЙСКОГО
НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ:
Б.Динур. Исторические основы возрождения
Израиля
С.Дубнов. Письма о старом и новом еврействе
82. ЕВРЕЙСКАЯ СРЕДНЕВЕКОВАЯ ПОЭЗИЯ
В ИСПАНИИ
83. Х.Бартов. ВЫДУМЩИК
84. Гилель Бутман. ЛЕНИНГРАД — ИЕРУСАЛИМ
С ДОЛГОЙ ПЕРЕСАДКОЙ
85. Жак Держи. ТАЙНА СУДНА
"ЭКСОДУС-1947"
86. Цивья Любеткин. В ДНИ ГИБЕЛИ И
ВОССТАНИЯ
87. М.Стейнберг. ОСНОВЫ ИУДАИЗМА
88. А.Кестлер. ВОРЫ В НОЧИ
89. Я СЕБЯ ДО КОНЦА РАССКАЗАЛА. Сборник
стихов
90. Ада Серени. КОРАБЛИ БЕЗ ФЛАГОВ
91. Иехуда Атлас. ХОТЬ НА ВИСЕЛИЦУ
92. М.Стейнберг. КАК СОРВАННЫЙ ЛИСТ
93. Н.Полетика. ВИДЕННОЕ И ПЕРЕЖИТОЕ
94. Эли Визель. ЛЕГЕНДЫ НАШЕГО ВРЕМЕНИ
95. Альбер Мемми. ОСВОБОЖДЕНИЕ ЕВРЕЯ
96. Шломо Авинери. ОСНОВНЫЕ
НАПРАВЛЕНИЯ ЕВРЕЙСКОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
97. МЫ НАЧИНАЛИ ЕЩЕ В РОССИИ.
Воспоминания
98. Хаим Градэ. АГУНА (БЕЗМУЖНЯЯ ЖЕНА)
99. Луи Финкелстайн. РАББИ АКИВА
100. Хаим Вейцман. В ПОИСКАХ ПУТИ. Книга 1
101. Хаим Вейцман. В ПОИСКАХ ПУТИ. Книга 2
102. Муня М.Мардор. СЕКРЕТНАЯ МИССИЯ
103. Феликс Розинер. СЕРЕБРЯНАЯ ЦЕПОЧКА
104. Владимир Лазарис. МОЯ ПЕРВАЯ ВОЙНА

105. Михаэль Бар-Зохар. БЕН-ГУРИОН. Биография. Книга 1
106. Михаэль Бар-Зохар. БЕН-ГУРИОН. Биография. Книга 2
107. ИВРИТ — ЯЗЫК ВОЗРОЖДЕННЫЙ
108. Ахарон Аппельфельд. ПОРА ЧУДЕС
109. Гилель Бутман. ВРЕМЯ МОЛЧАТЬ И ВРЕМЯ ГОВОРИТЬ
110. Голда Меир. МОЯ ЖИЗНЬ. Книга 1
111. Голда Меир. МОЯ ЖИЗНЬ. Книга 2
112. Василий Гроссман. НА ЕВРЕЙСКИЕ ТЕМЫ. Книга 1
112. Василий Гроссман. НА ЕВРЕЙСКИЕ ТЕМЫ. Книга 2
113. В ОТКАЗЕ. Сборник произведений и писем
114. Гершом Шолем. ОСНОВНЫЕ ТЕЧЕНИЯ В ЕВРЕЙСКОЙ МИСТИКЕ. Книга 1
115. Гершом Шолем. ОСНОВНЫЕ ТЕЧЕНИЯ В ЕВРЕЙСКОЙ МИСТИКЕ. Книга 2
116. Эфраим Урбах. МУДРЕЦЫ ТАЛМУДА
117. В ПОИСКАХ ЛИЧНОСТИ. Сборник рассказов современных израильских писателей
118. Владимир (Зеев) Жаботинский. ПОВЕСТЬ МОИХ ДНЕЙ. Воспоминания
119. Оскар Минц. ПРИЗМЫ
120. Игал Аллон. ЩИТ ДАВИДА
121. Моше Даян. ЖИТЬ С БИБЛИЕЙ
122. Иерухам Кохен. ВСЕГДА В СТРОЮ. Записки израильского офицера
123. Исраэль Таяр. СИНАГОГА — РАЗГРОМЛЕННАЯ, НО НЕПОКОРЕННАЯ
124. Виталий Рубин. ДНЕВНИКИ. ПИСЬМА. Книга 1
125. Виталий Рубин. ДНЕВНИКИ. ПИСЬМА. Книга 2
126. Анита Шапира. БЕРЛ. Книга 1
127. Анита Шапира. БЕРЛ. Книга 2

128. Хаим Гвати. КИББУЦ: ТАК МЫ ЖИВЕМ
129. Виктория Левитина. РУССКИЙ ТЕАТР И
ЕВРЕИ. Книга 1
130. Виктория Левитина. РУССКИЙ ТЕАТР И
ЕВРЕИ. Книга 2
131. Януш Корчак. ИЗБРАННОЕ
132. Ашер Бараш. ИСТОРИЧЕСКИЕ НОВЕЛЛЫ
133. Ицхак Орен (Надель). МОЯ КАМЕНОЛОМНЯ
134. Андре Неер. КЛЮЧИ К ИУДАИЗМУ
135. Ицхак Зив-Ав. ГОВОРЯТ, ЕСТЬ СТРАНА...
136. Эрбер Ле Поррье. ВРАЧ ИЗ КОРДОВЫ
137. ГОСУДАРСТВО ИЗРАИЛЬ. Становление и
развитие. Книга 1
138. ГОСУДАРСТВО ИЗРАИЛЬ. Становление и
развитие. Книга 2
139. ИЗРАИЛЬ. Географический справочник
140. Шломо Гилель. С ВЕТРОМ ВОСТОКА
141. М.Бейзер. ЕВРЕИ В ПЕТЕРБУРГЕ
142. Абба Ковнер. КНИГА СВИДЕТЕЛЬСТВ
143. Авигдор Шинан. МИР АГГАДИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
144. Давид Роскес. ВОПРЕКИ АПОКАЛИПСИСУ
145. Томас Манн. О НЕМЦАХ И ЕВРЕЯХ
146. Рамбам (Маймонид). ИЗБРАННОЕ. Книга 1
147. Рамбам (Маймонид). ИЗБРАННОЕ. Книга 2
148. И.Ахарони, Б.Ротенберг. ПО СЛЕДАМ ЦАРЕЙ
И БУНТАРЕЙ
149. И.Гутман, Х.Шацкер. КАТАСТРОФА И ЕЕ
ЗНАЧЕНИЕ
150. Амос Эттингер. СЛЕПОЙ ПРЫЖОК
151. Феликс Кандель. СЛОВО ЗА СЛОВО
152. Ицик Мангер. ЖИЗНЬ В РАЮ
153. Леон Юрис. МИЛАЯ, 18. Книга 1
154. Леон Юрис. МИЛАЯ, 18. Книга 2
155. Коннор О'Брайен. ОСАДА. Книга 1
156. Коннор О'Брайен. ОСАДА. Книга 2
157. Давид Шахар. ЛЕТО НА УЛИЦЕ ПРОРОКОВ

158. Владимир (Зеев) Жаботинский. САМСОН НАЗОРЕЙ
159. И.Башевис-Зингер. СБОРНИК РАССКАЗОВ
160. Владимир (Зеев) Жаботинский. ПЯТЕРО
161. Малькольм Хэй. КРОВЬ БРАТА ТВОЕГО
162. А.Эйнштейн. О СИОНИЗМЕ
163. И.Константиновский. СУДНЫЙ ДЕНЬ
164. СКОПУС-2. Сборник произведений израильских литераторов, пишущих по-русски
165. Р.Зернова. ИЗРАИЛЬ И ОКРЕСТНОСТИ. Сборник рассказов
166. П.Пели. ТОРА СЕГОДНЯ
167. Р.Маркус, Г.Кохен, А.Галкин. ТРИ ВЕЛИКИЕ ЭПОХИ ЕВРЕЙСКОЙ ИСТОРИИ
168. Яков Кац. ЕВРЕИ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЕ
169. Э.Луз. ПЕРЕСЕКАЮЩИЕСЯ ПАРАЛЛЕЛИ
170. Яков Кац. КРИЗИС ЕВРЕЙСКОЙ ТРАДИЦИИ
171. И.Левит. ЗДРАВСТВУЙТЕ, ЛЮДИ!
172. Х.Герцог. ГЕРОИ ИЗРАИЛЯ
173. Говард М.Сакер. ИСТОРИЯ ИЗРАИЛЯ. Книга 1
174. Говард М.Сакер. ИСТОРИЯ ИЗРАИЛЯ. Книга 2
175. Д.Дорон. КИШИНЕВСКОЕ ГЕТТО — ПОСЛЕДНИЙ ПОГРОМ
176. Д.Фришман. В ПУСТЫНЕ
177. А.Херцберг. СИОНИЗМ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ. Книга 1
178. А.Херцберг. СИОНИЗМ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ. Книга 2
179. Гедалия Алон. ИСТОРИЯ ЕВРЕЕВ ПАЛЕСТИНЫ В ТАЛМУДИЧЕСКУЮ ЭПОХУ. Книга 1
180. Гедалия Алон. ИСТОРИЯ ЕВРЕЕВ ПАЛЕСТИНЫ В ТАЛМУДИЧЕСКУЮ ЭПОХУ. Книга 2
181. И.Бер. ГАЛУТ

182. Бат-Йеор. ЗИММИ. ЕВРЕИ И ХРИСТИАНЕ ПОД ВЛАСТЬЮ ИСЛАМА. Книга 1
183. Бат-Йеор. ЗИММИ. ЕВРЕИ И ХРИСТИАНЕ ПОД ВЛАСТЬЮ ИСЛАМА. Книга 2
184. ИЕРУСАЛИМ И ОКРЕСТНОСТИ. Справочник
185. БАБИЙ ЯР. К пятидесятилетию трагедии. Сборник материалов
186. Хаим Гури. ОГНЕННЫЕ ЦВЕТЫ. Сборник стихов и прозы
187. А.Мазар. ЗЕМЛЯ БИБЛИИ И АРХЕОЛОГИЯ. Археологические находки и их исследования
188. А.-Б.Иехошуа. ГОСПОДИН МАНИ. Книга 1
189. А.-Б.Иехошуа. ГОСПОДИН МАНИ. Книга 2
190. Натан Шахам. КВАРТЕТ РОЗЕНДОРФА

МОЛОДЕЖНАЯ СЕРИЯ

1. Рут Сэмюэлс. ПО ТРОПАМ ЕВРЕЙСКОЙ ИСТОРИИ
2. Дорит Оргад. МАЛЬЧИК ИЗ СЕВИЛЬИ
3. Ури Орлев. ОСТРОВ НА ПТИЧЬЕЙ УЛИЦЕ
4. Амос Оз. СУМХИ
5. Шмуэль Хуперт. ЛЬВЫ В ИЕРУСАЛИМЕ
6. Й.Сегал. ТАК ПОСТУПАЛИ НАШИ МУДРЕЦЫ
7. Яэль Розман. МОЙ РОМАН С БЕН-ГУРИОНОМ И ПНИНОЙ
8. Двора Омер. ПЕРВЕНЕЦ ДОМА БЕН-ИЕХУДЫ
9. Сами Михаэль. ПАЛЬМЫ В БУРЮ
10. Шмуэль Авидор-Хакохен. И СОТВОРИЛ БОГ...
11. Двора Омер. ЛЮБИТЬ ДО КОНЦА
12. Юрий Суль. ПАРТИЗАНЫ ДЯДИ МИШИ
13. Ицхак Ной. РОН И ДЖУДИ
14. И.Башевис-Зингер. ГАСНУЩИЕ ОГНИ. Сборник рассказов и сказок для детей

15. Эстер Файн. ХАДАС
16. Н.Гутман и Э.Бен-Эзер. МЕЖ ПЕСКАМИ И НЕБЕСНОЙ СИНЬЮ
17. СЧАСТЬЕ, ЧТО Я — ЭТО Я! Антология израильской детской литературы. Книга 1
18. ОСВЕЩЕННОЕ ОКНО. Антология израильской детской литературы. Книга 2
19. Оded Бецер. ЧУДЕСНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНА БАР-КОХБЫ
20. Давид Шахар. ТАЙНА РИКИ
21. Ги́ла Альмагор. ЛЕТО ИЗ ЖИЗНИ АВИА
22. ПУТЕШЕСТВИЯ БИНЬЯМИНА ИЗ ТУДЕЛЫ. Обработка Миры Меир
23. Наоми Вишницер. ГОЛУБАЯ БУСИНКА УДАЧИ, ИЛИ "ЗАБЕРИТЕ МЕНЯ ДОМОЙ!"
24. Мирьям Акавия. ГАЛИЯ И МИКЛОШ: РАЗРЫВ ОТНОШЕНИЙ.
25. Яэль Розман. ВСЕ ИЗ-ЗА НИХ, ИЛИ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЗРУБАВЕЛЫ
26. Я.Черновиц, М.Лобэ. ДРУЗЬЯ ОТПРАВЛЯЮТСЯ В ПУТЬ
27. Леа Гольдберг. НИССИМ И НИФЛАОТ
28. Сами Михаэль. МЕЧТЫ ЖЕСТЯНЫХ ЛАЧУГ

УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ

1. Абба Эвен. МОЙ НАРОД. Книга 1. История еврейского народа с древнейших времен до XVIII века. Учебник для среднего школьного возраста. К учебнику прилагается Сборник задач и упражнений
2. Абба Эвен. МОЙ НАРОД. Книга 2. История еврейского народа от XVIII века до наших дней. Учебник для среднего школьного возраста. К учебнику прилагается Сборник задач и упражнений

3. **Мартин Гилберт. АТЛАС ПО ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА**
4. **ИСТОРИЯ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА.** От эпохи патриархов до восстания Бар-Кохбы. Учебник для среднего школьного возраста. К учебнику прилагается Тетрадь для самостоятельных работ
5. **ИСТОРИЯ ЕВРЕЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ. 1870—1914.** Учебник для среднего и старшего школьного возраста. К учебнику прилагается Методическое пособие
6. **ГЕОГРАФИЯ ИЗРАИЛЯ.** Прибрежная равнина и север страны. Учебник для среднего школьного возраста. К учебнику прилагается Тетрадь для самостоятельных работ
7. **БИБЛЕЙСКИЕ ИСТОРИИ.** Сборник обработанных для юного читателя библейских сюжетов. К сборнику прилагается методическое руководство для родителей и учителей
8. **ИСТОРИЯ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА.** От Талмудической эпохи до зарождения сионизма. Учебник для среднего и старшего школьного возраста

Наши книги можно заказать по адресу:

P.O.B. 4140, Jerusalem 91041, Israel

העמותה לקליטת עליה בחיפה

רח'י. ל. פרץ 20 חיפה 33041

ספריה

1075

..... מס'

